

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ
International Center of Regional Development

Е.С. Котырло

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОГО СЕВЕРА**

МОСКВА - 2009

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Рецензенты:

Генеральный директор Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П.Федоренко, доктор экономических наук *Р.М. Качалов*;

зав. отделом социально-экономических проблем Севера Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, доктор экономических наук, профессор *В.В. Фаузер*.

Котырло Е.С.

Человеческий капитал и экономическое развитие Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 361 с.

В книге дано обоснование выбора ключевых элементов сохранения и развития человеческого капитала на Севере, методов управления миграцией рабочей силы и инвестициями в человеческий капитал; распределения обязанностей и полномочий в вопросах накопления и эффективного использования человеческого капитала между органами федеральной, региональной и муниципальной власти, бизнесом и гражданами. Книга рекомендована исследователям и специалистам по управлению социально-экономическим развитием регионов.

Автор благодарит Генерального директора МЦПР И.И. Меламеда за помощь в издании монографии. Большую признательность автор выражает экспертам и руководству Международного научного фонда экономических исследований имени академика Н.П.Федоренко за финансовую поддержку исследования взаимосвязи между экономическим ростом и человеческим капиталом на Севере. Автор благодарит Правительство Канады за финансовую поддержку исследований в области экономики Севера Канады и России в рамках программы Faculty Enrichment Program, а также коллег по программе Arctic University BCS Revision за обсуждения, которые помогли расставить многие акценты в управлении человеческим капиталом северных регионов. Благодарю сообщество экспертов Консорциума экономических исследований и образования (EERC) за неоценимую помощь в выборе инструментов количественного анализа исследуемых взаимосвязей. Автор признателен проф. В.А. Витязевой за возможность глубже ознакомиться с проблемами Российского Севера в процессе совместной работы над учебным изданием, посвященном социально-экономическому развитию Севера.

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Особая благодарность дочерям Юлии и Валерии, которые терпением и заботой ежедневно поддерживали автора в течение многолетнего процесса подготовки монографии.

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

*Посвящается моей матери
Гавриленко Маргарите Моисеевне –
талантливому экономисту и
прирожденному педагогу.*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1. Теоретико-методологические подходы к анализу человеческого капитала и его роли в развитии северной экономики ..	12
1.1 Подходы к изучению накопления и использования человеческого капитала Советского (Российского) Севера	12
1.2. Экономические категории «человеческий капитал» и «накопление человеческого капитала»	26
1.3. Инвестиции в человеческий капитал и отдача от инвестиций .	35
Резюме.....	50
Глава 2. Человеческий капитал в моделях экономического роста. Применение моделей в политике северных государств	56
2.1. Оценка отдачи от человеческого капитала в моделях экономического роста.....	56
2.2. Управление человеческим капиталом в северных странах	68
2.3. Новые подходы к формированию политики человеческого развития на Российском Севере	77
Резюме.....	86
Глава 3. Динамика и структурные изменения человеческого капитала в северных регионах в 1990-2005 гг.	90
3.1. Человеческое измерение экономических преобразований. Выбор показателей.....	91
3.2. Анализ накопления человеческого капитала через демографические показатели	105
3.3. Анализ использования человеческого капитала и инвестиций в образование	126
3.4. Оценка роли экономического развития северных регионов в накоплении человеческого капитала	138
Резюме.....	157
Глава 4. Эконометрический анализ взаимосвязи человеческого капитала с экономическим развитием. Сравнение оценок параметров для групп северных и «несеверных» регионов	163
4.1. Описание данных и аналитической модели для эконометрической оценки взаимовлияния экономического развития и человеческого капитала. Учет северной специфики	163
4.2. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост и развитие малого бизнеса в модели Барро - Сала-и-Мартина	173

4.3. Оценка влияния экономического роста на накопление человеческого капитала.....	185
Резюме.....	204
Глава 5. Северный социальный контракт - институциональная основа управления инвестициями в человеческий капитал	209
5.1. Концепция северного социального контракта	212
5.2. Эволюция северного социального контракта (1945-2004)	226
Резюме.....	253
Глава 6. Совершенствование механизма управления инвестициями в человеческий капитал в регионах Российского Севера в условиях смены модели патернализма моделью социального партнерства	259
6.1. Роль федеральной власти в формировании условий накопления и эффективного использования человеческого капитала.....	259
6.2. Задачи региональной власти в формировании условий накопления человеческого капитала	282
6.3. Роль общественных объединений и корпоративной социальной политики в накоплении человеческого капитала в северных регионах	295
6.4. Роль корпоративной социальной политики в накоплении человеческого капитала в северных регионах.....	298
Резюме.....	306
Заключение.....	311
Библиография.....	318
Приложение.....	337

Введение

Особенности процессов накопления и использования человеческого капитала на Севере связаны с суровыми климатическими условиями жизнедеятельности, географической изолированностью поселений, а, следовательно, необходимостью более высоких инвестиций и в создание рабочих мест, и в жизнеобеспечение северян. Затрудненность территориальных трудовых перемещений, жесткая зависимость локальных рынков труда от одного предприятия, нередко находящегося в состоянии банкротства или на его грани, климатические ограничения на ведение сельского хозяйства, территориальные - на развитие малого бизнеса, - все это препятствует развитию саморегулируемой экономики, усиливает зависимость от государственной поддержки. Нормативный подход к размещению производительных сил в СССР, доминирование экономических задач над сопровождавшими их решение социальными ограничениями в немалой степени определили современные проблемы накопления человеческого капитала в регионах Российского Севера. Переход к рыночным отношениям, перераспределение прав собственности привели к резкому усилению региональных диспропорций, как в экономическом развитии, так и условиях жизни, масштабах и структуре социальной политики. В богатейших нефтегазовых северных регионах растет образовательный уровень занятых, уровень доходов на душу населения, продолжительность жизни, рождаемость, в то же время, в отсталых регионах нарастают процессы деградации человеческого капитала.

Северная социальная политика как институциональное обеспечение накопления человеческого капитала, в основном, сформирована в советский период. Неблагоприятные условия проживания и занятости на Севере компенсируются надбавками к зарплате, досрочной пенсией, жилищными льготами и т.д. Рыночные отношения, трансформация собственности существенно усложнили институциональную структуру. Многие методы северной политики, которые были эффективны в условиях плановой экономики, перестали работать. Это привело как к значительному социальному расслоению общества, так и к усилению территориального неравенства не только по доходам, но и по доступности услуг социальной сферы, ассоциируемых с инвестициями в человеческий капитал. Процесс перехода от плановой модели экономики к рыночной актуализировал

не только проблему инвестиций в образование и здравоохранение, адекватных потребности общества, но и проблемы использования накопленного человеческого капитала, выбора приоритетов управления в условиях ограничения государственных расходов определенной долей бюджета.

В рыночных условиях государство не может и не должно полностью компенсировать издержки в накоплении человеческого капитала в северных регионах. Новая региональная политика должна строиться на партнерских отношениях с частными компаниями, заинтересованными в ведении бизнеса на Севере, в софинансировании социальных расходов на различных уровнях государственного и муниципального управления, в формировании ответственного отношения северян и привлекаемой рабочей силы к своему здоровью, образовательному и профессионально-квалификационному уровню. Уровень доходов населения, занятость, качество пенсионного обеспечения, масштабы помощи группам северян с низкими доходами, - все это определяется взаимодействием субъектов северной социальной политики: федерального центра, региональных органов, муниципальной власти, предприятий, общественных объединений северян.

Хотя интерес к развитию Севера постоянно растет в контексте его геополитической роли и запасов природных ископаемых, в первую очередь, углеводородного сырья, северные территории России как единый объект государственного регулирования, продолжают рассматриваться только в социальных законах: Законе о государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (1993); ряде федеральных актов социальной направленности, в первую очередь, Трудовом Кодексе РФ (2001), Законе о государственном пенсионном обеспечении (2001) и др. Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера (2000) - единственный документ, где излагается экономическая северная федеральная политика. Она представляет собой сочетание государственной поддержки с поощрением экономической координации и саморазвития северных территорий, и дифференцирована по трем типам регионов в зависимости от их социально-экономического развития и ресурсного потенциала.

Богатый опыт управления человеческим капиталом в северных территориях накоплен за рубежом. В политике развития Европейского Севера, Севера Канады и США по-разному расставлены приоритеты между социальными и экономическими задачами. В европейских странах (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания в отношении Гренландии) на первом месте стоят задачи выравнивания доходов населения, поддержания существующего характера расселения. На Американском Севере - в Канаде, Аляске (США), ярко выражена экономическая составляющая - создание условий для развития бизнеса, обеспечивающего занятость или эффективное использование человеческого капитала. Несмотря на различия в целях северной политики достигнуты внушительные результаты, как в экономическом развитии, так и накоплении человеческого капитала.

Какой же должна быть северная региональная политика, чтобы снизить территориальное расслоение общества по уровню доходов, инвестиций в образование, здоровье, рождение детей? Какими должны быть методы стимулирования экономического развития Севера? Какими должны быть приоритеты в социальной северной политике? Как выбрать ключевые задачи социально-экономического развития северных регионов с учетом того, что экономические решения имеют социальные последствия, а меры социальной политики имеют свою экономическую цену?

Различные научные школы предлагают разные варианты региональной северной политики. Приверженцы неоклассической теории считают, что государственное вмешательство в экономическое развитие регионов нецелесообразно. Вместе с тем, они не отрицают необходимости выделения проблемным местностям финансовой помощи на решение социальных проблем. Сторонники теории кумулятивного роста предлагают, наоборот, проводить активную региональную политику с целью выравнивания экономического развития регионов, причем под выравниванием понимается не достижение равенства, а снижение различий. Из этого следует, что государство должно стимулировать экономическое развитие в наиболее отсталых в этом отношении регионах. Адаптационный подход к формированию региональной политики, занимающий промежуточное положение предлагает смягчение воздействия стихийных рыночных сил и незначительную коррекцию развития территорий, стимулируя естественные процессы экономического развития, определяемых интересами частных компаний. Набирает

популярность идея формирования ойкумен или кластеризация в северном развитии, предполагающая поощрение концентрации физического, человеческого капитала и инноваций в точках роста.

При всей принципиальности различий эти подходов управление миграцией рабочей силы и инвестициями в человеческий капитал признаются важнейшими элементами современной северной политики. Их объединяет также признание необходимости поддерживать некоторый минимальный уровень жизни населения с помощью бюджетного финансирования социальной сферы. Человеческий капитал, его образовательный и квалификационный уровень, рассматривается как основа экономического развития.

Специфика использования и накопления человеческого капитала в регионах российского Севера формируется под действием трех основных составляющих. Это:

1) специфика социально-экономического развития северных регионов, одинаковая для российского Севера и северных территорий других стран, что позволяет анализировать накопленный за рубежом опыт и адаптировать его к российским условиям;

2) специфика социально-экономического развития российских регионов, состоящая в несовершенстве законодательной базы и институтов, обеспечивающих эффективный переход от социально-экономических отношений плановой экономики к отношениям в условиях рынка; в низкой степени участия в процессах выработки эффективной социальной политики таких экономических субъектов как работники и работодатели, что неразрывно связано с проблемой из предыдущего пункта; в размещении производительных сил в советский период, в немалой степени определившем причины территориальных диспропорций;

3) специфические проблемы Российского Севера, состоящие в несовершенстве институционального обеспечения распределения обязанностей и полномочий в вопросах накопления и эффективного использования человеческого капитала между органами федеральной, региональной и муниципальной власти, бизнесом и гражданами; несоответствии накопленного капитала, в том числе и человеческого, тем способам хозяйствования, которые рентабельны в условиях Севера и обеспечивают самостоятельное развитие регионов в рыночных условиях.

Исследование направлено на обоснование выбора ключевых элементов сохранения и развития человеческого капитала на Севере с

учетом влияния перечисленных групп факторов. По мнению автора, при всем разнообразии социально-экономического развития северных регионов, эффективному управлению человеческим капиталом в наибольшей степени отвечают следующие задачи:

- обеспечение минимального уровня в предоставлении социальных услуг населению и доходах населения, препятствующих деградации человеческого капитала;
- государственная поддержка конкурентоспособности базовых региональных производств, обеспечивающая его использование;
- развитие производственной инфраструктуры региональной экономики, в первую очередь транспортной, снижающей трансакционные издержки бизнеса;
- развитие социальной инфраструктуры, необходимой для координации территориальных рынков труда и образовательных услуг, повышения трудовой мобильности северян;
- создание условий для включения бизнес-структур, местных сообществ, общественных объединений в инвестирование в человеческий капитал.

Эти задачи обеспечивают экономическое развитие северных регионов как за счет привлечения внешних инвестиций в территориальные хозяйственные комплексы, так и за счет внутрирегионального перераспределения доходов. Они позволяют создать условия для накопления и эффективного использования человеческого капитала, как в государственном, так и в частном секторе.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к анализу человеческого капитала и его роли в развитии северной экономики

1.1 Подходы к изучению накопления и использования человеческого капитала Советского (Российского) Севера

Северные территории России представляют огромное геополитическое, ресурсное и экологическое значение для экономики страны и мирового народного хозяйства. Вместе с тем, его огромные пространства, не обеспеченные достаточной транспортной инфраструктурой и системой связи, неблагоприятные для проживания и ведения хозяйственной деятельности климатические условия требуют разработки особой (северной) государственной политики его развития. Это объясняет, почему Север был и остается важным объектом научных исследований.

Заселение Советского Севера не всегда было добровольным и в историю его развития навсегда вписаны страницы сталинских репрессий. Тем не менее, советский период его развития - это период успешного и масштабного перехода от аграрной экономики к индустриальной, роста населения Севера⁴, его урбанизации, формирования развитой сети образовательных и научных учреждений, а также социальной инфраструктуры, обеспечивших существенный качественный и количественный прирост человеческого капитала. В рамках планирования экономического развития территориально-промышленных комплексов исследовалась потребность экономики в трудовых ресурсах, определялись объемы и структура профессиональной подготовки для обеспечения народного хозяйства, велось строительство жилья и других объектов социальной инфраструктуры. Теоретико-методологическому обоснованию промышленного развития периферийных регионов СССР, в том числе, зоны Севера, посвящены работы ученых Э.Б. Алаева, П.М. Алампиева, А.А. Адамеску, А.Г. Воронова А.Г. Гранберга, Н.Н. Колосовского, К.П. Космачева, Н.Н. Некрасова, Г.Д. Рихтера, С.В. Славина и др. Формирование трудовых ресурсов было подчинено

⁴ в 2,15 раза за сталинский период освоения (по данным переписи 1939 и 1959 гг.) и в 2,3 раза с 1959 г. по 1989 г. (рассчитано по данным, приведенным в Bogoyavlenskij etc., 2004).

потребностям народного хозяйства. Поэтому в управлении человеческим капиталом преобладал нормативный метод, задававший жесткости на межтерриториальный и межотраслевой перелив рабочей силы в виде обязательного распределения после окончания профессионального учебного заведения, оргнабора, законодательного и институционального поощрения пожизненного найма и территориальных переводов по службе, инициированных администрацией предприятий. В то же время работы описательного характера, посвященные анализу демографических и социальных процессов на Севере, проблемам формирования трудовой мотивации, выбора человеком образовательной стратегии и другим вопросам, связанным с человеческим развитием, практически отсутствовали. Длительное время, начиная с 1930-х гг., проведение таких исследований было запрещено.

Наиболее значимым для советского периода развития Севера был региональный (географический) подход, ориентированный на рационализацию территориальной организации производства, хозяйственных связей, поставки ресурсов (Агранат, 2007, с.13). Этот подход был заложен С.В. Славиным в «концепции очаговости» (Славин, 1958), Н.Н. Колосовским (Колосовский, 1969) в ключевом для государственной политики понятии территориально-производственного комплекса, развит в многочисленных работах исследовательских институтов АН СССР, в том числе, в работах североведов Г.А. Аграната, В.А.Витязевой, В.Н. Лаженцева, Г.П. Лузина, Т.Е. Дмитриевой. Г.А. Агранат обращал внимание на высокую эффективность этого подхода, благодаря которому была достигнута «необходимая для Севера координация средств и усилий» (Агранат, 2007, с.13).

Развитие Севера, согласно этому подходу, определило его современную социально-экономическую систему, хозяйственную ориентацию городов, поселений и целых регионов, транспортную инфраструктуру, систему расселения, запасы человеческого капитала и его территориальное перераспределение в рыночных условиях. Оно предопределило характер рыночных трансформаций, стало причиной многих современных социальных проблем, выступающих ограничениями в накоплении человеческого капитала.

Начиная с 1930-х, вместе с производственными мощностями (шахтами, рудниками, заводами, электростанциями) завозилась принудительно и на добровольных началах рабочая сила,

образовывались города и поселки. В течение многих десятилетий Север был местом ссылки, спецпоселений и размещения лагерей для заключенных, что до сих пор в той или иной мере воспроизводится в социально-трудовых отношениях.

Быстрому росту населения на Севере способствовали высокие зарплаты и другие северные льготы. В 1945 г. были определены основные механизмы северной социальной политики, в том числе «стажевые», ранний выход на пенсию и др. (О льготах..., 1945); в 1967 г. расширен перечень северных районов и льгот (Об утверждении..., 1967), в 1981 г. были разработаны дополнительные меры жилищной политики, направленные на повышение рождаемости в районах Дальнего Востока, Сибири, Европейского Севера и Нечерноземной зоны РСФСР (О мерах..., 1981). К настоящему времени население Российского Севера составляет 7,5% населения страны, тогда как на всем Американском Севере живет менее 0,5% общего населения США и Канады (Агранат, 2007). Высокий миграционный обмен отразился на качественных и количественных характеристиках человеческого капитала. С одной стороны, население Севера было (и остается) моложе среднероссийского уровня, что обеспечивало высокую работоспособность и одновременно снижало нагрузку на услуги здравоохранения. А это повышало отдачу на человеческий капитал. С другой, высокая текучесть, связанная с бытовой неустроенностью и тяжелыми условиями труда, ее снижала. Низкая доля наукоемких и высокотехнологичных производств объясняет более низкий, чем в центральных районах, образовательный уровень северян.

Отечественные и зарубежные исследователи (Пилясов, 2005, с. 461, Aarsæther и др., 2004; The Economy..., 2006) отмечают, что если бы не централизованное планирование и огромные государственные инвестиции в развитие Севера в советский период, невозможно было бы создание социальной инфраструктуры, включающей десятки научных центров, вузы, медицинские центры, в условиях, где практически любая деятельность, кроме крупномасштабной добычи природных ресурсов, нерентабельна. Не только социальная инфраструктура, но и крупные промышленные предприятия цветной металлургии, горнохимической, золотодобывающей, деревообрабатывающей и лесозаготовительной, рыбодобывающей промышленности никогда не появились бы на Севере России, если бы не огромные государственные инвестиции советского периода (Российский Север..., 1997, с.135). Смена форм собственности и

разрушение прежних хозяйственных связей в 1990-х привели экономической несостоятельности многих северных производств, обнажив проблему неэффективного использования человеческого капитала, которая вкупе с институциональными ограничениями на его мобильность, обычно регулирующую региональный спрос и предложение труда в рыночных экономиках, обострила и проблемы его сохранения.

Потеря градообразующими предприятиями своей роли в период рыночных трансформаций вылилась в сокращение рабочих мест, потерю населением источника доходов и последующие потери человеческого капитала. Население многих северных городов и поселков, созданных в советское время, и ставших нерентабельными в новых условиях испытывает тройной гнет от экономических потрясений, потери рабочих мест; социальной незащищенности, фактического развала в труднодоступных населенных пунктах систем здравоохранения, образования, культуры; природной дискомфортности, подрывающей здоровье и не компенсируемой современной северной политикой. Поэтому в рыночных условиях получил распространение *проблемный подход* к изучению Севера (Витязева, 1998; Дмитриева и др., 2004). Это означает, что специфические северные вопросы, требующие изучения и поиска решений, формулируются как проблемы.

В.А. Витязевой (Витязева, 1998) были сформулированы специфические проблемы жизни на Севере, обусловленные историческими и природно-экономическими причинами, которые объясняют более высокие издержки на сохранение и использование человеческого капитала. Можно согласиться с тем, что они «вечные», поскольку восходят к трудам пионеров освоения Севера Г.А. Аграната, С.В. Славина, П.Е. Терлецкого (Агранат, 1960; Славин, 1958; Терлецкий, 1945). Ниже эти проблемы приведены с корректировкой на используемый в диссертационном исследовании понятийный аппарат:

– проблема *акклиматизации человека* к северным условиям. Период акклиматизации довольно длителен, продолжается от нескольких месяцев до нескольких лет, в зависимости от состояния здоровья, нередко акклиматизация к суровым природным условиям так и не происходит, что доказывают исследования медиков и биологов (Ткачев, 1992);

– проблема *социальной адаптации* населения, прибывающего из других районов страны. При очевидных преимуществах высокой мобильности населения, в частности, высокой доле северян в трудоспособном возрасте, есть и недостатки. Обратной стороной повышенного миграционного обмена Севера являются слабые социальные связи и связанные с этим высокий криминогенный уровень, неустойчивость семьи как социального института, разрыв межпоколенческих связей, преобладание малой семьи, представленной одним-двумя поколениями (Яновский, 1976), проблемы сохранения этнической культуры пришлого населения, традиций, моральных норм;

– проблема *организации охраны здоровья людей*. Исследования ученых определили специфичность заболеваний человека на Севере: хроническая пневмония, гипертоническая болезнь, инфаркт миокарда, патологии печени. Значительно выше на Севере смертность от сердечно-сосудистых заболеваний;

– проблема высокой трудоемкости производства, изначально ориентированного на дешевый человеческий капитал, источников которого были заключенные, молодежь, не обладающая высокой квалификацией. *Сокращение затрат труда*, в первую очередь тяжелого, требует повышения уровня производственных технологий всех отраслей хозяйства, то есть пересмотра государственной инвестиционной политики в отношении Севера в сочетании с политикой доходов, что является огромным по сложности и набору инструментария направлением;

– проблема *текучести кадров*, связанная с несопоставимостью условий занятости во многих отраслях экономики и видах экономической деятельности и оплаты труда, низкие жилищные и культурно-бытовые условия выступают серьезными, хотя и устранимыми факторами дискомфорта жизни на Севере;

– проблема *поиска экономически эффективных вариантов сочетаний использования мобильности человеческих ресурсов* (ближняя и дальняя вахта) и *заселения северных районов*, то есть сохранение и создания стационарных поселений. Решение в каждом конкретном случае, для каждой конкретной местности определяется историческими условиями, степенью социальной укорененности, особенностями производства, наличием и масштабностью

традиционных промыслов, суровостью климата и многими другими факторами.

Социально-экономическое развитие Российского Севера обременено еще одной важной проблемой - *проблемой сохранения коренного населения* Севера. Несмотря на то, что эта группа не велика и составляет 2-3% от числа северян, она многообразна по своему этническому составу, культурным традициям, видам жизнедеятельности. Индустриализация Севера не только в СССР, но и на зарубежном Севере, привела к утрате большей части этой культуры, поставила под угрозу сохранение многих северных этносов. Деятельность коренного населения Севера, позволяющая сохранить культуру этносов, связана с сельским и промысловым хозяйством. Однако традиционные отрасли хозяйства (оленоводство, охота, рыбный и зверобойный промысел) постепенно вытесняются как в результате промышленного освоения территорий, на которых велся промысел, так и под действием рынка, неконкурентоспособности этих видов деятельности без господдержки (Агранат, 2007; От патернализма к партнерству, 1998). Нерешенность конфликта между северными и «западной» культурами проявляется в несоответствии рабочих мест и квалификации местного населения, ведет к дальнейшему падению жизненных ценностей, деградации населения, алкоголизации, смертности.

В условиях переходной экономики, утраты жесткого перераспределения ресурсов на уровне государства многие северные предприятия обанкротились, появилась проблема избыточного предложения труда, где ранее проводилась активная политика привлечения населения. Это привело к высокому миграционному оттоку. Совокупные потери северных территорий с 1989 по 2006 г. составили 1 514 тыс. чел. (Фаузер, 2005). Причем эти потери не только в численности населения, но и качестве человеческого капитала. В первую очередь, энергичные образованные молодые люди покидали Север, следовательно, ухудшились и образовательный уровень, и половозрастные характеристики, в частности, увеличилась доля лиц старшего поколения. Одновременно происходило снижение качества человеческого капитала в связи с ростом безработицы, снижением доходов населения, доступности медицинских и образовательных услуг в связи с недофинансированием социальной инфраструктуры. Начиная с 2002 г., темпы потерь населения на Севере стали несколько ниже, чем в среднем по России, что можно объяснить небывалым

подъемом отраслей топливно-энергетического комплекса, составляющих основу экономик многих северных регионов. При этом усилилась проблема межрегионального экономического неравенства, которые привели к углублению разрыва в возможностях человеческого развития. На фоне лидирующих по экономическому росту и уровню жизни населения ХМАО и ЯНАО резко контрастируют депрессивные регионы (Корякский АО, Чукотский АО, Магаданская обл.), где высоки потери человеческого капитала как в результате сверхсмертности населения, так и в результате утраты профессионально-квалификационных навыков из-за закрытия предприятий, алкоголизации населения.

А.Н. Пилясов обращает внимание на то, что масштабы деградации коренного населения Севера недооцениваются. Уровни благосостояния, занятости, безработицы для национальных сел довольно трудно измерить, в результате чего острота социальных проблем не находит достаточного отражения в статистических показателях (Российский Север и федерализм..., 1996; The Economy..., 2006). Развитие человеческого капитала периферийных сообществ, поддержка местных инициатив закономерно выдвигается на первый план, в силу значительной болезненности этого перехода для северных сообществ (Пилясов, 2007, с.36). В немалой степени такая ситуация сложилась из-за того, что к началу реформирования экономики в 1990-х советская наука оказалась не готовой к адекватному прогнозированию и объяснению процессов человеческого развития на Севере, переставших подчиняться нормативным моделям. Тем не менее, можно выделить несколько важных достижений советской науки, на которых, по мнению автора, должна основываться северная политика человеческого развития:

- были научно обоснованы и согласованы границы Советского Севера. Одним из определяющих критериев являлось климатические ограничения на выращивание злаковых культур (схема Славина), которое можно интерпретировать как невозможность автономного экономического развития северных местностей, то есть зависимость сохранения и накопления человеческого капитала от внешней (государственной) поддержки;

- был разработан комплекс северных социальных гарантий (О льготах..., 1945; О расширении льгот для лиц..., 1967), не только обеспечивший заселение Севера на добровольных условиях, его

индустриальное развитие, но и ставший в условиях рыночной экономики основой для формирования и развития региональной и корпоративной социальной политики, а также трехсторонних соглашений;

– были разработаны государственные нормативы, согласно которым северяне обеспечивались основными благами, необходимыми для полноценного воспроизводства трудовых ресурсов или накопления человеческого капитала. Это достижение, к сожалению, пока не нашло достойного отражения в виде системы минимальных социальных стандартов в современном северном законодательстве.

Социально-экономическое развитие северных стран и регионов, в том числе, исследование процессов накопления человеческого капитала на Российском Севере с середины 1990-х является предметом изучения подразделений Арктического Совета (Arctic Council), который выступает координатором панельных исследований, выполняемых учеными северных стран. Большой опыт накоплен в отношении развития северных территорий Канады, где эти вопросы исследуются Институтом Циркумполярного мира (Circumpolar Institute), а политика в отношении Севера разрабатывается специально созданным Департаментом федерального правительства Канады по делам индейцев и развития северных территорий (DIAND), представлен в работах зарубежных ученых Т. Армстронга, Г. Дюхейма, Дж. Райнера, Г. Роджерса, Г. Роулей, О.Р. Янга (T. Armstrong, G. Duhaime, J. Rayner, G. Rogers, G. Rowley, O.R. Young). Этот опыт транслируется на российские условия благодаря исследованиям, проводившимся в Институте экономики переходного периода при поддержке Российско-Канадского проекта «Консорциум по вопросам прикладных экономических исследований» (CEPRA). В частности, была выполнена оценка миграционных потоков между регионами Севера и Юга России и их потенциала как акцепторов и реципиентов, а также работа, посвященная анализу северной политики Канады и ее потенциалу применения в России.

Проблемами человеческого развития на Севере занимаются ученые региональных отделений Российской академии наук: Уральского, Сибирского, Дальне-Восточного. В Коми НЦ УрО РАН в 2005-2007 гг. были опубликованы монографии, содержащие исследования североведов, в том числе, в области строительства новых отношений на северных рынках труда, оценки демографических процессов на Севере и др. Исследование этих

проблем составляет одно из научных направлений в институтах географии РАН, народонаселения РАН, Совете по изучению производительных сил при Минэкономразвития РФ. Важную роль в информационном и аналитическом обеспечении анализа социально-экономических процессов на Российском Севере, институциональных преобразований играет Всероссийский научно-координационный центр "Север", а, именно, web-проект «Арктика-Сегодня».

Термин «человеческий капитал» пока используется в единичных отечественных региональных работах (Пилясов, 2007; Bogoyavlenskiy etc., 2004). Большинство исследователей рассматривают проблемы народонаселения, формирования и использования трудовых ресурсов Севера. Им посвящены работы Д.Д. Богоявленского, П.Х. Зайфутдина, А.С. Зуева, А.А. Максимова, А.Н. Пилясова, Л.А. Поповой, В.В. Фаузера. Вопросам экономического развития в комплексе с северной социальной проблематикой посвящены работы Г.А. Аграната, В.А. Витязевой, И.С. Грамберга, В.В. Дидыка, В.Н. Лаженцева, А.Н. Пилясова, А.А. Радыгина, Л.А. Рябовой, В.С. Селина, А.А. Харевского, А.И. Черкасова и др. Ниже рассмотрено различие категорий «трудовые ресурсы» и «человеческий капитал». В исследовании проблем Севера в научный оборот в отечественных работах А.Н. Пилясова, Л.А. Рябовой используются категории «социальный капитал», «социальные активы». Применение новых научных понятий означает не просто смену устаревших категорий на более современные, но и смену научного аппарата, переход от преобладающей в советское время политэкономии к неоклассическому, институциональному и неoinституциональному направлениям построения научных концепций, подходов к объяснению социально-экономических процессов, происходящих на Севере под влиянием изменения макро-, мезо- и микроэкономических факторов.

Несмотря на большой задел, накопленный учеными-экономистами советской школы, вклад российских ученых, необходимо выделить существенные проблемы, более общие, касающиеся научных исследований Севера в целом, а не только процессов накопления и использования человеческого капитала на Российском Севере. Г.А. Агранат обращал внимание на отсутствие твердых представлений о границах, что пагубно влияет на формирование политики и практики «для Севера» и «на Севере» (Агранат, 2007). Нет какой-либо признанной классификации методов

изучения или научных школ экономического развития Севера, что создает определенные сложности с оценкой вклада новых научных результатов. Практически нет работ, где применялись бы методы развитых и успешно применяемых на западе неоклассической и неоинституциональной теорий к Российскому Северу как предметной области. Следовательно, накопленный научный потенциал к развитию северных экономик используется далеко не полностью. Тем самым, значимость особых исходных условий в задаче человеческого развития на Севере нивелируется, а сами государственные решения в отношении его развития носят универсальный, весьма приблизительный характер, требующий дополнительных мер и вмешательства в конкретных случаях.

Недочет северной специфики, которая вскрывается уже в ходе выполнения законодательных решений, ведет к многочисленным дополнительным редакциям федеральных законов, затягиванию процесса принятия эффективных решений. В результате пострадавшей стороной оказываются группы населения Севера, различающиеся по месту проживания, социальному статусу и другим признакам. Здесь можно привести в качестве примера г. Печору (Республика Коми), который до 2007 г. в течение 15 лет, будучи в окружении районов, приравненных к районам Крайнего Севера, сам таковым не являлся, от чего жители Печоры теряли часть северных льгот. Пенсионное законодательство, которое до 2007 г. включительно, фактически тормозило рационализацию миграционных потоков. Пенсионеры-северяне имели право на заработанные повышенные пенсии и другие льготы, только оставаясь северянами, и теряли их при переезде в более комфортные условия. Это усиливало и без того значительные расходы на сохранение и накопление человеческого капитала на Севере. Поэтому автор считает необходимым обосновать выбор базы исследования, а также описать подходы к изучению Севера.

Вопрос, что следует рассматривать в качестве базы исследования, отправляет нас к определению границ Севера и его районированию. Г.А. Агранат обращал внимание на то, что проблемы делимитации территории Севера, т.е. определения его южной границы, также как его внутреннего районирования, однозначно не решены, не только в России, но и за рубежом, например, в Канаде. В качестве признаков и критериев выступают вечная мерзлота, июльская изотерма, Полярный круг, возможности земледелия, граница леса, административно-политические границы, а также их комбинации

(Агранат, 2007). Фактически для решения административных вопросов границы и районы Севера определяются согласно схеме, составленной С.В. Славным, с уточнениями 1990-х, которые носят скорее популистский, нежели научный характер (Калашников, 2003). По этой схеме Российский Север занимает примерно 11 млн. кв. км с населением около 10 млн. чел. по данным переписи 2002 г.

Рыночные преобразования, свободное ценообразование, в том числе на рынке труда, возросшая свобода выбора места проживания и условий занятости, формирование рынка жилья побудили ученых к поиску новых критериев определения Севера с точки зрения дискомфорта территории. В теории компенсирующих региональных различий дискомфортность (regional amenities-disamenities (Blomquist и др., 1988) определяет миграционные потоки, соотношение стоимости жизни и зарплаты. Стоимость жизни измеряется как интегральными показателями: региональным потребительским индексом, стоимостью потребительской корзины, так и отдельными показателями, чаще всего, стоимостью жилья (Ощепков, 2007; Blomquist и др., 1988). Наиболее известны балльная система оценки дискомфорта территории и основанная на ней система районирования, предложенная коллективом под руководством члена-корреспондента РАН Г.П.Лузина. Она базируется на оценке 18 эколого-социальных параметров, но пока не нашла широкого применения, хотя есть попытки возвращения к этой схеме и ее доработки (Жуков, 2006). С экономической точки зрения определение границ актуально, потому что от площади северных территорий и численности населения, проживающего в условиях, признанных экстремальными, зависит величина дополнительных государственных и частных расходов и обязательств, связанных с сохранением и накоплением человеческого капитала на Севере.

Критерием определения северных территорий правомерно рассматривать их статус согласно российскому законодательству. Согласно ему «Север - это высокоширотная часть территории России, характеризующаяся суровыми природно-климатическими условиями, обуславливающими повышенные затраты на производство продукции и жизнеобеспечение населения. К районам Севера относятся полностью или частично территории 6 республик, 3 краев, 10 областей и 8 автономных округов. Здесь проживает свыше 11,7 млн. человек, из них более 200 тыс. человек - представители 30 коренных малочисленных народов Севера» (Концепция..., 2000). Как видно из

этого определения, разработчики оперируют весьма нечеткими понятиями и опираются на деление России на субъекты РФ, которое не является жестким. За восемь лет после принятия Концепции пять «северных» субъектов РФ вошли в состав других. Объектами северного законодательства выступают отдельные районы, населенные пункты, но не регионы - субъекты РФ (О внесении изменений ..., 1983; О государственных гарантиях..., 1993), в то время как объектом статистического наблюдения Росстата является именно регион. Следовательно, получить значимые оценки, позволяющие установить какие-либо закономерности, можно, только используя данные региональной статистики. Естественно, при этом теряется специфика, особый путь развития отдельных районов, городов и поселений. Но именно анализ, основанный на межрегиональных сравнениях, чаще всего используется в статистических и эконометрических исследованиях, в том числе, в исследованиях Арктического Совета (The Есopоту..., 2006). В них Российский Север определен как совокупность субъектов РФ: Архангельская область, включая Ненецкий автономный округ (НАО), Корякский АО, Магаданская область, Мурманская область, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО, Ханты-Мансийский АО - Югра (ХМАО), Чукотский АО, Эвенкийский АО, Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО). При этом отмечается условность такого выбора, поскольку остаются северные районы в других субъектах, которые выпадают из анализа.

В данном исследовании Российский Север определяется, как перечень территорий, подпадающих под действие Закона «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (О государственных гарантиях..., 1993, ред. 2004), но в качестве базы исследования выбраны субъекты РФ, где все территории имеют статус Крайнего Севера или приравненной к ним территории. Это позволяет для эмпирической проверки гипотез использовать базу данных по регионам России, сравнить характеристики этой типической группы (16 регионов) с характеристиками «несеверных» регионов, где все территории, наоборот, не имеют такого статуса как другой типической группы (всего 56 регионов). Кроме вышеуказанных, включенных в северные регионы России Арктическим Советом, в группу северных регионов

вошли Камчатская область (с 1.07.2007 вместе с Корякским АО образует Камчатский край), Республика Тыва и Сахалинская область.

За рамками анализа остаются регионы, в которых под закон «О государственных гарантиях...» (1993) подпадает лишь часть территории: Амурская область, Иркутская область, Коми-Пермяцкий АО (с 1.12.2005 входит в состав Пермской области (края), Красноярский край, Приморский край, Республика Бурятия, Республика Горный Алтай, Томская область, Хабаровский край, Читинская область. Исследование построено на базе данных Росстата «Регионы России» (1998-2006), содержащей социально-экономические показатели для 88 регионов с 1990 по 2005 гг. База завершается 2005 г. в связи с тем, что она публикуется с двухгодичным запаздыванием по отношению ко времени сбора данных. Закономерности, полученные по выборке из 16 регионов, где проживает более 8 млн. чел. на площади 9734 тыс. кв. км могут быть обобщены на всю территорию Севера. Следует заметить, что Тыва, Камчатка и Сахалинская обл. не рассматриваются как северные в международной практике, в частности, в материалах Арктического Совета. Это свидетельствует о том, что понятие северности в российской экономике определено недостаточно четко, в частности, смешивается с понятием депрессивности и удаленности территории от центра. Это усложняет не только анализ процессов человеческого развития на Севере, но и определение приоритетов северной политики, выработки действенных и экономически эффективных механизмов накопления и использования человеческого капитала.

Проведенный анализ показал, что группы северных и «несеверных» регионов после деления их на «депрессивные» и «развивающиеся» демонстрируют большую устойчивость исследуемых закономерностей, несмотря на то, что некоторые северные регионы явно выделяются по своим характеристикам из обеих групп. Это «богатые» нефтегазовые округа - Ханты-Мансийский АО (ХМАО) и Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО), а также дотационная Республика Тыва, где, несмотря на низкий уровень жизни рождаемость, одна из характеристик накопления человеческого капитала, вдвое выше, чем среднероссийский показатель. Для деления используется «дотационность» регионов в 2005 г. Те из регионов, которые получали дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, отнесены к депрессивным (дотационным), остальные - к развивающимся. 2005 г. выбран как год, к которому были

накоплены основные изменения в социально-экономической системе региона, складывавшиеся в анализируемый период. В группу северных развивающихся регионов вошли Республика Коми, Ненецкий АО, Таймырский АО, Ханты-Мансийский АО, и Ямало-Ненецкий АО. Несмотря на то, что Республика Саха, Сахалинская и Мурманская обл. получали в 2005 г. помощь на выравнивание бюджетной обеспеченности, они отнесены к развивающимся регионам по уровню ВРП. К группе северных дотационных регионов отнесены Республика Карелия, Республика Тыва, Архангельская обл., Камчатская обл., Магаданская обл., Корякский АО, Чукотский АО и Эвенкийский АО.

Для изучения взаимосвязей между человеческим капиталом и экономическим развитием можно было бы использовать не только региональную статистику, но и микроданные, то есть результаты обследования домохозяйств. Такие обследования (РМЭЗ) ведутся с 1992 г. и дают возможность анализа как изменений во времени, так и в пространстве. К сожалению, данные не репрезентативны по регионам, кроме того, не доступны идентификаторы городов, где проводилось обследование, что не позволяет выделить «северную» подвыборку. База данных по доходам домохозяйств и их участию в социальных программах (НОВАС) как срез пространственных данных для 2003 г. позволяет установить исследуемые взаимосвязи и разделить выборку на северные и «несеверные» территории, где проводилось обследование, но только за один год, что не дает возможности судить о закономерностях социально-экономических изменений во времени.

Деление выборки на две типические группы северных и «несеверных» регионов до сих пор никем не осуществлялось. Используемая база данных вместе с предложенным подходом анализа (см. гл. 4) позволяет получить новые устойчивые результаты, имеющие научно-практическую ценность. Кроме этого указанный период достаточно длителен для того, чтобы увидеть те тенденции в накоплении человеческого капитала в северных регионах, которые позволяют прогнозировать дальнейшие изменения в этом процессе во взаимодействии с региональным экономическим развитием.

Кроме статистического и эконометрического анализа, где единицами наблюдений выступают субъекты РФ, в данном исследовании представлен анализ влияния экономических факторов и мер государственного регулирования на формирование и использование человеческого капитала на внутри региональном

уровне - в двадцати городах и районах Республики Коми, как одном из северных субъектов за 1998-2006 гг. Это позволяет получить представления о внутри региональных различиях в накоплении человеческого капитала, усиливающихся из-за рентоориентированного поведения ключевых игроков северной экономики - ресурсных корпораций и неэффективной федеральной и региональной политики выравнивания доходов населения.

1.2. Экономические категории «человеческий капитал» и «накопление человеческого капитала»

Термин «человеческий капитал» (human capital) получил распространение с работ Г. Беккера (Becker, 1964) и Т.У. Шульца (Schultz, 1961), исследовавших роль инвестиций в человеческий капитал для экономического роста. Хотя вопрос о вкладе образования и квалификации в экономический рост и о влиянии на величину доходов их обладателей решался и в рамках классической политэкономии и трудовой теории стоимости: в работах У. Петти, А. Смита, Д.Ст. Милля, Ж.Б. Сэя, К. Маркса, Ф. Листа, И.Г. фон Тюнена, Е. Энгеля, Г. Сиджвика, Л. Вальраса и других экономистов прошлых столетий, анализ инвестиций в образование не находил отражения в исследованиях по проблемам производительности труда (Becker, 1993).

Одним из первых понятие человеческого капитала ввел А. Смит, полагавший, что *человеческий капитал — это накопленные знания и умения членов общества, которые дают право на получение дохода*. А. Маршаллу принадлежит утверждение, что "самый ценный капитал - это тот, который вложен в человеческие существа" (Маршалл, 1993, с. 270). Первая попытка подсчитать "ценность населения" принадлежит В.Петти (Петти, 1940, с. 156).

Ведущий отечественный специалист в области экономики труда Р.И. Капелюшников определяет «человеческий капитал» следующим образом: *«Это запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого человека и которые могут использоваться им либо в производственных, либо в потребительских целях»* (Капелюшников, 2007).

Первые отечественные работы в этом направлении представлены публикациями 1960-х (Анчишкин, 1967; Махлуп, 1966; Марцинкевич, 1967), исследованиями западной и советской экономики

в 1970-80-е гг., содержащими критический разбор теории человеческого капитала (Гойло, 1975; Капелюшников, 1981). Хотя до последнего времени в отечественной науке вместо категории «человеческий капитал» продолжают использоваться категории рабочей силы, трудовых ресурсов, трудового потенциала, человеческого фактора (Соболева и др., 2006). В трактовке многих отечественных экономистов преобладает «политэкономическая» точка зрения на человеческий капитал. Так, например, Сухинин И.В. (Сухинин, 2005) определяет человеческий капитал как совокупность знаний, практических навыков и творческих способностей работников, приложенная к выполнению текущих задач; а также моральные ценности хозяйства, культура труда и общий подход к делу. Эмпирические работы по анализу человеческого капитала в России в трансформационный период представлены исследованиями Центра трудовых исследований ГУ ВШЭ (Гимпельсон и др., 2006; Капелюшников, 2006 (3); Капелюшников, 2007), исследованиями Независимого института социальной политики (НИСП) (Зубаревич, 2005), Российско-Европейского Центра Экономической политики (Валитова, 2005), а также работами, выполненными при поддержке Центра экономического образования и исследований (EERC) (Muraviev, 2004; Roschina etc., 2002; Nesterova etc., 1997).

Помимо категории «человеческий капитал» используется понятие «человеческий потенциал» (human development), синонимами к которому выступают «человеческое развитие» и «накопление человеческого капитала», а также российская категория «трудовой потенциал». И. Соболева (Соболева и др., 2006) объясняет различия между категориями «трудовой потенциал» и «человеческий потенциал» следующим образом. *Человеческий потенциал* - это «накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных областях деятельности и в сфере потребления». В отличие от человеческого капитала этот запас способностей не зависит от того, в какой мере они реализуются. *Трудовой потенциал* является одной из ключевых подсистем человеческого потенциала. Носителями трудового потенциала являются только трудоспособные граждане, носителями человеческого потенциала - все население страны (включая лиц моложе и старше трудоспособного возраста). На индивидуальном уровне трудовой

потенциал соотносим с рабочей силой, человеческий потенциал - с личностью.

В экономической теории *накопление человеческого капитала* подлежит рассмотрению не во всем многообразии своих характеристик, а лишь в той мере, в какой его реализация влияет на социальную и экономическую эффективность воспроизводственных процессов (там же). Его оценка базируется на основе таких характеристик, как состояние здоровья, доступность образования, стартовые возможности развития для представителей различных социальных и доходных групп, уровень базовой социальной защищенности и т.д.

Свободное ценообразование, ориентация на прибыль, мобильность рабочей силы, согласно исследованиям автора, весьма чувствительной к уровню занятости, способствуют насыщению спроса на медицинские и образовательные услуги не только в густонаселенных центрах, но и на периферии. Это отличает современные условия накопления человеческого капитала от условий плановой экономики, когда высокие северные заработки фактически некуда было потратить: объем образовательных услуг, досуговой (культурной, спортивно-оздоровительной, развлекательной) инфраструктуры, медицинской помощи, - были ограничены государственными нормативами. В настоящее время объем услуг, способствующих накоплению человеческого капитала, определяется степенью платежеспособности населения, а она в свою очередь, по-прежнему сильно зависит от занятости. Таким образом, занятость или эффективное использование человеческого капитала, во многом определяет процессы его накопления на Севере.

В данном исследовании будет использован термин - «*человеческий капитал*» как ресурс, используемый в производстве. *Накопление человеческого капитала* выступает главной ценностью экономического развития. Оно характеризуется не только качественно - динамикой инвестиций в образование, но и количественно - динамикой рождаемости, смертности, миграции. Качество человеческого капитала тесно связано с эффективностью его *использования*, измерить которое можно такими показателями, как уровень занятости и безработицы, отраслевая структура занятых, профессионально-квалификационные характеристики, а также отдача (цена труда, его производительность).

Накопление и использование человеческого капитала рассматривается как основа достижения устойчивого экономического роста в программных документах ООН (Развитие..., 2001). Причем экономический рост выступает не самоцелью, а средством обеспечения накопления человеческого капитала. Важность человеческого капитала связывают именно с усложнением технологий производства, вступлением развитых стран в постиндустриальную фазу, когда не количество труда, а именно качество определяет перспективы развития экономики.

По мнению экспертов ООН (Компоненты..., 2003), «инвестиции в человеческое развитие, должны обеспечиваться еще до начала экономического роста, за счет значительного увеличения внешней помощи региону». Действительно, поскольку улучшение состояния здоровья населения и образования являются целями накопления человеческого капитала и предпосылками устойчивого роста, инвестиции в этих областях имеют значение для последующей активизации частного сектора (Некипелов, 2003).

П. Самуэльсон говорил о том, что нельзя стремиться лишь к простому количественному росту производства (пусть даже в расчете на душу населения), необходимо также внутреннее развитие всей социально-экономической структуры общества (Самуэльсон, 1992). Развитие человека через расширение возможностей выбора благодаря росту продолжительности жизни, образования и дохода, а не способность к производительному труду (т.е. экономическая ценность индивида) ставится во главу угла в концепции человеческого развития ООН (Развитие..., 2001). Накопление человеческого капитала рассматривается как цель и критерий общественного прогресса, а не средство для экономического роста.

Российские ученые также обращают внимание на важность накопления человеческого капитала для обеспечения «долговременного и устойчивого характера экономического роста, прогрессивной смены технологических укладов» (Пчелинцев, 2001). Такая стратегия становится единственным вариантом развития в условиях происходящего демографического спада (Чижова, 2006). Эффективность использования человеческого капитала связывается с разработкой и внедрением новой техники, прогрессивных технологий, научных исследований, соответственно, с подготовкой или «выращиванием» специалистов и работников новых поколений, обладающих высокой квалификацией, способных генерировать новые

методы труда и управленческие решения; а также принципиальным обновлением всей системы трудовых отношений, превращением их в партнерские» (там же). Качество человеческих ресурсов, прежде всего, с точки зрения их компетентности, квалификации, обучаемости, способности воспринимать и использовать новую информацию, - выступает главным ограничителем экономического развития, постиндустриальной трансформации на Севере (Пиласов, 2007).

Таким образом, наращивание инвестиций в человеческий капитал и сокращение неоправданных потерь человеческих ресурсов выступает неотъемлемым условием современного развития экономики, основанной на знаниях. Это, в свою очередь, ведет к изменению человеческого капитала, как благодаря созданию рабочих мест, требующих высокой квалификации работников, так и благодаря росту доступности социальных услуг, изменению распределения создаваемого дохода, отраслевой структуры производства. В частности, значительно увеличится доля здравоохранения, социального обеспечения, образования, науки, культуры и искусства, а также кредитно-финансовой сферы.

Накопление человеческого капитала как эффект экономического развития региона. Относительная самостоятельность регионов позволяет применять в анализе их социально-экономического развития те же теории и методы, что и для стран, например, многие общие черты и проблемы наблюдаются в межрегиональном и международном разделении труда (Гранберг, 2006, с.56). В то же время незамкнутость (открытость) региональных экономик заставляет искать самостоятельный инструментарий в объяснении закономерностей регионального развития. Таким образом, регион в экономике рассматривается двояко: как автономная социально-экономическая система и во взаимосвязи (экономической, политической, социальной и т.д.) с другими регионами страны и другими странами. Это объясняет многообразие концепций, объясняющих роль человеческого капитала в региональном развитии. Можно выделить ряд концептуальных подходов к объяснению региональной экономической динамики: теории разделения труда, теории размещения производительных сил, теории кумулятивной причинности, неоклассические теории экономического роста. В этих концепциях по-разному трактуются движущие силы развития региональных систем, в том числе, роль человеческого капитала. Под ожидаемыми результатами развития понимается не только

экономический рост, но и рост благосостояния населения. В большинстве теорий человеческий капитал рассматривается как производственный ресурс, то есть только с точки зрения отдачи для производства, цена и доступность которого определяет его качество и количество в производстве, выбор технологии производства, вида деятельности, а процессы его накопления остаются за пределами анализа.

Трудовые навыки населения и его численность выступают начальными условиями для дальнейшего разделения труда и специализации производства в региональных теориях, объясняющих неравенство развития абсолютными (А. Смит) и относительными (Д. Рикардо) преимуществами территории, наряду с наличием или отсутствием необходимых почвенно-климатических условий (для сельского хозяйства), природных ресурсов (для добывающей промышленности) и других факторов.

В теориях размещения (allocation theory) социальная сфера и условия жизни, система расселения, демографический потенциал рассматриваются во взаимообусловленности с объективными предпосылками экономического развития региона (географическое положение, природно-ресурсный, производственный), производственной структурой, размещением хозяйства, механизмом функционирования и управления экономикой и т.д. (Вебер, 1926; Изард, 1966; Леш, 1959; Тюнен, 1826; Launhardt, 1885; Palander, 1935). Совокупность характеристик объясняет различия в ценах на товары, структуру производства, его концентрацию. Теории размещения производительных сил стали основой индустриального развития России с ее огромными расстояниями и малонаселенностью (Гранберг, 2006, с. 71). Рациональное размещение производительных сил рассматривается как основа, главная составная часть региональной экономики (Некрасов, 1978). На основе этого подхода Н.Н. Колосовским были предложены принципы экономического районирования СССР, основной задачей которого была разработка централизованных плановых заданий, обеспечивающих наиболее выгодное экономическое использование географического положения района, транспортных условий, сырьевых ресурсов, энергии, труда, а также решение оборонных задач.

При этом подходе труд рассматривался как производственный ресурс, который необходимо обеспечить в определенном количестве, поэтому естественно воспринималась политика переброски огромного

числа людей из трудоизбыточных в трудонедостаточные районы. В 1930-1950-е гг. в большей мере принудительно (ГУЛАГ), в 1960-1980-е гг. - за счет дополнительных социальных льгот. А. Гранберг отмечает, что по сравнению с западной региональной наукой «в советской регионалистике недостаточный удельный вес составляли проблемы социальные, демографические, экологические, этнических отношений, развития инфраструктуры и сферы услуг, информационной среды, распространения инноваций» (Гранберг, 2006, с.77). Это привело к серьезным проблемам накопления не только человеческого, но и социального капитала в северных регионах, проявившихся уже в условиях советской экономики: падению морали, снижению роли внутрисемейных связей, росту преступности, утрате знаний и традиций аборигенных этносов, земли которых осваивались без должного внимания к конфликту северных и «западной» культур, и др.

В отличие от теорий размещения в теориях кумулятивной причинности, как и теориях регионального экономического роста неоклассического направления, основной упор делается на факторы, повышающие производственный потенциал экономической системы, в том числе, на общую численность и квалификацию человеческих ресурсов (Макконнелл и др., 1992). Теория кумулятивной причинности представлена работами Г.Мюрдаля, А.Хиршмана, Н.Калдора, Дж. Фридмана, П.Кругмана (Friedmann, 1966; Hirschman, 1960; Kaldor, 1970; Krugman, 1991; Myrdal, 1971). Ее сторонники рассматривают накопление человеческого капитала, как одну из причин *дивергенции* регионального развития, то есть усиления регионального неравенства. Основным фактором, ведущим к углублению различий в уровнях экономического развития различных регионов, усиления промышленных центров и отставания периферийных территорий, выступает привлекательность крупных городских агломераций для размещения новых предприятий. За счет такого размещения достигается экономия на издержках благодаря развитой производственной и социальной инфраструктуре, более высокой профессиональной квалификации занятых (Myrdal, 1971).

Конкурентные преимущества экономически слаборазвитых регионов, прежде всего, дешевый труд, оказываются недостаточными для компенсации преимуществ агломерации (концентрации производства). Не только финансовые потоки направлены от менее развитых регионов к более развитым, но и квалифицированные и

предприимчивые кадры мигрируют из отстающих регионов в лидирующие. С течением времени лидирующие регионы отрываются от среднего по стране уровня, в то время как остальные регионы, в которых сложились неблагоприятные условия для развития, напротив, погружаются в состояние все более глубокой депрессии. Эти процессы затрагивают не только экономическое развитие, но и процессы накопления человеческого капитала. За счет миграций, роста технологического уровня производства человеческий капитал в лидирующих регионах становится больше численно, растут его квалификационные характеристики.

Региональное развитие в России в 1990-х подтверждает правоту теории кумулятивной причинности. Разрушение хозяйственных связей, резкое уменьшение государственного заказа привели к экономическому спаду во многих регионах и концентрации финансовых, материальных и человеческих ресурсов в нескольких центральных и экспортно-ориентированных регионах. Проблема усиления внутрирегиональных и межрегиональных диспропорций, контраста между центром и периферийными территориями проявляется на Севере еще острее, поскольку многократно усиливается высокими транспортными расходами на доставку ресурсов и продукции. Без дополнительной государственной поддержки базовых производств потеря человеческого капитала северных территорий происходит довольно быстро. В данном исследовании на примере Республики Коми показано, как усилились контрасты в накоплении человеческого капитала в районах удаленных и близких к региональному центру в переходный период. К региональным исходным условиям, определяющим неравномерность в развитии территорий, А.Г. Гранберг относит широкий перечень характеристик как изменяемых, так и не изменяемых во времени (Гранберг, 2006): природно-климатические условия; масштабы, качество и направления использования природных ресурсов; периферийное положение региона по отношению к центру; технологический уровень производства; гибкость во введении инноваций; агломерационные преимущества (большое пересечение в регионе межотраслевых связей и развитая инфраструктура) и агломерационные недостатки (перенаселение); стадия технологического развития; демографические различия (структура населения, динамика воспроизводства, в том числе обусловленная этническими и религиозными особенностями); инвестиционный

климат; политические и институциональные факторы; социально-культурные факторы (степень урбанизации, образованность населения, наличие научных и культурных центров и др.).

Важным для объяснения причин экономического развития северных регионов, по мнению автора, является понятие «географических детерминант», введенное и Асемоглу и др. (Acemoglu, 1995). Согласно этому подходу климат влияет не только на затраты на человеческий капитал, но и на трудоспособность, то есть отдачу от человеческого капитала. Географическое положение ограничивает возможность применения доступных для общества технологий, особенно в сельском хозяйстве. Особенно популярна в последнее время гипотеза о значении географического фактора в преодолении бедности (Acemoglu, 2005). В качестве важнейших географических детерминант выступают доля городского населения в регионе, плотность населения, широта, среднемесячные температуры января и июля. В 3 и 4 главах выполнено исследование влияния географических детерминант на развитие северных регионов, где доказано, что для Российского Севера они не являются определяющими в экономическом развитии, тогда как в целом для России эта гипотеза подтверждается.

Т. Хэгерstrand (Hegerstrand, 1966), затем Х. Гирш (Giersch, 1979) обосновывают и развивают возможность конвергенции или выравнивания регионального развития, которое происходит благодаря процессу диффузии инноваций. Распространение новых технологий из индустриальных центров в периферию, в свою очередь, ведет к распространению новых навыков, знаний, положительно влияя на качество человеческого капитала. Современные средства связи, развитие межрегиональных рынков усилить диффузию знаний и технологий, что очень важно для географически изолированных северных поселений. Большой потенциал накопления человеческого капитала и его дальнейшего эффективного использования, по мнению автора, заложен в федеральных государственных программах информатизации образования, реализующихся с 2001 г. (О целевой республиканской программе "Развитие единой образовательной...", 2003). Развитие сетей Интернет позволяет воспользоваться современными программами общего и профессионального обучения на основе дистанционного образования, оценить потенциал индивида как работника в различных сферах экономической деятельности, выбрать профессию, пользующуюся спросом. Преодолеваются

ограничения на мобильность, как территориальную, так и профессиональную. Жители удаленных северных поселков, благодаря информационным технологиям, могут стать полноценными членами мирового сообщества. К сожалению, исполнение федеральной программы происходит крайне неравномерно, зависит от политики региональных властей, профессионализма и заинтересованности исполнителей (Котырло и др., 2005 2).

Важным направлением экономической теории, позволяющей сопоставить дискомфортность территорий и измерить различия в накоплении человеческого капитала, как в стоимостном, так и в натуральном выражении является теория компенсирующих различий. *Теория компенсирующих межрегиональных различий в заработной плате* основывается на том, что различия в заработной плате служат для выравнивания покупательной способности доходов в разных регионах, а также для изменения объема потребляемых благ, компенсирующих региональные удобства/неудобства. При этом предполагается, что работник и его семья могут перемещаться из региона в регион, а благодаря миграции, то есть изменению предложения труда, выравниваются региональные цены на труд или зарплаты. Выделяют следующие специфические для Севера черты, которые могут рассматриваться как факторы, требующие компенсации в накопления человеческого капитала: экстремальные климатические и географические условия, ускоряющие старение организма человека и ослабляющие его иммунную систему (Ткачев, 1992; Human Health..., 2004). По мнению автора, такие факторы как территориальная удаленность; недостаточную развитость транспортной системы; низкая плотность населения, снижающая доступность услуг социальной сферы, не следует рассматривать как причины ослабления северных экономик. В гл. 3 рассмотрено влияние географических детерминант, развитости транспортной системы и других факторов на экономический рост и накопление человеческого капитала. Как показывают результаты, для северных регионов, как типической группы, какое-либо значимое влияние не установлено.

1.3. Инвестиции в человеческий капитал и отдача от инвестиций

Инвестиции в человеческий капитал. Субъекты инвестирования. Традиционное представление состоит в том, что

инвестиции в человеческий капитал - это инвестиции в образование, которые осуществляются через такие институты как школа, ПТУ, ссузы, вузы. Более широкая трактовка инвестиций, введенная Беккером (Becker, 1988; Becker, 1993), предполагает, что под ними понимаются не только вложения в образование, профессиональную подготовку, но и неформальное обучение, а также здоровье и просто воспитание детей. Помимо перечисленных выше И.В. Сухинин (Сухинин, 2005, с. 531) относит к важнейшим формам вложений в человеческий капитал обеспечение географической и профессиональной мобильности, организацию поиска информации о рыночной конъюнктуре, вакансиях. Рассматривают прямые и сопряженные инвестиции в человеческий капитал. Таким образом, можно разделить инвестиции на прямые, к которым относят затраты на образование и профессиональную подготовку работников, и сопряженные - затраты на медицинское обслуживание и уход за детьми, на их воспитание, иными словами, связанные с воспроизводством материальных носителей человеческого капитала. Прямые вложения в человеческий капитал увеличивают его объем; сопряженные - продлевают срок его "эксплуатации", улучшают условия его функционирования, повышают отдачу, сокращая заболеваемость и смертность (Бреслав и др., 2003).

Интегральным индикатором эффективности вложений в человеческий капитал принято считать *нормы отдачи*. С одной стороны, они показывают, на сколько процентов возрастают заработки работников при увеличении продолжительности обучения на один год (Капелюшников, 2007). Снижение нормы отдачи на образование трактуется как *обесценивание человеческого капитала*. На отдачу от инвестиций всегда оказывает влияние экономическое развитие, национальная культура и глобализация. С другой стороны, отдача от инвестиций в человеческий капитал в масштабах региональной экономики может быть оценена и через производительность труда, а также эластичностью ВРП по затратам труда в производственной функции.

Между уровнем образованности, компетенций человека и уровнем заработной платы должна существовать положительная взаимосвязь. Фактически, в советский период за тяжелый неквалифицированный труд нередко платили больше, чем за квалифицированный (самыми высокооплачиваемыми работниками были шахтеры). Таким образом, отдача от инвестиций в человеческий

капитал в общепринятом измерении была низкой, что подтверждают оценки коэффициента эластичности национального дохода по труду (Гранберг, 1988). Коэффициенты эластичности для северных и «несеверных» регионов в период 1994-2003 гг. рассчитаны в гл. 4.

Растущая отдача на человеческий капитал ведет к росту нормы инвестиций в него, что доказывают исследования социологов (Зубаревич, 2005). Региональный экономический рост и связанный с ним рост занятости не только ведет повышению совокупных доходов населения, но и качественно меняет человеческий капитал. В богатых нефтяных регионах ХМАО и ЯНАО, где наблюдаются наиболее высокие темпы экономического роста и роста занятости, снизилась смертность и увеличилась продолжительность жизни. Не только зарплата, но занятость, как таковая, мотивирует к накоплению человеческого капитала, например, отказу от спиртного, получению дополнительного профессионального образования и т.д., поскольку выступает важной компонентой социальной роли человека. Особенно роль этого фактора возросла в переходный период, поскольку даже при низкой текущей заработной плате давала некоторые гарантии отдачи от инвестиций в человеческий капитал в будущем, в частности, за счет пенсионных накоплений. Роль этого фактора в сравнении с зарплатами возросла и из-за высокой доли теневых трудовых доходов, существенно искажавших оцениваемые взаимосвязи между доходами населения и уровнем инвестиций в человеческий капитал.

Инвесторами в человеческий капитал могут выступать государство, отдельные предприятия, сам владелец человеческого капитала, его семья (домохозяйство). И общество, и конкретное производство, и домохозяйства выигрывают от инвестиций в той или иной мере. Мнения о том, чья роль в инвестициях должна быть больше, различны. Большинство североведов настаивает на том, что государственная поддержка должна быть основой северной социальной политики (Витязева и др., 1995, Лаженцев, 1998). Все больше внимания привлекает тема исследования роли корпораций и взаимодействия с ними региональной власти в области развития социальной политики (Чирикова, 2006), где эмпирически обосновывается важность и возможность включения в инвестиционный процесс работодателей.

В инвестициях в образование со стороны работодателя принято выделять вложения в общее образование, которое будет востребовано и за пределами фирмы, и в специфическое образование, то, которое

может быть применено только внутри фирмы и не принесет владельцу дополнительных выгод за ее пределами (Becker, 1971). Отечественные и зарубежные исследования свидетельствуют о большей склонности предпринимателей делать инвестиции в специфическое образование (Капелюшников, 2006 (3)), поскольку инвестиции в общее образование, то есть в широко востребованные навыки и знания, повышают конкурентоспособность работника, а, следовательно, усиливают его позицию при заключении трудового контракта. Хотя и эти инвестиции порождают "оппортунистическое" поведение, так как после того как инвестиции произведены, и работодатель и работник могут попытаться изменить трудовой контракт в своих интересах (Becker, 1993).

Г. Беккер рассматривает семью как ключевой субъект инвестирования в человеческий капитал. Семья оказывает огромное влияние на экономику, а развитие экономики значительно изменяет структуру семьи и характер принимаемых в ней решений. Обсуждая проблемы экономического роста и других макроэкономических вопросов, он показал, как взаимодействуют семья и экономика. Инвестируя в навыки, привычки и ценностные установки, образование и квалификацию детей, родители выигрывают от любых вложений, норма отдачи которых выше, чем доходность по обычным сбережениям. В косвенной форме они откладывают сбережения на старость, сначала инвестируя в детей, а затем по достижении преклонного возраста уменьшая величину оставляемого им наследства. И родители, и дети остаются в выигрыше, если родители сначала направляют все инвестиции в детей, поскольку это обеспечивает более высокие нормы отдачи по сравнению с обычными сбережениями, а затем корректируют величину наследства в зависимости от эффективного уровня этих инвестиций (Becker, 1993).

Используя функцию полезности, Беккер и Барро показали (Barro, Becker, 1989; Becker, Barro, 1988), что (в долгосрочном периоде) родители выбирают оптимальные значения своего собственного потребления и инвестиций в человеческий капитал, то есть количество детей и объем капитала, передаваемого каждому ребенку, учитывая при этом издержки на содержание детей и зависимость своей полезности от уровня будущей полезности детей. Беккер обосновывает отрицательную связь между социальными расходами (на пожилых людей) и числом детей в семье в социальном государстве (развитых странах), так как «полезность» детей,

заботящихся о родителях в старости, снижается (Becker, 1988). К сокращению рождаемости может привести и преобладание эффекта замещения при росте заработной платы, в том числе связанной с более высоким уровнем квалификации, поскольку в этом случае цена инвестиций в детей, как альтернативы занятости так же возрастает.

Беккер показал, что в богатых семьях отсутствует тенденция к недоинвестированию в человеческий капитал детей, так как эти семьи оставляют наследства и дарения. В бедных же семьях существует тенденция к недоинвестированию в человеческий капитал детей. Они, как правило, не оставляют наследств и дарений, кроме того, они больше и чаще распадаются. Поэтому соотношение между заработками отцов и детей в богатых семьях зависит главным образом от соотношения между их природными качествами, в то время как соотношение между заработками отцов и детей в бедных семьях зависит также и от степени недоинвестирования в каждого ребенка. Это делает важной государственную политику, направленную на компенсацию недоинвестирования в человеческий капитал бедных детей. В противном случае, низкие заработки становятся более устойчивыми, чем высокие, на протяжении многих поколений, а «культура бедности», передаваемая от поколения к поколению, преобладает над «культурой привилегированных слоев» (Becker, 1988). Получены эмпирические подтверждения, что ценность инвестиций зависит от продолжительности жизни (Meltzer, 1992). Чем она ниже, тем ниже ожидаемая отдача от инвестиций в человеческий капитал. Все это особенно актуально в свете демографических процессов 1990-х и сохраняющегося воспроизводства «бедности» на Севере без должной государственной поддержки.

Если инвестиции в образование выступают альтернативой текущему потреблению (при ожидаемом в перспективе повышении отдачи), то сам процесс получения образования следует рассматривать как альтернативу другим стратегиям поведения: занятости в официальном или неофициальном секторах экономики, криминальной деятельности или досугу. Выберет ли индивид учебу, зависит не только от уровня доходов и доступности образовательных услуг, но и от степени его информированности об ожидаемой норме отдачи на образование. Это представление (информированность) во многом формируется под действием образцов для подражания в семье, школе, других социальных группах, под действием телевидения и других средств масс-медиа. Поэтому уровень образования, как правило, носит

преемственный характер, то есть в семье, где родители с высшим образованием, дети, скорее всего, получают высшее образование. Выбор более высокого, чем у родителей образовательного уровня, демонстрирует его общественную ценность. Для изолированных северных поселений важно влияние мнения сообщества, принятых в нем стратегий инвестирования в образование.

И домохозяйства, и работодатели будут инвестировать, если рассчитывают, что затраты окупятся и вернутся с отдачей, поэтому инвестиции оцениваются с позиции риска. Формально ожидаемая отдача на инвестиции с учетом риска может быть выражена как сумма вероятных норм отдачи, взвешенная вероятностями получения этих норм. Причем вероятность может рассматриваться как разность единицы и величины риска. Чем риск выше, тем ниже будут вложения в человеческий капитал. Этот риск может быть связан с низкой продолжительностью жизни (Meltzer, 1992), с низкими шансами увеличить трудовые доходы в будущем из-за отсутствия рабочих мест или неэластичности цены труда к уровню образования (на монопсоническом рынке). Следовательно, риск зависит от степени информированности субъектов о конъюнктуре рынка труда, условиях и уровне занятости (Эренберг и др., 1996).

Дальнейшее развитие неоклассической модели экономического роста позволило включить в нее кредитное ограничение на инвестиции индивидуумов, как следствие несовершенной информации и морального риска (Barro, 1999). Эдвардс (Edwards, 1975) показал, что инвестиции в образование и другие формы человеческого капитала не повторяют колебаний цикла деловой активности, в отличие от инвестиций в физический капитал потому, что ценность времени, которым жертвуют ради учебы, в плохие времена ниже.

Особенности процесса инвестирования человеческого капитал на Севере. Современному инвестиционному процессу на Севере характерны как общероссийские тенденции, так и специфические черты. Главная причина недоинвестирования в человеческий капитал и нарастающих региональных и внутрирегиональных диспропорций - продолжающийся процесс перехода от модели государственного патернализма к модели социального партнерства, сопровождающий формирование рыночных отношений. В условиях плановой экономики фактически присутствовал один инвестор - государство. Поскольку государство было и главным заказчиком человеческого капитала, государственные

нормы в существенной мере предопределяли поведение домохозяйств, их планы по рождению детей, доступность и востребованность профессионального образования на разных уровнях, качество жизни, влиявшее на ее продолжительность.

Разгосударствление экономики привело к пересмотру стратегий домохозяйств, которые стали самостоятельными инвесторами. Этому способствовали фактическая отмена многих социальных гарантий, в первую очередь, гарантии дохода, обеспечивающего минимальные жизненные потребности, гарантии занятости. Эти изменения привели к резкому снижению рождаемости и росту смертности - последствиям недоинвестирования (Демографическое будущее России, 2001; Римашевская, 2004; Шевяков, 2005). Статистический анализ взаимосвязи инвестиций в человеческий капитал между доходами населения, ростом экономики для северных регионов, подтверждающий этот вывод, приведен в главах 3, 4. Вместе с тем, снижение финансирования системы образования и появление платных образовательных услуг позволили домохозяйствам пересмотреть инвестиционные планы в получении профессионального образования. Ожидаемые нормы отдачи на инвестиции наиболее высоки для вузовского образования. Вместе со снижением контроля знаний студентов это привело к росту инвестиций, который исследователи называют беспрецедентным (Капелюшников, 2007). За период 1995-2003 гг. численность студентов вузов выросла почти в 2,3 раза (с 2,8 млн. до 6,4 млн. человек), тогда как на протяжении предыдущей четверти века (1970-1995 гг.) она оставалась практически на одном уровне (в пределах 2,7-3 млн. человек) (Чижова, 2006).

Для уровня начального профессионального образования эти нормы стали в большинстве регионов низкими как из-за спада в реальном секторе экономики (при росте финансового), который привел к снижению спроса на рабочие руки, так и из-за снижения качества образования вследствие недофинансирования ПТУ и ссузов. Поэтому растущая экономика испытывает недостаток квалифицированных рабочих, специалистов технического профиля (Капелюшников, 2007; Соболева, 2003; Попов, 2004). Анализ, проведенный ниже, доказывает, что эти тенденции характерны и для северных регионов.

Усиление межрегионального экономического неравенства проявилось и в неравенстве отдачи на инвестиции в образование. Поэтому больший спрос, а соответственно и предложение платных образовательных услуг наблюдается в экспортно-ресурсных регионах

Севера - Ханты-Мансийский АО (рост с 1990 по 2002 г. в 10 раз) и Якутия (в 3,8 раза), на что обращают внимание многие исследователи (например, Зубаревич, 2003). Снижение доходов населения, сокращение миграции для получения образования в крупнейшие вузовские центры, при смягчении барьера на создание новых учебных заведений привело к регионализации системы образования, главным образом, высшей школы за счет создания филиалов сначала столичных, а затем и периферийных вузов. Этот процесс также происходит неравномерно, больше в регионах с высокими темпами экономического роста.

Российской особенностью остается низкая эластичность производительности труда к изменению качества человеческого капитала, квалификационной структуре занятых. Так Л. Чижова считает, что рост выпускников вузов практически никак не помогает улучшению основных показателей социально-экономического развития страны, повышению эффективности и конкурентоспособности отечественных предприятий (Чижова, 2006). Они используются неэффективно и не выполняют функции «локомотива» научно-технического прогресса, либо находятся из-за избытка по отношению к реальным потребностям, либо из-за плохой организации труда, либо их специализация и уровень компетентности не соответствуют современным технико-экономическим реалиям (там же). Если в большинстве зрелых рыночных экономик нормы отдачи на образование лежат в диапазоне 8–10%, то в плановой экономике были не более 1–2% (Капелюшников, 2007), и эти тенденции медленно меняются в условиях перехода к рыночным отношениям. Несмотря на то, что современные оценки нормы отдачи на образование свидетельствуют о ее положительной динамике (Капелюшников, 2007), важно выделить здесь эффекты экономического роста и достижения внутренними ценами на труд мирового уровня, которые искажают реальные нормы отдачи на образование (этот анализ выполнен в гл. 4). В долгосрочной тенденции существенный рост обладателей вузовских дипломов неизбежно приведет к избытку специалистов при усилении нехватки рабочих рук.

Помимо российских закономерностей, распространяющихся на инвестиционный процесс на Севере, северные условия отличают дополнительные риски отдачи от инвестиций в человеческий капитал. Эти риски следующие:

1) продолжительность жизни значительно сильнее зависит от ее условий. Подтверждением этому служит то, что в 1990-е продолжительность жизни коррелирует со спадом в экономике в северных регионах, тогда как в климатически комфортных южных регионах, на Кавказе, она оказалась неэластичной ни к региональному экономическому росту, ни к уровню занятости, ни к уровню официальной заработной платы (Зубаревич, 2003). Низкая продолжительность жизни, ранний пенсионный возраст, высокая заболеваемость сокращают стимулы к инвестированию, как у домохозяйств, так и у работодателей, особенно в получение образования лицами старше 45 лет;

2) население, особенно в трудоспособном возрасте, отличается высокой мобильностью, что снижает заинтересованность работодателей;

3) северные рынки труда информационно менее прозрачны из-за их изолированности;

4) цена труда менее эластична по инвестициям в образование вследствие монополии на большинстве локальных рынков труда, что объясняет низкую заинтересованность населения в получении дополнительного профессионального образования, особенно в сельской местности.

5) из-за традиционного экономического уклада у коренного населения Севера и пришлого изначально неравные конкурентные позиции. Профессиональная подготовка у коренного населения, как правило, не только отсутствует, но и требует значительно большего времени на приобретение. Она включает не только саму подготовку, но и большой запас знаний и навыков, которые человек в индустриальном обществе получает исподволь в процессе развития. Без вмешательства государства различие в культурах приводит к вытеснению северян с рынка труда.

Перечисленные риски накладывают негативный отпечаток на характер инвестирования. Они объясняют необходимость дополнительной государственной политики, стимулирующей инвестиции в человеческий капитал на Севере, которая должна осуществляться, по мнению многих отечественных исследователей (Агранат, 2007; Витязева, 1995; Грамберг и др., 1998). Эта необходимость диктуется также наличием на Севере не только рентабельного сырьевого сектора, но и оборонных объектов, связанной с ними инфраструктуры, объектов общетехнического и

экономического характера, несущих международное назначение (гидрометеослужба, геодезические съемки, государственные инспекции, транзитная связь и транспорт), где отдача на человеческий капитал определяется национальной безопасностью, мировым статусом государства.

Использование человеческого капитала - отдача от инвестиций. Недоиспользование человеческого капитала в период рыночных преобразований в России привело к снижению его качества (Соболева, 2005; Римашевская, 2004). Сопоставление характеристик российского человеческого капитала с состоянием его в других странах позволяет сделать вывод о существовании огромного разрыва между потенциальной и наблюдаемой эффективностью использования. С одной стороны, фактическая производительность труда в России остается весьма и весьма низкой по международным меркам. С другой стороны, накопленный ею человеческий капитал с количественной точки зрения является одним из самых значительных в мире (Капелюшников, 2007; Barro etc., 2001). Такая ситуация отражает «наследство», оставшееся от предшествующей системы, усилившиеся диспропорции в квалификационном уровне: перепроизводство учащихся вузов и ссузов при снижении численности учащихся ПТУ, неэффективность рынка труда как института, функции которого должны быть направлены на регулирование спроса и предложения на рабочую силу в различных квалификационных сегментах.

Для северных территорий специфическими чертами, ведущими к недоиспользованию человеческого капитала, являются высокая автономность локальных рынков труда, что повышает транзакционные издержки на поиск подходящего рабочего места (Северная экономика..., 1996), а также преобладание производств, продукция которых потребляется за пределами территории, региона, над производством для внутреннего потребления. Это приводит к неустойчивости северных экономик, зависимости конъюнктуры на рынке труда от внешнего потребителя (The Economy..., 2006). Потеря внешнего потребителя ставит под угрозу существование целых сел и городов. Примерами могут служить Воркута и Инта (Республика Коми), оказавшиеся в 1990-е в состоянии длительного экономического спада вследствие разрушения хозяйственной связи с металлургическим производством - потребителем коксующихся углей. «Болезненные процессы истощения человеческого капитала в

результате массового выезда квалифицированных кадров с Севера, сжатия многих сообществ северной периферии, падения реальных доходов и сокращения круглогодичной занятости многих северян не только результат рыночной реформы, но и издержек пост-индустриальной трансформации, технико-экономического и организационного перехода, календарно приуроченного к рыночным реформам, но значительно более глубинного и длительного процесса» (Пилясов, 2007, с.36).

Климатические ограничения в ведении сельского хозяйства, территориальные на развитие малого бизнеса, ориентация на крупномасштабную добычу природных ресурсов усиливают зависимость от крупных производств как основных мест занятости (The Economu..., 2006). Это объясняет, почему зарплата является основным источником личных доходов не только для Российского Севера, но и для зарубежного (Российский Север и федерализм..., 1996). Государство традиционно выступает одним из крупнейших работодателей в северных регионах (оборона, общественный сектор, управление, системы здравоохранения, образования и науки) (Российский Север и федерализм..., 1996; Economu..., 2005). Ценность государственных учреждений усиливается тем, что они выступают не только в роли производителя товаров и услуг и работодателя, но и фундамента локальных экономик, на котором потенциально возможно наращивание малого бизнеса в социальной и производственной инфраструктуре, то есть создания новых рабочих мест. Перспективы саморегулируемого рынка в принципе достижимы и в северных городах, но тесно связаны с положением градообразующего производства (Котырло, 2007 2). Сотрудничество и взаимопомощь в северных сообществах также способны оказать существенное влияние на создание малых предприятий, возрождение разрушенных производств (Riabova, 2001), поэтому накопление социального капитала рассматривается как одно из важных условий создания устойчивого как в социальном, так и экономическом плане развития.

Эффективность использования человеческого капитала зависит от его мобильности. 1990-е характеризовались большим потоком стихийной миграции, которая происходила в направлении с севера на юг (Фаузер, 2005), из периферии к центрам (Лексин и др., 2004; Пчелинцев, 2001; Горшунов и др., 2002). Миграционная активность в какой-то мере позволила сгладить последствия экономического спада

и нарастание безработицы. Хотя исследования внутрирегиональной динамики свидетельствуют о том, что далеко не везде снижение занятости сопровождалось массовым отъездом. В большей мере это характерно городам, в значительно меньшей – селам. Институциональными ограничениями на мобильность выступают не только стесненность в денежных средствах, но и неразвитость инфраструктуры рынка труда, отсутствие информации о возможностях и условиях потенциального трудоустройства в других районах, регионах.

С точки зрения сохранения качества человеческого капитала миграционная активность выступает положительным фактором. Люди уезжают, чтобы найти достойное применение своим знаниям и способностям. Если Север потерял немалую долю квалифицированных кадров, то они, по крайней мере, оказались востребованы в других регионах. Наоборот, низкая мобильность сельских жителей и низко квалифицированной рабочей силы северных городов стали причиной деградации человеческого капитала. Не имея постоянной занятости и перспектив изменить ситуацию, люди спиваются, рушатся семьи. В период роста безработицы выросла заболеваемость болезнями, имеющими социальные корни, в частности, туберкулезом. Недоинвестирование в человеческий капитал затрагивает не только безработных, но и их семьи. Дети недоедают, недополучают образования. Не только у подростков, но и у детей все чаще регистрируется алкоголизм. Таким образом, безработица вкупе с ограничениями на мобильность и низкими социальными связями внутри сообществ ведет многие северные поселения в «ловушку бедности», характеризующейся утратой человеческого капитала, усиливающейся от поколения к поколению.

Принципы расселения также влияют на эффективность использования человеческого капитала. Есть мнение, что стационарных поселений на Российском Севере больше создаваться не будет, то есть будущее за мобильными вахтовыми поселками (Пилясов, 2007, с. 43). Вахтовый метод, как форма высокой трудовой мобильности, в известной мере, позволяет решить проблемы потери рабочих мест, связанные с истощением природных ресурсов, которые возникают в стационарных поселениях. Таким образом, решается и проблема деградации человеческого капитала в поселениях с ликвидированными производствами. Вахтовый метод экономичен и в плане развития социальной инфраструктуры, поскольку ориентирован

на привлечение работников без семей. Однако при его использовании возникает угроза качеству человеческого капитала из-за того, что работники-вахтовики почти постоянно находятся в состоянии стресса иммунной системы, быстрее происходит старение организма. Возникают также психологический и социальный стрессы, связанные с работой вдали от семьи и последующей адаптацией к семейной жизни во время отдыха.

Помимо использования вахтового метода, предлагается кластерное развитие Севера, то есть создание нескольких опорных зон, в которых будет концентрироваться население и производство (Пивоваров, 2002). Переселение жителей из неперспективных северных городов и поселков действительно сейчас реализуется (О жилищных субсидиях..., 2002). Несмотря на стремление обеспечить экономическую эффективность региональной политики этот подход имеет ряд слабых мест, сформулированных Р.М. Мельниковым. Во-первых, достаточно высоки издержки государства и общества, связанные с обеспечением переселения населения из периферийных в развитые центральные регионы. Во-вторых, возникает проблема чрезмерной нагрузкой на социальную инфраструктуру в центрах. В-третьих, не учитываются последствия отказа от использования инфраструктуры, уже созданной в периферийных районах, и утраты преимуществ, связанных с облегчением дальнейшего развития уже частично освоенных территорий. В-четвертых, необоснованно игнорируются геополитические задачи региональной северной политики, предусматривающей обеспечение относительно равномерного освоения обширных пространств России (Мельников, 2006, с. 138). По мнению В.Н. Лексина и А.Н. Швецова, нарастающие потери человеческого и физического капитала обширной периферии, ограничение внутреннего рынка межрегиональным обменом между опорными зонами, способно перекрыть экономические выгоды, связанные с реализацией эффектов масштаба и агломерационной экономии, и привести к снижению темпов роста в стране в целом на фоне резкого углубления межрегиональных диспропорций (Лексин и др., 2004).

Как совершенно особый сегмент северного рынка труда выделяются национальные села (Российский Север и федерализм..., 1996). Среди коренных народностей Севера грамотность значительно ниже, чем в среднем по России. Жители заняты преимущественно традиционными видами экономической деятельности. Возможности

такой занятости сокращаются из-за того, что промышленное освоение нередко сопровождается захватом или загрязнением территорий, на которых ведется выпас оленей, охотничий промысел. Другая причина, замедляющая появление рабочих мест - неумение организовать рентабельное производство. Десятилетиями представители коренных народов были лишены возможности самостоятельно решать как вести хозяйство, согласовывать с корпорациями-разработчиками, государством условия и территории для промышленного освоения, решать какое образование традиционное или «западное» передавать детям. Вместе с преодолением безграмотности и повсеместной доступностью сначала начального, а затем и среднего общего образования, усиливался разрыв между тем, чему дети обучались, и тем, что необходимо было знать и уметь для ведения оленеводческой деятельности, жизни в суровых условиях тундры. Неприиспособленность к жизни стала причиной пьянства и преждевременного ухода из жизни.

Конфликт между «западным» и «северным» знанием, ведущий к недоиспользованию человеческого капитала северных народов, характерен не только России. Необходимость его решения определяет политику в отношении северных территорий Канады, Аляски (США). В ее приоритеты входит создание условий для вовлечения коренного населения в занятость на промышленных объектах при сохранении их самобытной культуры и традиционных видов деятельности. Основным подходом к эффективному использованию человеческого капитала выступают формирование социальной ответственности и строительство отношений между населением и их объединениями, и руководителями предприятий в местности, где они проживают, федеральными и региональными органами власти, муниципалитетами, охватывающих защиту земель, природных ресурсов, их менеджмент, самоуправление, обеспечение занятости, организацию профессиональной подготовки и т.д. (Securing Northern..., 1999; Task Force..., 2001; Diavik's Environmental..., 1999).

Угроза истощения природных ресурсов, на которые ориентирована северная экономика, выдвигает новые требования к качеству человеческого капитала. Его повышение способно в будущем при соответствующей смене производственных технологий обеспечить занятость населения, реструктуризацию производства при сохранении рентабельности. Опыт северных стран Европы подтверждает, что высокий профессионально-квалификационный уровень занятых,

высокая культура потребления вместе с развитой инфраструктурой позволяют преодолеть проблемы географической изоляции и высоких издержек на ресурсы (Кузнецов, 2005). Например, корпорация Нокia (Nokia) производит сотовые телефоны и другие радиоприборы на севере провинции Оулу (Финляндия), обеспечивая более 10 тыс. рабочих мест (The Economy..., 2006). Программа реструктуризации экономики, создания рабочих мест в обрабатывающей промышленности, проводится в Аляске, где запасы нефти на Северном Склоне близки к истощению.

Таким образом, качество использования человеческого капитала в регионах Севера, нормы отдачи на инвестиции взаимосвязаны с характером вовлечения физического капитала и природных ресурсов. Чем выше рентабельность производства, темпы экономического роста, тем выше потребность в человеческих ресурсах. Развитие зарубежного Севера свидетельствует о росте спроса на качество человеческого капитала, объясняемое снижением доли добывающих отраслей и ростом доли обрабатывающих. Это приводит к повышению цены труда и стимулирует накопление человеческого капитала, то есть инвестиции не только в образование, но и охрану здоровья, воспитание детей, в услуги, повышающие комфортность условий для жизни.

Помимо производственных технологий на использование человеческого капитала влияют институциональные рамки. Это механизмы взаимодействия участников рынка труда, развитость его инфраструктуры, степень обеспечения решений фирм и индивидов информацией о конъюнктуре локального рынка и конкурирующих за ресурсы рынков. Использование современных коммуникационных технологий позволило бы преодолеть информационную непрозрачность, сбалансировать северные рынки труда благодаря миграции, направленной из регионов с избытком рабочей силы в регионы с растущей потребностью в ней. Здесь имеется в виду не только Интернет, как виртуальное пространство для взаимодействия работодателей и работников, физически удаленных друг от друга на сотни и тысячи километров, не только накопление информации о зарплатах и вакансиях в банках данных, но и умение представителей государственных органов договариваться с представителями бизнеса о создании рабочих мест, проведении профессионального обучения населения и т.д. Поэтому важной проблемой северных рынков труда является приобретение навыков и отработка механизмов «согласования интересов и налаживания эффективного

взаимодействия (партнерства) ресурсных корпораций, общин коренных народов, других институтов гражданского общества и региональной власти на постоянной основе» (Пилисов, 2005, с. 420).

Институциональные факторы способны существенно изменить процессы вовлечения человеческого капитала в производство, причины его мобильности, географической и вертикальной, профессиональной подготовки и переподготовки. С позиции законодательного, методического, финансового обеспечения деятельности посредников, возникающих транзакционных издержек можно объяснить причины снижения или роста эффективности использования человеческого капитала. Инструментами анализа выступают анализ полноты социального контракта, транзакционные издержки участников северных рынков труда, которые подробно будут рассмотрены в главах 5 и 6. Институциональное реформирование северной социальной политики, развитие социального партнерства стимулирует инвестирование в человеческий капитал со стороны крупных корпораций, с одной стороны. С другой, формирует северные сообщества как институты, стабилизирующие социально-экономическое развитие территорий, обеспечивающие долгосрочный процесс человеческого развития как основной ценности общества.

Резюме

В данном исследовании *«человеческий капитал»* понимается как ресурс, используемый в производстве, характеризующийся отдачей - ценой и производительностью труда, количеством - численностью населения, его половозрастной структурой и качеством, формально оцениваемой через образовательную структуру. *Накопление человеческого капитала*, как главная ценность регионального развития, характеризуется не только динамикой инвестиций в образование по уровням образования, но и динамикой рождаемости, смертности, миграции. *Использование человеческого капитала* оценивается уровнями занятости и безработицы, отраслевой структурой занятых, профессионально-квалификационными характеристиками.

Относительно высокие затраты на накопление человеческого капитала на Севере связаны как с низкой плотностью заселения территории и неравномерностью расселения, так и экстремальными условиями проживания и работы. Специфическими чертами северных

территорий являются высокая автономность локальных рынков труда, связанная с барьерной ролью расстояний, преобладание производств, продукция которых потребляется за пределами территории, региона, над производством для внутреннего потребления. Потеря внешнего потребителя ставит под угрозу существование целых сел и городов, ведет к недоиспользованию человеческого капитала. Экономический расцвет нефтегазовых регионов происходит на фоне глубокой депрессии северных территорий, не располагающих сопоставимыми по рентабельности добываемыми ресурсами. Чем выше темпы экономического роста, тем больше и более высокого качества потребность в человеческих ресурсах. Это ведет к усилению неравномерности в использовании человеческого капитала в масштабах Севера. Усугубляются межрегиональные контрасты в его накоплении. Поскольку нормы отдачи на труд определяют цену труда, инвестиционный потенциал домохозяйств в получении образования, охране здоровья, рождении и воспитании детей, приобретении услуг, повышающих комфортность жизни, использование человеческого капитала во многом определяет процессы его накопления на Севере.

Российский Север определяется в данном исследовании, как перечень территорий, подпадающих под действие Закона «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (1993, ред. 2004), но в качестве базы исследования выбраны субъекты РФ, где все территории имеют статус Крайнего Севера или приравненной к ним территории. Это позволяет использовать базу данных Росстата по регионам России для эмпирической проверки гипотез, сравнить характеристики этой типической группы (16 регионов) с характеристиками «несеверных» регионов, где все территории, наоборот, не имеют такого статуса (всего 56 регионов). При этом за пределами анализа из-за отсутствия статистических данных остаются регионы, в которых под закон «О государственных гарантиях...» (1993) подпадает лишь часть территории. Закономерности, полученные по выборке из 16 регионов, где проживает более 8 млн. чел. на площади 9734 тыс. кв. км могут быть обобщены на всю территорию Севера.

Понятие северности в российской экономике определено недостаточно четко, в частности, смешивается с понятием депрессивности и удаленности территории от центра. Это усложняет не только анализ процессов человеческого развития на Севере, но и

определение приоритетов северной политики, выработки действенных и экономически эффективных механизмов накопления и использования человеческого капитала. К важным достижениям советской науки, на которых основывается современная северная политика, определяющая эти процессы, относится следующее:

- были научно обоснованы границы Советского Севера (схема Славина);
- был разработан комплекс северных социальных гарантий (О льготах..., 1945; О расширении льгот для лиц..., 1967), не только обеспечивший индустриальное развитие Севера за счет роста населения более, чем в четыре раза, но и ставший в условиях рыночной экономики основой для формирования и развития региональной и корпоративной социальной политики, а также трехсторонних соглашений;
- были разработаны государственные нормативы, согласно которым северяне обеспечивались основными благами, необходимыми для полноценного воспроизводства трудовых ресурсов или накопления человеческого капитала.

Формирование рыночных отношений усилило и обнажило диспропорции социально-экономического развития Севера. Многие производства без государственной поддержки стали нерентабельны. Потеря градообразующими предприятиями своей роли в период рыночных трансформаций вылилась в сокращение рабочих мест, снижение доходов населения и последующие потери человеческого капитала, как вследствие миграционного оттока, так и вследствие роста смертности и сокращения рождаемости, алкоголизации населения. Снижение объема государственных гарантий северянам в период 1990-х усилило процесс деградации человеческого капитала. Население многих северных городов и поселков, созданных в советское время, испытывает тройной гнет от природной дискомфортности, подрывающей здоровье и не компенсируемой современной северной политикой; экономических потрясений и потери рабочих мест; социальной незащищенности, фактического развала в труднодоступных населенных пунктах систем здравоохранения, образования, культуры.

В рыночных условиях получил распространение *проблемный подход* к изучению Севера, то есть специфические северные вопросы, требующие изучения и поиска решений, формулируются как проблемы. Многочисленные исследовательские работы направлены на поиск и объяснение мер усиления государственной поддержки. При этом недостаточно внимания уделяется разработке и обоснованию рыночных механизмов саморегуляции. Модель зависимости северных территорий от сильного государства, определяющего правила перераспределения национального дохода, уровень жизни различных категорий северян, перспективы человеческого развития воспроизводится как теоретически, так и практически. Заостряется внимание на межуровневых процессах этого перераспределения (федеральный, региональный, муниципальный, семейный), но упускаются из виду главные ценности - накопленный человеческий капитал и эффективность его использования.

Эмпирические работы по северной тематике, как правило, ограничиваются сопоставлением либо северных регионов между собой, либо описанием социально-экономических условий в одном или нескольких регионах. До сих пор не проводились эконометрические исследования для выявления закономерностей в экономическом развитии северных регионов и накоплении человеческого капитала. Крайне мало внимания уделяется исследованию влияния институциональных рамок на накопление человеческого капитала на Севере, таких как изменения прав собственности, инфорсmenta российского законодательства, мировой роли Российского Севера. Работы, посвященные эволюции северной социальной политики, пока единичны и не представляют собой целостного исследования.

Можно выделить ряд концептуальных подходов к объяснению региональной экономической динамики, по-разному трактующих как движущие силы развития региональных систем, в том числе роль человеческого капитала (чаще используются родственные термины «человеческий фактор», «трудовые ресурсы» и др.), так и ожидаемые результаты этого процесса, не только экономический рост, но и рост благосостояния населения. Это теории разделения труда, теории размещения производительных сил, теории кумулятивной причинности, неоклассические теории экономического роста.

В этих теориях человеческий капитал рассматривается как производственный ресурс, то есть только с точки зрения

экономической отдачи, цена и доступность которого определяет его качество и количество в производстве, выбор технологии производства, вида деятельности, а процессы его накопления остаются за пределами анализа. За рамками анализа остаются сами процессы вовлечения человеческого капитала в производство, причины его мобильности, географической и вертикальной, профессиональной подготовки и переподготовки. Эти процессы объясняются характером взаимодействия с посредниками рынка труда, его инфраструктурой, степенью обеспечения решений фирм и индивидов информацией о конъюнктуре локального рынка и конкурирующих за ресурсы рынков, то есть институциональными факторами.

В рамках институционального подхода, возникающих транзакционных издержек, существующего законодательного, методического, финансового обеспечения деятельности посредников, можно объяснить причины снижения или роста эффективности использования человеческого капитала, процессы его накопления. Для критического анализа северной политики в отношении человеческого капитала, важно, что инвесторами могут выступать государство, отдельные предприятия, сам владелец человеческого капитала, его семья (домохозяйство), поскольку и общество, и конкретное производство, и домохозяйства выигрывают от инвестиций в той или иной мере. Мнения о том, какова роль этих субъектов в инвестициях в человеческий капитал на Севере различны.

Северные условия для инвестирования в человеческий капитал характеризуются высокими рисками потери вложений, связанными:

- 1) с низкой продолжительностью жизни и более высоким в сравнении с «несеверными» регионами уровнем заболеваемости, что сокращает стимулы к инвестированию как у домохозяйств, так и у работодателей. Без вмешательства государства ведет к деградации человеческого капитала;

- 2) высокой мобильностью населения, особенно в трудоспособном возрасте, что снижает заинтересованность работодателей;

- 3) информационной непрозрачностью северных рынков труда, усиливаемой изолированностью локальных рынков друг от друга, что объясняет низкую заинтересованность населения в получении дополнительного профессионального образования особенно в сельской местности;

4) низкой эластичностью цена труда к инвестициям в образование из-за монополистического положения крупных предприятий на территориальных рынках, что также снижает заинтересованность работодателей и домохозяйств в инвестициях.

Роль государства состоит в снижении этих рисков для субъектов северной экономики, особенно на этапах начала освоения территории или реструктуризации экономики.

Глава 2. Человеческий капитал в моделях экономического роста. Применение моделей в политике северных государств

2.1. Оценка отдачи от человеческого капитала в моделях экономического роста

Рассмотрим более подробно трансформацию роли человеческого капитала в неоклассической теории экономического роста. Основные экономические закономерности, на которых основываются модели экономического роста, состоят в том, что чем больше склонность к накоплению капитала, тем больше темп экономического роста; что рынок способен самостоятельно обеспечить равновесный рост в долгосрочном периоде, поэтому нет необходимости в государственном вмешательстве в экономику (Нуреев, 2001). В рамках этого подхода в данном исследовании оценивается модель производственной функции в виде, предложенном Сала-и-Мартином и Барро (Barro etc., 1992) по статистическим данным для групп северных и «несеверных» регионов (гл. 4). Цель эмпирического оценивания состояла в измерении чувствительности экономического роста к человеческому капиталу. Это, во-первых, демонстрирует эффективность использования человеческого капитала, во-вторых, позволяет оценить насколько северные регионы способны к саморазвитию, автономности в сравнении с «несеверными», а, соответственно, к развитию человеческого капитала за счет внутри региональных ресурсов, повышения доходов, развития технологий и т.д.

Неоклассические теории экономического роста не только объясняют сложившееся неравенство в региональном экономическом развитии, но и обосновывают закономерности дальнейшего развития. Основная гипотеза состоит в возможности сближения темпов экономического роста для регионов или *конвергенцию*, имевших разные начальные характеристики в обеспеченности физическим и человеческим капиталом и природными ресурсами. При этом различны их взгляды на роль государственного вмешательства в региональное развитие.

Развитие этой теории представлено работами Д. Асемоглу (Acemoglu), А. Андерсона и Дж. Манцинена (Andersson, Mantsinen), Р.

Барро и Х. Сала-и-Мартина (Barro, Sala-i-Martin), Г. Беккера (Becker), Р. Бенабу (Benabou), Г.С. Бламквиста, М.С. Бергера, Дж.П. Оэна (Blomquist, Berger, Hoehn), Дж. Бортса и Дж. Стейна (Borts, Stein), Дж. Думонда, Б. Хирша, Д. Макферсона (Dumond, Hirsch, Macpherson) Х. Зиберта (Siebert), Р. Лукаса (Lucas), П.М. Ромера (Romer), Х. Узава (Uzawa), Б. Улина (Ohlin) и др. Отечественные исследования в этом направлении проводились Л. Валитовой, А.В. Воронцовским, А.Г. Гранбергом, С. Дробышевским, Г.Б. Клейнером, Р.М. Мельниковым, Н.Н. Михеевой, И.В. Розмаинским и др.

Человеческий капитал рассматривается как важнейший ресурс, отдача от которого растет вместе с экономическим развитием. Вопросы отдачи от человеческого капитала в моделях экономического роста исследуются Р.Дж. Барро (Barro), Г. Беккером (Becker), П. Даймондом (Diamond), Р. Лукасом (Lucas), С. Ребело (Rebelo), С. Розеном (Rosen), П.М. Ромером (Romer), Х. Узава (Uzawa), К.Дж. Эрроу (Arrow), Д.В. Джоргенсоном и Б.М. Фромени (Jorgenson, Fraumeni), Л.Н. Эдвардсом (Edwards) и др.

Экономический рост, сказываясь на увеличении доходов домохозяйств, расширяет диапазон экономического выбора и развития способностей индивидуумов, способствует увеличению качества человеческого капитала. В свою очередь, чем выше качество человеческого капитала, тем большее воздействие он оказывает на экономический рост. Впервые этот тезис появляется в работах Г. Беккера (Becker, 1971). Теории экономического роста, как правило, включают вопросы взаимовлияния между экономическим развитием и накоплением человеческого капитала, более того, рассматривают последнее как базовую ценность.

Важно то, что государственное вмешательство в этих моделях рассматривается как меры, направленные на экономическое развитие. Такие параметры как изменение ставки налогов, процентной ставки по кредитам, трансферты региональным экономикам выступают экзогенными переменными производственной функции. Следовательно, с неоклассической точки зрения государственная поддержка экономического развития косвенно влияет на человеческий капитал, накопление которого происходит в соответствии с рыночными законами: чем больше ожидаемая отдача от инвестиций и чем меньше их величина, тем больше будет их размер. С этой точки зрения будет рассмотрена государственная политика зарубежных стран и представлены результаты эконометрического анализа.

Современная теория человеческого капитала решает вопрос о вкладе образования и квалификации в экономический рост и их влиянии на величину оплаты работника. Концепция анализа человеческого капитала, основанная на дополнении неоклассической модели экономического роста функцией предельной полезности индивида, позволила определить не только отдачу человеческого капитала на экономический рост, но и объяснить многие социальные явления с экономической точки зрения. Анализ человеческого капитала исходит из предпосылки, что, принимая инвестиционные решения, то есть решения о получении образования и профессиональной подготовки, медицинском обеспечении и других формах пополнения знаний и улучшения здоровья, индивиды соотносят выгоды с издержками. В число выгод помимо культурных и прочих неденежных благ входят более высокие заработки и профессиональный рост, тогда как издержки определяются в основном упущенной ценностью времени, затраченного на эти инвестиции.

Начало исследований в этой области относится к 30-м годам XX в. Способом описания зависимости между региональным ростом и используемыми ресурсами выступает *производственная функция* (production function). Наиболее известна самая простая модель, предложенная Коббом и Дугласом и развитая Солоу (1), где человеческие ресурсы выступают не только дополнителем, но и заменителем к капиталу и другим ресурсам.

$$Y(t) = A(t)K(t)^\alpha L(t)^\beta, \quad (1)$$

где K - количество затрачиваемого физического капитала, L - количество затрачиваемого человеческого капитала; Y - производственный результат; t - период времени, A - коэффициент приведения, $0 < \alpha < 1$, $0 < \beta < 1$ - коэффициенты эластичности, отражающие влияние ресурсов на производство. Человеческий капитал в ней такой же накапливаемый фактор, так же как и физический капитал. Согласно модели оптимальное сочетание используемых ресурсов достигается, если цена ресурса, например, труда $w(t)$ равна предельной величине произведенного продукта $\frac{\partial Y(t)}{\partial L(t)}$ или норме отдачи на труд. Это объясняет наблюдаемый во

многих отраслях, особенно в их конкурентных сегментах, процесс сокращения затрат труда при увеличении затрат капитала, сопровождающийся внедрением новых технологий, что приводит к снижению себестоимости производимой продукции. Наблюдаемое усиление моноотраслевой специализации северных региональных экономик, вывод вспомогательных производств, в том числе, социальных услуг, за баланс крупных добывающих предприятий, - яркие примеры «игры» по правилам неоклассической экономики: оптимизации затрат труда и производственного результата при недостатке государственных усилий на «выравнивание» рентабельности различных производств.

Производственная функция является основой теоретических построений, объясняющих перелив ресурсов между отраслями и видами производства с целью оптимизации прибыли. Модель также позволяет объяснить эффект возрастающей отдачи от роста объемов производства. С накоплением человеческого капитала связан внешний эффект: чем больше человеческого капитала накопило общество в целом, тем более производительно будет работать каждый отдельный член этого общества (Lucas, 1988; Becker и др., 1990). Уменьшение времени, затрачиваемого на производство товаров, ведет к сокращению текущего выпуска продукта, но в то же время при этом ускоряются капиталовложения в человека и, таким образом, увеличивается производительность труда.

Модель Солоу характеризовалась двумя явными недостатками. Во-первых, в ней, не учитывалось в явном виде оптимизирующее поведение индивидов, то есть экономический рост оставался не связанным с ростом благосостояния. Во-вторых, она, по существу, не объясняла причины роста, поскольку его главные детерминанты – темп роста населения и (трудосберегающий) технический прогресс – трактовались в качестве экзогенных факторов (Розмаинский, 2003). Ее развитие строится на следующем:

1) расширении предпосылок, объясняющих возможность выхода на траекторию равновесного роста для конкурирующих за ресурсы регионов (Acemoglu etc., 2005; Barro etc., 1992; Barro etc., 1995; Barro, 1999; Benabou, 1996 (1); Benabou 1996 (2));

2) включении в модель решения «работать - не работать», максимизирующего полезность индивида (модель Рамсея-Кэсса-Купманса (Romer, 1996));

3) включении в модель факторов, отражающих вмешательство государства, перераспределяющего доход между поколениями (Diamond, 1965);

4) дополнении модели условием максимизации полезности индивида или домохозяйства, для которых инвестиции в человеческий капитал рассматриваются как вариант сбережений, отложенной прибыли, альтернативных текущему потреблению (Uzava, 1965; Lucas, 1988; Becker и др., 1990; Becker, 1988; Deaton etc., 2004);

5) включении условий межрегиональной мобильности человеческого капитала в регионы, характеризующиеся наилучшим сочетанием цены труда и стоимости жизни (Blomquist, 1988; Dumond etc., 1999; Cole etc., 1985).

Дополнение производственной функции функцией полезности индивида позволило рассматривать объяснить межрегиональную миграцию человеческого капитала и установить факторы, позволяющие управлять миграционными процессами. Это направление применения производственной функции вместе с функцией полезности работника развито в теории межрегиональных компенсирующих различий в заработной плате. Аргументами функции, которую максимизирует работник, выступают не только индивидуальные характеристики, досуг и объем потребляемых благ, но и региональные характеристики. Предполагается, что различия в заработной плате способствуют выравниванию покупательной способности в разных регионах, а также компенсации региональных удобств или неудобств рыночными ценами. При этом предполагается, что существует возможность выбора региона и места работы, рынок труда информационно прозрачен и нет ограничений на мобильность работников (Blomquist, 1988; Dumond etc., 1999). Рассматриваются и модели для стран третьего мира, где рынок труда предполагается непрозрачным, большую роль играют неформальные отношения, а ожидания улучшить соотношение «стоимость труда - стоимость благ» за счет миграции имеют вероятностную природу, объясняемую определенным набором региональных и индивидуальных характеристик (Cole etc., 1985).

Высокий миграционный обмен между северными и «несеверными» регионами в советский период вполне соответствовали этой модели. Северные зарплаты были значительно выше, что компенсировало тяжелые условия работы, скудость сервиса, ограничивавшего возможности отдыха и восстановления сил.

Информационная прозрачность обеспечивалась тем, что единственный работодатель - государство производил оргнабор на северные объекты в различных регионах примерно в равных условиях и через одни и те же каналы найма. Расхождение с моделью состоит в том, что далеко не вся рабочая сила привлекалась на Север добровольно, то есть благодаря ценовой мотивации. Кроме того, существовали препятствия к внешней мобильности, поэтому цена труда на Советском Севере хоть и была выше, чем в других регионах, в то же время оказывалась существенно ниже, чем за рубежом в пересчете на те же умственные и физические усилия, квалификацию и в те же условия работы.

Эта модель позволяет объяснить и резко возросшее отрицательное миграционное сальдо северных регионов в начале 1990-х, поскольку жестко регулируемые северные зарплаты уже не компенсировали рост цен на товары и услуги, устанавливаемые рынком. Появились альтернативные возможности занятости: самозанятость и занятость по найму в частном секторе, для которых более благоприятны регионы с высокой плотностью населения и развитой инфраструктурой. Но политические, а не экономические, эффекты, выезд тех, кто был принудительно завезен на Север, весьма важны для получения достоверных оценок в модели компенсации региональных неудобств.

Двухфазная модель жизненного цикла, применяемая для периода инвестирования и периода получения отдачи от инвестиций (Lucas, 1988) позволила объяснить выгоды, которые образование и занятость несут индивиду в долгосрочном периоде. В первой фазе индивид только инвестирует, повышая образование и затем, получая зарплату, но расходует значительную часть отдачи на инвестиции в следующем периоде. Во второй фазе индивид только потребляет, будучи в пенсионном возрасте. Эта модель дает возможность объяснить ожидаемые выгоды индивида, выбравшего занятость на Севере, в обмен на повышенные возможности потребления во второй фазе жизненного цикла - пенсионном периоде, когда средства не зарабатываются, а только потребляются. Советской северной политикой взамен повышенных текущих издержек предлагались повышенная пенсия, проживание в климатически комфортном регионе и другие льготы. Можно также рассматривать двухфазную модель не только для жизненного цикла в целом, но и для краткосрочного периода этого цикла, состоящего из занятости и оплачиваемого отпуска. Досуговые (потребительские) ограничения в фазе занятости

окупались значительно более высокими потребительскими возможностями в фазе отдыха (оплачиваемого отпуска). Северяне и члены их семей, в отличие от рядовых тружеников могли себе позволить отдых на лучших советских курортах, в здравницах, преимущественно находящихся на балансе северных добывающих предприятий.

Потеря этих гарантий отложенного потребления в рыночных условиях сделала многие северные районы непривлекательными для проживания. Занятость в бюджетных организациях и нерентабельных предприятиях Севера потеряла смысл, так как текущие ограничения в потреблении не вели к гарантированным отложенным выгодам. Это привело, с одной стороны, к оттоку населения в более южные климатически комфортные районы, с другой - к деградации человеческого капитала из-за информационных и финансовых ограничений на мобильность (в гл.6).

Основным уравнением для объяснения отдачи на инвестиции в образование служит уравнение Минцера (Mincer, 1979), получаемое дифференцированием из функции полезности. Оно устанавливает зависимость между зарплатой и полученным образованием при элиминировании региональных и индивидуальных факторов, таких как удаленность региона от центра, плотность населения, состав семьи, профессия, происхождение и т.д. Важной контрольной переменной этой модели является состояние регионального (локального) рынка труда, обычно измеряемое уровнем безработицы. Это, в свою очередь, позволяет эмпирически оценить важность конъюнктуры рынков труда в получении отдачи на инвестиции в человеческий капитал, роль государственной политики, стимулирующей или, наоборот, сдерживающей перелив рабочей силы, установление равновесного рыночного состояния. Обычно это уравнение используется для анализа микроданных, то есть результатов социологических опросов. В данном исследовании оно применено для данных по регионам. В гл. 4 получены устойчивые результаты, обосновывающие взаимосвязь отдачи на инвестиции в человеческий капитал и конъюнктуры регионального рынка труда.

Одним из аргументов функции полезности, наряду с индивидуальными и региональными характеристиками, а также временем досуга, выступает объем потребляемых благ. Полезность набора с высокой зарплатой и низким уровнем услуг социальной сферы и низкой зарплатой с высоким уровнем услуг будут одинаково

полезны. Таким образом, вопрос, получает ли индивид доходы в виде денежного вознаграждения или в виде некоторого объема благ, уходит на второй план. Важен объем этих благ, а не их структура. Предположим, что индивид получает только денежные доходы. Если принять во внимание, что их часть инвестируется в человеческий капитал, то той же полезностью будет обладать набор, состоящий из доходов, уменьшенных на объем инвестиций, и объема образовательных услуг, эквивалентного размеру инвестиций. Это означает, что государство, предоставляя образовательные услуги бесплатно, будет компенсировать недостаток денежных доходов индивида. Те же рассуждения верны в отношении медицинских услуг, жилья и т.д. Косвенные и прямые методы северной социальной политики способствуют тому, что значение функции полезности возрастает, а, следовательно, повышается отдача на инвестиции. Таким образом, накоплению человеческого капитала способствуют меры, направленные на:

- развитие бизнеса, создание рабочих мест, обеспечивающих трудовые доходы населения;
- выравнивание реальных доходов населения разных регионов, обеспечивающих одинаковые потребительские возможности;
- обеспечение доступности услуг социальной сферы, как за счет прямого финансирования, так и созданию благоприятного инвестиционного климата для других субъектов экономики - домохозяйств и работодателей.

Анализ человеческого развития в рамках теории экономического роста в большей мере отвечает первому направлению. Взаимосвязи между развитием бизнеса и количественными и качественными характеристиками человеческого капитала на Севере анализируются в гл. 3, 4. Совершенствование механизма обеспечения услуг социальной сферы (их доступности и качества), необходимых для сохранения и накопления человеческого капитала, а также анализ возникающих при их предоставлении трансакционных издержек рассмотрены в гл. 5, 6.

Развитием неоклассической модели экономического роста является концепция β -конвергенции (понятие введено Сала-и-Мартином и Барро, (Barro, Sala-i-Martin, 1990). Она служит основой для объяснения межрегиональных различий и тенденций развития. Согласно этой концепции, чем ниже начальный уровень ВРП на душу

населения по отношению к долгосрочному или равновесному уровню, тем выше должны быть темпы экономического роста. Региональные различия цен на труд способствуют трудовой миграции, приводящей рынки в состояние взаимного равновесия, характеризующегося региональными уровнями цен, количеством и качеством ресурсов. Исходное состояние системы рассматривается в качестве основной, но не непреодолимой причины экономического неравенства, а первоначальная наделенность человеческим капиталом выступает важным фактором его преодоления (Benabou, 1996 (1); Benabou, (2); Acemoglu, 1995).

Уравнение для оценки условной β - конвергенции, которое в данном исследовании стало базовым для эконометрической оценки влияния человеческого капитала на региональный экономический рост в регионах Российского Севера, выглядит следующим образом (Barro, Sala-i-Martin, 1990):

$$\frac{1}{T} \log\left(\frac{y_{it}}{y_{i,t-T}}\right) = x_i^* + \frac{(1 - e^{-\beta T})}{T} \log\left(\frac{\hat{y}_i^*}{\hat{y}_{i,t-T}}\right) + u_{it} \quad (2)$$

где i - номер региона; t - номер периода, начиная с нулевого; T - число периодов; x_i^* - набор региональных регрессоров с параметрами, в качестве которых могут рассматриваться затраты производственных ресурсов и региональные характеристики; y_i - валовой региональный продукт на душу населения в сопоставимых ценах; u_{it} - ошибка регрессии; а β отражает наличие или отсутствие конвергенции. Если коэффициент при втором слагаемом статистически значим и имеет отрицательный знак, гипотеза β - конвергенции не отвергается. В качестве дополнительных регрессоров Сала-и-Мартин и Барро включали долю сельского хозяйства в ВРП в начальный период времени и средневзвешенное изменение среднедушевых доходов к начальному периоду времени по девяти основным отраслям (Barro, Sala-i-Martin, 1990). Они теоретически обосновали равенство $\beta = 0,02$, и затем эмпирически доказали, что для США в период 1880-1988 гг. наблюдалась конвергенция, характеризующаяся полученным значением β . Однако в кризисные десятилетия 1920-1930 и 1980-1988 гг. оценки β были отрицательными, то есть межрегиональный разрыв в экономическом развитии усиливался. Доказано, что для открытых региональных экономик конвергенция выше, чем для закрытых

экономик стран в целом, что объясняется разной интенсивностью миграции капитала, как физического, так и человеческого (там же).

Подобные исследования проводились и для регионов России. Н.Н. Михеева (2000) исследовала межрегиональное неравенство в экономическом развитии на данных 1970-1990 и 1990-1996 гг. Для периода 1970-1990 гг. подтверждается гипотеза о β -конвергенции. Для периода 1990-1996 гг. гипотеза отвергается, то есть межрегиональная дифференциация доходов населения и среднедушевого ВРП, выступавших эндогенными переменными, в этот период усилилась. По четырем группам регионов, разделенных по их положению относительно среднего уровня ВРП на начальный и конечный период, были выделены «клубы конвергенции», имевшие разные равновесные траектории. Причем тринадцать из шестнадцати северных регионов попали в группу из двадцати трех самых богатых регионов, для которых результат был близок к теоретическому ($\beta = 0,018$). Следовательно, в период 1990-1996 северные регионы характеризовались сближением темпов экономического роста. Гипотеза о β -конвергенции подтверждается и для периода 1994-2002 гг. С. Дробышевским и др. получено значение $\beta = 0,008$ (Дробышевский и др., 2005). В этой работе рассматривались различные дополнительные регрессоры, такие как бюджетные расходы, доля инвестиций, доля экспорта в ВРП, доли отраслей промышленности, фиктивные переменные для федеральных округов, но человеческий капитал в качестве объясняющей переменной не рассматривался. Н.Н. Михеева включала в модель такие характеристики человеческого капитала, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении и доля студентов на 10 тыс. населения, а также произведение труда на логарифм ВРП в начальный период, как показатель влияния качества человеческого капитала на темп роста ВРП за счет распространения инноваций. Все факторы оказались незначимы. Оба исследования доказывают незначительный эффект государственных расходов на экономический рост. Оценки β -конвергенции и параметров для характеристик человеческого капитала в этих моделях приведены в табл. 1.

Несмотря на полученные оценки, подтверждающие наличие конвергенции, большинство ученых считает, что наблюдается дивергенция или усиливающееся межрегиональное неравенство. А.Г. Гранберг (Гранберг, 2006, с.299), объясняет его растущей

притягательностью регионов с повышенной конкурентоспособностью и благоприятным предпринимательским климатом в сочетании с мобильностью труда и капитала, которая может вести к еще большему отрыву регионов-лидеров по экономическому развитию и по уровню жизни. Р.М. Мельников оценил условную конвергенцию с фиктивными переменными для федеральных округов по данным 2004 г. (Мельников, 2006) и показателем качества человеческого капитала «удельный вес исследователей в численности занятых». На этих данных гипотеза о конвергенции отвергается.

**Таблица 1. Оценки влияния человеческого капитала в
производственной функции в исследованиях для российских
регионов**

Факторы экономического развития	Дробы шев- ский и др. (1994- 2002)	Михее- ва (1990- 1996)	Валитова (2002, 2003)	Мельни- ков (2004)
Вид модели	Модель Сала-и- Мартина и Барро для условной конвергенции		Линейная модель производственной функции	
Эндогенная переменная	Логарифм темпа роста ВРП на душу населения, скорректированный на индекс потребительских цен		Темп роста ВРП на душу населения, скорректированн ый на стоимость потребительской корзины	Выделена на основе факторног о анализа ⁵
Количество наблюдений	88	456	88	88
Оценка β	0,008*** * ⁶	-0.020* 0.018** ⁷	-	-0,037*** оценивал- ся

⁵ Фактор отвечает за динамику экономического развития региона. Наиболее тесно с ним коррелированы показатели темпа роста ВРП за период с 2000 по 2003 г. (факторная нагрузка равна 0,75), темп роста занятости в 2003 г. (0,63), темп роста инвестиций за период с 2000 по 2003 г. (0,70), дифференциальный сдвиг по промышленности за период с 2001 по 2003 г. (0,68) (Мельников, 2006).

⁶ Здесь и далее звездочками отмечена значимость коэффициентов: * - не менее 0,1; ** - не менее 0,05; *** - не менее 0,005; **** - не менее 0,0005. Под оценками параметров в скобках приведены стандартные отклонения. В столбцах приведены значения по моделям, в последних трех строках выделены коэффициенты детерминации, применяемые к данной модели.

				отдельно
Доля населения в трудоспособном возрасте			4,940**** 3,658****	
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении		0,128		
Доля студентов профессиональных учебных заведений		-0,013		
Доля городского населения в предыдущий период			0,735****	
Произведение затрат труда на логарифм ВРП в предыдущий период		0,041		
Удельный вес исследователей в численности занятых				0,237**

Л. Валитова (Валитова, 2005) оценивает линейную производственную функцию на панельных данных без учета конвергенции. Она выделяет такие значимые характеристики человеческого капитала как «доля населения в трудоспособном возрасте» и «уровень урбанизации». В табл. 1 представлены оценки параметров, отражающих влияние человеческого капитала на экономическое развитие с учетом и без учета проверки гипотезы о конвергенции экономического роста.

Несмотря на важность объяснения межрегиональных различий и роли человеческого капитала в экономическом развитии, такие исследования до сих пор не проводились для северных регионов как типической группы. Именно описанная модель будет оценена для группы северных и несевверных регионов в гл. 4. Оценивание параметров модели позволит выделить специфические черты во

⁷ Значение получено для группы из 23 «богатых» регионов, где среднедушевые доходы и на начало и на конец периода были выше среднего по России значения. В эту группу вошли 13 из 16 северных регионов: Коми, Саха, Мурманская обл., Камчатская обл., Магаданская обл., Сахалинская обл., Карелия, Архангельская обл. (включая НАО), а также Тюменская обл. (включая ХМАО и ЯНАО) и Красноярский край (включая ТАО и ЭАО).

взаимосвязи между человеческим капиталом и региональным экономическим развитием.

2.2. Управление человеческим капиталом в северных странах

Анализ международного опыта региональной политики и управления северными территориями показывает, что северная политика преследует сохранение и развитие человеческого капитала через реализацию принципов равных возможностей, как для жителей Севера, так и других регионов, а также обеспечение экономической, социальной и экологической безопасности жизнедеятельности в условиях Севера (Дмитриева, 2005). Рассмотрим методы регионального развития в странах, где особую роль играет развитие Севера, то есть Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании в отношении Гренландии, Канаде и США. Опыт управления человеческим капиталом на Севере можно сгруппировать в совокупности инструментов двух типов: 1) направленных непосредственно на развитие севера и 2) действующих в масштабах всей страны, но оказывающих дополнительный эффект именно в северных регионах. Непосредственно северная политика осуществляется Канадой в отношении трех северных территорий Юкон, Северо-Западные территории и Нунавут, Данией в отношении Гренландии. С конца XIX в. и до 40-х гг. XX в. политика сельскохозяйственного освоения северных земель проводилась в Швеции. Из-за чрезмерного развития аграрного сектора и в XX в. Север Швеции нуждается в государственной поддержке для предотвращения массового выезда населения. В настоящее время в ней и остальных странах осуществляется политика выравнивания экономического развития.

Внутри каждой из групп методы также можно разделить на следующие виды. Во-первых, методы прямого воздействия на качество человеческого капитала, то есть увеличение доступности образовательных услуг, медицинской помощи населению. Во-вторых, методы, направленные на повышение инвестиционного потенциала домохозяйств, то есть выравнивание доходов, за счет их перераспределения, компенсаций, льгот, предоставления общественных услуг. В этих методах накопление человеческого капитала рассматривается как главная цель региональной (северной) политики. В-третьих, методы, главной целью которых является

развитие бизнеса, создание условий для регионального экономического роста за счет собственных ресурсов. В этом случае у домохозяйств создается инвестиционный стимул, благодаря росту спроса на рабочую силу, конкуренции на рынке труда, гарантирующей отдачу на дополнительные инвестиции в образование в виде повышения зарплаты и карьерного роста. Рост трудовых доходов, в свою очередь, способствует увеличению инвестиций. Таким образом, накопление человеческого капитала происходит благодаря экономическому росту.

На приоритетность задач накопления человеческого капитала в северных территориях указывают следующие формулировки целей: «поддержание существующего характера расселения и достижения равенства условий жизни во всех районах страны», «предотвращение оттока населения из северных регионов» (Норвегия); «предоставление равных возможностей населению в области доступа к товарам и услугам вне зависимости от места проживания» (Канада); «выравнивание уровня социально-экономического развития, обеспечение экономического роста и повышение занятости населения» (Финляндия); «совершенствование условий для развития в регионах и повышение благосостояния населения» (Швеция). Только в США первоочередной целью региональной политики является «создание и поддержание равных условий для бизнеса», то есть экономический рост, который, в свою очередь, обеспечивает занятость и доходы населения.

Таким образом, современная региональная политика базируется на взаимосвязи между накоплением человеческого капитала и экономическим ростом. Даже в условиях рынка государство на Севере не только сохраняет доминирующее положение в общественном секторе, но и для ряда поселений, обеспечивает основную занятость, вокруг которой затем формируется малый бизнес (The Economy ..., 2006; Север как объект..., 2005). Опыт северных стран, достигших высокого уровня производства, демонстрирует важность развития социальной инфраструктуры, повышения уровня образования и его доступности, охраны здоровья и др. в обеспечении экономического роста. Например, 1985 г. в Швеции был принят акт "О региональной политике", провозгласивший сочетание экономической эффективности и социальной справедливости (процветание общества всеобщего благосостояния). Основными целями региональной политики стали:

- стимулирование предпринимательской активности;

- сбалансированное демографическое развитие территорий;
- обеспечение занятости, социальных услуг и необходимого качества окружающей среды в любой части страны.

В унитарных европейских северных странах полномочия регионов в разработке социально-экономической политики ограничены. Доминирует политика сильного центра, направленная на межрегиональное выравнивание доходов населения. Начиная с 1960-х годов, совещательная роль регионов в Финляндии, Норвегии и Швеции в определении общих направлений регулирования территориального развития центральным правительством неуклонно возрастает. В федеративных северных странах - США, Канаде, - полномочия регионов выше. Наряду с политикой выравнивания на федеральном уровне, на уровне регионов реализуется самостоятельная политика социально-экономического развития, влияющая на привлекательность региона, повышение качества жизни.

Рассмотрим, как *развитие бизнеса на Севере способствует накоплению человеческого капитала*. Инвестиционная политика, преследующая снижение производственных издержек в условиях Севера, ведет к созданию экономически оправданных рабочих мест. Она включает льготное налогообложение бизнеса (Канада, США, Норвегия, Швеция), кредитование (Канада, Швеция, Финляндия), компенсацию «северных» затрат на труд (Канада, Швеция), субсидирование транспортных расходов (Финляндия, Швеция) и государственные инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры и других коммуникаций (Швеция, Канада).

На Север распространяются меры, поощряющие кластерное развитие: создание за счет государственных средств промышленных зон, которые потом сдаются в аренду частным фирмам; создание государственных инвестиционных компаний по региональному развитию, которые осуществляют венчурное финансирование промышленных исследований и освоения новой продукции, стимулирование отдельных проблемных районов Севера (Пчелинцев, 1991). Благодаря стратегии реструктуризации производства задолго до истощения природных ресурсов, в частности, нефтяных месторождений в Аляске (США), создаются рабочие места в перерабатывающих производствах. Это в долгосрочном периоде обеспечивает рентабельность северного производства, снижение государственных расходов на социальную помощь, реализацию

детализированных программ обеспечения доходов северян, требующих высоких затрат как на стадии распределения государственных средств, так и на стадии контроля над качеством распределения.

В Аляске (США) одним из критериев конкурентоспособности бизнеса, а, следовательно, роста потенциала рынка труда, является себестоимость добычи барреля нефти, которая благодаря государственной поддержке должна быть сопоставима с себестоимостью, сложившейся на мировом рынке. Государство отслеживает себестоимость добычи нефти, создает необходимые инвестиционные условия для экономического развития, тогда как социальные показатели, повышение уровня жизни обеспечиваются региональной политикой штата, внутренним перераспределением ренты.

Существенная ее часть остается в распоряжении территориальных фондов и направляется на улучшение качества жизни населения Аляски. Это сберегательный Постоянный фонд Аляски (Alaska Permanent Fund) и стабилизационный Конституционный бюджетный резервный фонд (Constitutional Budget Reserve Fund). Постоянный фонд Аляски (учрежден в 1976 г.) для создания инвестиционной базы, которая могла бы обеспечить доходы, когда запасы нефти истощатся. Схема использования доходов на средства Фонда определяется ежегодно губернатором и законодательной властью штата. Традиционно часть доходов (42% с 1982 г.) выплачивается в виде «дивидендов» всем жителям Аляски, а остальная сумма идет на реинвестирование, в первую очередь, в социально-экономическое развитие штата.

В Аляске население полностью освобождено от региональных и местных налогов, что также способствует снижению производственных издержек, делает продукцию и условия жизни в штате конкурентоспособными. В Канаде и Швеции используются «северные» (жилищные, транспортные) вычеты из подоходного налога, повышение планки прогрессивного налогообложения для северян (Пиясов, 2005, с.433).

Конкуренция за рабочую силу между регионами стимулирует повышение комфортности территории. Благодаря внутрирегиональной политике уровень льгот в расчете на душу населения выше в Аляске 2—3 раза, чем в среднем в США. До 70% медицинских услуг население получает бесплатно (54% в среднем по США), также

бесплатно обучаются 40% учащихся колледжей (23% в среднем по США) (Агранат, 2003). Для пенсионеров предусмотрены дополнительные пособия в размере около 250 долл. в месяц, обслуживание в пансионатах и санаториях. Есть ряд научных и медицинских программ детского здравоохранения.

Важным элементом в предоставлении дополнительных услуг социальной сферы северянам является публичность, возможность осуществления контроля со стороны общества над реализацией программ, что способствует развитию отношений доверия между властями и гражданами, то есть формированию социального капитала. Например, каждые 2—3 года в специальном издании «Kids Count Alaska. Data Book» сообщается, по каким параметрам в этой области Аляска превосходит средний уровень США, по каким еще нужно его догонять; перечень последних с каждым разом становится явно короче (Агранат, 2003). Ежегодно публикуются отчеты о деятельности фондов и расчете дивидендов, позволяющие каждому оценить не только справедливость выплат, но и размер административных расходов (Permanent Fund..., 2005).

Свидетельством эффективности региональной политики является динамика структуры бюджета, где доля внутренних источников значительно выросла (с 45% в 1965 г. до 83% - в 1999 г.) при резком уменьшении доли федеральных дотаций (табл. 2). Несмотря на льготные условия налогообложения, совокупные отчисления фирм на Аляске составляют до 40-50% своих доходов, что значительно выше, чем в других американских штатах.

Таблица 2. Доходы штата Аляска

Источник доходов	1965		1999	
	тыс. долл. на душу населения	%	тыс. долл. на душу населения	%
Федеральные дотации	1,6	55	1,5	17
Внутренние источники: налоговые и другие отчисления фирм	1,3	45	7,4	83
Всего	2,9	100	8,9	100

/Рассчитано по источнику: Permanent Fund Dividend Division Annual Report 2004 - www.pfd.state.ak.us/

Успешность политики развития бизнеса, обеспечивающего накопление человеческого капитала, подтверждается как ростом ВРП на душу населения, так и ростом населения, отражающим привлекательность региона. Численность населения Аляски с 1960 г.

по 2000 г. увеличилась почти втрое (прил. 2), с 1990 г. прирост населения составляет примерно 1% в год. ВРП на душу населения в штате в 14 раз выше, чем в США в целом (2004 г.). Благодаря внутрирегиональной политике перераспределения сглаживается неравенство по доходам. Аляска — единственный штат США, где доходы бедных растут быстрее, чем доходы богатых (Агранат, 2003). Динамика количественных характеристик человеческого капитала также свидетельствует об эффективности этой политики. Хотя продолжительность жизни в Аляске ниже, чем в среднем по США: 72 и 77 лет (по переписи 1998 г.), соответственно, но с 1950 по 1998 г. этот показатель возрос почти на 15 лет. Половозрастная структура населения свидетельствует, что этот северный штат становится стабильным, все более похожим на обжитые среднеширотные территории: доля молодых людей в возрасте до 34 лет за 1985-2000 гг. сократилась с 67% до 53,2%, а доля пожилых, начиная с 55-летнего возраста, увеличилась с 8,4% до 12,9%.

Заинтересованность региональных властей в привлечении человеческих ресурсов связывается в политике федеративных государств с обеспеченностью бюджета. В отличие от Аляски на Севере Канады механизма перераспределения ренты пока не достаточно для обеспечения доходной части региональных бюджетов. В основе регулирования Канадского Севера лежит признание потенциального банкротства этих территорий без государственной поддержки, поэтому территориальные бюджеты финансируются из федерального бюджета в той мере, в которой это необходимо для социально-экономического развития (примерно на 60—70%). Для определения дотаций используется формула территориального финансирования (TFF), где базой выступает прогнозная численность населения. Таким образом, чем больше население, тем больше будет доходная часть территориальных бюджетов. При этом сохраняются стимулы обрести экономическую самостоятельность. Финансовая зависимость от федерального центра предполагает ограничение законодательных свобод, территории находятся под прямым федеральным управлением. Это значит, что природными ресурсами в северных территориях распоряжается федеральный центр, в отличие от экономически самостоятельных провинций. Политику развития Севера определяет федеральный департамент по делам индейцев и северного развития (DIAND).

Протекционистская экономическая политика реализуется и в отношении *Гренландии* (Дания). Согласно выводам одного из основоположников североведческой школы П.П. Свейструпа, если не учитывать северные условия, то экономика и социальная сфера не смогут выдержать конкуренции с более благоприятными для проживания территориями. Развитие Гренландии происходит по схеме жесткого государственного регулирования всех параметров социально-экономической жизни. Природно-географические условия, их динамика, сезоны года, синоптические и циклические колебания в природе, стихийные явления, а также текущая торговая, хозяйственная, финансовая конъюнктуры соотносятся с такими показателями, как эффективность капитальных вложений, нормативы амортизации, кредитования и дисконтирования, транспортные тарифы, цены на товары и услуги, уровень заработной платы и качество социальных услуг.

Таким образом, в формировании региональной политики, направленной на накопление человеческого капитала, необходимы следующие условия. Во-первых, заинтересованность региональных властей в привлечении рабочей силы, то есть существование конкуренции между регионами за приток населения. Во-вторых, достаточность региональных доходов для совершенствования социальной политики. Эти условия определяются федеральной инвестиционной политикой, распределением природной ренты. Миграционная политика государства, как комплекс стимулов и ограничений на перемещения, а также готовность общества контролировать процесс распределения региональных доходов, включая его образовательный уровень, степень гражданской ответственности и др., выступают социальными рамками этого процесса.

Следующим важным элементом в накоплении человеческого капитала в модели стимулирования экономического развития Севера является *социальное партнерство*. Институциональные рамки, определяемые северной государственной политикой, создают заинтересованность бизнеса в инвестициях в образование коренного населения. Например, Правительство Канады в отношении взаимодействия с корпорациями-разработчиками ресурсов в северных территориях несет ответственность за общее и профессиональное образование местного населения (коренных народов), за обеспечение привилегий при найме на работу, за соответствие видов занятости их

нуждам и предпочтениям, а также за развитие предпринимательства и трудовых отношений. Оно включает с корпорацией, желающей разрабатывать минеральные ресурсы, соглашение о разделе доходов при добыче природных ресурсов (Коренные народы Канады, 2002). Обеспечение представителям коренных народов работы и обучения является обязательным условием этих соглашений. Подготовка соглашений ведется несколько лет еще до вовлечения месторождений в эксплуатацию. В течение этого периода исследуются половозрастные и образовательные характеристики местного населения, изучаются особенности их культуры, необходимые для планирования корпорацией эффективных программ обучения и занятости (Alcorn, 1996). Гарантии занятости при развитии бизнеса служат лучшим залогом накопления человеческого капитала.

Важно то, что развитие социального партнерства альтернативно одностороннему (со стороны государства) изменению условий экономической деятельности, нередко не обладающему необходимой социальной адаптивностью, что усиливает оппортунистическое поведение субъектов северной экономики, роль неформальных связей между ними. Социальные обязательства, возлагаемые на корпорации, это не просто требования государства, а элемент взаимных уступок власти и бизнеса. Взамен на инвестиции в человеческий капитал бизнес получает налоговые льготы, субсидии, льготное кредитование, права на разработку месторождений. Из анализа инвестиционной политики следует, что принципы социального партнерства и учет интересов бизнеса, позволяют достичь поставленных социальных целей, не вступая в противоречие с экономическими целями, максимально вовлекая частный капитал и создавая условия для развития предпринимательства в экстремальных северных условиях. При любой модели государственной поддержки проводится четкая грань между мероприятиями, нацеленными на использование частного бизнеса для улучшения уровня жизни всего населения (чему в немалой степени способствуют сильные профсоюзы и различные общественные организации), и вмешательством в коммерческую деятельность предпринимателей, которое ограничено определенными законом рамками.

Государственные инвестиции в человеческий капитал имеют вид прямых субсидий на получение образования из бюджета, списания кредитов на него и стипендий старшеклассникам, проживающим в местах, где нет средних школ; увеличенного размера выплат по соци-

альному страхованию детей, надбавок к зарплате учителей дошкольных учреждений, субсидирования оленеводства и распространения газет.

Все северные страны высоко оценивают значение ссузов и вузов в регионах, где добываются природные ресурсы и ведется их переработка. Их развитие ограничивается низкой плотностью населения, существенно снижающей рентабельность. По этой причине Канада - единственная, где на Севере нет вузов, а только средние специальные заведения (Аврора Колледж, г. Йеллоунайф и Юкон Колледж в г. Уайт-Хорс). В Аляске же целых два университета - в Фэрбэнксе и Анкоридже. Создание в 1970-х северных вузов в Норвегии (г. Тромсё), Швеции (г. Люлео), Финляндии (г. Рованиemi) и Исландии (г. Акурере) действительно существенно повысило квалификационный уровень населения в целом, обеспечив не только высокую отдачу от человеческого капитала, внедрение высоких технологий, но и адаптационные возможности населения к потреблению высокотехнологичных товаров и услуг (Кузнецов, 2005).

Для увеличения доступности инвестиций в образование коренного населения Севера вводятся квоты, действующие, например, в профессиональных образовательных учреждениях Канады для представителей Первых Наций. Благодаря этому, растет квалификационный уровень коренного населения, возможности занятости не только в традиционных видах деятельности, но и на промышленных объектах (Task Force..., 2001).

Большая роль в образовательных программах уделяется задачам просвещения и воспитания, в том числе, борьбе с алкоголизмом, пропаганде здорового образа жизни и профилактике заболеваний. Проблема формирования социального и человеческого капитала коренного населения - один из краеугольных камней северной политики. Для вовлечения коренного населения в управление своими землями, развития их гражданского самосознания в Канаде и штате Аляска (США) действуют новые формы управления, предполагающие предоставление прав на недра добывающим компаниям в обмен на социальные, экономические и иные выгоды, объем которых определяется соглашениями представителей коренных жителей и корпораций. В северных территориях действуют молодежные парламенты, в комиссии по урегулированию земельных и других вопросов, связанных с промышленным освоением северных районов, обязательно включаются представители коренного населения (Task

Force..., 2001). Таким образом, население участвует в управлении средствами, полученными от использования природных ресурсов.

Из опыта северных стран можно заключить, что прямая государственная поддержка экономики и социальной сферы осуществляется в разной степени. Наиболее существенны государственные инвестиции в развитие северных территорий Гренландии, значительны в Канаде и Швеции, и незначительны в Аляске, Финляндии, Норвегии. Успехи этой политики особенно заметны в изменении количественных характеристик человеческого капитала: снижении смертности, например, в Аляске, более, чем в два раза, а в Канаде - более, чем в три (прил. 1) за период с 1950-го по 2000 гг., повышении продолжительности жизни. Еще в 1970-е ожидаемая продолжительность жизни при рождении на Севере Канады не превышала 60 лет, а в Гренландии 1950-х - 40 лет. В 2000 г. на Севере Канады и Аляске продолжительность жизни выше 70 лет, а в Гренландии - выше 60 лет. В европейских северных странах ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении колеблется от 74,6 лет в Финляндии и на севере Норвегии до 77,6 на севере Швеции. Этот же показатель для женщин составляет 80,8 лет на севере Норвегии и 81,5 в Финляндии и на севере Швеции (Bogoyavlenskiy etc., 2004).

2.3. Новые подходы к формированию политики человеческого развития на Российском Севере

На необходимость поиска новых подходов к изучению, сохранению и развитию человеческого капитала северных сообществ обращают внимание Г.А. Агранат, В.Н. Лаженцев, А.Н. Пилясов, Л.А. Рябова, В.А. Черешнев и др. Приведем здесь мнение академика А.Г. Аганбегяна, которое точно отражает смену приоритетов в региональном экономическом развитии: «обновление фондов и инвестиции крайне важны, но все, в конечном счете, упирается в людей, их квалификацию и знания. Нет более эффективного вложения средств, чем в образование, интеллект людей и их навыки. Поэтому важно развивать экономику с акцентом на социальную область, которая станет самым «узким» местом» (Аганбегян, 2007). При этом сама трактовка «социальной области», предельно зауженная в советское время, переоткрывается заново и понимается теперь намного шире. Обращается внимание на специфичность путей решения

острейших северных проблем «безработицы, бедности, значительных центрo-периферийных различий в доступности услуг образования, медицинских, культуры, доступности «свежего» знания» (Пилиасов, 2007); на недостаточную степень участия федерального государства в решении социальных проблем северных регионов в российской северной политике обращают внимание ученые-регионалисты (Зубаревич, 2003; Лексин, 2001; Пчелинцев, 2004). При курсе на растущую ответственность регионов за обеспечение населения услугами социальной сферы, бюджетная обеспеченность редко позволяет реализовать политику социально-экономического развития (Зубаревич, 2003).

Эмпирические работы по северной тематике, в основном, ограничиваются сопоставлением либо северных регионов между собой, либо описанием социально-экономических условий в одном или нескольких регионах. Ряд работ посвящен *типологизации регионов* по факторам экономического развития и качеству жизни в российских регионах. В основе типологизации, как правило, лежит расчет некоторого (интегрального) индекса качества жизни и ранжирование регионов по его убыванию. Различия состоят в выборе исходных элементов для расчета индекса, методологии расчета. В зависимости от типа регионального развития предлагается проводить государственную политику, различную по степени вмешательства в экономику, объемам государственных инвестиций в человеческий капитал. Это типология на основе региональной динамики доходов в исследованиях А.И. Трейвиша и Н.В. Зубаревич за 1998-1999 гг. (Зубаревич и др., 2001); исследования Н.В. Зубаревич (Зубаревич, 2003) по анализу тенденций социально-экономического развития регионов и оценке территориального неравенства доходов; работа коллектива сотрудников Института экономики переходного периода, где представлена типология субъектов РФ, полученная на основе качественного анализа и совмещения результатов многомерной классификации регионов по показателям экономического потенциала, уровня жизни и инвестиционной активности; классификация регионов на основе количественного анализа взаимосвязей региональных показателей доходов с другими экономическими индикаторами дана в работах А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты (Шевяков и др., 1999). Следует отметить, что такие типологии не акцентируют внимание на особом положении северных регионов, что может быть объяснено тем, что, несмотря на суровость климата и близкие природно-географические

характеристики, эти регионы существенно различаются в уровне экономического развития, запасах физического и человеческого капитала.

Деление северные регионов на три группы: активно развивающиеся (Ямало - Ненецкий и Ханты - Мансийский автономные округа, Республика Коми, Республика Саха (Якутия) и др.), способные обеспечить необходимые инвестиции в человеческий капитал; депрессивные (Республика Карелия, Магаданская область и др.) и экономически неразвитые (Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Бурятия, Читинская область, ряд автономных округов), где требуются, хоть и в разном объеме, прямые государственные инвестиции, - дается в Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера (Концепция..., 2000). В социально-экономической типологии регионов, выполненной коллективом НИСП под руководством Н.В. Зубаревич (Индекс качества..., 2004) Мурманская обл. и Республика Саха также отнесены в группу лидеров с характеристикой «экспортно-ресурсные регионы с более высокими доходами». В эту же группу попали Карелия, НАО и Коми Республика. Эвенкия, Корякский АО и Чукотка отнесены в группу аутсайдеров, как регионы слабоосвоенной зоны, а Магаданская обл., Архангельская обл., Камчатская обл. и Сахалинская обл. отнесены к «срединным» регионам с характеристикой «слабоосвоенные и переходные зоны». Анализ динамики и структурных изменений человеческого капитала в группе активно развивающихся и остальных регионов, приведенный в главе 3 подтверждает, что регионы, относящиеся к этим группам, действительно демонстрировали различную динамику в его накоплении и использовании. Следовательно, экономическое развитие в анализируемый период (1990-2005 гг.) оказало значительное воздействие на характеристики человеческого капитала.

Ряд отечественных исследований посвящен оценке модели компенсирующих различий в заработной плате для регионов России (Ощепков, 2007; Sabirianova, 2001). Согласно этим оценкам региональная специфика, в том числе принадлежность региона к Северу, не влияет на мобильность. Точка зрения автора на возможность применения модели компенсации региональных неудобств повышенной зарплатой и балансирующих миграционных потоков состоит в том, что преждевременно говорить об информационной прозрачности региональных рынков труда,

существуют значительные институциональные ограничения на мобильность, и межрегиональное равновесие в соотношении «цена труда - цена товаров и услуг» не достигается. Существуют территориальные ограничения на информированность работников о возможностях занятости. Служба занятости как канал найма прочно заняла место на рынке неквалифицированной рабочей силы, характеризующемся краткосрочными трудовыми контрактами и минимальными обязательствами сторон, а кадровые агентства для большинства северных рынков труда не рентабельны, и потому не могут существенно повлиять на информационную прозрачность (Котырло, 2000). Несмотря на развитие рынка жилья, сохраняющаяся обязательная регистрация по месту жительства препятствует мобильности. Северные надбавки не учитывают реально складывающегося на каждом локальном рынке уровня цен, формирующегося как под действием более высоких издержек на производство и доставку товаров и услуг, так и под действием зарплат в частном секторе. Жесткости, накладываемые на формирование зарплат, ведут к тому, что она не выступает регулятором миграционных потоков. Таким образом, условия переходной экономики не позволяют полностью компенсировать дискомфортность территории за счет изменений в заработной плате.

Внимание исследователей привлекает *влияние институциональных рамок* на накопление человеческого капитала на Севере: изменение прав собственности, развитие местных сообществ, инфорсмент российского законодательства, взаимодействие регионов и предприятий Российского Севера с мировым социально-экономическим окружением. Этот подход базируется на учете формальных и неформальных норм, правил и практик, заостряет внимание на отношениях между людьми, в силу которых воспроизводятся или не воспроизводятся те или иные общественные нормы.

В соответствии с концепцией (Концепция..., 2000) для активно развивающихся регионов достаточно институционально обеспечить эффективность товарных и ресурсных рынков, в том числе, рынка труда. Смена модели управления северными ресурсами, а, именно, придание большей самостоятельности активно-развивающимся регионам в решении социальных вопросов за счет *перераспределения природно-ресурсной ренты*, предлагается в работах Г.А. Аграната, В.А. Витязевой, Т.Е. Дмитриевой, Д.С. Львова, А.Д. Некипелова и др.

(Агранат, 2007; Витязева и др., 2007; Львов, 2004; Некипелов, 2003; Дмитриева, 2005). Доказательство, что природно-ресурсная и земельная ренты могут обеспечить достаточно средств, чтобы оплатить расходы на общественные нужды принадлежит Дж. Стиглицу (Стиглиц, 1998). Эффективное распределение природно-ресурсной ренты рассматривается как основа решения не только текущих социальных проблем, но и обеспечение устойчивого развития в будущем. Особенно это важно для северных регионов России, где исключительное богатство территории природными ресурсами контрастирует с уровнем жизни основной массы населения.

В зависимости от уровня регионального социально-экономического развития, накопленного человеческого капитала, в отношении распределения ренты от природных ресурсов на Севере за рубежом применяются следующие подходы (Витязева и др., 2007):

1) основное ее перераспределение на уровне высокоразвитых регионов (провинции Канады) и мониторинг социальных показателей со стороны федерального центра с правом вмешательства в распределительные процессы и ограничения полномочий провинциальных властей, если эти показатели не удовлетворительны;

2) распределение на уровне федерального центра с четко определенными критериями дотационности (отсталых) регионов и ясным алгоритмом расчета размера дотаций (северные территории Канады, европейские страны).

Модель формирования национального Фонда непрерывного развития (Норвегия) и близкого по целям регионального Постоянного фонда штат Аляска (США) предполагает не только межрегиональное и внутри региональное перераспределение ренты в краткосрочном периоде, но и ее распределение между нынешним и будущим поколениями. В первом случае - через государственную систему, во втором - через независимые общественные организации.

По мнению Д.С. Львова (Львов, 2004) часть северных территорий, «рентные» регионы, при соответствующих межбюджетных и трехсторонних соглашениях уже сейчас могли бы самостоятельно обеспечить компенсацию населению негативного воздействия суровых климатических условий на здоровье и продолжительность жизни за счет более эффективного распределения ренты от добываемых ресурсов. Эти регионы, хоть и не нуждаются в мерах по преодолению отставания в экономическом развитии на региональном уровне, имеют внутри региональные диспропорции,

устранение которых могло бы быть достигнуто за счет перераспределения ренты.

Перераспределение ренты, как один из ключевых механизмов северной политики, направленной на устойчивое развитие, тесно связано с определением инвестиционной политики в отношении Севера, привлечения частного капитала в проекты, характеризующиеся более высокими транспортными издержками, износом физического и человеческого капитала. По мнению Д.С. Львова, Т.Е. Дмитриевой и др. государство должно компенсировать предприятиям (прямыми выплатами или в виде налоговых льгот, льготных условий кредитования и т.д.) дополнительные (северные) издержки на создание рабочих мест, тогда продукция, произведенная на Севере, будет конкурентоспособной.

В поиске новых решений в накоплении человеческого капитала предлагается опираться не только на государственную поддержку, «западные» системы в предоставлении услуг социальной сферы, но и на опыт, специфику местных сообществ, возможности применения северных знаний, накопленных коренными народами (Young, 2004). Для этого необходимо искать подходы к стимулированию включения местных сообществ в процессы принятия решения относительно собственного развития, участия в контроле над территориальными природными ресурсами, пробуждения энергии, креативности, инициативы в поиске новых нетривиальных путей местного развития и создания новых малых предприятий, генерирующих занятость и доход (Пилясов, 2007). Предметом изучения, с этой точки зрения, становятся не географические единицы, не сами по себе поселения российского Севера, а северные сообщества в трудный период экономической трансформации (там же).

В традиционно-отсталых северных регионах, где население характеризуется низким квалификационным уровнем, грамотностью в вопросах здорового образа жизни, остро стоят такие проблемы как высокая смертность, в том числе младенческая, заболеваемость, алкоголизация, высок уровень безработицы, - актуален поиск механизмов сочетания традиционной экономической деятельности и индустриального. Поэтому в качестве приоритетных задач здесь рассматриваются рост образовательного уровня населения, создание систем образования, обеспечивающих воспроизводство культуры северных народов, в том числе, видов жизнедеятельности (Максимов, 2005; Alcorn, 1996), а также развитие социального капитала - «поиск и

выращивание сильных социальных партнеров для работы и координационной деятельности, оформление новых структур гражданского общества» (Пилясов, 2007).

Главная причина экономического спада многих северных регионов - низкая адаптация северных сообществ к новым рыночным условиям, неготовность региональных и муниципальных властей учитывать в своей политике влияние межрегиональной и внутри региональной конкуренции на производственных и товарных рынках. Это ведет к недооценке таких задач как развитие инфраструктуры региональных рынков, в том числе, рынка труда, управление рынками, мобильностью ресурсов и товаров, то есть институциональное обеспечение регионального развития. Многим регионам, преимущественно старопромышленным, где наблюдаются временные проблемы с занятостью, но накоплен значительный человеческий капитал, созданы образовательная и научная системы, институциональное реформирование рынков при государственной поддержке и укрупнении базовых производств позволило бы обрести экономическую самостоятельность (Пилясов, 2005).

Помимо дифференцированного подхода к регионам, имеющим различное экономическое положение, исследователи выделяют и *общие пути решения северных проблем*. Так, в реформировании северных рынков труда главным направлением становится создание условий для мобильности северян. При этом предполагается, что не только федеральные власти, но и социальная политика крупных ресурсных корпораций будет определять нормы и правила экономического поведения других работодателей, ориентировать их на усиление роли вахтовых контрактов, поиск решений в обеспечении жилищных условий для занятых с учетом их высокой мобильности, снижение транзакционных издержек при трудоустройстве. Действительно, ресурсные корпорации гораздо гибче в принятии решений о способах привлечения рабочей силы, чаще используют вахтовый метод освоения, благодаря созданию передвижных поселков, экономны в инфраструктурном обустройстве.

Процессы реформирования экономики в 1990-х привели не только к значительному межрегиональному контрасту по возможностям человеческого развития, но и углублению внутрирегиональных различий. Если в советский период водораздел проходил по линии «город-деревня», то в настоящее время большая часть финансовых, капитальных и человеческих ресурсов накоплена в

региональных северных центрах и нефтегазовых городах ХМАО и ЯНАО, остальные населенные пункты, среди которых не только села, но и малые и средние города фактически лишены возможностей экономического развития и, как следствие, перспектив накопления человеческого капитала. Решению проблем периферийных северных территорий, оставшихся за пределами образовавшихся агломераций посвящены работы Д.Д. Богоявленского, Т.Е. Дмитриевой, А.Н. Пилясова, Л.А. Рябовой, В.В. Фаузера и др. (Дмитриева, 2007; Пилясов, 2007; Фаузер и др., 1998; Bogoyavlenskiy etc., 2004; Рябова, 2007). Растет значимость внутрирегиональной политики экономического развития, обеспечения рабочих мест в районах и городах, как главного фактора сохранения и накопления человеческого капитала. Происходящее укрупнение регионов еще больше усиливает роль внутрирегионального перераспределения доходов и управления инвестициями в человеческий капитал.

Следует отметить, что проблема концентрации ресурсов в региональных центрах характерна для современного экономического развития России в целом, а не является специфичной северной проблемой. На остроту усиливающихся диспропорций указывают исследования В.Н. Лексина и А.Н. Швецова (2004), Н.В. Зубаревич и А.Н. Трейвиша (1999) и др. Для обоснования эффективной государственной политики накопления человеческого капитала в северных регионах важно выделение влияния Севера на экономическое и социальное развитие при элиминировании таких региональных проблем как периферийность территории, различие в темпах роста старопромышленных и развивающихся регионов, традиционно-отсталых и индустриально развитых регионов.

По результатам, представленным в гл. 3, автор может утверждать, что большинство региональных (за исключением ХМАО и ЯНАО) и внутри региональных периферийных северных рынков труда характеризуются недоиспользованием человеческого капитала. Неравновесность региональных рынков труда при существующей государственной политике недообеспечения минимального, необходимого для жизни дохода, институциональных ограничениях на мобильность рабочей силы, ведет к деградации человеческого капитала - сокращению рождаемости и росту смертности, инвалидизации, утрате профессиональных навыков. Из-за невозможности переехать в места, где условия занятости и

проживания лучше, люди деградируют, смиряясь с невозможностью не только самореализации, но и реализации в труде своих детей. Они не только не инвестируют в образование и здоровье, но и утрачивают ранее приобретенные знания, навыки, силы, обрекая на нищенское существование следующие поколения. «Замещение живого труда овеществленным - постоянный императив в северной экономике, который неизбежно влияет на спрос на рабочую силу» (Северная экономика..., 1996). Но процессу замещения препятствует то, что «...труд все еще остается относительно дешевым фактором производства по сравнению с капиталом и потому императивы трудосбережения не работают» (там же).

Можно также предположить, что многие северные рынки приходят в сбалансированное состояние при недостаточной мобильности работников за счет увеличения предложения труда⁸, то есть либо за счет более высокого уровня занятости, при зарплате ниже рыночной, либо за счет увеличения часов работы на одного занятого. «Дифференциация трудоспособного населения по доходам, жесткие условия найма привели к полярным мотивациям: низкодоходные группы вышли на рынок труда, жены состоятельных предпринимателей, наоборот, ушли с него и стали домохозяйками» (Северная экономика..., 1996).

Несмотря на плодотворную разработку отечественными и зарубежными учеными теоретических и методологических основ анализа накопления человеческого капитала на региональном уровне и богатый опыт северной социально-экономической политики, как в России, так и за рубежом, ряд проблем остается нерешенным. Недостаточно полно проработаны методы эффективного использования человеческого капитала на Севере в условиях рынка, вовлечения частного бизнеса в обеспечение инвестиций в человеческий капитал, распределения обязательств в этом вопросе между федеральной, региональной и муниципальной властью, между государством и бизнесом. Для формирования эффективных институциональных рамок человеческого развития требуется

⁸ Гипотеза сформулирована автором в рамках проекта Консорциума экономических исследований и образования № 07-032 «Оценка межрегиональных различий в доходах населения. Воздействие государственных компенсаций на предложение труда на Российском Севере», где предложен механизм ее эмпирической проверки, остающийся за рамками данного исследования.

качественная и количественная оценка взаимосвязи между накопленным человеческим капиталом и экономическим развитием в регионах Севера, оценка влияния экономического роста и доходов населения на динамику населения, изменения образовательного уровня, продолжительности жизни. Необходима количественная оценка социальных последствий экономических реформ в отношении Севера, а также создание эффективных моделей, позволяющих прогнозировать накопление человеческого капитала в северных регионах с учетом изменения социальных и экономических факторов.

Резюме

Неоклассические модели экономического роста, развитые Барро, Даймондом, Лукасом, Рамсеем, Ребело, Ромером, Сала-и-Мартинном, Солоу и др. позволяют доказать важность человеческого капитала не только в экономическом развитии, но и росте благосостояния людей. Региональный экономический рост и связанное с ним увеличение использования человеческого капитала не только ведет к повышению совокупных доходов населения, но и качественно его меняет. Занятость выступает компонентой социальной роли человека, мотивирующей к здоровому образу жизни, получению дополнительного профессионального образования, которое будет востребовано и вознаграждено на рабочем месте и т.д., то есть накоплению человеческого капитала. Подтверждением служит то, что в экспортно-ориентированных ХМАО и ЯНАО, где с конца 1990-х наблюдаются наиболее высокие темпы экономического роста и роста уровня занятости, снизилась смертность и увеличилась продолжительность жизни, растет образовательный уровень населения.

Согласно концепции β - конвергенции, предложенной Барро и Сала-и-Мартинном, чем ниже начальный уровень ВРП на душу населения по отношению к долгосрочному или равновесному уровню, тем выше должны быть темпы экономического роста. Региональные различия цен на труд, отражающие различия в уровне экономического развития, способствуют трудовой миграции, приводящей рынки в состояние взаимного равновесия, сопровождающееся выравниванием цен, количеством и качеством ресурсов. Качество человеческого капитала в начальный период времени, наряду с начальным запасом физического капитала и географическими детерминантами,

предопределяет возможности межрегиональной конвергенции экономического роста в долгосрочном периоде или объясняет причины его дивергенции.

В политике северных стран наряду с методами выравнивания региональных доходов применяются меры, стимулирующие перемещение физического и человеческого капитала в направлении депрессивных территорий, снижающие издержки бизнеса, связанные с худшими начальными условиями деятельности - географической изолированностью, недостатком капитала. Успешность этой политики подтверждает гипотезу о межрегиональной конвергенции экономического роста. Опыт зарубежных стран в управлении человеческим капиталом на Севере можно сгруппировать следующим образом: 1) инструменты, направленные на развитие Севера и 2) инструменты, действующие в масштабах всей страны, но оказывающие дополнительный эффект именно в северных регионах. В свою очередь на два вида можно разделить и методы внутри каждой из групп. Во-первых, методы прямого воздействия на качество человеческого капитала, то есть увеличение доступности образовательных услуг, медицинской помощи населению, а также методы выравнивания доходов, за счет их перераспределения, компенсаций, льгот, предоставления общественных услуг. В этом случае накопление человеческого капитала рассматривается как главная цель региональной (северной) политики. Во-вторых, методы, главной целью которых является развитие бизнеса, создание условий для регионального экономического роста за счет собственных ресурсов. В этом случае накопление человеческого капитала происходит благодаря росту спроса на рабочую силу, росту трудовых доходов, а также благодаря тому, что конкуренция за рабочую силу гарантирует отдачу от дополнительных инвестиций в образование в виде повышения зарплаты и карьерного роста.

Отличительной особенностью зарубежных региональных программ является четкость в формулировке критериев отбора регионов для реализации программ, что позволяет достичь информационной прозрачности государственной политики, дает возможность оценить членам общества ее эффективность. Относительная самостоятельность северных земель и территорий в формировании социальной политики сопровождается мониторингом центральных служб за ключевыми характеристиками человеческого капитала.

Создание условий для развития бизнеса через полное или частичное государственное финансирование социальной и производственной инфраструктуры, предоставление субсидий работодателям на создание рабочих мест, компенсацию работодателям расходов, связанных с оплатой труда, налоговые льготы и льготные условия кредитования северных производств и инфраструктуры применяются в различной мере во всех северных странах. В Канаде это дифференцированные по широтам меры поддержки, то есть инструменты северной политики. В северных европейских странах критерием для применения особых режимов развития бизнеса выступает низкая плотность населения, следовательно, применяются меры, играющие на Севере важную роль, но не узконаправленные на эти территории. Благоприятные инвестиционные условия способствуют созданию рабочих мест и накоплению регионального человеческого капитала. Опыт Аляски, где развитие бизнеса является целью федеральной политики, позволяет сделать вывод о том, что экономический рост обеспечивает финансовую основу для реализации социальных программ, снижения негативного влияния Севера на комфортность жизнедеятельности, способствует накоплению человеческого капитала и его использованию с большей отдачей.

Непосредственно на накопление человеческого капитала направлена политика в отношении коренных народов. Государство несет ответственность за общее и профессиональное образование их представителей, за обеспечение привилегий при найме на работу, за соответствие видов занятости их нуждам и предпочтениям, а также за развитие предпринимательства и трудовых отношений. В частности, Правительство Канады заключает с корпорацией, желающей разрабатывать минеральные ресурсы, соглашение о разделе доходов при добыче природных ресурсов. Обеспечение представителям коренных народов работы и обучения является обязательным условием этих соглашений. Подготовка соглашений ведется несколько лет еще до вовлечения месторождений в эксплуатацию. Политика накопления и эффективного использования человеческого капитала в отношении коренных народов в Аляске и Канаде реализуется через развитие различных форм ко-менеджмента ресурсов, способствующих формированию гражданской ответственности и умения принимать решения с учетом интересов будущих поколений. Большая роль в программах развития северных территорий уделяется задачам

просвещения и воспитания, в том числе, борьбе с алкоголизмом, пропаганде здорового образа жизни и профилактике заболеваний.

Отдельная северная политика, направленная на накопление человеческого капитала реализовывалась или реализуется в Швеции, Канаде и Дании в отношении Гренландии. Финляндия и Норвегия преследуют в региональной политике задачи межрегионального выравнивания качества жизни. На устойчивое развитие Севера направлено создание фондов развития и будущих поколений в Норвегии и Аляске, где накапливается рента от высокорентабельной добычи нефти. Это способствует своевременной реструктуризации северной экономики, предупреждающей истощение природных ресурсов, создание рабочих мест в обрабатывающей промышленности. Важным элементом накопления человеческого капитала в северных странах является создание колледжей и университетов в северных регионах, которые обеспечивают профессиональную подготовку кадров и адаптационные возможности населения для развития инновационных отраслей.

Несмотря на плодотворную разработку отечественными и зарубежными учеными теоретических и методологических основ анализа накопления человеческого капитала на региональном уровне и богатый опыт северной социально-экономической политики, как в России, так и за рубежом, ряд проблем остается нерешенным. Недостаточно полно проработаны методы эффективного использования человеческого капитала на Севере в условиях рынка, вовлечения частного бизнеса в обеспечение инвестиций в человеческий капитал, распределения обязательств в этом вопросе между федеральной, региональной и муниципальной властью, между государством и бизнесом. Для формирования эффективных институциональных рамок человеческого развития требуется качественная и количественная оценка взаимосвязи между накопленным человеческим капиталом и экономическим развитием в регионах Севера, оценка влияния экономического роста и доходов населения на динамику населения, изменения образовательного уровня, продолжительности жизни. Необходима количественная оценка социальных последствий экономических реформ в отношении Севера, а также создание эффективных моделей, позволяющих прогнозировать накопление человеческого капитала в северных регионах с учетом изменения социальных и экономических факторов.

Глава 3. Динамика и структурные изменения человеческого капитала в северных регионах в 1990-2005 гг.

Ниже приводится анализ основных показателей, отражающих накопление человеческого капитала в количественном и качественном измерении в период 1990-2005 г. Для того, чтобы увидеть влияние экономического развития на человеческий капитал, выявить северную специфику северные и «несеверные» регионы разделены на две группы по признаку - доноры/реципиенты государственного бюджета (на 2005 г.). Чтобы сделать результаты более наглядными, в таблицах приведены данные за несколько лет этого периода выборочно: 1990, 1994, 1997, 1999, 2003 и 2005 гг.

1990 г. - год относительно стабильного развития в модели плановой экономики, развитой социальной системы и региональной политики. 1994 г. можно считать окончанием первого периода перехода к рыночной экономике, когда была преодолена гиперинфляция и доходы населения несколько стабилизировались, малый бизнес сформировался как устойчивая экономическая ниша, завершился первый этап приватизации. 1996-1997 гг. характеризовались экономическим подъемом, что отразилось и на человеческом капитале. 1999 г. - послекризисный (август 1998 г.), именно в этом году можно увидеть кризисный след - снижение рождаемости и продолжительности жизни. Последующие годы характеризуется стабильным экономическим ростом. Анализ показателей в 2005 г. позволяет увидеть, как подъем в экономике способствовал развитию человеческого капитала. Следует отметить, что весь анализируемый период характеризуется относительно стабильной институциональной средой, которая качественно была изменена с введением кодексов (Налогового, Трудового и др.), начиная с 2002 г. Поэтому можно считать, что социальная политика, принципы предоставления помощи и доступность услуг были относительно постоянны в этот период. Кроме того, были рассчитаны средние значения характеристик человеческого капитала, уровня доходов и экономического развития для их сравнения в северных и «несеверных» регионах (прил. 4, 11-14). Выявленные тенденции в динамике показателей указывают на тесную связь накопления человеческого капитала с благосостоянием населения. Занятость и достойная заработная плата ведут к решению ключевых национальных проблем:

повышение рождаемости, снижение смертности, увеличение продолжительности жизни, повышение образовательного уровня населения. Это значит, что для переходного периода в России верны выводы мальтузианской теории экономического роста, то есть количество человеческого капитала регулируется уровнем доходов. В тех регионах, где есть работа и зарплата (в первую очередь, ЯНАО и ХМАО) - показатели накопления человеческого капитала уже к концу переходного периода стали значительно лучше, чем в его начале.

3.1. Человеческое измерение экономических преобразований. Выбор показателей

В данном исследовании получены количественные оценки накопления человеческого капитала в регионах Российского Севера. Эта задача потребовала обоснования выбора показателей накопления и использования человеческого капитала. Автор опирался на доступные из данных Росстата характеристики, сопоставление которых по группам северных и «несеверных» регионов за исследуемый период приведено в прил. 4 и 11. Всего 32 показателя использования и 30 показателей накопления человеческого капитала. Основными характеристиками накопления человеческого капитала, детально исследованными в региональном разрезе, являются коэффициенты рождаемости, смертности, продолжительность жизни, половозрастная структура населения, миграционный прирост, прирост учащихся и выпускников начальных, средних и высших учебных заведений, а также число учебных заведений.

Чтобы удалить влияние различий в региональной возрастной структуре, используются нормированные коэффициенты рождаемости и смертности, как отношение общего коэффициента рождаемости к доле населения в трудоспособном возрасте S_L (4), а смертность - к доле населения старше трудоспособного возраста (S_{OL}) (5).

$$B1 = B \cdot \frac{\bar{S}_L}{S_L} \quad (3)$$

$$M1 = M \cdot \frac{\bar{S}_{OL}}{S_{OL}} \quad (4)$$

В качестве характеристик использования человеческого капитала подробно анализируются уровень занятости и безработицы, состав занятых и безработных по уровням образования. Показатели занятости и безработицы вызывают у исследователей немало критики из-за сложности отслеживания реального состояния индивида, распространения неформальной занятости (Капелюшников, 2006 (2)), искажающей данные официальной статистики. Общепринятые методы мониторинга занятости в национальных селах ведут к занижению уровня безработицы (Северная экономика..., 1996). Он отмечает, что традиционные показатели, такие как уровень урбанизации, соотношение мужчин и женщин, доля трудоспособного населения и т.д. не вскрывают глубинные явления социально-экономического развития северных территорий (Пилясов, 1990). Это усложняет оценку взаимосвязи между хозяйственной деятельностью людей и уровнем жизни, возможностями накопления человеческого капитала в условиях Севера. В исследовании автор предполагает, что процессы развития неформальной занятости приводят к типичному для всех регионов смещению показателя уровня занятости, что позволяет рассматривать приростные величины, как величины, обладающие меньшим смещением. Помимо отдельных статистических показателей в работе рассматривается возможность использования интегральных индексов человеческого капитала для анализа процессов его накопления на Российском Севере.

Для установления взаимосвязи характеристик человеческого капитала с экономическим развитием региона выбраны такие показатели, как уровень бедности, степень урбанизации, душевой валовой региональный продукт и объемы производства продукции в малом бизнесе, среднемесячная пенсия и начисленная заработная плата, плотность населения. В качестве меры государственного вмешательства используются расходы консолидированных бюджетов, неналоговые доходы, а также развитие транспортной инфраструктуры, которое производилось в основном за счет государственных инвестиций.

Показатели, измеряемые в денежных единицах, включают инфляционный рост. Это влияние удалено делением показателей на региональный прожиточный минимум (РПМ). Все показатели пересчитаны на душу населения, в частности показатель ВРП рассчитан по формуле (5), остальные аналогично, в дальнейшем будем называть эти рассчитанные показатели реальными.

$$Y = \frac{GRP}{Population \cdot Sublevel}, \quad (5)$$

где *GRP* - ВВП на душу населения, руб.; *Population* - численность населения (на 1 января; тыс. чел.), а *Sublevel* - величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения в месяц), (тыс. руб., с 1998 г. – руб.).

Индекс развития человеческого потенциала. Для межстранового и межрегионального сравнения накопления человеческого капитала используется *индекс развития человеческого потенциала*, называемый также *индекс человеческого развития* (human development index, российская аббревиатура ИЧР, используется далее), разработанный А. Сеном (Sen, 2000) и использующийся ООН с 1990 г. Концепция, на базе которой разработан этот индекс может быть кратко представлена следующими положениями (Россия и индекс ..., 2000):

- развитие человека отражает как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей;
- благосостояние оценивается по возможности людей вести такую жизнь, которую они считают достойной;
- человеческое развитие критически зависит от удовлетворения трех потребностей - прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания, иметь доступ к ресурсам, обеспечивающим достойный уровень жизни;
- доход рассматривается как средство, расширяющее человеческий выбор, то есть предоставляющее большую свободу выбора и больше вариантов для достижения выбранной цели;
- для обеспечения достойной жизни людям не нужен бесконечно высокий доход, позитивное воздействие последнего на человеческое развитие ослабевает по мере роста доходов.

ИЧР представляет собой среднее взвешенное трех параметров: продолжительности жизни, уровня образования и лог-дохода на душу населения. Проводились расчеты этого показателя и для межрегионального сравнения в России (Индекс качества..., 2004). Сложность межрегионального сравнения состоит в открытости региональных экономик. На уровне стран основная часть дохода потребляется там же, где производится, а в регионах производство и потребление сильно различаются, так как значительная часть

произведенного ВРП (и при этом разная по регионам) перераспределяется государством. Корреляционный анализ доказывает, что на Севере существует тесная связь между характеристиками накопления человеческого капитала и ВРП на душу населения. Рост доходов страны рассматривается как важнейший фактор, непосредственно воздействующий на увеличение возможностей индивидуумов в выборе экономического поведения, в том числе трудового, и, следовательно, развитие регионального человеческого капитала (Sen, 2000). ВРП как показатель экономического развития определяет возможности граждан в улучшении жилья, территориальных трудовых перемещений, или организации отдыха. Помимо этого он воздействует также и косвенно, в частности, на такие составляющие человеческого капитала как уровень образования и здоровья. Это воздействие осуществляется как через частные расходы, так и через правительственные программы (Ranis, 2000; Goklanu, 2001).

В то же время ВРП, хоть и удобно для измерения уровня экономического развития, не отражает полностью изменения в качестве жизни людей из-за существующего социального неравенства (Davidson, 2000). В региональных индексах измеряется производство ВРП, а не потребление, тем самым искажается реальное экономическое положение населения. При расчете дохода (Индекс качества..., 2004) для субъектов РФ вводились дополнительные процедуры, такие как пропорциональное увеличение ВРП каждого субъекта РФ на нераспределяемую часть ВВП страны; корректировка ВРП на внутрироссийские различия в ценах путем деления на коэффициент стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений, публикуемый Росстатом; пересчет в доллары США по паритету покупательной способности для данного года. Кроме того, все российские регионы крайне неоднородны внутри, в них есть свои беднейшие муниципалитеты и сельские районы, есть более богатые региональные столицы и города экспортных отраслей. Но оценить это с помощью ИЧР невозможно, так как на внутрирегиональном уровне его индикаторы не рассчитываются Росстатом, в частности рост ВРП мультиплицируется в росте доходов 20% наиболее обеспеченного населения (Шевяков, 2005). Показатель ВРП относительно достоверен, особенно в российских регионах с высокой долей теневой экономики и во внутренних оффшорах. Тем не менее, этот показатель используется

в данном исследовании, чтобы установить, существует ли взаимосвязь между экономическим ростом (лог-прирост ВРП) и изменением качества человеческого капитала, а также для оценки влияния экономического роста на рост среднемесячной начисленной заработной платы, повышении образовательного уровня населения, и росте продолжительности жизни.

Исследователи отмечают ряд недостатков измерения не только ВРП, но и грамотности и продолжительности, делающих оценки ИЧР в российских условиях недостоверными (там же):

- формально заниженные показатели образования пристоличных областей (Московской и Ленинградской), поскольку значительная часть молодежи этих регионов получает профессиональное образование в Москве и Санкт-Петербурге;
- характерная для России несбалансированность развития отдельных компонентов ИЧР (дохода, образования, долголетия). Например, почти половина регионов имеют худшие показатели индекса доходов относительно двух других, в основном это Центр и юг Европейской России. Наоборот, ведущие экспортно-сырьевые регионы отличаются противоположным соотношением - индекс доходов опережает остальные. Регионы-аутсайдеры, и в этом специфика социального развития в России, отличаются наиболее сильным разбросом всех частных индексов при минимальных показателях дохода.

В табл. 3 отображены строки с расчетом ИЧР для северных регионов и приведены средние значения по остальным регионам. Группы регионов поделены по величине индекса на 6 групп. Деление по ИЧР северных регионов на группы близко по классификации к делению регионов на рентные, депрессивные и традиционно-отсталые (гл. 2). Это немаловажный аргумент в доказательстве взаимосвязи между экономическим ростом и человеческим капиталом. Из таблицы видно, что существенное различие наблюдается в ВРП на душу населения и ожидаемой продолжительности жизни, тогда как грамотность населения и доля учащейся молодежи существенно не варьирует ни в группе северных регионов, ни по России в целом.

Таким образом, для российских регионов показатель грамотности не отражает специфику социального неравенства и

возможностей накопление человеческого капитала в России. Поэтому ряд исследователей предлагает производить измерение без этого фактора (Капелюк, 2004).

К оценке ИЧР в России как показателю качества человеческого капитала критически относятся многие исследователи. Поэтому разрабатываются другие интегральные показатели, например, интегральный показатель качества жизни, разработанный Айвазяном (Айвазян, 2002) и включающий пять групп статистических показателей, первая из которых: характеристики развития человеческого капитала. Известны и другие работы, преследующие своей целью классификацию статистических показателей для интегральной оценки качества жизни.

Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 364 с.

Таблица 3. Рейтинг северных регионов по ИЧР (2004 г.)

	ВВП долл. ППС	Индекс дохода	ОПЖ	Индекс долголетия	Грамот- ность	Доля учащихс я в возрасте 7-24 лет	Ин- декс образо- вания	ИЧР	Место/ группа	Всего в данной группе регионов
Тюменская область (включая Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО)	44775	1	66,6	0,694	99,2	73,5	0,906	0,867	2/1	4
Республика. Саха (Якутия)	11680	0,795	64,2	0,654	99	78,4	0,921	0,79	8/2	13
Красноярский край (включая Долгано-Ненецкий (Таймырский) и Эвенкийский АО)	11466	0,791	63,6	0,643	99	72,4	0,901	0,779	13/2	
Республика Коми	11723	0,795	62,2	0,62	99,2	73,2	0,905	0,774	15/2	
Архангельская область (включая Ненецкий АО)	10870	0,783	62,3	0,622	99,2	71,4	0,899	0,768	20/3	21
Магаданская область	9384	0,758	62,4	0,624	99,6	74,5	0,912	0,765	26/3	
Мурманская область	9573	0,761	63,6	0,643	99,6	65,4	0,882	0,762	28/3	
Сахалинская область	10357	0,774	61,5	0,608	99,4	66,3	0,884	0,755	36/3	
Чукотский АО	13401	0,817	57,5	0,541	99,4	65,5	0,881	0,746	47/4	28
Камчатская область	6054	0,685	63,6	0,643	99,7	70,7	0,9	0,743	53/4	
Республика Карелия	7703	0,725	61,6	0,61	99,2	69,4	0,893	0,742	54/4	
Республика Тыва	3125	0,574	56,5	0,525	99,1	73,1	0,904	0,668	79/6 *	2**
Среднее по Северу	12509		62,1		99,3	71,2				
Среднее по «нисуверным» регионам	7047		64,8		98,8	71,8				
Российская Федерация	9922	0,767	65,3	0,671	99,0	73,7	0,906	0,781		

* Последнее место из 79; ** В предыдущую группу из 9 регионов северные регионы не попали.

Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 364 с.

/Источник: Индекс качества..., 2004/

Исследователи НИСП предложили для оценки социальной ситуации в регионах использовать «кризисный индекс качества жизни», как среднее индексов: отношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму; доли населения с доходами выше прожиточного минимума, уровня занятости населения, и среднего от индексов ожидаемой продолжительности жизни и младенческой смертности (Индекс качества..., 2004). Классификация северных регионов по кризисному индексу качества жизни позволяет отнести ХМАО и ЯНАО в лучшую группу, Республику Коми, Архангельскую обл., Магаданскую обл. и Республику Карелия в группу с относительно высоким показателем; Республику Саха, Мурманскую обл., Сахалинскую обл., Таймырский АО, Чукотский АО и НАО в группу со средними показателями; а Эвенкийский АО, Корякский АО и Республику Тыва в худшую.

Работы С.В. Славина (Славин, 1982), а затем Г.П. Лузина (Лузин, 1998) для оценки природной дискомфортности северных территорий, так же связаны с интегральным оцениванием условий проживания и жизнедеятельности человека. Недостаток этой типологизации состоит в том, что районирование по своим границам не совпадает с границами субъектов Федерации, а, следовательно, недоступны статистические показатели, позволяющие проводить исследование на устойчивость этого деления, в частности, в плане взаимосвязи между экономическим ростом и накоплением человеческого капитала.

Подводя итог, можно заключить, что, несмотря на большой объем накопленных методик, рассмотренные индексы, используемые для сопоставления человеческого развития по российским регионам, не в полной мере отражают специфику, как из-за созданной в них систем образования и здравоохранения в советский период, благодаря которым состояние на начало переходного периода было близким по многим показателям, так и из-за различной реакции составляющих этих индексов на экономический рост.

Уровень доходов и бедности населения как оценки инвестиционного потенциала. В анализе рассматриваются региональные показатели бедности и уровня доходов Севера как показатели инвестиционного потенциала в человеческий капитал. Предполагается, что возможности ведения личного хозяйства и получения дополнительного дохода одинаково ограничены в северных

регионах, а также то, что степень неравенства по доходам не имеет выраженного разброса данных.

Уровень бедности, прежде всего, характеризует возможности населения инвестировать в человеческий капитал. Поскольку бедность выступает ограничителем как на инвестиции в образование, так и на инвестиции в семью, рождение детей, - она является центральным объектом многих российских исследований, как в экономике, так и в социологии и даже психологии. Феномен российской бедности состоит в том, что это, в большой мере, бедность занятых, а не лиц, не имеющих трудовых доходов (Гимпельсон, 2003). Таким образом, российская бедность связана с низкой отдачей на человеческий капитал, что, в свою очередь, создает замкнутый круг, в котором ожидания низкой отдачи от человеческого капитала ведут к дальнейшему недоинвестированию. В частности, сверхсмертность мужчин и не снижающаяся смертность взрослого населения, алкоголизм, травматизм, социальные заболевания, - связаны с низкой ценностью человеческой жизни, которая во многом формируется из отдачи на человеческий капитал.

Из предыдущего раздела можно сделать вывод, что в России подушевой ВРП не дает однозначной картины о благосостоянии населения. Важным показателем накопления человеческого капитала является уровень бедности. А. Сен обращает внимание на то, что «крайняя нищета, как отсутствие базовой экономической свободы, может превратить человека в беспомощную жертву нарушения других свобод, поэтому накопление человеческого капитала тесно связано с устранением не только экономических, но и политических, институциональных причин несвободы: бедности и тирании, ограничения экономических возможностей и систематического ухудшения социальных условий, пренебрежения общественными механизмами и нетерпимости или сверхактивности репрессивных государств (Сен, 2004). Возрастающая концентрация доходов ведет к увеличению смертности, в первую очередь, самых обездоленных и старших возрастных групп (Шевяков, 2005), поэтому в анализе используется скорректированный на возрастную структуру населения показатель смертности.

Снижение человеческого капитала как следствие социального неравенства и бедности, находит весомое подтверждение в результатах исследований, в основе которых лежит корреляционно-регрессионный анализ зависимостей коэффициентов рождаемости, смертности и

естественного прироста (убыли) населения от различных показателей неравенства, уровня жизни и бедности.

Демографические показатели - количественные характеристики накопления человеческого капитала. Наиболее очевидная сторона потерь человеческого капитала - это депопуляция в России, проявившаяся в ухудшении основных демографических показателей: общих коэффициентах рождаемости и смертности и ожидаемой продолжительности жизни при рождении. За годы реформ "естественная" убыль населения составила примерно 7 млн. чел. При этом численность населения в возрасте до 30 лет сократилась примерно на 6 млн. чел. (Демографическое будущее России, 2001). Снижение качества человеческого капитала с началом рыночных преобразований в немалой степени определяется ухудшением возрастной структуры населения, на которую повлияло снижение рождаемости и рост смертности населения.

Согласно мальтузианской модели, население растет медленнее, когда заработная плата низка, потому что люди в среднем позднее вступают в брак и поэтому имеют меньше детей (превентивное ограничение населения), а также потому, что с обнищанием семей возрастает смертность (позитивное ограничение) (Becker и др., 1988). Верно и обратное: когда заработная плата выше, рождаемость растет. Таким образом, происходит саморегуляция численности населения, связанная с его благосостоянием. Процессы, которые происходили в динамике населения России и ее северных регионов в 1990-е подходит под это объяснение. Тенденцию снижения рождаемости удалось переломить в 2000-е, но только в регионах с относительно высоким подушевым ВРП, тогда как в бедных (дотационных) регионах Севера ситуация с рождаемостью и смертностью по-прежнему сложная.

Общие коэффициенты рождаемости. Ожидаемая отдача и инвестиции в детей. Взаимосвязь между рождаемостью и качеством жизни нашла подтверждения в исследованиях как российских, так и зарубежных ученых (Шевяков, 2005; Шевяков и др., 1999; Corman, 1987). По итогам исследования Г. Мюрдаля и А. Мюрдаль «Кризис проблемы народонаселения» (Мюрдаль и др., 1934) был выдвинут курс, предлагавший интенсивную жилищную политику и выплату субсидий многодетным семьям, для повышения рождаемости в Швеции. Л.Л. Рыбаковский обращает внимание на то, что «к фундаментальной причине снижения рождаемости в России – переходу от модели многодетной семьи к малодетной,

происходившему на протяжении всего XX века, добавились экономические факторы, в первую очередь, острая потребность молодых семей обеспечить некоторый уровень экономической безопасности (приобретение жилья, его благоустройство, получение образования и профессии, хорошо оплачиваемой работы) перед обзаведением детьми» (Демографическое будущее России, 2001; Социально-экономические факторы..., 2002). В исследовании А. Шевякова (Шевяков, 2005) показано, что рождаемость в региональном разрезе отрицательно зависит от доли членов семей из одного и двух человек в общей численности населения региона. Причем, на самом деле на рождаемость влияет не доля таких людей в общей численности населения, а их относительный уровень жизни и в первую очередь их бедность (там же).

Общие коэффициенты смертности и продолжительность жизни как показатели отдачи на человеческий капитал. Этот показатель тесно связан с предыдущим. Работы, исследующие взаимосвязи между смертностью и доходами, смертностью и образовательным уровнем населения представлены (Deaton, 2004). Высокий уровень смертности снижает стимулы к инвестициям в человеческий капитал (Meltzer, 1992).

Рост смертности населения Л.С. Чижова сравнивает со слаборазвитыми государствами, называя его самым негативным следствием переходного периода. Она оценивает экономические потери страны из-за преждевременной смертности населения в трудоспособном возрасте за этот период в 1,5 трлн. долл., или 225 млн. человеколет активного труда (Чижова, 2006). Л.Л. Рыбаковский, оценивает сверхсмертность в 1991-2000 гг., то есть смертность, которую можно было бы предотвратить в других условиях, в 3-3,5 млн. человек (Демографическое будущее России, 2001). Таким образом, в переходный период демографические процессы соответствовали мальтузианской модели развития, когда снижение доходов ведет к снижению численности населения.

Важной характеристикой человеческого развития является показатель ожидаемой при рождении продолжительности жизни. Стимулы для вложений в развитие человеческого капитала (как со стороны домохозяйств, так и со стороны работодателей), усиливаются при условии, что индивиды — получатели инвестиций имеют шанс дожить до 60 лет (Fogel, 1999), поэтому уровень образования повышается с ростом продолжительности жизни.

На связь между экономическим ростом и продолжительностью жизни в российских регионах указывают изменения показателей богатых Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, где вместе с наблюдаемым экономическим ростом ожидаемая продолжительность жизни выросла до 69-70 лет (в среднем по стране - менее 65 лет в 2002 году), несмотря на неблагоприятные северные условия жизни (Зубаревич, 2003). По мнению Н.В. Зубаревич, причина состоит в росте доходов населения и расходов бюджета, обеспечивающих более высокое качество жизни. Именно возможность заработать стимулирует население сохранять трудоспособность в условиях острой конкуренции за высокооплачиваемые рабочие места, то есть экономический рост отучает злоупотреблять алкоголем (Зубаревич, 2003; Синявская, 2006). Это тезис находит подтверждение и в том, что продолжительность жизни ниже всего в тех регионах, где мало зарабатывают, имеют низкий уровень образования и живут в неблагоприятных природных условиях (Зубаревич, 2003).

На основе факторного анализа Р.М. Мельников получил противоположный результат: продолжительность жизни не связана с уровнем экономического развития региона и выше в регионах с высоким уровнем безработицы. При этом регионы с высокой ожидаемой продолжительностью жизни характеризуются низким криминальным риском и выступают в роли акцепторов мигрирующего населения (Мельников, 2006, с. 86-87).

Инвестиции в образование - качественные характеристики накопления человеческого капитала. Инвестиции в человеческий капитал обеспечивают экономический эффект в развитии экономики в целом, в увеличении отдачи от затрат труда для работодателя и в росте доходов самого индивида, получающего образование. Поэтому оценка эффективности инвестиций в образование трактуется неоднозначно, зависит от задач исследования. Наиболее распространенными показателями являются нормы отдачи на образование, как оценка параметра в регрессии для зарплаты, так называемом уравнении Минцера (Mincer, 1974). Как правило, мерой образования, позволяющей оценить нормы отдачи на человеческий капитал, выступает число накопленных лет обучения (Капелюшников, 2007). Такие сведения доступны при анализе, основанном на микроданных.

Оценкой экономического эффекта от инвестиций в человеческий капитал на макроданных является рост производительности труда, хотя этот показатель «не очищен» от

влияния таких показателей как технологическое обновление, реструктуризация экономики, рост физического капитала. Более «чистый» эффект инвестиций в человеческий капитал дает оценка производственной функции, которая позволяет разделить влияние физического капитала, человеческого капитала, а также его качественное изменение. Поскольку исследование построено на макроданных, то используются следующие показатели: доли работников, имеющих образование определенного уровня; число обучающихся и выпускников начальных, средних и высших профессиональных учебных заведений на 10 тыс. населения, а также количество профессиональных учебных заведений каждого уровня в регионе.

Специфика учета человеческого капитала в России состоит в том, что грамотность населения стабильно высока (табл. 3), благодаря созданной в советский период системе среднего образования, и пока не имеет значимой дифференциации по регионам, несмотря на региональные различия в доходах населения и темпах экономического роста. В дальнейшем, по мнению автора, будет происходить разрыв, который при грамотном выборе объектов обследования может быть наблюдаем. Причины этого разрыва связаны со снижением контроля за посещаемостью детьми образовательных учреждений, как со стороны школ, так и со стороны семей, особенно алкоголиков, наркоманов, бедноты; необходимости самим зарабатывать на жизнь, что при увеличении числа бедных может привести к снижению грамотности среди детей и молодежи. Следовательно, в будущем этот показатель может стать заметно хуже, в первую очередь, в регионах с высокой долей населения за чертой бедности и относительно высокой долей населения моложе трудоспособного возраста.

Более существенной характеристикой человеческого капитала для регионов России является доля продолжающих образование в возрасте 16-24 лет. Будут рассмотрены три уровня профессионального образования (начального, среднего и высшего образования).

Высшее профессиональное образование обычно характеризуется высоким эффектом дохода, для России связь между заработком и уровнем образования повторяет общемировые тенденции (Капелюшников, 2007). Российская специфика состоит в несоответствии структуры подготовки кадров потребностям экономики (Чижова, 2006), более высоком предложении на рынке

труда высококвалифицированных специалистов и низком - рабочих. Это затрудняет анализ качества человеческого капитала, так как искажает его роль в экономическом росте. В эмпирическом исследовании показано, что повышение в структуре занятых работников различной квалификации действительно не влияет на экономический рост. Вместе с тем, рост доходов населения, в том числе и благодаря региональному экономическому развитию ведет к увеличению учащихся вузов, подтверждая результаты исследований на микроданных НОБУС и РМЭЗ (Капелюшников, 2007).

Среднее профессиональное образование в России, в отличие от многих стран, выступает заместителем к высшему. В США, например, колледж служит первой обязательной профессиональной ступенью, после которой лучшие продолжают обучаться в университетах. В России можно начинать учиться в вузе сразу после школы. Таким образом, ссузы нередко набирают учащихся из тех, кто не может оплатить учебу в вузе. Что касается начального профессионального образования, то оно рассматривается домохозяйствами как альтернатива попадания в безработицу, что также следует из анализа, приведенного ниже. В самых бедных регионах с высокой безработицей бóльший процент обучающихся в ПТУ. Таким образом, на долю обучающихся в начальных профессиональных заведениях также действует эффект дохода, но в другом направлении.

Можно ожидать, что рыночное формирование цен на труд со временем приведет к большей сбалансированности образовательной структуры человеческого капитала и потребности экономики, что должно сказаться на значимости данного фактора в модели экономического роста.

Статистические модели изменения валового внутреннего продукта (ВВП) с учетом интеллектуального уровня общества получены в модели Барро (Barro, 1996). В них человеческий капитал оценивался через отношение числа учащихся (в модель входили уровни начального и среднего образования) к общему числу жителей страны.

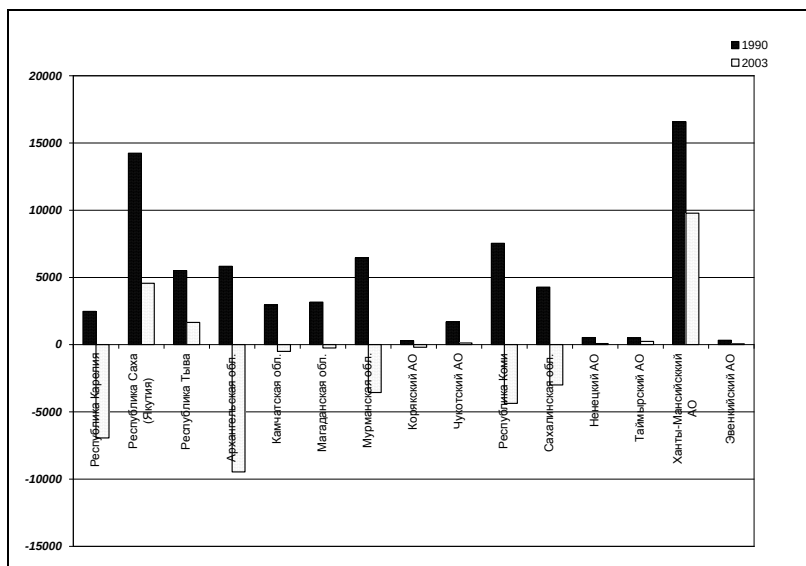
3.2. Анализ накопления человеческого капитала через демографические показатели

Важными характеристиками накопления человеческого капитала являются не только качественные показатели: уровень

занятости и их квалификационный уровень, но и количественные, в том числе, общий коэффициент рождаемости и ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Также рассмотрена динамика таких взаимосвязанных с продолжительностью жизни показателей, как смертность населения и младенческая смертность.

Для Советского Севера главным определяющим фактором в формировании населения выступала миграция. Но в 1990-е наряду с миграцией, динамику населения стали определять рождаемость и смертность, если не по количественным параметрам, то по социальному, психологическому и эмоциональному воздействию (Фаузер, 2007). Если в 1990 г. Российский Север характеризовался положительным естественным приростом, то есть умирало меньше, чем рождалось, то в 1990-е ситуация изменилась и большинство регионов характеризуется отрицательным естественным приростом.

На рождаемость оказывает существенное влияние этнический состав жителей. В республиках, сформированных большими этносами (например, Коми, Тыва, Якутия), где коренная национальность составляет не менее 10%, наблюдается, в основном, положительный естественный прирост населения. Хотя различие в общих коэффициентах рождаемости объясняется и половозрастной структурой регионов и долей сельских жителей. Большей долей лиц старше трудоспособного возраста и большей долей городского населения характеризуются старопромышленные районы, где выше и доля пришлого населения. Все это отрицательно влияет на рождаемость.

**Рисунок 1. Естественный прирост населения в регионах
Российского Севера (чел.)**

Среди развивающихся регионов отрицательным приростом населения отличаются Коми Республика и Сахалинская обл., остальные регионы имеют положительный естественный прирост (рис. 1). В группе дотационных регионов минимальным показателем как в 1990 г., так и 2003 г. характеризовалась Камчатская обл.: 12,5 и 10,8, соответственно, максимальным - Республика Тыва: 26,2 и 20,5. Развивающиеся регионы не так стабильны в структуре. Максимальное значение 1990 г. было зафиксировано в Республике Коми, в 2003 г. - в Ненецком АО - 15,9. Минимальной рождаемостью характеризуется старопромышленная Мурманская обл. - 11,5 и 9,9, соответственно. В целом в северных регионах рождаемость выше, чем в других, а в развивающихся - выше, чем в дотационных.

Для учета различий в демографической структуре по формуле (3) рассчитаны нормированные коэффициенты рождаемости. Если разделить группы на дотационные и развивающиеся, то отличия становятся заметнее (рис. 2). Наиболее высокие значения в группе развивающихся северных регионов с относительно молодой

возрастной структурой и высокими доходами населения, низкие - в группе дотационных «несеверных». Важно отметить, что экономический рост влияет на снижение среднего возраста жителей за счет миграционного притока в трудоспособных возрастах. Можно сказать, что рост рождаемости в развивающихся регионах происходит благодаря росту доходов населения, ведущего не только к увеличению инвестиций в человеческий капитал, но и к его качественному улучшению - снижению среднего возраста населения.

Таблица 4. Общий коэффициент рождаемости по северным и «несеверным» регионам

Показатель	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение
	«несеверные» регионы			северные регионы		
<i>B</i>	856	10,19	3,16	252	11,38	2,50
<i>SL</i>	868	57,28	2,63	252	64,00	4,11
<i>B1</i>	794	10,22	3,25	234	10,28	2,31

/Рассчитано по данным Росстата/

При этом динамика показателей одинаково отражает снижение рождаемости к 1999 г. (при некотором росте в 1997-1998 - отклик на период экономической стабилизации 1996-1997 гг.) и ее рост после. Несмотря на увеличение рождаемости к 2005 г., показатели не достигли уровня советского периода (1990 г.).

Таблица 5. Общие коэффициенты рождаемости

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	13,5	9,2	8,4	8,1	10,8	10,7
Камчатская обл.	12,5	9,2	9,2	9,1	10,8	11
Корякский АО	16,1	12,5	11,8	10,7	10,9	12,5
Магаданская обл.	13,8	8,4	8,5	8,2	11,2	11
Республика Карелия	13,2	8,6	8	7,9	10,2	9,9
Республика Тыва	26,2	19,8	15,8	15,7	20,5	19,4
Чукотский АО	14,3	10,8	9,8	9	13	15,7
Эвенкийский АО	20,7	13,5	13,2	13,4	15,6	16,3
Развивающиеся						
Мурманская обл.	11,5	8,5	7,8	7,6	9,9	9,8
Ненецкий АО	16,7	13	11,6	11,2	15,9	14,5
Республика Коми	13,4	9,7	8,9	8,5	11,3	11,1
Республика Саха	19,6	15,7	13,8	13	15	14,3

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
(Якутия)						
Сахалинская обл.	14,1	9,2	8,3	8,2	10,9	11,4
Таймырский АО	15,6	12,1	10,7	10,3	15,8	14
Ханты-Мансийский АО	16,7	11,5	10,9	10,8	13,7	13,5
Ямало-Ненецкий АО	16,3	13,2	12,6	12,2	14	13,6
Среднее по дотационным северным регионам	16,3	11,5	10,6	10,3	12,9	13,3
Среднее по развивающимся северным регионам	15,5	11,6	10,6	10,2	13,3	12,8
Среднее по северным регионам	15,9	11,6	10,6	10,2	13,1	13,0
Среднее по выборке	14,6	10,4	9,3	8,9	11,0	10,2*

* Здесь и далее в таблицах на 2005 г. приведено среднее значение по РФ.

/ Данные и расчеты по данным Росстата/

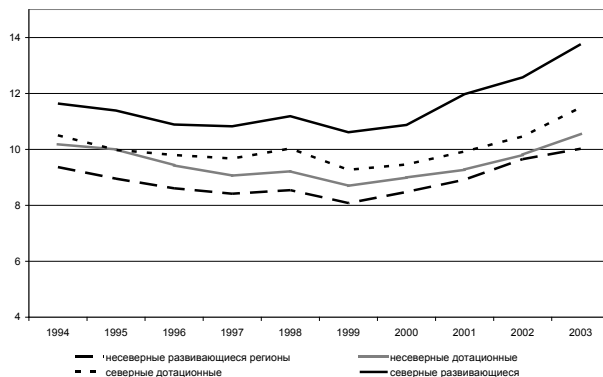

Рисунок 2. Динамика рождаемости (общие коэффициенты рождаемости, ‰). Рассчитано и построено по данным Росстата.

Нельзя отрицать и влияния межпоколенческой связи в процессах динамики рождаемости: она зависит от спада или увеличения в предыдущем поколении. Но это влияние не могло привести к резкому снижению к 1999 г. и дальнейшему росту. То, что переломным в динамике стал именно 1999 г. связано именно с экономическим кризисом 1998 г. Рост рождаемости с уровня 1999 г. к уровню 2005 г., также свидетельствует о связи репродуктивного поведения с

экономическим положением населения. Это лучший аргумент в пользу социальной политики, направленной на повышение доходов населения, причем не целевой, направленной на стимулирование рождаемости, а преследующей своей целью преодоление бедности.

Показатель смертности населения связан с ожидаемой продолжительностью жизни. В свою очередь, сокращение продолжительности жизни снижает ожидаемую отдачу от инвестиций в человеческий капитал, что приводит к их обесцениванию.

Связь человеческих потерь и экономических трансформаций отчетливо видна на динамике смертности. Она росла в течение 1990-1994 гг., в период, когда инфляция уничтожила сбережения россиян и оставила многие семьи без средств к существованию, что особенно тяжело было перенести людям старших возрастов, привыкших к относительно высокому уровню жизни 1980-х, и имевших «установки» на безбедную старость. Растущая безработица для многих создавала опасения, что завтра может стать еще хуже, чем сегодня, что также отразилось на смертности. Наметившаяся тенденция к снижению смертности с 1994 г. переломилась после дефолта 1998 г., после которого смертность непрерывно растет. Кризис, послуживший толчком к возрождению отечественной экономики, стал серьезным социальным потрясением для ее граждан, так как с экономическим подъемом усилилось межрегиональное и внутрирегиональное неравенство в возможностях накопления человеческого капитала.

На тесную взаимосвязь между экономическим ростом и сохранением человеческого капитала указывает то, что в группе дотационных регионов смертность выше, чем в группе развивающихся, хотя эти группы неоднородны ни по своей промышленной структуре, ни по структуре человеческого капитала. И в дотационных и в развивающихся регионах Севера коэффициенты смертности с 1990 по 2003 год стали почти в два раза выше, тогда как в среднем по выборке они увеличились в 1,5 раза. Это убедительное доказательство того, что на Севере значительно меньше условий для адаптации населения к меняющейся социально-экономической ситуации. Стоимость жизни остается высокой, а возможности амортизировать потери заработка натуральным хозяйством из-за климатических условий.

Самые низкие показатели смертности наблюдаются в нефтегазовых ХМАО и ЯНАО, самые высокие - в старопромышленных регионах - Архангельской обл. и Республике

Карелия. Во многих регионах за период экономических реформ этот показатель удвоился, а в Корякском АО и Мурманской обл. возрос более, чем в два раза. Это связано как с увеличением доли пожилого населения из-за оттока населения - в первую очередь уезжает молодежь (прил. 8-10) (Фаузер, 2007), а также снижением доходов населения, бесперспективностью жизни, развалом социальной инфраструктуры, особенно в небольших населенных пунктах, где она, как правило, находилась на балансе предприятий, ставших банкротами в переходный период (Котырло, 2007 (2).

Конечно, на рост смертности оказывают влияние не только экономические причины, но и половозрастная структура населения, политические события, эпидемии, природные катаклизмы и так далее. Но на связь смертности от сердечнососудистых заболеваний и экономических кризисов в российской переходной экономике указывает и академик В.А. Черешнев (Как лечить демографию, 2007). Доказательством важности экономического фактора служат и разные по абсолютной величине, но одинаковые по тенденции, усредненные показатели для дотационных и развивающихся северных и «несеверных» регионов (рис. 3).

Таблица 6. Общие коэффициенты смертности

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	9,8	15,6	13	15,1	17,9	17
Камчатская обл.	6,3	11,1	9,5	10,3	12,2	12,6
Корякский АО	8,7	13,3	12,7	13,3	18,7	19,8
Магаданская обл.	5,7	11,1	8,5	9,3	12,6	13,6
Республика Карелия	10,1	16,8	13,2	15,1	19,9	18,1
Республика Тыва	8,6	13,3	12,7	13,3	15,1	14
Чукотский АО	3,9	8,3	7,2	7,1	10,7	11,8
Эвенкийский АО	7,6	11,8	10,3	10,8	12,2	14,9
Развивающиеся						
Мурманская обл.	6	11,7	9	10,1	13,9	13,4
Ненецкий АО	7	10,5	9,1	9,4	14,1	12,2
Республика Коми	7,4	13,2	10,5	10,7	15,6	15,2
Республика Саха (Якутия)	6,8	9,9	9	9,6	10,2	10,2
Сахалинская обл.	8,1	14	12	12,2	16,4	17,4
Таймырский АО	6,7	10,7	8,3	8,7	9,8	9,4

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Ханты-Мансийский АО	4,1	7,5	6,3	6,2	6,9	7,1
Ямало-Ненецкий АО	3,3	6,3	5,5	5,3	6	5,9
Среднее по дотационным северным регионам	7,6	12,7	10,9	11,8	14,9	15,2
Среднее по развивающимся северным регионам	6,2	10,5	8,7	9,0	11,6	11,4
Среднее по северным регионам	6,9	11,6	9,8	10,4	13,3	13,3
Среднее по выборке	10,5	14,8	13,1	14,1	16,2	16,1

/Данные и расчеты по данным Росстата/

По графику (рис. 3) видно, что высокая естественная убыль населения на Севере контрастирует с ситуацией в «несеверных» регионах. Нормированные коэффициенты смертности, рассчитанные по формулам (4), показывают более негативную картину, нежели коэффициенты смертности без учета возрастной структуры населения (19,09 против 12,99). Рост смертности наблюдается в обеих группах, но на Севере этот показатель значительно выше. Также как и показатель продолжительности жизни (рис. 4, 5), он имеет выраженные экстремумы в 1994 г. (максимум) и 1998 (минимум).

Таблица 7. Уровень младенческой смертности

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	14,4	16,7	13	14,8	12,4	12,6
Камчатская обл.	16,6	19,7	16	13,8	14,3	10,3
Корякский АО	14,1	22,7	59,8	58,8	53,3	41,5
Магаданская обл.	17,4	17,7	17,6	15,3	11,9	12
Республика Карелия	14	13,3	13,3	17,5	8,1	9,6
Республика Тыва	33,1	26,6	34,8	36,2	27,6	19,3
Чукотский АО	18,5	18,9	31,6	26,9	28	17,6
Эвенкийский АО	33	17	52,8	40,3	10,9	17,7
Развивающиеся						
Мурманская обл.	16,1	14,9	13,9	11,3	8,9	9,8
Ненецкий АО	28,2	19,2	12,9	19,3	29,3	16,6
Республика Коми	16,5	21,4	16,7	16,7	9,4	8,7
Республика Саха (Якутия)	19,9	22,2	19,3	18,9	13,2	10,6
Сахалинская обл.	16,7	18,7	17,2	13,2	12,5	14,4
Таймырский АО	25,4	23,8	16,5	15,4	26	14,1

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Ханты-Мансийский АО	17	17,9	13,8	12,1	7,8	7,3
Ямало-Ненецкий АО	20,3	19,4	20,3	16	12,7	11,2
Среднее по дотационным северным регионам	20,1	19,1	29,9	27,9	20,8	17,6
Среднее по развивающимся северным регионам	20,0	19,7	16,3	15,4	15,0	11,6
Среднее по северным регионам	20,1	19,4	23,1	21,7	17,9	14,6
Среднее по выборке	18,0	18,9	18,2	17,9	13,5	11,6

/ Данные и расчеты по данным Росстата /

Если сравнивать изменения общих коэффициентов смертности, то наиболее высокие показатели наблюдаются в «несеверных» регионах, что можно объяснить половозрастной структурой, относительно высокой долей населения старше трудоспособного возраста. Северные регионы по смертности делятся на более благополучные в этом отношении развивающиеся регионы и менее благополучные дотационные.

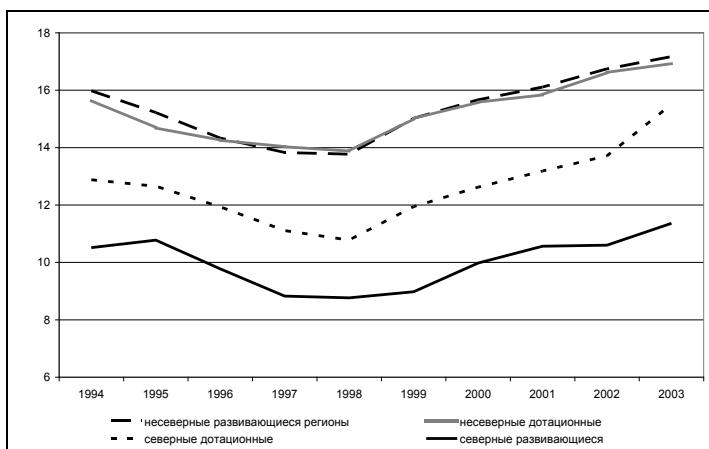

Рисунок 3. Динамика смертности (общие коэффициенты смертности, ‰). Рассчитано и построено по данным Росстата.

Важным показателем накопления человеческого капитала является уровень младенческой смертности, поскольку он позволяет оценить как уровень развития здравоохранения в стране, так и уровень образования населения, его готовность обращаться за медицинскими услугами, умение соблюдать гигиенические правила и профилактические меры. Несмотря на то, что российская статистика показывает постепенное улучшение этого показателя, в северных регионах ситуация выглядит не так монотонно, а в дотационных регионах этот показатель с 1997 г. выше уровня 1990-го. В Корякском и Эвенкийском этот показатель достиг в 1997 г. 60 и 53 человек на 1000 младенцев, при среднероссийском уровне младенческой смертности 18,2.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет) для мужчин на Севере составляет 58,9, в «несевверных» регионах - 60,6; для женщин 70,9 и 73,1, соответственно. Несмотря на то, что на ожидаемую продолжительность жизни при рождении влияет ряд демографических факторов (Демографическое будущее..., 2001), график демонстрирует тесную корреляцию и с ситуацией в экономике страны, для которой наиболее напряженными были периоды до 1994 и с 1998 гг. То, что продолжительность жизни жителей северных регионов ниже, подтверждают и другие исследования (Фаузер, 2001).

Таблица 8. Сравнительная характеристика ожидаемой продолжительности жизни для северных и «несевверных» регионов

Показатель	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.
	«несевверные» регионы			северные регионы		
<i>LE</i>	1019	66,69	2,50	210	64,51	2,98
<i>LE_m</i>	1019	60,64	2,80	211	58,96	3,38
<i>LE_w</i>	1019	73,07	1,81	211	70,94	2,43

/Рассчитано по данным Росстата/

Ожидаемая при рождении продолжительность жизни существенно различается по регионам, особенно для мужчин. Продолжительность жизни мужчин варьировала в 2005 году от 45,3 года в Корякском АО до 62,6 лет в ЯНАО (прил. 5). Продолжительность жизни женщин имеет меньшую вариацию: от 60,9 до 74,3 года в тех же регионах (прил. 6). Во всех регионах ожидаемая при рождении продолжительность жизни женщин заметно выше. Меньше всего эти различия наблюдаются в регионах с

относительно высокой продолжительностью жизни (ХМАО и ЯНАО), а также там, где она низка (в Чукотском автономном округе - 55,0 и 64,5 года).

Особенностью влияния переходного периода на демографическую ситуацию стало увеличение разрыва в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин, которая в среднем составляла около 10 лет в 1990 г. и достигла 13 лет к 2005 г., в Ненецком АО он достиг 17 лет (прил. 7). Известно, что мужчины тяжелее переносят происходящие изменения и этот разрыв демонстрирует не только бесспорное ухудшение здравоохранения, особенно труднодоступных северных поселках, но и всю сложность социального положения, в котором оказалось население. Динамика снижения продолжительности жизни выглядит устрашающе: почти на 10 лет снизилась она для мужчин в Карелии, на 8 лет - в Архангельской и Мурманской обл.

**Рисунок 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении.
Рассчитано и построено по данным Росстата.**

Позитивные сдвиги наблюдаются в Чукотском АО, феномен которого следует связать с в огромными частными вливаниями и в ее экономику, и в социальную сферу, начиная с 1999 г., что также указывает на тесную связь между экономическим развитием и

состоянием общества, человеческим капиталом. В развивающихся регионах ожидаемая при рождении продолжительность жизни выше. Наиболее высока в ХМАО и ЯНАО, где она превышает среднероссийский уровень. До пенсионного возраста (55 лет) доживают мужчины почти всех развивающихся северных регионов, а в дотационных Республике Тыва, Корякском, Эвенкийском, Чукотском АО среднестатистический мужчина не дотягивает до пенсионного возраста 4, 10, 2 и 1 год, соответственно.

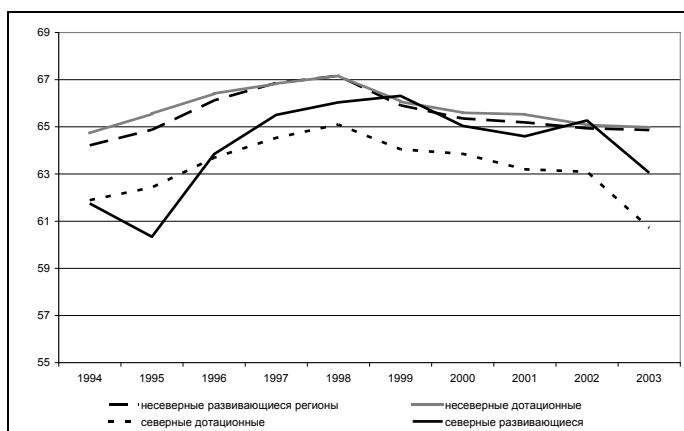

Рисунок 5. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по группам дотационных и развивающихся северных и других регионов. Рассчитано и построено по данным Росстата.

Миграционные процессы с точки зрения рыночной экономики призваны уравновесить различия в уровне жизни между регионами. Люди едут туда, где лучше. При этом скорость и объемы миграционных процессов зависят от информированности людей об условиях жизни в других регионах, их готовности покинуть насиженные места и двинуться с семьями (или без) в поисках новой работы, измеряемой «мерой отвращения к риску» (risk aversion). Среднестатистический мигрант ведет себя согласно теории компенсации межрегиональных различий территории (Blomquist, 1988; Dumon, 1999), то есть реагирует на ее экономическую

привлекательность: потенциальные возможности трудоустройства и повышения доходов, которые компенсируют затраты на переезд.

Таблица 9. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	69,5	62,2	66,0	64,0	62,1	62,9
Камчатская обл.	66,1	60,8	64,5	64,4	63,0	63,5
Корякский АО			59,8	58,8	53,3	51,3
Магаданская обл.	67,0	60,3	65,7	65,4	63,0	62,1
Республика Карелия	69,3	61,3	65,6	63,8	60,8	62,1
Республика Тыва	62,4	55,3	56,1	56,0	54,3	56,1
Чукотский АО		62,8	64,51	67,3	59,1	58,1
Эвенкийский АО			61,13	63,2	60,8	57,6
Развивающиеся						
Мурманская обл.	70,3	63,1	67,9	67,5	63,2	63,8
Ненецкий АО			66,0	66,2	58,9	63,0
Республика Коми	68,5	61,1	65,6	66,0	61,7	62,27
Республика Саха (Якутия)	66,9	62,2	64,6	64,1	64,0	64,7
Сахалинская обл.	67,3	60,5	63,4	64,2	61,4	60,6
Таймырский АО				65,0	61,4	62,0
Ханты-Мансийский АО			67,4	68,7	67,4	67,9
Ямало-Ненецкий АО			68,1	69,6	66,7	68,2
Среднее по дотационным северным регионам	66,9	60,5	62,9	62,8	59,6	59,3
Среднее по развивающимся северным регионам	68,3	61,7	66,2	66,4	63,1	64,1
Среднее по северным регионам	67,5	61,0	64,4	64,6	61,2	61,7
Среднее по выборке	69,3	63,9	66,2	65,6	64,0	65,3

/ Данные и расчеты по данным Росстата /

Уникальность освоения северных территорий состоит в том, что сюда за относительно короткий срок были привлечены огромные массы людей, заселивших бескрайние просторы Сибири, Дальнего Востока и Севера России. Миграция шла из Центрально-Черноземного, Волго-Вятского и Уральского районов, некоторых областей Центра и Поволжья. Среди бывших союзных республик наиболее активными поставщиками рабочей силы были Украина,

Белоруссия и Молдова. Именно эти регионы сформировали в основном население северных территорий, их качественный состав (Фаузер, 2005).

Ситуация стала меняться во второй половине 1980-х гг., когда сократился выезд из большинства регионов России и, в первую очередь, ее европейской части. Причиной тому послужили рыночные отношения. Социально-активная часть населения, составлявшая костяк мигрантов, получила перспективу иметь высокие доходы и приличный заработок не в Сибири и на Севере, а у себя дома, в родном городе или поселке (Фаузер, 2005). Привлекательность Севера в виде «длинного рубля» потеряла свое историческое значение. К тому же система социального обеспечения и система северных льгот перестали работать при новых экономических условиях. Свою роль они сохранили лишь для работников бюджетных организаций.

В начале 1990-х гг., после распада Союза ССР, население стало спешно покидать Север, где бывшие установленные государством льготы и надбавки к заработной плате в условиях галопирующей инфляции не только теряли стимулирующую роль, но и не обеспечивали поддержание достойного уровня жизни. Многие выходцы из бывших союзных республик устремились назад, в свои «национальные квартиры», боясь потерять забронированное на родине жилье и льготный пенсионный стаж.

В целом темпы сокращения населения в северных регионах составляют 1% в год (по стране - 0,3%). При этом обнаружилось коренное противоречие в развитии этого края. Выезжали в основном экономически активные граждане трудоспособного возраста (средний возраст выезжающих из Норильского промышленного района - от 30 до 49 лет). В то же время пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи и безработные в большинстве оставались на местах - у них попросту не было средств на переезд. И такое экономически не востребованное население в северных регионах составляет почти 20%. По мнению В.В. Фаузера миграционные процессы на Севере в 1990-е приняли «абсолютно хаотичный, неконтролируемый характер (Фаузер, 2005). Анализ динамики за 1990-2005 гг. позволяет сделать вывод о том, что направление миграционных потоков все-таки носило закономерный характер. С Севера - в центральные и южные регионы, где соотношение между условиями жизни и ожидаемыми доходами было значительно приемлемее. На Север - в первую очередь, в развивающиеся ХМАО, ЯНАО, характеризующиеся самыми высокими

уровнями зарплат, которые компенсировали некомфортные природные условия территории.

Наибольший отток населения произошел в первые годы рыночных преобразований в связи с повсеместным экономическим спадом (табл. 10). Стабилизация численности населения к 2002 г. проявилась в стабилизации доли населения в трудоспособном возрасте при снижении доли населения моложе трудоспособного возраста и повышении доли населения старше трудоспособного возраста. Это в будущем создаст проблемы с замещением трудоспособного населения.

Важной особенностью миграции северян является слабый миграционный обмен населением между соседними регионами. Конечным пунктом прибытия выступают регионы, не граничащие с Севером. Внутри зоны Севера межрегиональный «обмен» в 1997 г. составил 105 819 чел., в 2002 г. - 85 313 (Фаузер, 2005). Северяне депрессивных регионов, адаптировавшиеся к северным условиям, несмотря на низкие перспективы повышения доходов в местах проживания, не спешат осваивать новые северные земли, в немалой степени из-за отсутствия государственной политики, поддерживающей «внутрисеверную» миграцию.

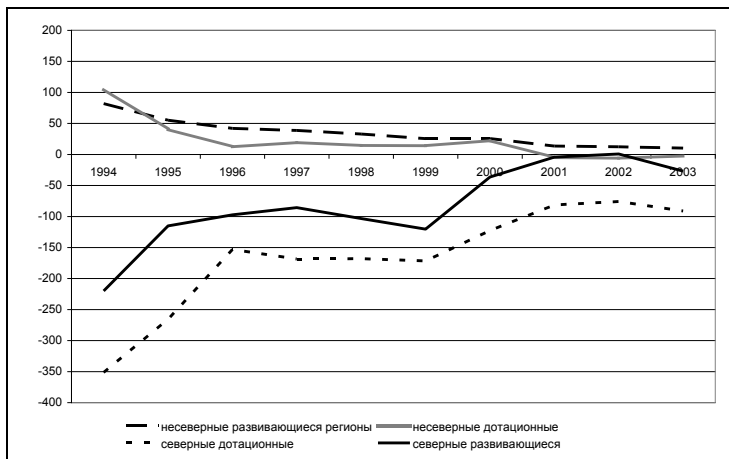
Таблица 10. Коэффициенты миграционного прироста на 10 тыс. чел.

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	-22	-23	-51	-58	-40	-39
Камчатская обл.	2	-343	-172	-166	-76	-68
Корякский АО	0	-455	-311	-264	-171	-205
Магаданская обл.	-173	-895	-212	-276	-180	-154
Республика Карелия	10	20	3	-5	5	2
Республика Тыва	-397	-13	-29	-19	-22	-27
Чукотский АО	-230	-1206	-525	-581	-353	-75
Эвенкийский АО	-40	-814	-199	-261	-117	-97
Развивающиеся						
Мурманская обл.	-22	-190	-143	-143	-70	-58
Ненецкий АО	-111	-346	-174	-88	14	-14
Республика Коми	-62	-184	-95	-107	-59	-74
Республика Саха (Якутия)	-40	-291	-168	-154	-45	-49
Сахалинская обл.	1	-323	-185	-124	-73	-56

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Таймырский АО	-219	-388	-262	-159	-122	-145
Ханты-Мансийский АО	-26	63	111	-59	62	-3
Ямало-Ненецкий АО	-175	157	40	-127	47	61
Среднее по дотационным северным регионам	-106	-466	-187	-204	-119	-83
Среднее по развивающимся северным регионам	-82	-188	-110	-120	-31	-42
Среднее по северным регионам	-94	-327	-148	-162	-75	-63
Среднее по выборке	-9	14	-11	-20	-15	9

/ Данные и расчеты по данным Росстата /

**Рисунок 6. Динамика миграции. Рассчитано и построено по
данным Росстата.**

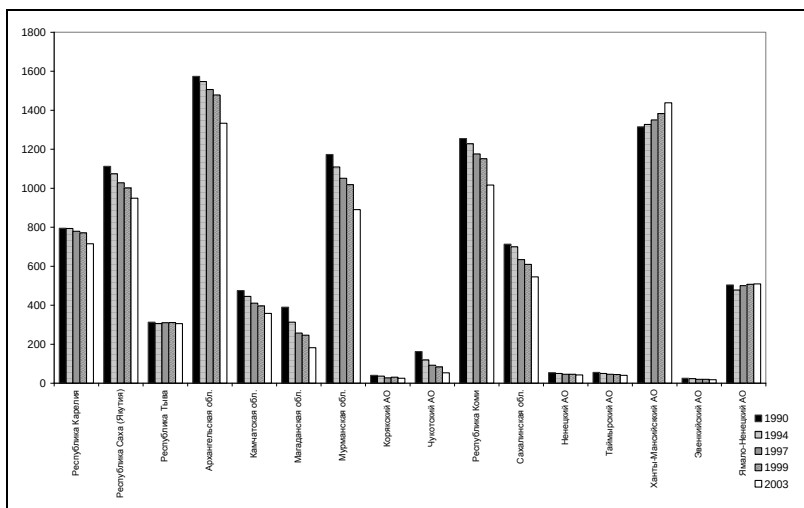

Рисунок 7. Динамика изменения численности населения северных регионов (1990-2005). Рассчитано и построено по данным Росстат.

Коэффициенты миграционного прироста (на 10000 населения) обладают большой вариацией как в северных, так и «несеверных» регионах. Самые высокие темпы миграции наблюдались в Чукотском АО, Магаданской обл. и Эвенкийской АО, достигнув в 1994 г. 1206, 895 и 814 чел. на 10 тыс. населения, соответственно. Отток населения, начиная с 1992, в большинстве регионов снижался, а в нефтегазовых НАО, ЯНАО и ХМАО население стало увеличиваться, особенно быстрыми темпами в ХМАО, где численность населения не только достигла уровня 1990 г., но и превзошла его в 2005 г. на 12%. Причем, рост населения сопровождался и ростом численности занятых. В ХМАО доля занятых в численности населения составляет 61%, а в ЯНАО доля даже увеличилась по сравнению с 1997 г. на 1% и составила 69%. Эти данные убедительно показывают, что экономический рост, создание рабочих мест - фактор, позволяющий, несмотря на экстремальные условия Севера, увеличить население как за счет естественного, так и механического движения населения.

Тем не менее утверждение, на котором строятся выводы теории кумулятивного роста о дивергенции, состоящее в том, что развивающиеся регионы привлекают население, не находит

подтверждения. На рис. 8 видно, что наилучшая модель регрессии близка к линии среднего, то есть явной связи между ВРП и приростом населения не наблюдается. Здесь сказываются сдерживающие факторы неразвитости транспортной системы, препятствующей мобильности, а также низкой информированности населения об условиях жизни и перспективах трудоустройства в других регионах.

Здесь важно отметить, что государственной политики, направленной на привлечения населения не реализовывалось, но в это время начала развиваться корпоративная социальная политика, в том числе подбор и наем персонала. Таким образом, не особые меры государственной социальной политики, а уверенность населения в будущем, в том, что будет источник доходов, позволяет строить семейные планы, предпринимать дорогостоящие переселения из одного региона в другой, следить за здоровьем, чтобы не потерять трудовые доходы. Сильные самостоятельные субъекты экономики - нефтегазовые компании своей политикой экономического развития показали, что могут серьезно влиять на миграционные процессы (Котырло, 2007 (1), поэтому так важно не только планировать государственные социальные программы, но и координировать их наполнение и реализацию с корпорациями.

Характер естественного и механического движения определяет **специфику половозрастной структуры населения на Севере**. Если в России в целом преобладает женское население: на 1000 женщин приходится всего 872 мужчины, то для северных районов такое соотношение до последнего времени не было характерно. По переписи 1989 г. и более ранним обследованиям, в населении преобладала доля мужчин. Но в период 1995-2002 гг. смертность среди мужчин значительно возросла, что связано со снижением уровня доходов северяян, возросшей алкоголизацией населения вследствие безработицы, а также снижением качества и доступности медицинских услуг. Согласно переписи 2002 г., преобладающим на Севере стало женское население. В среднем за 1990-2003 гг. на тысячу мужчин на Севере приходилось 1010,6 женщин, тогда как в других регионах - 1140,9.

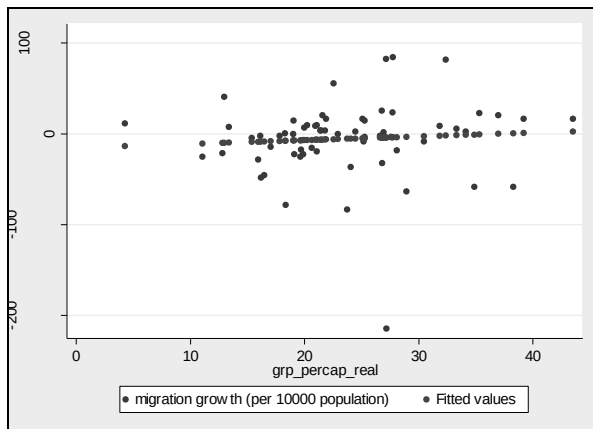

Рисунок 8. Зависимость миграционного прироста (на 10000 чел.) от реального ВРП на душу населения в 2002 г.

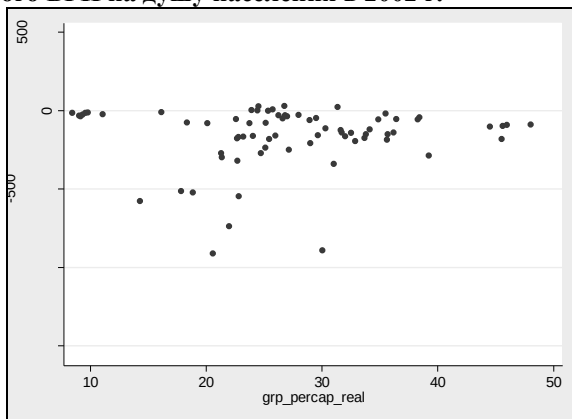
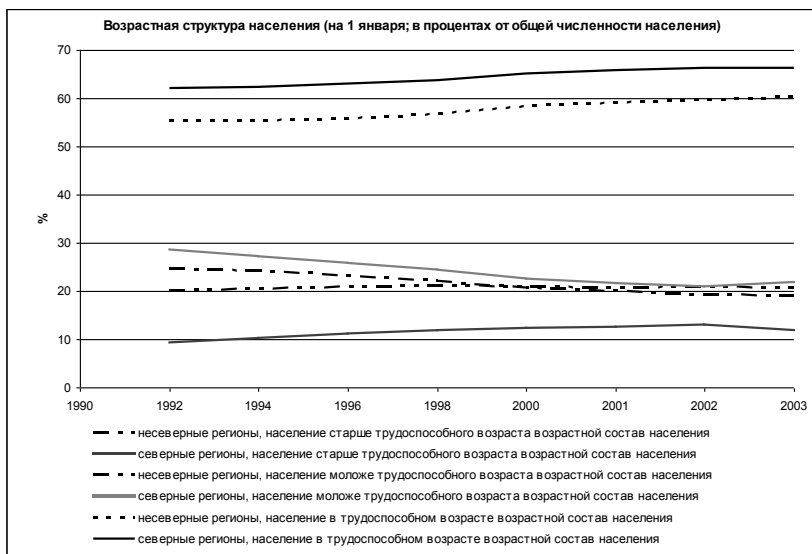

Рисунок 9. Зависимость миграционного прироста (на 10000 чел.) от реального ВРП на душу населения по северным регионам (1994-2003 гг.).

**Рисунок 10. Динамика возрастной структуры населения.
Рассчитано и построено по данным Росстата**

Высокая миграционная подвижность северного населения поддерживает его возрастную структуру достаточно молодой. Если в среднем по России доля лиц старше трудоспособного возраста в 2002 г. составляла 20,5%, то в районах Крайнего Севера - всего лишь 12,5% (прил. 9). В относительно обжитых районах Севера, где постепенно формируется сбалансированное население, видна тенденция приближения к российским возрастным пропорциям (Фаузер, 2005). Так, в Архангельской области и Республике Карелия доля пожилого населения превышает 18,5%. Выше, чем в среднем по районам Севера она в таких субъектах, как Мурманская и Сахалинская области, Республика Коми: от 14,4 до 15,8%. Наибольший рост доли населения старше трудоспособного возраста с 1994 г. по 2003 г. произошел в дотационных регионах - в Камчатской и Магаданской обл. - с 7,7% до 13,6% и с 7,1% до 12,7%, в развивающихся - в Сахалинской обл. - с 12,2% до 15,8% и Республике Коми - с 12,1% до 14,4%, где продолжается отток населения, в первую очередь, в трудоспособном возрасте (прил. 10). Самая низкая доля населения старше

трудоспособного возраста в ЯНАО (5,9%) и Чукотском АО (7,3%), в первом случае из-за притока мигрантов трудоспособного возраста, во втором - из-за низкой продолжительности жизни населения.

К числу самых молодых относятся Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ханты-Мансийский, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа. В течение последнего десятилетия основные тенденции не изменились. Несмотря на тенденции к снижению доли населения моложе трудоспособного возраста, этот показатель остается выше среднероссийского: 22,5% и 19,7%. В старопромышленных регионах, где рождаемость ниже, молодежи меньше. В автономных округах, республиках Тыва и Саха он выше среднего по Северу. Дети и подростки составляют почти треть всего населения в Республике Тыва. Наибольшее снижение доли населения моложе трудоспособного возраста с 1994 г. по 2005 г. произошло в дотационных регионах - в Магаданской обл. с 25,8% до 17,4%, в развивающихся - в ХМАО - с 30,3% до 20,3%, что объясняется притоком трудовых мигрантов. Самая низкая доля населения моложе трудоспособного возраста в Республике Карелия - 15,9%.

Особенности половозрастной структуры и миграции во многом объясняют криминальную обстановку на Севере, которая значительно хуже, чем в среднем по России: число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения составляет 2060,1 в сравнении с 1679,1 в других регионах.

Значительно выше на Севере доля трудоспособного населения (64,0% против 57,3%), это, в свою очередь, сказывается на более высокой доле занятых в численности населения: 49% и 43% соответственно. Во всех северных регионах доля населения в трудоспособном возрасте выросла (прил. 10). В число территорий, где доля трудовых ресурсов выше 69%, входят Камчатская и Магаданская области, а также Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО. Это объясняется успешной демографической политикой 1970-1980-х, когда наблюдалась относительно высокая рождаемость. К 1990-м это поколение достигло трудоспособного возраста. Другой важный фактор в увеличении трудоспособного населения - миграция. В первую очередь едут трудовые мигранты, затем их семьи, что омолаживает половозрастную структуру. Наибольшее увеличение доли населения в трудоспособном возрасте произошло в ХМАО - с 64,4% до 70,6%. В дотационных регионах больше всего доля населения в трудоспособном возрасте увеличилась в Республике

Карелия - с 58,1% до 63,1%. Самым низким значением характеризуется Республике Тыва - 59,1%.

Чем ниже доля населения старше трудоспособного возраста, тем меньше социальная нагрузка на занятых, но здесь необходимо учитывать, что молодые регионы молоды и в демографическом и в экономическом смысле, и они не всегда будут оставаться такими. Такая структура населения - явление временное, характерное периоду территориального освоения. Со временем она станет более сбалансированной, а, значит, в социальной сфере будет испытывать большую нагрузку, к которой следует готовиться заранее. Кроме того, невозобновимые природные ресурсы - не тот фундамент, на котором можно построить стабильную в долгосрочной перспективе экономику и сохранить население, не повторяя опыт 1990-х. Уже сейчас необходимо думать о создании рабочих мест в обрабатывающих отраслях, чтобы обеспечить дальнейший экономический рост ресурсных регионов. Здесь уже есть положительный опыт - Аляска, где объемы добычи нефти падают, а население увеличивается, благодаря вовремя созданным предприятиям по переработке ресурсов.

Таким образом, для северных регионов в период формирования рыночной экономики миграция не полностью компенсировала межрегиональные различия в условиях проживания из-за институциональных и финансовых ограничений на принятие индивидами решения о переезде. Это привело к большей деградации человеческого капитала в регионах, характеризовавшихся длительным экономическим спадом: снижению рождаемости, росту смертности, ухудшению половозрастной структуры населения.

3.3. Анализ использования человеческого капитала и инвестиций в образование

Характеристики занятости как меры эффективности использования человеческого капитала. Важным показателем качества человеческого капитала является *структура занятых по секторам экономики*. Чем больше доля занятых в сфере услуг, тем выше технологический уровень производства и, соответственно, квалификационный уровень занятых. Сырьевая направленность северной экономики сказывается в более высокой доле занятых в добывающих отраслях промышленности. Но она снижается. Это

объясняет более высокую долю рабочих и специалистов с начальным и средним специальным образованием в структуре занятых (прил. 4).

Значительно выше численность занятых в органах государственной и муниципальной власти (5,3 и 4,3 чел. на тыс. населения). Такая высокая доля занятых в государственном управлении характерна не только для Российского Севера, но и для северных территорий Канады и для Аляски. Это объясняется тем, что согласно принципам муниципального управления в каждой административно-территориальной единице должен быть определен административно-управленческий штат, независимо от того, сколько человек там проживает. В распределении среднесписочной численности работников малых предприятий по полу доля женщин существенно ниже в северных регионах: 28,58% и 35,24%, что объясняется структурой экономики, в которой преобладают мужские рабочие места.

Другим важным показателем является *доля экономически активного населения*. Хотя этот показатель не может рассматриваться вне взаимосвязи с происходящими социально-экономическими изменениями. Ее высокое значение может свидетельствовать об отсутствии нетрудовых источников доходов (рента, наследство, инвестиции), высокой зависимости доходов населения от работы по найму, что вряд ли является положительной тенденцией. Оно также может свидетельствовать о низкой доле населения в нетрудоспособных возрастах, что может отражать и высокую смертность населения и низкую рождаемость. Высокая доля занятости среди женщин свидетельствует о низком уровне доходов домохозяйств. Женская занятость по найму выступает альтернативой их занятости в домашнем хозяйстве, ведет к сокращению рождаемости, снижению качества воспитания детей в семье. Эти процессы также негативно характеризуют изменение качества человеческого капитала. В то же время, увеличение доли экономически активного населения может быть связано с притоком трудовых мигрантов в активно развивающиеся регионы, что наблюдается в ХМАО и ЯНАО.

Во всех дотационных северных регионах среднегодовая численность занятых в абсолютном выражении снизилась (табл. 11). В Магаданской обл. численность занятых упала на 67%, то есть более чем вдвое. В среднем по северным дотационным регионам - на 52%. В

развивающихся АО: ЯНАО, НАО, ХМАО и Таймырском АО, - она возросла.

Кризис 1998 г. наиболее тяжело отразился на занятости в Магаданской и Сахалинской обл. и НАО, где безработным в 1999 г. был каждый пятый. *Уровень безработицы* для всех групп достиг максимума к 1998 г. и затем непрерывно снижался благодаря начавшемуся периоду экономического подъема до уровня 1997 г. и даже ниже (рис. 11). Исключение составляет Корякский АО, экономика которого не выиграла от послекризисного импортозамещения и девальвации рубля, способствовавшего развитию экспортно-ориентированных отраслей, составляющих основу многих северных экономик. В дотационных группах как северных, так и «несеверных» регионов уровень безработицы был выше на протяжении всего анализируемого периода. Как и бедность, безработица - явление, связанное с экономическим ростом, а не с географическим положением. Наиболее высокий уровень безработицы по методологии МОТ наблюдался в Республике Тыва - 21,8% в 2005 г. (табл. 12). Среди развивающихся регионов самый высокий уровень безработицы наблюдался в Республике Коми и Ненецком АО - 11,5% и 11,4%. В составе безработных на Севере существенно меньше лиц с высшим образованием, но значительно выше доля безработных в возрасте до 20 лет.

Таблица 11. Среднегодовая численность занятых

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	764,7	664,1	573	587,8	626	601,5
Камчатская обл.	232,7	205	200,4	177	181,5	180,9
Корякский АО			33	16,5	14,5	14,3
Магаданская обл.	313,9	148,1	121,6	113,1	102,3	93,8
Республика Карелия	414,9	373,1	335	331,5	353,1	349
Республика Тыва	135,9	130	115,2	102,5	103,2	104,3
Чукотский АО		54,2	40,7	33,8	34,2	38,5
Эвенкийский АО			10,3	9,8	11,3	11,5
Развивающиеся						
Мурманская обл.	567,4	493	431,4	422,5	440,6	445,8
Ненецкий АО			22,1	20,7	26,6	27,7
Республика Коми	675,8	570,2	522,6	495,3	517,3	474,9
Республика Саха (Якутия)	597,7	515	500,6	477,8	470,5	469,1

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Сахалинская обл.	395,3	341,8	278,5	261,9	271,8	277,8
Таймырский АО			20,8	22	24,5	22,4
Ханты-Мансийский АО			820	792,6	879,8	877,1
Ямало-Ненецкий АО			339,7	301,3	353	359,7
Среднее по дотационным северным регионам	372,4	262,4	178,7	171,5	178,3	174,2
Среднее по развивающимся северным регионам	559,1	480,0	367,0	349,3	373,0	369,3
Среднее по северным регионам	455,4	349,5	272,8	260,4	275,6	271,8

/Данные и расчеты по данным Росстата/

Как показывает регрессионный анализ, проведенный ниже, занятость в условиях переходной экономики в России, когда денежные показатели искажает инфляция и теневая экономика, - ключевой региональный показатель развития человеческого капитала. Это не только доход, но и долгосрочные ожидания стабильных условий в жизни, возможность планировать рождение детей, финансировать расходы на обучение. Можно заключить, что послекризисный подъем экономики создал благоприятные условия развития для человеческого капитала на Севере.

Таблица 12. Уровень безработицы, регистрируемой по МОТ

Регион	1994	1997	1999	2003	2005
Архангельская обл.	9,7	12,4	14,9	9,9	5,5
Камчатская обл.	9,7	12,5	18,1	11,4	9,5
Корякский АО		6,8	8,8	13,6	7,8
Магаданская обл.	10,9	13,6	20,4	10,2	7
Республика Карелия	8,7	11,9	15,7	8,5	8,8
Республика Тыва	11	22	25,7	20,7	21,8
Чукотский АО		8,4	9,3	4,8	4,4
Эвенкийский АО		3,4	6,9	5	4,4
Развивающиеся					
Мурманская обл.	9,1	18,5	16,4	10,2	8,8
Ненецкий АО		13,3	20	8,6	11,4
Республика Коми	9,3	13,9	16,1	11,9	11,5
Республика Саха (Якутия)	6	12,6	13,8	9,4	8,9
Сахалинская обл.	9,9	15	20,4	9,1	7,6

Регион	1994	1997	1999	2003	2005
Таймырский АО		7	9,6	6,9	14
Ханты-Мансийский АО		12,5	11,4	9,4	7,8
Ямало-Ненецкий АО		10,7	10,1	5,5	7,1
Среднее по дотационным северным регионам	10,0	11,4	15,0	10,5	8,7
Среднее по развивающимся северным регионам	8,6	12,9	14,7	8,9	9,6
Среднее по северным регионам	9,4	12,2	14,9	9,7	9,1
Среднее по выборке	8,6	13,6	14,7	10,8	7,6

/ Данные и расчеты по данным Росстата /

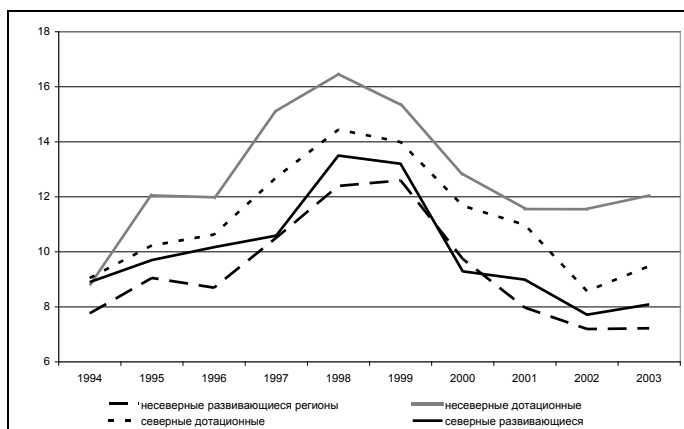

Рисунок 11. Уровень безработицы по методологии МОТ (в % от ЭАН). Рассчитано и построено по данным Росстата

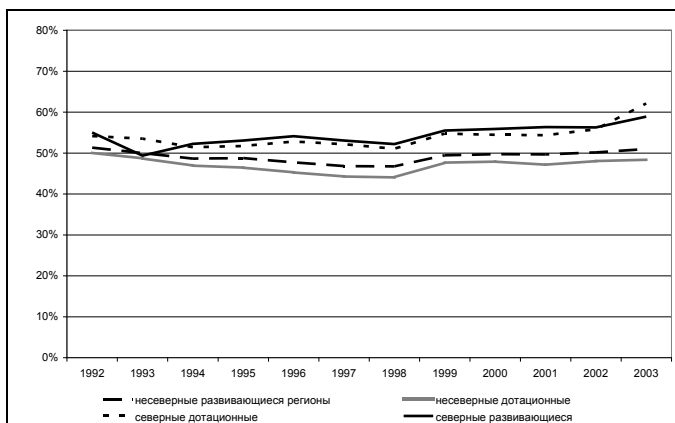

Рисунок 12. Доля экономически активного населения. Рассчитано и построено по данным Росстата

Инвестиции в образование. Основной характеристикой человеческого капитала является квалификационный уровень занятых. В сравнении с «несеверными» регионами, попавшими в выборку, в структуре занятых на Севере выделяется доля занятых со средним профессиональным образованием, она составляет 34,0% против 29,4%, тогда как доля занятых со средним общим образованием меньше: 22,5% и 25,2%. Также несколько выше доля занятых с неполным высшим образованием: 3,1% в сравнении с 2,3%.

Таблица 13. Численность обучающихся в начальных профессиональных заведениях на 10000 чел. населения

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005	Относительное изменение численности учащихся (тыс. чел.) в 2005 г. по сравнению с 1990*
Дотационные							
Архангельская обл.	147	151	155	168	186	171,1	-5%
Камчатская обл.	118	112	102	116	126	120,3	-25%
Корякский АО			30	65	80	86,3	0%
Магаданская обл.	79	93	105	114	...	151,5	-16%

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Республика Карелия	109	102	109	123	127	119	-5%
Республика Тыва	99	111	135	158	193	165,3	65%
Чукотский АО	191	84	76	96	151	158,3	-20%
Эвенкийский АО			450	500	500	752,4	44%
Развивающиеся							
Мурманская обл.	113	102	103	108	116	118	-23%
Ненецкий АО			109	130	119	119,1	0%
Республика Коми	148	140	139	151	185	177,7	-6%
Республика Саха (Якутия)	87	84	81	91	76	73,7	-28%
Сахалинская обл.	121	117	126	126	130	114	-30%
Таймырский АО							
Ханты-Мансийский АО				73	83	81,2	11%
Ямало-Ненецкий АО				55	71	67,8	6%
Среднее по дотационным северным регионам	124	109	145	168	195	216	8%
Среднее по развивающимся северным регионам	117	111	112	105	111	107	-10%
Среднее по северным регионам	121	110	132	138	153	165	-1%
Среднее по выборке	138	118	119	123	126	106	

Некоторые значения пропущены, так как нет соответствующих данных.

* там где, нет данных на 1990 г. - в сравнении с наиболее ранним периодом, для которого есть данные

/Данные и расчеты по данным Росстата /

Наиболее распространенный способ его измерения для качественного анализа человеческого капитала - это среднее число лет обучения занятых. К сожалению, данные по структуре занятых были доступны только за один год, поэтому использованы другие варианты: численность учащихся и численность выпускников начальных профессиональных, средних специальных и высших учебных заведений. Помимо этого исследована динамика для самих учебных заведений на Севере по группам дотационных и развивающихся регионов.

Наиболее заметны различия между северными и «несеверными» регионами в приросте объемов выпуска специалистов вузами (на начало учебного года; тыс. чел.), который почти втрое меньше на Севере: 2,7 и 6,5 чел. на тыс. жителей. Наоборот, прирост объемов

выпуска рабочих и специалистов со средним профессиональным образованием - выше: 3,9 и 2,6 чел. на тыс. жителей. Несмотря на то, что много молодежи из северных регионов предпочитает учиться за их пределами, ниже показано, что в переходный период численность учащихся вузов и их количество на Севере существенно возросли.

Если в северных европейских странах наблюдается тенденция приближения профессиональных образовательных учреждений к местам добычи природных ресурсов за счет государственных программ, то российская динамика больше отражает удовлетворение спроса на образовательные услуги со стороны домохозяйств, а не государства и работодателей. Поэтому больше увеличилось число вузов там, где значительно выросли доходы населения.

Во многих регионах страны реформы 1990-х привели к появлению серьезных диспропорций в подготовке рабочих кадров и специалистов. Это проявилось, в первую очередь, в разрушении звена начальной профессиональной подготовки и соответственно в снижении доли занятых с этим уровнем образования в связи с их нехваткой. Численность обучающихся в начальных профессиональных заведениях на 10 тыс. чел. населения в среднем по Северу в 1990-2005 гг. незначительно снизилась (на 1%). Если в 1990 г. численность учащихся ПТУ на 10 тыс. населения на Севере была ниже среднероссийского показателя (121 и 138 чел.), то в 2005 стала выше (165 и 106).

Можно заключить, что анализ динамики численности учащихся в начальных профессиональных учреждениях на Севере не демонстрирует общероссийских тенденций. В регионах, где раньше не велась такая подготовка (Эвенкийский АО, ЯНАО, НАО, Корякский АО) были образованы учебные заведения. Исключение составляют Чукотский АО и Республике Саха, где, при относительно низких по сравнению со среднероссийскими уровнем показателей, они еще снизились на 21% и 13%, соответственно.

**Таблица 14. Численность обучающихся в средних
профессиональных заведениях на 10000 чел. населения**

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005	Относительное изменение численности учащихся в 2005 г. по сравнению с 1990*

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005	Относительное изменение численности учащихся в 2005 г. по сравнению с 1990*
Дотационные							
Архангельская обл.	138	108	118	124	170	177	5%
Камчатская обл.	112	90	110	104	170	157	3%
Корякский АО	0	3	30	32	40	44	-7%
Магаданская обл.	92	80	101	106	143	148	-29%
Республика Карелия	166	142	153	150	194	200	6%
Республика Тыва	125	124	126	132	200	212	68%
Чукотский АО	25	59	76	60	113	143	82%
Эвенкийский АО	40	43	50	50	56	105	79%
Развивающиеся							
Мурманская обл.	74	70	89	106	152	152	51%
Ненецкий АО	56	100	152	174	167	205	187%
Республика Коми	127	116	124	124	165	160	-1%
Республика Саха (Якутия)	94	97	105	107	173	183	66%
Сахалинская обл.	137	86	80	105	183	169	-9%
Таймырский АО	73	80	87	91	125	134	31%
Ханты-Мансийский АО	63	60	59	65	151	140	149%
Ямало-Ненецкий АО	91	103	108	99	98	87	0%
Среднее по дотационным северным регионам	100	81	96	95	136	148	15%**
Среднее по развивающимся северным регионам	90	89	101	109	152	154	50%
Среднее по северным регионам	94	85	98	102	144	151	34%
Среднее по выборке	136	116	126	135	165	173	

Некоторые значения пропущены, так как нет соответствующих данных.

* там где, нет данных на 1990 г. - в сравнении с наиболее ранним периодом, для которого есть данные

/ Данные и расчеты по данным Росстата /

**Таблица 15. Численность обучающихся в высших
профессиональных заведениях на 10000 чел.**

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Регион	1994	1997	1999	2003	2005	Относительный прирост численности учащихся в 2005 г. по сравнению с 1990*
Дотационные						
Архангельская обл.	100	129	173	343	369	207%
Камчатская обл.	99	144	210	478	499	296%
Корякский АО						
Магаданская обл.	86	128	175	418	580	269%
Республика Карелия	122	142	195	319	346	149%
Республика Тыва	92	119	132	170	200	121%
Чукотский АО						
Эвенкийский АО				17		
Развивающиеся						
Мурманская обл.	69	104	148	345	461	417%
Ненецкий АО				48	77	
Республика Коми	92	118	141	338	363	216%
Республика Саха (Якутия)	92	131	168	442	492	372%
Сахалинская обл.	57	76	110	244	267	251%
Таймырский АО				25	151	
Ханты-Мансийский АО	22	56	84	343	364	1755%
Ямало-Ненецкий АО				230	277	
Среднее по дотационным северным регионам	100	133	177	291	399	225%
Среднее по развивающимся северным регионам	67	97	130	252	307	315%
Среднее по северным регионам	83	115	153	268	342	256%
Среднее по выборке	132	197	199	336	495	

* там где, нет данных на 1990 г. - в сравнении с наиболее ранним периодом, для которого есть данные

** без учета Корякского, Эвенкийского и Чукотского АО.

*** без учета ЯНАО, НАО и Таймырского АО.

/ Данные и расчеты по данным Росстата /

Несмотря на то, что относительная доля учащихся в населении региона довольно заметно менялась, особенно в Чукотском АО, ее абсолютное значение нередко оставалось неизменным, на Чукотке -

0,7 тыс. чел. на протяжении 1997- 2002 (в 1990 - 3,1, в 1994 - 1) и наблюдаемые изменения объясняются большим оттоком населения из региона. Изменение численности учащихся (тыс. чел.) имеет высокую вариацию, которую нельзя объяснить только экономическими причинами. Здесь, скорее всего, присутствует институциональный фактор, в частности, готовность региональных властей реагировать на изменение социально-экономической среды, вести переговоры с работодателями и образовательными учреждениями, направленные на согласование спроса и предложения на рабочую силу.

В целом, можно заключить, что с подготовкой рабочих на Севере ситуация стала лучше в отличие от общероссийских тенденций. Особенно ярко проявляется эта динамика в нефтяных ХМАО, где было образовано 24 новых ПТУ, и в ЯНАО (7 ПТУ). Хотя в некоторых регионах количество начальных профессиональных заведений сократилось: больше всего в Республике Коми (на 19%): из 53 к 2005 г. осталось 35 (при росте численности учащихся), и Чукотском АО, где число ПТУ сократилось вдвое с восьми до четырех. В других регионах произошло незначительное увеличение или уменьшение (на 1-2 учебных заведения).

С одной стороны, численность учащихся начальных профессиональных заведений можно рассматривать как показатель растущей потребности экономики в рабочих (ХМАО и ЯНАО - яркие тому примеры). С другой стороны, следует критически относиться к данному показателю, так как, во-первых, количество мест обучения на большинство специальностей зависит от начальных условий, то есть от того, какой была структура профессиональной подготовки в советское время. Во-вторых, структура профессиональной подготовки по-прежнему определяется министерскими планами на уровне региона, хоть и во взаимодействии с самими образовательными учреждениями, и необязательно соответствует рыночной потребности (Котырло, 2007 (1). Можно предположить, что система подготовки рабочих в какой-то мере выступает индикатором институциональных изменений в региональном управлении. Там, где власти региона действуют согласованно с крупными инвесторами, в растущую экономику вовремя и в нужном количестве и качестве вливаются подготовленные человеческие ресурсы.

Численность учащихся в ссузах на 10 тыс. населения на Севере отражает еще более позитивную динамику. Этот показатель возрос в обеих группах регионов: от 1,2 раза в Республике Карелия, до 4,6 раза

в Чукотском АО при среднероссийском росте в 1,2 раза, тогда как существенное снижение наблюдается только в Магаданской обл. - на 29% к 2005 г. по сравнению с 1990-м. Она возросла особенно сильно (в два и более раз) в НАО, ХМАО и Корякском АО. Количество ссузов изменялось незначительно: увеличилось или уменьшилось на одно-два заведения, за исключением ХМАО, где было образовано 14 новых ссузов дополнительно к девяти, действовавшим в плановой экономике.

Что касается экономических изменений, то на численность учащихся больше повлияло начало реформ. В 1994 г. в большинстве регионов численность учащихся снизилась. Из-за резкого снижения доходов семей многим выпускникам школ пришлось искать работу. Кризис 1998-го почти не отразился на снижении численности учащихся, хотя их относительный прирост замедлился. Наибольшее снижение произошло в Чукотском АО: с 76 в 1997 г. до 60 чел. в 1999 г. на 10 тыс. населения. Незначительное снижение: в Камчатской обл. (с 110 до 104), в Республике Карелия (153 и 150). Так же как и с относительными показателями учащихся в начальных учебных заведениях - динамика обманчива. Рост ее связан не только с экономическим подъемом, но и с экономическим спадом и выездом населения. Например, в Магаданской обл. в 2005 г. на 10 тыс. населения приходилось 148 учащихся ссузов, тогда как в 1990 - всего 92, но в абсолютном выражении численность учащихся снизилась на 29%. В среднем по северным регионам объем подготовки рабочих и специалистов со средним специальным образованием стал выше и приблизился к среднероссийскому показателю (151 и 173 чел. на 10 тыс. населения).

Как рост учащихся ссузов, так и вузов является эндогенным к повышению доходов населения и росту занятости. Особенно ярко выражена эта взаимосвязь на Севере. Однако численность учащихся вузов на Севере возросла за период реформирования социально-экономической сферы гораздо значительнее: от 1,9 раза в Республике Тыва до 15,7 в ХМАО. В тех развивающихся регионах, где раньше не велась подготовка специалистов с высшим образованием открылись филиалы центральных вузов (в Эвенкийском АО, ЯНАО, Таймырском и Ненецком АО). Больше всего новых высших учебных заведений появилось в развивающихся регионах. В Коми их количество стало больше, чем 2 раза, а ХМАО - более, чем в 4. Появилось высшее учебное заведение в ЯНАО. При этом, в основном, происходило увеличение негосударственных вузов. Несмотря на то, что в среднем

по развивающимся регионам численность учащихся в вузах ниже, чем в дотационных, существенна динамика: появление вузов в четырех регионах, где их ранее не было. В абсолютном выражении в дотационной группе численность возросла не более, чем в 3 раза. Исключение составляет Камчатская обл. - в 3,9 раза. Тогда как в группе развивающихся рост учащихся вузов составил три и более раз, а в ХМАО - в 17 раз. Кроме того, здесь не учитывается то, что по-прежнему много молодежи предпочитает учиться в Москве и других крупных городах России, то есть за пределами своего региона.

Конечно, сложившийся перекося в сторону подготовки специалистов, а не рабочих, уже сейчас приводит к обесцениванию образования, нередко выпускники университетов выполняют работу, не требующую такой высокой квалификации. Поэтому необходимо восстанавливать почетность рабочих профессий, увеличивать содержательность, наращивать механизацию и автоматизацию труда рабочих.

Столь высокий рост числа учащихся вузов и самих учебных заведений в ХМАО и других развивающихся регионах, убедительно демонстрирует, что опасения некоторых влиятельных политиков и экономистов, выступающих против резкого повышения доходов напрасны. Дополнительные трудовые доходы населения приведут не к большей его деградации, а к увеличению инвестиций в человеческий капитал. В регионах с высокими доходами больше всего выросло число студентов, а это убедительный аргумент за то, что накопление человеческого капитала - главная ценность российского общества.

3.4. Оценка роли экономического развития северных регионов в накоплении человеческого капитала

Экономическое развитие служит важнейшим индикатором накопления человеческого капитала. В частности, в проведении межстрановых сравнений, используется индекс человеческого развития, в который ВВП входит наряду с показателями грамотности и продолжительности жизни. Ниже для развивающихся и дотационных регионов Севера сравниваются такие показатели как ВРП, уровень бюджетных расходов, производительность и оплату труда, а также уровни бедности и безработицы, тесно связанные с экономическим развитием.

ВРП на душу населения в реальном выражении (с пересчетом на РПМ) в северных регионах выше, чем ВРП в «несеверных» регионах: 34,7 и 28,19, соответственно (прил. 13). Также значимо выше его прирост, хотя индексы физического объема валового регионального продукта (в процентах к предыдущему году) практически совпадают. Если в 1994 г. средний ВРП на душу населения на Севере был меньше, чем по России (31,9 и 36,7 РПМ на чел.), то в 2004 г. почти достигло среднероссийского значения (32,1 и 32,4 РПМ на чел.), несмотря на отсутствие данных по самым богатым регионам (табл. 16).

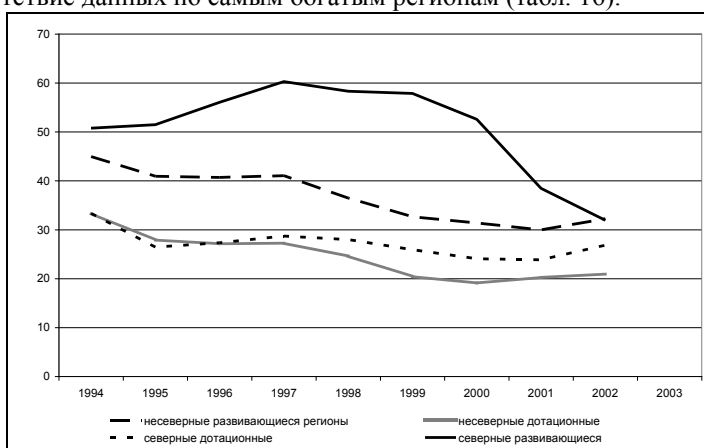

Рисунок 13. Валовой региональный продукт на душу населения (в РПМ). Рассчитано и построено по данным Росстата

По уровню ВРП в сопоставимых единицах можно увидеть, что развивающиеся регионы имеют значительно более высокие показатели. Важно, что ВРП на душу населения коррелирует с заработной платой (0,70 по России и 0,78 по Северу в сопоставимых величинах), корреляция еще выше без учета различий в региональной стоимости жизни - 0,92 по России. Это значит, что в доходах, где растет ВРП, зарплаты также растут. Хотя низкая, в сравнении с другими странами, доля доходов населения в ВВП и является предметом критики (Аганбегян, 2007), статистический анализ указывает на тесную взаимосвязь между экономическим ростом и ростом благосостояния населения. Уровень бедности и ВРП также связаны, но слабо (-0,52). Все это еще раз доказывает приоритетность

мер региональной экономической политики, успешная реализация которой приведет к решению многих социальных вопросов и снижению социальной напряженности.

**Таблица 16. ВРП на душу населения в РПМ и производительность
труда как отношение ВРП к численности занятых**

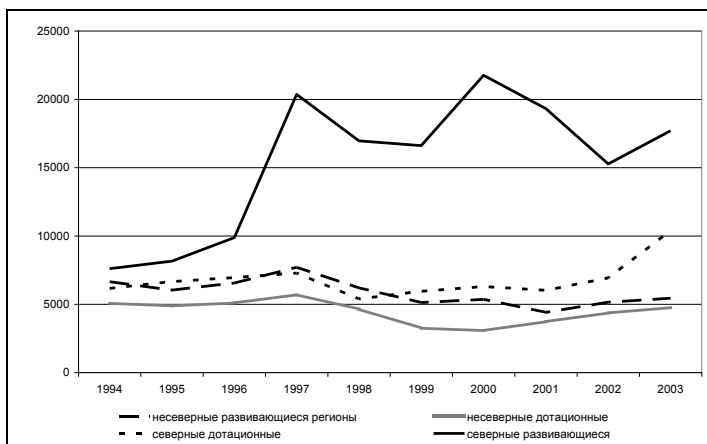
Регион	ВРП				Производительность труда			
	1994	1997	1999	2004	1994	1997	1999	2004
Дотационные								
Архангельская обл.	35,5	29,5	22,6	36,4	82,8	77,6	56,9	195,1
Камчатская обл.	31,1	22,8	24,1	18,7	67,4	46,7	53,9	519,5
Корякский АО								
Магаданская обл.	30,1	29,0	21,3	31,7	63,5	61,4	46,4	1429,7
Республика Карелия	31,4	25,8	25,4	27,4	66,7	60,0	59,1	226,9
Республика Тыва	16,2	9,4	8,5	11,3	38,1	25,2	25,7	305,0
Чукотский АО		18,9	14,3	46,4		42,7	35,2	7693,9
Эвенкийский АО								
Развивающиеся								
Мурманская обл.	35,7	31,8	36,2	31,3	80,2	77,4	87,3	302,4
Ненецкий АО								
Республика Коми	45,6	46,0	44,5	41,4	98,2	103,5	103,5	296,9
Республика Саха (Якутия)	39,3	32,0	35,7	40,0	81,9	65,8	74,8	368,6
Сахалинская обл.	22,7	25,5	34,2	36,8	46,5	58,0	79,5	594,1
Таймырский АО								
Ханты-Мансийский АО								
Ямало-Ненецкий АО								
Среднее по дотационным северным регионам	28,9	22,6	19,4	28,6	63,7	52,3	46,2	1728,3
Среднее по развивающимся северным регионам	35,8	33,8	37,7	37,3	76,7	76,2	86,3	390,5
Среднее по северным регионам	31,9	27,1	26,7	32,1	69,5	61,8	62,2	1193,2

/ Рассчитано по данным Росстата /

На рис. 14 представлены расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на душу населения (в РПМ) по вышеперечисленным четырем группам регионов. Из него видно, что северные

развивающиеся регионы имели больше возможностей для реализации социальной политики. Начиная с 1998 г. дотационные северные регионы также осуществляли больше расходов на душу населения, чем «несеверные». Эконометрический анализ (гл. 4) позволил установить, что увеличение расходов региональных бюджетов ведет к росту доходов населения на Севере (коэффициент эластичности 0,16%), но источники формирования бюджета (налоговые и неналоговые доходы) не значимы. Следовательно, рост доходов населения связан, в первую очередь, с перераспределением доходов между бюджетами субъектов федерации, а не с возможностями региональных экономик. Это свидетельствует о неэффективности перераспределения ренты от природных ресурсов, добываемых в северных регионах, в пользу проживающего в нем населения.

То, что возможность зарабатывать выступает основным условием сохранения человеческого капитала доказывает и статистика по зарплате. Наиболее высокой среднемесячной зарплатой характеризуются нефтедобывающие регионы: ЯНАО и ХМАО, где средняя заработная плата в 2005 г. превышала 5 РПМ (табл. 17). Эти же регионы характеризуются лучшей ситуацией с накоплением человеческого капитала.

**Рисунок 14. Бюджетные доходы на душу населения в РПМ.
Рассчитано и построено по данным Росстата**

Соотношение *среднемесячной начисленной заработной платы* (с учетом выплат социального характера) с величиной РПМ для северных регионов в среднем выше, чем для «несеверных»: 2,63 и 1,82. Среднедушевые денежные доходы населения в соотношении с РПМ также выше на Севере: 2,09 и 1,70 соответственно, в то время как соотношение среднего размера назначенных месячных пенсий (с учетом компенсации) с величиной прожиточного минимума пенсионера, ниже: 0,87 и 1,14 соответственно. Статистический анализ показывает, что развитие предпринимательства в северных регионах происходит значительно медленнее, что сказывается на доле доходов от предпринимательской деятельности в структуре денежных доходов населения: 8,24% и 14,93%. Доля социальных трансфертов в структуре денежных доходов населения также ниже: 11,6% и 17,95%.

Большая уязвимость северной экономики и, соответственно, благосостояния населения требует разработки специальных мер социальной защиты, которые бы автоматически в периоды экономического спада могли защитить северян от потери доходов. То, что это должны быть специальные меры указывает анализ динамики зарплат. Если в 1994 г. реальные зарплат не особенно отличались от среднероссийских, то за годы реформирования российской экономики превышение реальных зарплат на Севере среднероссийского уровня стало значительным. Даже в послекризисный (1999 г.) средняя зарплата на Севере не была ниже двух РПМ, тогда как в среднем по России составляла не более полутора РПМ. Реформы в экономике привели к существенному увеличению различий в заработных платах между северными регионами. Если в 1994 г. размах составлял 1,7 РПМ, то в 2003 г. - почти четыре, к 2005 г. разрыв снизился до двух раз. Разрыв в доходах населения привел и к усилению межрегионального социального неравенства, возможностей в накоплении человеческого капитала, как было показано выше.

На необходимость отдельной государственной социальной политики в отношении северян, поиск более эффективных механизмов перераспределения, указывает экономическое положение пенсионеров. Реальные доходы пенсионеров ниже, чем в среднем по России, а в группе развивающихся ниже, чем в дотационных регионах. Если в среднем по России только кризис 1998-го г. привел к тому, что пенсия стала ниже РПМ (84%), то на Севере она преимущественно была ниже прожиточного минимума, а 1999-м году по дотационным северным регионам составила всего 57%. В 2005 г. в северных регионах

среднемесячная пенсия была ниже РПМ (в данном случае РПМ населения старше трудоспособного возраста) (табл. 17, рис. 17). Средний размер пенсий снизился как в группе дотационных регионов, так и в группе развивающихся: до 67% от РПМ в Сахалинской обл. и 57% в Эвенкийском АО. Даже если ориентироваться на развитие социального партнерства и то, что корпорации возьмут на себя часть пенсионных выплат (что в настоящее время и делается в большинстве акционировавшихся крупных предприятий, см. (Котырло, 2007 (1)), со стороны федеральной и региональной властей необходимо нормативно стимулировать этот процесс. Таких мер в настоящее время явно недостаточно. Кроме того, остается многочисленная группа северян, которые будут получать пенсию только из государственного бюджета. Необходимо дополнительное исследование того, в каком размере должны устанавливаться пенсии для компенсации межрегиональных различий в уровне жизни и для достижения размера прожиточного минимума, хотя бы в среднем. С 1.01.2008 размер северных пенсий устанавливается не с учетом коэффициентов, а в фиксированном виде, что в какой-то мере позволяет решить проблему обеспечения достойного уровня доходов северян (О трудовых пенсиях..., 2001, ред. 1.12.2007).

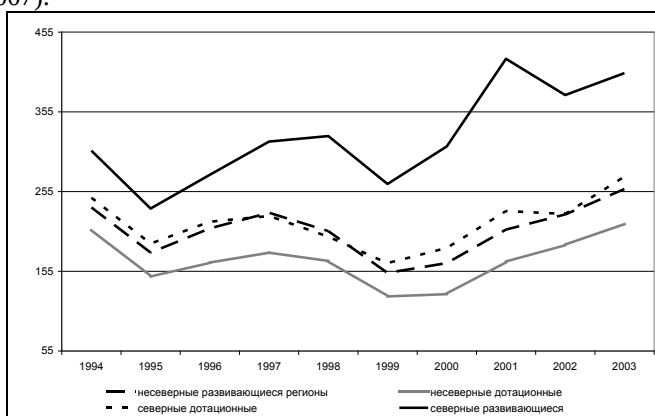

Рисунок 15. Заработная плата в РПМ (%). Рассчитано и построено по данным Росстата

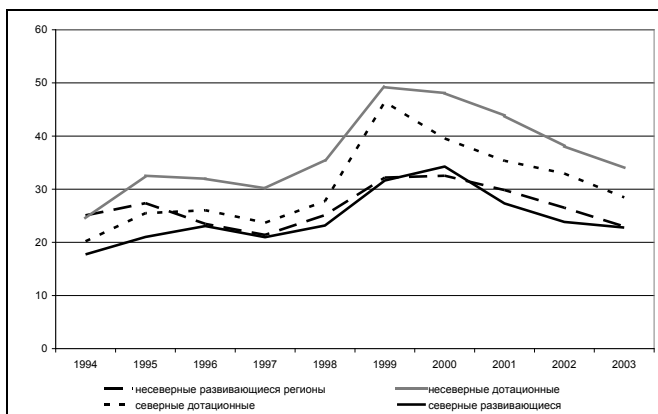

Рисунок 16. Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины РПМ в общей численности населения региона (в %).

Рассчитано и построено по данным Росстата

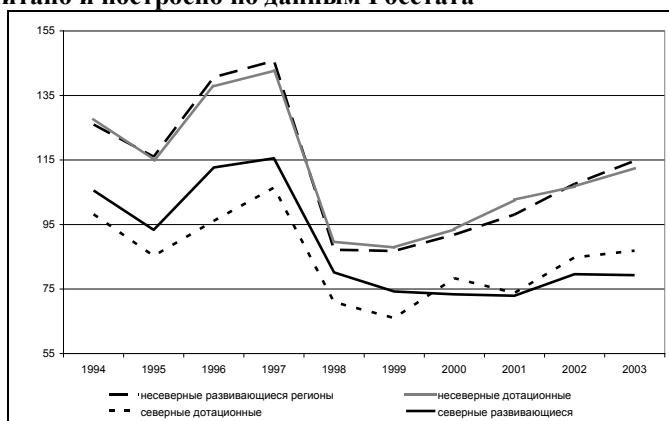

Рисунок 17. Среднемесячная пенсия в четырех группах регионов (в % к РПМ). Рассчитано и построено по данным Росстата

Таблица 17. Среднемесячная начисленная заработная плата и среднемесячная пенсия (в % от РПМ)

Регион	Среднемесячная начисленная заработная плата					Среднемесячная пенсия				
	1994	1997	1999	2003	2005	1994	1997	1999	2003	2005

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Регион	Среднемесячная начисленная зароботная плата					Среднемесячная пенсия				
	1994	1997	1999	2003	2005	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные										
Архангельская обл.	255	217	144	236	276	94	130	73	107	86
Камчатская обл.	296	227	202	278	253	85	99	71	92	66
Корякский АО		159	139	337	315		51	30	60	66
Магаданская обл.	227	247	151	277	309	74	88	48	94	86
Республика Карелия	205	213	173	239	271	104	113	72	108	94
Республика Тыва	141	126	102	214	219	67	88	57	83	78
Чукотский АО		261	149	380	317		61	40	59	63
Эвенкийский АО		216	190	234	253		90	65	55	57
Развивающиеся										
Мурманская обл.	257	293	227	274	260	118	115	68	87	71
Ненецкий АО		246	204	423	441		122	63	77	73
Республика Коми	311	295	244	303	310	135	158	99	97	85
Республика Саха (Якутия)	238	236	178	286	277	110	113	75	77	73
Сахалинская обл.	187	206	199	269	298	85	114	72	72	67
Таймырский АО		308	220	397	376		90	62	74	69
Ханты-Мансийский АО		424	354	591	524		128	85	96	88
Ямало-Ненецкий АО		449	368	607	514		108	68	85	73
Среднее по дотационным северным регионам	225	208	156	274	277	85	90	57	82	75
Среднее по развивающ	248	307	249	394	375	112	119	74	83	75

Регион	Среднемесячная начисленная заработная плата					Среднемесячная пенсия				
	1994	1997	1999	2003	2005	1994	1997	1999	2003	2005
имся северным регионам										
Среднее по северным регионам	235	258	203	334	326	97	104	66	83	75
Среднее по выборке	216	203	145	247	...*	124	135	83	107	...

* Прожиточный минимум по РФ не рассчитывался.

/ Рассчитано по данным Росстата /

Следует отметить, что у этой меры нет механизма авторегуляции с привязкой к инфляции, нет и обязательств ее регулярного пересмотра со стороны правительства. Таким образом, введение фиксированных пенсий единожды может привести к еще большему ухудшению положения пенсионеров-северян через определенный период времени. За рубежом такого рода изменения возможны после обращения независимых исследователей к правительству с аргументированными доказательствами заниженного размера трансфертов. В результате размер трансфертов пересматривается (пример пересмотра размера пенсий в 2005 г. в Нунавуте после обоснования, приведенного студентом).

Экономический рост и региональные особенности. Ниже приведены графики зависимости реального ВРП от таких показателей как плотность населения, доля городского населения для того, иллюстрирующие, что для российских регионов связи между географическими детерминантами и экономическим ростом не так однозначны, как в межстрановом исследовании, проведенном (Асемоглу, 2005), но подтверждают выводы североведов о том, что традиционные показатели социально-экономического развития не вскрывают процессов, происходящих в северных регионах (Пилясов, 1990). Положительная зависимость наблюдается только для ВРП и доли городского населения по выборке в целом, но для северных регионов такой связи нет (рис. 20, 21). Плотность населения для российских регионов на современном этапе экономического развития не выступает географической детерминантой экономического роста (рис. 18, 19).

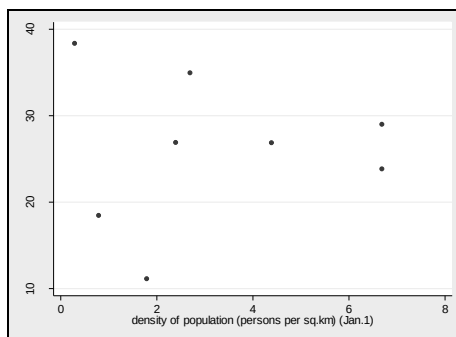

Рисунок 18. Связь между реальным ВРП и плотностью населения (северные регионы в 2002 г.). Построено по данным Росстата

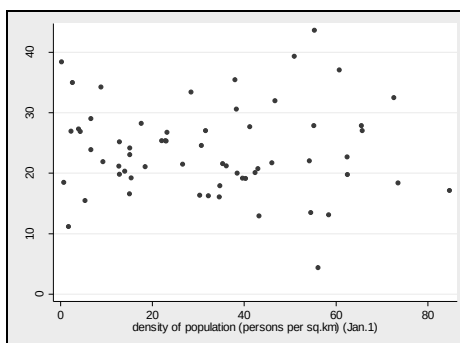

Рисунок 19. Связь между реальным ВРП и плотностью населения (по выборке в 2002 г.). Исключена Московскую обл., где плотность населения составляла 318,1, чтобы увидеть распределение данных для других регионов. Построено по данным Росстата

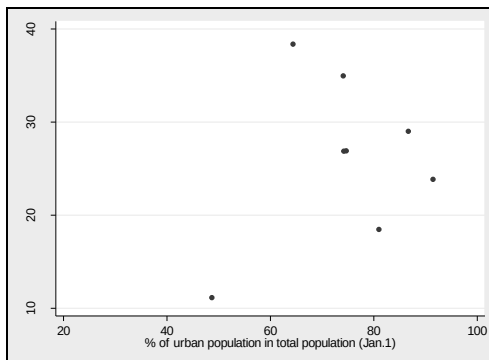

Рисунок 20. Связь между реальным ВРП и долей городского населения (северные регионы в 2002 г.). Построено по данным Росстата

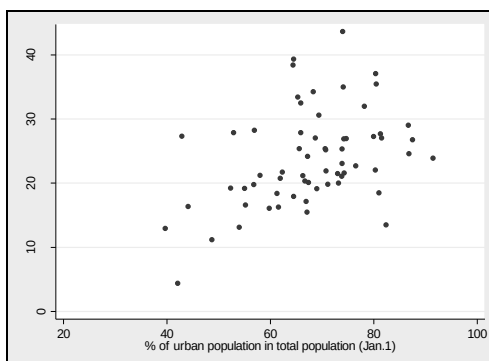

Рисунок 21. Связь между реальным ВРП и долей городского населения (по выборке в 2002 г.). Построено по данным Росстата

Большая территория приводит к очевидному недостатку северных регионов в транспортной инфраструктуре. Плотность автодорог с твердым покрытием в среднем ниже, чем по России, а увеличение плотности автодорог происходит значительно медленнее (рис. 22).

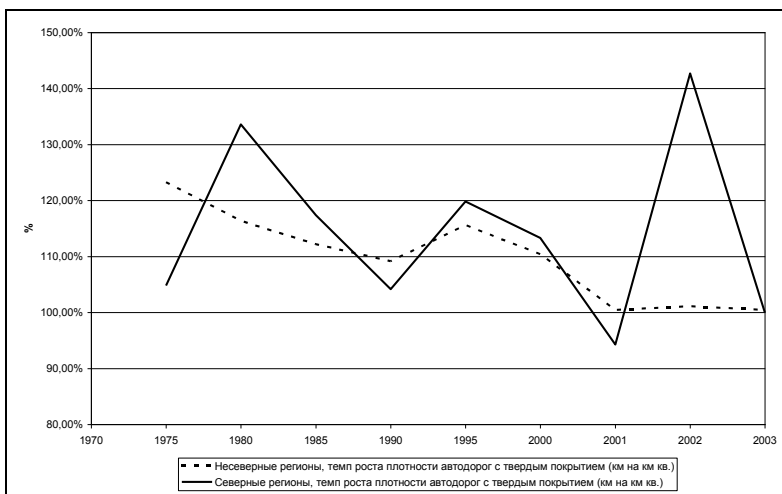

Рисунок 22. Динамика развития транспортной инфраструктуры (автомобильных дорог). Рассчитано и построено по данным Росстата.

Анализ влияния экономического роста на внутрирегиональное неравенство в условиях развития человеческого капитала. Среднерегиональные показатели изменения человеческого капитала не отражают усиление социального неравенства внутри регионов. Среди коренных малочисленных народов Севера, живущих преимущественно в сельской местности, происходит ухудшение состояния здоровья. До пенсионного возраста доживает только 8,5% этих народов (О Федеральной Целевой..., ред. 2007). Показатели заболеваемости в 1,5 раза выше среднероссийских. Наблюдается значительный рост таких заболеваний, как туберкулез, вирусный гепатит, кожные, паразитарные заболевания. В местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера возникает острая необходимость в обеспечении качественным медицинским обслуживанием. Значительная часть больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений требует капитального ремонта. Наблюдается снижение уровня доступности общего и профессионально-технического образования коренных малочисленных народов Севера. Начальное и неполное среднее образование имеют только 80% этих народов (там же).

Не менее сложная ситуация в периферийных северных территориях. Автором было проанализировано влияние экономических факторов и мер государственного регулирования на социальные характеристики территории в 20 городах и районах Республики Коми.

**Таблица 18. Основные экономические показатели по городам и
районам Республики Коми**

	Инвестиции в основной капитал на душу населения, рублей в 2003 г.	Средние темпы прироста вывозки древесины за 1998- 2002 гг	Средние темпы прироста индексов производства промышленной продукции за 1998-2002 гг	Коэффициент транспортной доступности
Республика Коми	25642	4%	2,9%	
Сыктывкар	16522	-1%	7,2%	1
Воркута	9173		-3,7%	0,48
Вуктыл	31093	3%	-3,8%	0,19
Инта	8153		-12,6%	0,43
Печора	25442	-9%	6,3%	0,48
Сосногорск	76687	-1%	0,6%	0,55
Усинск	57928	-10%	4,1%	0,44
Ухта	47825	5%	4,0%	0,52
районы				
Ижемский	8874	-31%	-7,4%	0,37
Княжпогостский	25545	-4%	-1,9%	0,52
Койгородский	11074	18%	1,3%	0,33
Корткеросский	6790	12%	0,1%	0,45
Прилузский	4897	7%	3,6%	0,49
Сыктывдинский	9102	-2%	12,7%	0,65
Сысольский	13268	10%	3,5%	0,59
Троицко-Печорский	6167	-6%	-10,0%	0,26
Удорский	4361	0%	-1,8%	0,43
Усть-Вымский	13200	4%	19,7%	0,9
Усть-Куломский	2133	12%	2,8%	0,38

Усть-Цилемский	5436	17%	-4,5%	0,1
----------------	------	-----	-------	-----

*/Рассчитано по данным территориального органа Росстата по
Республике Коми/*

Характер развития отраслей отражается на формировании и использовании человеческого капитала. Если на топливную промышленность республики в 2002 г. приходилось 92% от общего объема инвестиций, то и средняя зарплата нефтяников более чем в 10 раз превышала зарплату лесозаготовителей. В 2002 г. на долю трех городов (Печоры, Усинска и Ухты) приходилось 71,8% общего объема финансовых вложений, в основном в топливную промышленность, соответственно, максимальная средняя зарплата наблюдалась в Усинске – 14,8 тыс. руб., минимальная – в Усть-Куломском районе – 3,7 тыс. руб. Удаленные от центра районы республики, где основным видом деятельности является лесозаготовка, практически не развиваются, в них наблюдается высокий уровень безработицы, низкий уровень зарплаты.

Основным межотраслевым комплексом в структуре экономики республики является топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Продукция ТЭК в общем объеме производства промышленной продукции выросла с 44,3% в 1970 г. до 72% в 1999 г., и в 2003 г. занимала более 66,9%. Сокращение занятых в этом комплексе происходило темпами меньшими, чем в целом по промышленности (38%). Вследствие чего доля отраслей ТЭК в общей численности промышленно-производственного персонала увеличилась с 31,8% в 1990 г. до 48% в 2001 г. Наибольшее увеличение численности произошло в нефтедобывающей отрасли – в 1,5 раза, в газовой - на четверть. Высокая рентабельность предприятий нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, газовой промышленности позволяет развивать внутрифирменное обучение, финансировать подготовку рабочих и специалистов в профессиональных заведениях.

В то же время в нерентабельной угольной промышленности с 1990 по 2001 гг. произошло сокращение 15,7 тыс. человек или 37% занятых. Соответственно ее доля в численности занятых в ТЭК снизилась с 71% в 1990 г. до 47% в 2001, просроченная задолженность по заработной плате составляла в 2001 г. 53,7% от общей задолженности по республике. Решение проблем угольной отрасли можно рассматривать в трех направлениях: дальнейшее освоение богатейшего угольного бассейна; социальная поддержка и переселение

шахтерских семей; профессиональная переподготовка. В бюджете республики на 2004 г. впервые запланированы средства на поддержание и развитие отрасли. В перспективе до 2020 г. планируется освоение Сейдинского месторождения. В программе (О перечне мероприятий..., 2004) заложены статьи расходов на мероприятия по социальной защите работников, высвобождаемых в связи с реструктуризацией угольной промышленности, членов их семей, пенсионеров и инвалидов, работавших в угольной отрасли. Но основной акцент сделан на переселение жителей северных регионов, причем, несмотря на почти стопроцентное финансирование программы из федерального бюджета, эта проблема остается до конца нерешенной из-за нехватки денежных средств. Конкретные меры по переквалификации работников угольной отрасли в республиканских программах отсутствуют.

Лесопромышленный комплекс является вторым по значимости после топливно-энергетического в промышленном производстве республики. В отраслях лесопромышленного комплекса в 2002 г. создавалось 24% от общего объема производства. Так же, как и в топливной промышленности, в лесной преобладает вывоз сырья – необработанной древесины. Показатели выпуска пиломатериалов за 1990-2002 гг. в расчете на 1000 куб. м вывезенной древесины в Коми были в 1,6-1,9 раза ниже, чем в среднем по России. Недоиспользование производственных мощностей для пиломатериалов в 2001 г. составило 58%.

Из производств, образующих экономику республики, лесозаготовительная промышленность, которая является основным видом экономической деятельности в сельской местности (Фаузер, 1998, с. 50), пострадала в наибольшей мере. Если в 1970 г. почти половина работников, занятых в промышленности, была сосредоточена в лесопромышленном комплексе, то в 2002 г. – чуть больше трети. С точки зрения транспортной доступности, оцененной Э.С. Куратовой (Куратова, 2003), многие лесозаготовительные районы отнесены к труднодоступным, что существенно влияет не только на уровень занятости, но и на производительность труда в лесозаготовительной промышленности. Уровень использования расчетной лесосеки, который в 1980-е годы колебался в пределах 70-80%, с начала экономических реформ резко уменьшился и достиг 17,8% в 1997 г. С 1998 г. вырубка древесины увеличивается, но все же остается на уровне 20-30%, а в отдаленных от перерабатывающих

предприятий лесхозах, где отсутствует сеть лесовозных дорог 7% и менее. С приходом нового собственника на ведущее лесоперерабатывающее предприятие республики Сыктывкарский лесопромышленный комплекс (СЛПК, в настоящее время ОАО «Монди Бизнес Пейпа Сыктывкарский ЛПК») ареал лесозаготовки был существенно реструктуризирован в направлении снижения транспортных издержек. Основной объем лесозаготовок приходится на расположенные вблизи предприятия районы. Районы, оставшиеся без потребителя леса, характеризуются высоким уровнем безработицы более 4,5% (на январь 2004), низкой зарплатой, а также высокой просроченной задолженностью по зарплате.

Районы с относительно развитой транспортной инфраструктурой быстрее выходят из кризиса. В 2003 г. наметилось улучшение ситуации в Сыктывдинском, Княжпогостском, Прилузском районах по таким показателям как прирост объема промышленного производства и инвестиций. 56% всех малых предприятий представляют лесопромышленном комплекс. В них занято 14% численности персонала комплекса. В 2002 г. малыми предприятиями произведено 13% пиломатериалов, вывезено древесины 12,3%, изготовлено 50,3% оконных и дверных блоков. В республике вводятся в действие новые перерабатывающие производства. Это подтверждает важность государственных инвестиций в дорожное строительство, способных служить толчком к дальнейшему самостоятельному развитию бизнеса, росту доходов населения.

В республике продолжает динамично развиваться горнорудный комплекс. Прирост объемов промышленного производства в цветной металлургии за 2003 год составил 34,9%, что обусловлено увеличением добычи бокситов – основной продукции отрасли. Всего в республике работают 6 горнорудных предприятий, имеющих лицензии на разработку месторождений бокситов, титана, баритов, марганца, кварца. Осуществляется подготовка к освоению новых объектов горнорудного комплекса, таких как месторождения коренного золота, строительного камня, формовочных и стекольных песков, соли. Горнорудный комплекс республики, обладающий большим потенциалом развития может служить новой сферой занятости для высвобождающихся работников из менее благополучных отраслей.

Кластерный анализ взаимосвязи между экономическими и социальными показателями, проведенный по двенадцати факторам

социально-экономического развития за 1998-2002 гг. позволил разделить города и районы республики на три группы:

- относительно благополучные в формировании и использовании человеческого капитала: г. Сыктывкар, г. Вуктыл, г. Сосногорск, г. Усинск, г. Ухта, в которых проживает половина населения республики;
- менее благополучные города и районы: Воркута, Инта, Печора, Койгородский р-н, Корткеросский р-н, Сыктывдинский, Сысольский, Усть-Цилемский;
- депрессивные районы (остальные семь, численность населения – 130,1 тыс. чел.).

Инвестиции в основной капитал на душу населения в наиболее благополучной и депрессивной группах отличаются в 4,9 раза (табл. 18); средние темпы изменения объемов промышленной продукции - в 3,4 раза; коэффициент транспортной доступности – в 1,5; уровень безработицы в 2,5 (табл. 19), а задолженность по зарплате в 3,5 раза ниже в первой группе; начисленная заработная плата, наоборот, в 2,3 раза выше. Смертность в неблагополучной группе в 1,4 раза выше, чем в первой, доля ветхого жилья в ней выше в 3,1 раза. Таким образом, каждый второй житель живет в благополучном городе, а каждый десятый житель республики живет в депрессивном районе, не имеет возможностей получить востребованное образование, необходимые медицинские услуги, воспитывать детей в социально-комфортных условиях.

Проведенные исследования подтверждают возможность относительно самостоятельного (инерционного) развития только промышленно-развитых городов и необходимость серьезного государственного вмешательства для преодоления экономических и социальных проблем в других районах.

Препятствия к экономическому развитию территории, невозможность обеспечить уровень доходов населения, необходимый даже для простого воспроизводства рабочей силы, приводят к неотвратимому снижению качества человеческого капитала. В депрессивных территориях будут усиливаться процессы сокращения численности населения в трудоспособном возрасте, алкоголизация, инвалидизация, утрата квалификации и образования.

Таблица 19. Основные показатели человеческого развития по городам и районам Республики Коми

Города и районы	Факторы, отражающие инвестиционный потенциал населения в накоплении человеческого капитала				Показатели накопления человеческого капитала				
	Уровень зареги- строванной безработи- цы, % на 1.01.04	Среднеме- сячная номиналь- ная начислен- ная заработна- я плата, руб. в 2003 г.	Просроченна- я задолженност- ь по заработной плате на одного занятого, руб. 1 .12. 2004г.	Доля ветхого и аварийног- о в общей площади жилищног- о фонда, % в 2003 г.	Средние темпы прироста числа учащихся в нач. проф. заведения х за 2002- 2004 гг	Число зарегистр- ированн- ых преступле- ний на 10000 чел. за 2004 г.**	Родилось на тыс. чел. 1 .12. 2004г.	Умерло на тыс. чел. на 1 .12. 2004г.	Доля прибывших (убывших) в общей численности в среднем за 1998-2001 гг.
Республика Коми	2,8	7884	759	6,7	1%	244	11,3	15,6	-3,4%
Сыктывкар	1,2	6943	56	3,2	-2%	395	12,5	14,5	-1,5%
Воркута	3,7	8859	219	6,6	0%	218	10,5	11,8	-1,3%
Вуктыл	3,9	10095	551	4,2	-	228	12,1	15,1	-2,4%
Инта	2,7	6911	10371	9,3	1%	194	9,8	13,8	-2,8%
Печора	3	8676	934	4,6	1%	183	10,9	18,1	-6,1%
Сосногорск	2,7	8440	192	7,6	3%	170	11,4	17,8	-5,3%
Усинск	2	14793	-	2,5	3%	165	12,3	9,9	1,1%
Ухта	0,7	10198	110	2,4	2%	221	10,9	13,9	-4,5%
районы									

Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 364 с.

<i>Ижемский</i>	5,6	3476	795	8,6	12%	72	11,8	18,2	-4,3%
<i>Княжпогостский</i>	3,7	5607	288	15,9	-8%	205	9,6	17,9	-8,4%
<i>Койгородский</i>	6,5	4463	283	28,2	3%	151	11,6	17,9	-8,1%
<i>Корткеросский</i>	5	3916	674	2,7	21%	248	12	24,3	-5,2%
<i>Прилузский</i>	5,5	4081	1080	10	39%	159	11	23,7	-6,1%
<i>Сыктывдинский</i>	4,4	4490	551	5,3	0%	249	12,2	20,9	-4,1%
<i>Сысольский</i>	5,9	4076	1662	23,9	-9%	165	10,4	20,8	-6,0%
<i>Троицко-Печорский</i>	6,9	4252	667	22,8	8%	133	11,3	17,6	-8,4%
<i>Удорский</i>	4,1	4367	1581	2	12%	57	10,5	16,8	-3,3%
<i>Усть-Вымский</i>	3,8	5895	268	11,7	-4%	241	10,8	21,2	-6,2%
<i>Усть-Куломский</i>	6,9	3710	835	15,2	-11%	151	10,2	19,4	-4,4%
<i>Усть-Цилемский</i>	6,9	4109	345	11,7	-	123	12,7	15,2	-2,6%

* Курсивом выделены районы с худшими условиями для преодоления социального неравенства территорий

** В таблицу добавлен показатель «Число зарегистрированных преступлений ...» как отражение общественной ценности человеческого капитала, развития социального капитала

/Рассчитано по данным территориального органа Росстата по Республике Коми/

Резюме

Для оценки процессов накопления человеческого капитала в регионах Севера проанализированы возможности применения индексов и отдельных статистических показателей. Индекс человеческого развития (ИЧР), предложенный А. Сеном, который используется в ежегодных отчетах по человеческому развитию ООН, по мнению исследователей, не дает объективной характеристики накопления человеческого капитала в российских регионах. Искажение ИЧР происходит по следующим причинам: недостоверность показателя ВРП из-за несоответствия региональных доходов расходам, а также высокой доли теневой экономики; недостоверность показателей получаемого образования, которое нередко продолжается за пределами региона; неоднозначность взаимосвязи ВРП и уровня образования с ожидаемой продолжительностью жизни из-за крайней социально-экономической неоднородности регионов и пространственного фактора.

Несмотря на смещение в оценках, северные регионы распределены по ИЧР в группы, близкие к классификации, приведенной в Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера (Концепция, 2000), где выделены активно развивающиеся, депрессивные и экономически неразвитые регионы.

В качестве характеристик человеческого капитала используются не индексы, а факторы, которые включаются в их расчет, в первую очередь, общие коэффициенты рождаемости и смертности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении; число учащихся и выпускников начальных, средних и высших профессиональных учебных заведений на 10 тыс. населения. Задача состояла в выявлении чувствительности этих показателей к экономическому росту и государственному вмешательству в экономику. ВРП и объемы производства продукции в малом бизнесе на душу населения рассматриваются в качестве показателей экономического роста. В качестве меры государственного вмешательства рассматриваются неналоговые расходы консолидированных бюджетов, а также показатели развития транспортной инфраструктуры, которое производилось в основном за счет государственных расходов.

Чтобы удалить влияние различий в региональной возрастной структуре используются нормированные коэффициенты рождаемости.

В предположении логнормального распределения данных для большинства переменных используются лог-приросты с целью удаления автокорреляции первого порядка. Для сопоставления по регионам показателей, измеряемых в денежных единицах, они пересчитаны на душу населения и региональный прожиточный минимум трудоспособного населения.

Накопление человеческого капитала в регионах Севера в 1990-2005 гг. характеризуется следующим. Если в 1990 г. Российский Север характеризовался положительным естественным приростом, то есть умирало меньше, чем рождалось, то в 1990-е ситуация изменилась и большинство регионов характеризуется отрицательным естественным приростом. Динамика рождаемости для всех регионов из выборки отражает влияние экономической ситуации в стране, несмотря на то, что половозрастная структура регионов, этнический состав населения влияют на различие в коэффициентах рождаемости. Общие коэффициенты рождаемости достигли своего минимального значения к послекризисному 1999 г. и, несмотря на относительный рост к 2003 г., не достигли уровня советского периода (1990 г.). Наиболее высокие значения достигаются в группе развивающихся северных регионов с относительно молодой возрастной структурой и высокими доходами населения, низкие - в группе дотационных «несеверных». Рост рождаемости в развивающихся регионах происходит благодаря росту доходов населения, ведущего не только к увеличению инвестиций в человеческий капитал, но и к его качественному улучшению - снижению среднего возраста населения за счет миграционного притока в трудоспособных возрастах.

Несмотря на то, что коэффициенты смертности отражают различия половозрастной структуры регионов, связаны с демографическими процессами советского периода, связь человеческих потерь и экономических трансформаций очевидна. В группе дотационных регионов смертность выше, чем в группе развивающихся, хотя эти группы неоднородны ни по своей промышленной структуре, ни по структуре человеческого капитала. В обеих северных группах коэффициенты смертности с 1990 по 2003 год стали почти в два раза выше, тогда как в среднем по выборке они увеличились в 1,5 раза. Это убедительное доказательство того, что на Севере значительно меньше условий для адаптации населения к меняющейся социально-экономической ситуации. Стоимость жизни

остается высокой, а возможности амортизировать потери заработка натуральным хозяйством из-за климатических условий низкими.

Самые низкие показатели смертности наблюдаются в нефтегазовых ХМАО и ЯНАО, самые высокие - в старопромышленных регионах - Архангельской обл. и Республике Карелия. Во многих регионах за период экономических реформ этот показатель удвоился, а в Корякском АО и Мурманской обл. возрос более, чем в два раза. Это связано как с увеличением доли пожилого населения в немалой степени из-за оттока населения (в первую очередь уезжает молодежь), так и снижением доходов населения, бесперспективностью жизни, развалом социальной инфраструктуры.

Ожидаемая при рождении продолжительность жизни существенно различается по регионам, особенно для мужчин. Меньше всего различия между продолжительностью жизни мужчин и женщин наблюдаются в экономически благополучных регионах ХМАО и ЯНАО: 11,8 и 11,6 лет, а также в дотационном Чукотском АО, где ожидаемая продолжительность жизни при рождении низка для обоих полов. В дотационных Республике Тыва, Корякском, Эвенкийском, Чукотском АО среднестатистический мужчина не дотягивает до пенсионного возраста 4, 10, 2 и 1 год, соответственно.

Темпы сокращения населения за счет миграции в северных регионах составляли в период 1990-2005 гг. 1% в год (по стране - 0,3%). Отток населения, начиная с 1992 в большинстве регионов снижался, а в нефтегазовых НАО, ЯНАО и ХМАО численность населения характеризуется положительным приростом. Важно отметить, что государственной политики, направленной на привлечение населения не реализовывалось, но в развивающихся регионах произошло существенное ее замещение корпоративной социальной политикой, в том числе политикой подбора и найма персонала. Сильные самостоятельные субъекты экономики - нефтегазовые компании, - своей политикой экономического развития показали, что могут серьезно влиять на миграционные процессы, поэтому важно не только разрабатывать государственные социальные программы, но и координировать их содержание и реализацию с крупными предприятиями.

Согласно переписи 2002 г., преобладающим на Севере стало женское население. В среднем за 1990-2003 гг. на тысячу мужчин на Севере приходилось 1010,6 женщин, тогда как в других регионах - 1140,9. Высокая миграционная подвижность северного населения

поддерживает его возрастную структуру достаточно молодой. Наибольший рост доли населения старше трудоспособного возраста с 1994 г. по 2003 г. произошел в дотационных регионах - в Камчатской и Магаданской обл. - с 7,7% до 13,6% и с 7,1% до 12,7%, в развивающихся - в Сахалинской обл. - с 12,2% до 15,8% и Республике Коми - с 12,1% до 14,4%, где продолжается отток населения, в первую очередь, в трудоспособном возрасте. Самая низкая доля населения старше трудоспособного возраста в ЯНАО (5,9%) и Чукотском АО (7,3%), в первом - из-за притока мигрантов трудоспособного возраста, во втором - из-за низкой продолжительности жизни населения. Наибольшее увеличение доли населения в трудоспособном возрасте произошло в ХМАО - с 64,4% до 70,6%. Такая структура населения - явление временное, характерное периоду территориального освоения. Со временем она станет более сбалансированной, а, значит, социальная сфера будет испытывать большую нагрузку, к которой следует готовиться заранее. Ориентация на добычу исчерпаемых ресурсов - не тот фундамент, на котором можно построить стабильную в долгосрочной перспективе экономику и сохранить население, не повторяя опыт 1990-х. Уже сейчас необходимо думать о создании рабочих мест в обрабатывающих отраслях, чтобы обеспечить дальнейший экономический рост ресурсных регионов.

Основной характеристикой человеческого капитала является квалификационный уровень занятых. Наиболее заметны различия между северными и «несеверными» регионами в подготовке специалистов с высшим образованием. При этом в переходный период численность учащихся вузов и количество вузов на Севере существенно возросли, несмотря на то, что много молодежи из северных регионов предпочитает учиться за их пределами. Если в северных европейских странах наблюдается тенденция приближения профессиональных образовательных учреждений к местам добычи природных ресурсов за счет государственных программ, то российская динамика больше отражает удовлетворение спроса на образовательные услуги со стороны домохозяйств, а не государства и работодателей. Поэтому больше увеличилось число вузов там, где значительно выросли доходы населения.

С подготовкой рабочих на Севере ситуация стала в среднем лучше, в отличие от общероссийских тенденций. Особенно ярко проявляется позитивная динамика в нефтяных ХМАО, где было образовано 24 новых ПТУ, и в ЯНАО (7 ПТУ). Численность учащихся

ссузов на 10 тыс. населения на Севере возросла в обеих группах регионов: от 1,2 раза в Республике Карелия, до 4,6 раза в Чукотском АО при среднероссийском росте в 1,2 раза, тогда как снижение наблюдалось только в Магаданской обл. (на 29% в 2005 г. по сравнению с 1990-м). Если в 1990 г. численность учащихся ПТУ на 10 тыс. населения на Севере была ниже среднероссийского показателя (121 и 138 чел.), то в 2005 стала выше (165 и 106). Изменение численности учащихся ПТУ (тыс. чел.) имеет высокую вариацию, которую нельзя объяснить только экономическими причинами. Можно предположить, что система подготовки рабочих в какой-то мере выступает индикатором институциональных изменений в региональном управлении. Там, где власти региона и крупные инвесторы действуют согласованно, в растущую экономику вовремя и в нужном количестве и качестве вливаются подготовленные человеческие ресурсы. Объем подготовки рабочих и специалистов со средним специальным образованием стал выше и приблизился к среднероссийскому показателю (151 и 173 чел. на 10 тыс. населения).

Экономическое развитие служит важнейшим индикатором накопления человеческого капитала. По уровню ВРП в сопоставимых единицах развивающиеся регионы имеют значительно более высокие показатели. Поскольку ВРП на душу населения коррелирует с заработной платой, ключевой составляющей доходов населения, экономический рост можно считать сигналом о росте его благосостояния. Регионы с наиболее высокой среднемесячной зарплатой характеризуются лучшими показателями накопления человеческого капитала (ХМАО и ЯНАО). В то же время необходимы специальные меры социальной защиты неработающих северян. Положение трансфертных категорий, в том числе, пенсионеров-северян, значительно хуже, чем в «несеверных» регионах. Доля социальных трансфертов в структуре денежных доходов населения ниже среднероссийского уровня: 11,6% и 17,95%. Пенсия на Севере ниже регионального прожиточного минимума (РПМ) и ее покупательная способность продолжает снижаться как в группе дотационных регионов, так и в группе развивающихся: до 67% от РПМ в Сахалинской обл. и 57% в Эвенкийском АО в 2005 г. Даже если ориентироваться на развитие социального партнерства и то, что корпорации возьмут на себя часть пенсионных выплат (что в настоящее время и делается в большинстве крупных предприятий), необходимо разработать законодательные нормы, которые будут

стимулировать этот процесс. В настоящее время этих мер явно недостаточно. Кроме того, остается многочисленная группа северян, которые будут получать только трансферты из государственного бюджета.

Статистический анализ показывает, что развитие предпринимательства в северных регионах происходит значительно медленнее, что сказывается на доле доходов от предпринимательской деятельности в структуре денежных доходов населения: 8,24% и 14,93%.

Для раскрытия внутрирегиональных различий, наблюдающихся в процессах накопления человеческого капитала, исследовано влияние экономических факторов на человеческий капитал в 20 городах и районах Республики Коми как одном из северных субъектов за 1998-2002 гг. Кластерный анализ взаимосвязи между экономическими и социальными показателями позволил разделить города и районы республики на три группы: относительно благополучные в формировании и использовании человеческого капитала города г. Сыктывкар, г. Вуктыл, г. Сосногорск, г. Усинск, г. Ухта, где проживает половина населения республики; менее благополучные города и районы: Воркута, Инта, Печора, Койгородский р-н, Корткеросский р-н, Сыктывдинский, Сысольский, Усть-Цилемский; и депрессивные районы, где проживает каждый седьмой житель республики.

Инвестиции в основной капитал на душу населения в наиболее благополучной и депрессивной группах отличаются в 4,9 раза; средние темпы изменения объемов промышленной продукции - в 3,4 раза; коэффициент транспортной доступности – в 1,5; уровень безработицы в 2,5. Задолженность по зарплате в 3,5 раза ниже в первой группе, а начисленная заработная плата, наоборот, в 2,3 раза выше. Смертность в неблагополучной группе в 1,4 раза выше, чем в первой, доля ветхого жилья в ней выше в 3,1 раза. Таким образом, каждый седьмой житель республики живет в депрессивном районе, не имеет возможностей получить работу, востребованное образование, необходимые медицинские услуги, воспитывать детей в социально-комфортных условиях.

**Глава 4. Эконометрический анализ взаимосвязи
человеческого капитала с экономическим развитием.
Сравнение оценок параметров для групп северных и
«несеверных» регионов**

**4.1. Описание данных и аналитической модели для
эконометрической оценки взаимовлияния экономического
развития и человеческого капитала. Учет северной
специфики**

Основная гипотеза моделирования состоит в том, что увеличение рабочих мест и трудовых доходов населения, сопровождающие экономический рост, стимулируют накопление человеческого капитала: рост рождаемости, продолжительности жизни, образовательного уровня населения. А для обеспечения экономического роста на Севере важны развитие транспортной инфраструктуры, повышение качества человеческого капитала, рост занятости и участие государства в развитии региональной экономики, что также доказывается с оценкой производственной функции с использованием эконометрических методов для панельных данных.

Предполагается, что институциональные и политические рамки регионального развития обладают сильной инерционностью, что позволяет не включать их в модель и оценить социально-экономические взаимосвязи, формирующиеся на микроуровне и дающие совокупный эффект на мезоуровне. Задача состоит в выявлении особенностей развития человеческого капитала в северных регионах при той модели северной политики, которая реализовалась в 1990-е - начале 2000-х гг. Сама северная политика как рамка накопления человеческого капитала рассмотрена в гл. 5,6.

Для отражения северной специфики в исследуемых взаимосвязях создана фиктивную переменную N , принимающую значение 1 для регионов, где все территории имеют статус Крайнего Севера или приравненной к ним территории; 0 – для регионов, где все территории, наоборот, не имеют такого статуса. Всего в выборку попало 67 регионов, для которых есть необходимые данные. Анализ строится на сравнении подвыборок со значением $N = 0$ (56 регионов) и $N = 1$ (11 регионов, большинство показателей отсутствует для автономных округов, кроме Чукотского).

Для учета фиксированных эффектов в анализе панельных данных переменная N не пригодна, так как для каждого региона в отдельности равна константе, поэтому используются вспомогательные переменные вида $Z \cdot N$ (для каждого используемого фактора Z), которые позволяют различить северные и «несеверные» регионы и сохранить региональные эффекты в анализе. В этом случае влияние фактора Z на исследуемый показатель для северных регионов равно сумме коэффициентов при Z и $Z \cdot N$ (подробно об используемых показателях в прил. 3).

Анализируя взаимосвязи между региональными показателями экономического роста и накопления человеческого капитала, можно сделать выводы об уровне инвестиций, оценить вклад домохозяйств, государства и предпринимателей. По эластичности таких показателей как общие коэффициенты рождаемости и ожидаемая продолжительность жизни, доля учащихся в начальных, средних профессиональных и высших учебных заведениях к экономическому росту можно сделать выводы о масштабах недоинвестирования в человеческий капитал в регионах Севера в переходный период.

Средние по регионам показатели, хоть и дают возможность установить чувствительность накопления человеческого капитала к факторам экономического развития, не позволяют увидеть различий в этих процессах, протекающих в городах и районах, различающихся уровнем урбанизации, доходов, возможностями трудоустройства, мобильностью населения и т.д.

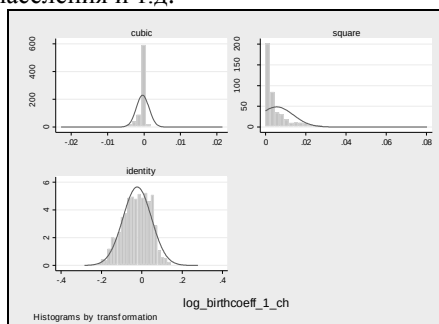

Рисунок 23. Статистическое распределение $\Delta \log B1$, а также его второй и третьей степеней. Наилучший вид имеет третий график - $\Delta \log B1$.

Из анализа распределений лог-приростных величин (ниже для примера приведены распределения пяти величин, рис. 23-27) видно, что они имеют распределение «близкое к нормальному», поэтому сделанный шаг правиоерен. Построенные для этих величин методом наименьших квадратов (OLS) регрессионные модели дадут оценки параметров для степенной зависимости. Это означает, что параметры без дополнительных преобразований и расчетов можно легко интерпретировать как коэффициенты эластичности оцениваемой эндогенной переменной по каждой из экзогенных переменных, включенных в модель.

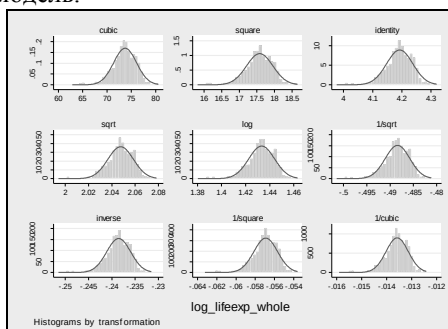

Рисунок 24. Статистическое распределение $\Delta \log LE$, а также функций от него. Все графики имеют «близкое к нормальному» распределение, поэтому можно выбрать $\Delta \log LE$ для простоты дальнейшей интерпретации.

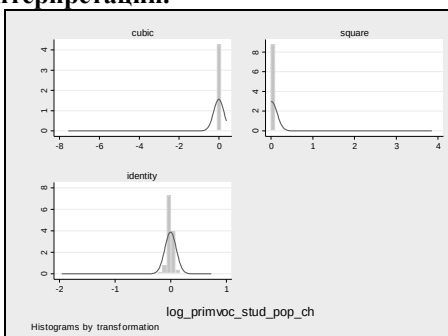

Рисунок 25. Статистическое распределение $\Delta \log X_p$, а также функций от него.

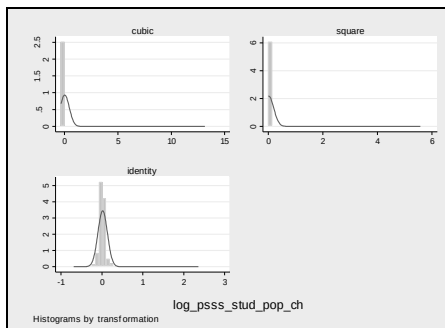

Рисунок 26. Статистическое распределение $\Delta \log X_{ps}$, а также функций от него.

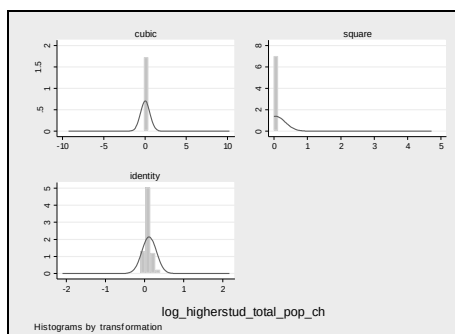

Рисунок 27. Статистическое распределение $\Delta \log X_h$, а также функций от него.

Аналитическая модель, описывающая взаимовлияние экономического развития и человеческого капитала. Учет северной специфики. Сформулированы следующие гипотезы, которые были подтверждены с помощью эконометрического моделирования:

1. Экономический рост оказывает положительное воздействие не только на занятость, но и доходы населения, расширяющие возможности в получении образования и медицинских услуг, а также косвенно, на такие показатели накопления человеческого капитала, как рождаемость и смертность.

2. Роль малого бизнеса как буфера излишков рабочей силы при недостатке рабочих мест не характерна для северных регионов.
3. Повышение качества человеческого капитала ведет к увеличению темпов регионального экономического роста в будущем.
4. Чувствительность основных демографических показателей: продолжительности жизни, смертности, рождаемости к экономическому росту и государственному вмешательству выше в северных регионах, что доказывает приоритетность государственных мер, обеспечивающих экономическое развитие.
5. Рост доходов населения ведет к росту спроса на высшее образование и среднее специальное в северных регионах.

С учетом этих утверждений *модель может быть сформулирована в виде уравнений (8-10)*, в соответствии с которой в гл. 4 представлены *восемь оцененных зависимостей*. Предполагается, что для российских регионов может быть оценена производственная функция с использованием модели Кобба-Дугласа в темповой записи, как взаимосвязь региональных затрат и регионального выпуска (8), полученную логарифмированием уравнения (1). В модель также было включено начальное состояние экономики, форма оцениваемой модели представленная в уравнении (11), модель оценивалась отдельно для северных и «несеверных» регионов. По мнению автора, такая взаимосвязь между ресурсами и экономическим ростом более адекватна транзитивному периоду, поскольку в анализируемом периоде нельзя выделить тренд, как закономерность изменения роли факторов в экономическом росте. Тем не менее, зависимость между соседними периодами в данных присутствует (значения показателей близки для соседних уровней ряда), и эту автокорреляция устранена при переходе к приростным показателям (конечным разностям первого порядка). Рост ВРП ведет к изменению доходов населения, которые кроме этого зависят от степени государственного вмешательства в распределительные процессы, качества человеческого капитала, а также различий между северными и «несеверными» регионами. В свою очередь, качество человеческого капитала определяется уровнем доходов населения, региональными характеристиками, степенью государственного вмешательства в распределительные процессы (9). Качество затрачиваемого труда и его количество определяется как

текущим уровнем регионального выпуска, так и его распределением в предыдущих периодах (10).

Уравнения для оценки зависимости экономического роста от затрачиваемых ресурсов, в том числе, качества и количества человеческого капитала, и региональных переменных, где эндогенными переменными выступают:

$$\Delta \log Y_{i,t} = (1 - e^{-\beta}) \log Y_{i,t-1} + \chi_1 \Delta \log L_{i,t} + \varphi_1 X_{i,t} + \gamma_1 R_{i,t} + u_i + \varepsilon_{it} \quad (6)$$

Уравнение для оценки зависимости заработной платы, как основной составляющей доходов населения, от человеческого капитала, экономического роста, региональных переменных:

$$\Delta \log w_{i,t+1} = \varphi_2 \Delta X_{i,t} + \gamma_2 \Delta \log R_{i,t} + \delta_2 \Delta \log G_{i,t} + \lambda_2 \Delta \log Y_{i,t} + u_i + \varepsilon_{it} \quad (7)$$

Уравнение для оценки зависимости человеческого капитала от экономического развития, региональных характеристик, уровня занятости и заработной платы:

$$\Delta X_{i,t+1} = \phi_3 \Delta \log w_{i,t} + \chi_3 \Delta \log L_{i,t} + \gamma_3 \Delta \log R_{i,t} + \lambda_3 \Delta \log Y_{i,t} + u_i + \varepsilon_{it} \quad (8)$$

Здесь Y – показатель, региональный выпуск, а именно ВРП (Y) в первой модели экономического роста и объем производства малыми предприятиями ($\Delta \log Y_{small}$) во второй; X – вектор показателей качества человеческого капитала; R – вектор региональных характеристик экономики; L – среднегодовая доля занятых в экономике к населению региона; G – вектор, характеризующий воздействие государства на социально-экономическую систему; w – уровень трудовых доходов населения. u_i – региональные эффекты, ε_{it} – ошибки отдельных наблюдений, независимые с u_i . $\chi_j, \varphi_j, \gamma_j, \lambda_j, \delta_j, \phi_j$ – параметры модели, отражающие роль выбранных экзогенных переменных в формировании эндогенной, j – номер уравнения. Например, χ – коэффициент эластичности показателя экономического роста по человеческому капиталу. В качестве региональных характеристик рассматривались: плотность населения, численность населения, доля городского населения; вошли в окончательную модель плотность автодорог с твердым покрытием (км на тыс. кв. км терр.) (R_{road}) и плотность железнодорожных путей общего пользования (км на тыс. кв. км терр.) ($R_{railroad}$); $\Delta \log R_K$ – лог-прирост реальной стоимости основных фондов отраслей экономики; доля экспорта в ВРП (R_{exp}); доля промышленности в ВРП (R_{ind}); воздействие государства на социально-экономическое развитие региона, а именно неналоговые доходы

бюджетов (R_{Gntax}), как средства, способствующие межрегиональному выравниванию. Все региональные переменные оказались тесно связаны между собой, поэтому включались в уравнение регрессии по очереди.

В предположении одномоментного формирования всех эндогенных переменных уравнения должны быть рассмотрены как система одновременных уравнений. Варианты такой системы были оценены, но результат оказался неудовлетворительным. Если же предположить, что существует запаздывание в формировании эндогенных переменных, то значения лаговых эндогенных переменных могут рассматриваться как заданные извне для каждого уравнения в отдельности. Рассмотрение динамических моделей позволило выявить наиболее значимые параметры каждого вектора объясняющих переменных.

Нельзя утверждать, что выбранная модель описывает полностью процесс, порождающий данные, так как за рамками исследования остаются политические, культурные, исторические и другие факторы. В анализе не учитывается качество медицинского обслуживания. По мнению Зубаревич (Зубаревич, 2005), его трудно измерить, так как стандартные показатели обеспеченности врачами и койками, посещений поликлиник, а также крайне недостоверная статистика заболеваемости не дают возможности оценить реальную доступность и качество медицинской помощи. Например, обеспеченность врачами в Ханты-Мансийском АО на 40-50% ниже, чем в Астраханской области или Северной Осетии, но благодаря современному оборудованию и значительному бюджетному финансированию медицинские учреждения работают намного эффективней (там же). Задача состоит в выявлении взаимосвязи между экономическими и социальными показателями и установить, в чем эти взаимосвязи специфичны для северных регионов. При этом допускается, что кроме социальных и экономических существуют и другие факторы, не учтенные в модели.

Для оценки влияния отдельных факторов использован коэффициент эластичности, рассчитываемой по формуле (9):

$$E_x(y) = \frac{dy}{dx} \cdot \frac{x}{y}, \quad (9)$$

где y - объясняемая переменная, а x - объясняющая. Для модели степенной функции, которая иначе называется моделью с

постоянными эластичностями, сами оценки параметров являются коэффициентами эластичности.

Методика оценивания модели для панельных данных. В основе анализа лежат статистические и эконометрические методы. В пакете Stata 8.0 исследованы параметры распределения случайных величин, включенных в модель. Большинство из показателей после преобразования к приростным величинам (конечным разностям первого порядка) имеют лог-нормальное распределение. Цепные приросты необходимо было рассчитать для устранения фактора времени, воздействующего как на факторы, так и на показатели, и искажающего истинную взаимосвязь между ними (автокорреляция первого порядка).

С помощью коэффициентов линейной корреляции проанализированы парные взаимосвязи между переменными. В дальнейшем это позволило отобрать в модель наиболее значимые переменные, а также выявить и устранить мультиколлинеарность между объясняющими переменными, под которой понимается коррелированность объясняющих переменных, приводящая к искажению исследуемой зависимости. Если знаки коэффициентов при одной и той же переменной в корреляционном анализе и множественной регрессии различались, это указывало на то, что наблюдается мультиколлинеарность и необходимо какие-то переменные исключить.

Модель регрессии предполагает, что между случайными величинами можно установить связь линейную или нелинейную. Эта связь будет статистически значима, то есть наблюдаться для средних значений, для остальных наблюдений модельное значение будет отличаться от реального на величину ошибки регрессии. В эконометрическом анализе используются панельные данные. Панельные данные порождаются обследованиями одних и тех же объектов (регионов) через определенные интервалы времени (по годам с 1994 по 2003 гг.). Были построены четыре различных модели, что можно было делать, предварительно позаботившись о выполнении свойств ошибок регрессии, то есть, исключив автокорреляцию и гетероскедастичность (различие в дисперсии остатков). Гетероскедастичность остатков не была устранена, но использование обобщенного метода наименьших квадратов не повлияло на улучшение параметров модели. Поэтому окончательно использовались оценки моделей, базирующихся на классическом методе наименьших

квадратов (за исключением модели со случайными эффектами): моделью с фиксированными эффектами, моделью со случайными эффектами, моделью с «между»-эффектами и OLS-оценками (Носко, 2005).

Представим базовую модель в виде (12):

$$y_{it} = x_{it}^T \beta + u_i + \varepsilon_i \quad (10)$$

здесь y_{it} - значение объясняемой переменной для региона i и момента времени t ; x_{it}^T - вектор объясняющих переменных для региона i и момента времени t ; β - вектор параметров при объясняющих переменных; u_i - индивидуальные эффекты, общие для региона с номером i ; ε_i - ошибки наблюдений, независимые с u_i .

Если рассматривать регион как объект обследования, то в результате анализа панельных данных, то есть данных для одних и тех же регионов за несколько лет, можно выявить региональный эффект в виде постоянного для каждого региона слагаемого в модели. Оценка модели может производиться с учетом этих слагаемых (*модель фиксированных эффектов*, within estimator) и выявлением закономерностей внутри панели. Недостатком оценивания модели является то, что она не позволяет оценить влияние факторов, выступающих для региона константами, например, плотности населения, которая практически не меняется во времени. Качество модели может быть оценено с помощью коэффициента детерминации R_{within}^2 (13) (Колеников, 2003):

$$\begin{aligned} R_{within}^2 &= \text{corr}^2(y_{it} - \bar{y}_i, \hat{\beta}(x_{it} - \bar{x}_i)) \\ R_{between}^2 &= \text{corr}^2(\bar{y}_i, \hat{\beta} \bar{x}_i), \\ R_{overall}^2 &= \text{corr}^2(y_{it}, \hat{\beta} x_{it}), \end{aligned} \quad (11)$$

Другая модель - *модель случайных эффектов* (random effect) - оценивается, исходя из предположения, что никаких закономерных межрегиональных различий не наблюдается. В этом случае может быть применен обобщенный метод наименьших квадратов. Качество модели может быть оценено с помощью коэффициента детерминации $R_{overall}^2$ (11) (Колеников, 2003).

Третья модель - *модель «между»-эффектов* состоит в оценке для значений, усредненных по панели (between effect). Такая модель оценивается в предположении, что связь между показателем и объясняющими его факторами наблюдается и одинакова для всех регионов, но возможны несистематические отклонения от нее в разные моменты времени. В этом случае рассчитываются сначала средние по панели за периоды времени, вошедшие в выборку. Затем оценивается модель регрессии классическим методом наименьших квадратов. Качество модели может быть оценено с помощью коэффициента детерминации $R_{between}^2$ (13) (Колеников, 2003).

Поскольку задача состояла в учете влияния факторов на показатели для групп северных и «несеверных» регионов в целом, региональный эффект не рассматривался как важный для анализа. Априорно, это должно сказаться на более высоком качестве моделей со случайным и «между»-эффектом по сравнению с фиксированным.

Кроме этого для учета эндогенности некоторых факторов использовалось оценивание с введением инструментальных переменных и использованием двухшагового метода наименьших квадратов для панельных данных, что привело к получению эффективных оценок для модели роста малого бизнеса.

Для выбора лучшей модели применялись тест Бройша-Пагана на возможность игнорирования случайных эффектов и использовании метода наименьших квадратов, как наилучшего метода оценивания, и тест Хаусмана на статистическую независимость ошибок в уравнениях для разных панелей (Greene W. H., 1997, Kolenikov S., 2001). Алгоритм состоял в следующем:

- 1) Строятся OLS-оценки модели и модель со случайным эффектом (re). С помощью теста Бройша-Пагана проверялась гипотеза о том, что панельная структура отсутствует и можно воспользоваться OLS-оценками.
- 2) Если гипотеза не отвергалась, то из двух моделей первая выбиралась как наилучшая и другие модели не оценивались.
- 3) Если гипотеза отвергалась, то оценивались также модели fe и re. С помощью теста Хаусмана выбиралась модель, лучшая из моделей для панельной структуры.

Для анализа панельных данных использованы средства пакета Stata 8.0, позволяющие установить наличие случайного (re), фиксированного (fe) или «между» (be) эффектов и проверить

необходимые гипотезы (Greene, W. H., 1997; Kolenikov, S. 2001, Носко, 2005).

4.2. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост и развитие малого бизнеса в модели Барро - Сала-и-Мартина

В регрессионном анализе панельных данных, выполненном ниже, поставлена задача оценить роль человеческого капитала в региональном экономическом росте в переходный период, а также оценить различия в этой роли между северными и «несеверными» регионами. Была оценена модель производственной функции Кобба-Дугласа в темповой записи, в которую помимо труда и капитала как основных факторов производства были включены уровень развития транспортной инфраструктуры, расходы региональных бюджетов и квалификационные характеристики труда. В связи с тем, что данные по ВРП отсутствуют по ХМАО и ЯНАО, эти регионы не включены в модель.

Для оценки качества труда использованы три группы переменных: изменение выпуска специалистов начальными, средними и высшими профессиональными учебными заведениями; изменение численности обучающихся в профессиональных учебных заведениях; доли занятых с уровнями образования (высшее, среднее специальное, начальное профессиональное⁹). Последняя группа факторов, как способ оценки качества используемого труда, выглядит наиболее логично, однако эти данные доступны только за период 2000-2003 гг. Модель, построенная с учетом этой группы факторов, после расчета приростов исходных переменных включает всего 132 наблюдения и не дает каких-либо значимых результатов. Численность обучающихся в профессиональных учебных заведениях, не адекватна, поскольку формируется в течение нескольких лет. Поэтому в модель, как показатель изменения качества труда, включен *выпуск специалистов* начальными, средними и высшими учебными заведениями в прошлом периоде. Здесь не учитывается миграция за пределы региона, связанная с обучением. Допущение модели состоит в том, что выпускники профессиональных учебных заведений трудоустраиваются в том же регионе. Несмотря на то, что допущение

⁹ Всего Росстатом отслеживается семь уровней.

лишь модельное и не вполне соответствует реальной картине, нам удалось получить статистически значимые оценки влияния качества труда на экономический рост.

Изначально в модель были включены следующие переменные: $\Delta \log Y$ – эндогенная переменная, экзогенные: $\Delta \log K$, $\Delta \log L$, $\Delta \log K \cdot N$, $\Delta \log L \cdot N$, и лагированные переменные (для предыдущего периода) ΔX_p , ΔX_{ps} , ΔX_h , $\Delta X_p \cdot N$, $\Delta X_{ps} \cdot N$, $\Delta X_h \cdot N$, $\Delta \log R_{road}$, $\Delta \log R_{road} \cdot N$, а также инструментальная переменная $\Delta \log G$ для $\Delta \log L$. Здесь X_p – численность выпускников начальных профессиональных учебных заведений, X_{ps} – численность выпускников средних специальных учебных заведений, а X_h – численность выпускников высших учебных заведений. При оценивании не делалась поправка на изменение демографической структуры населения, поскольку скорректировать показатели на численность пяти- или десятилетних возрастных когорт, в которых доля учащихся наиболее высока, не представлялось возможным, а скорректированные переменные: ΔX_p на долю населения младше трудоспособного возраста, и ΔX_{ps} , ΔX_h – на долю населения в трудоспособном возрасте, – тесно связаны с рассматриваемыми переменными (коэффициенты корреляции 0,82; 0,97 и 0,99), и их использование не привело бы к существенному улучшению оценок. Допущение модели состоит в том, что региональных демографических всплесков не наблюдается, кроме того, выпускники профессиональных учебных заведений трудоустраиваются в том же регионе, где обучались, и инвестиции в образование приносят отдачу в ВРП в этом же периоде.

Поскольку в модели используются приросты лог-переменных, то коэффициенты при них являются коэффициентами эластичности регионального выпуска по факторам. Эластичность по приросту выпуска специалистов рассчитывается как произведение оценки параметра для данного фактора на среднее его значение.

По корреляционной матрице установлены пары переменных, которые могут быть коррелированы и тем самым привести к искажению оценок параметров. По результатам корреляционного анализа были отобраны переменные, вошедшие в окончательную модель: капитал, затраты труда, прирост выпуска выпускников вузов. ВРП, помимо этого, тесно связан с бюджетными расходами, которые, скорее, эндогенны к росту производства, нежели объясняют его. Установлена значимая положительная связь между ВРП и плотностью

автодорог, но этот фактор не был включен в модель из-за тесной связи с физическим капиталом. Рост выпускников начальных учебных заведений отрицательно связан с ВРП, что отражает, скорее, разнонаправленность изменения этих показателей во времени. На Севере значимых взаимосвязей с изменением качества человеческого капитала не выявлено.

В процессе оценки параметров модели получен вывод, что наилучшие оценки имеет динамическая модель производственной функции с учетом влияния изменения качества человеческого капитала (прироста выпускников с высшим образованием в предыдущий период $\Delta X_{h,t-1}$) как трудосберегающего фактора (табл. 20). Зависимость экономического роста от доли выпускников с высшим образованием (коэффициент эластичности 0,29) показывает, что, несмотря на сложность периода экономических преобразований в России, обесценение труда, сложности статистического учета количества факторов производства в новых условиях хозяйствования, - объективные законы положительного воздействия качества человеческого капитала на региональный выпуск действуют и могут быть наблюдаемы.

Здесь вполне могут возникнуть замечания об эндогенности объясняющих факторов. Действительно, в более благополучных в экономическом отношении регионах доля обучающихся в высших учебных заведениях выше. Для устранения эндогенности рассмотрена динамическая модель, в которой изменение структуры человеческого капитала происходит на период раньше, чем изменение ВРП.

В табл. 20 приведены результаты оценивания модели регионального экономического роста (лог-прироста ВРП) с учетом β -конвергенции и количественных и качественных характеристик человеческого капитала. Лучшей моделью для выборки в целом оказалась модель со случайными эффектами, то есть гипотеза о наличии устойчивых во времени региональных эффектов отвергается. Для северных регионов лучшими при включении различных региональных характеристик были оценки модели со случайными эффектами и оценки, полученные обобщенным методом наименьших квадратов.

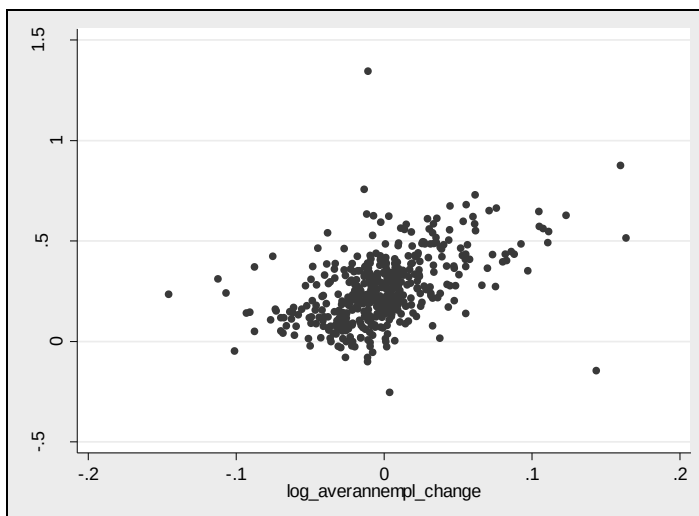

Рисунок 28. Зависимость между ВРП и уровнем занятости (в лог-приростах). Построено по данным Росстата

Статистически значимая оценка β , свидетельствующая о сближении темпов экономического роста ($\beta = 0,031$ по всем регионам в выборке и $\beta = 0,058$ по Северу), получена только в одной модели, где в качестве региональной переменной рассматривалась доля промышленности в ВРП, что нельзя считать устойчивым результатом. Ни одна из региональных характеристик не оказалась значимой. Обобщая результаты, можно сказать, что темпы экономического роста (ВРП) не зависят ни от экспортной ориентации экономики, ни от состояния транспортной инфраструктуры, ни от государственной поддержки как на Севере, так и в других российских регионах. Неналоговые доходы региональных бюджетов коррелируют с начальным ВРП (0,68 по Северу и 0,73 по выборке), что сказалось на низком качестве модели с включением этой контрольной переменной. Смысл этой корреляции в том, что регионы, имевшие более высокий ВРП на душу населения, получали больший размер помощи на душу населения, что не способствовало выравниванию экономического развития.

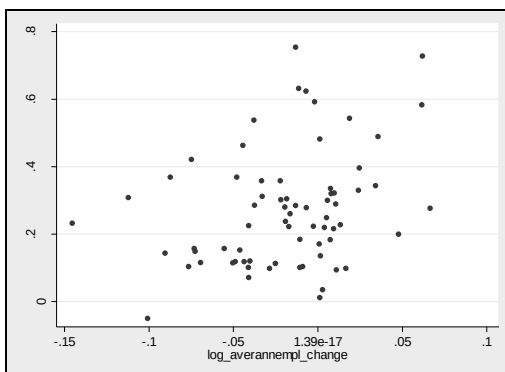

Рисунок 29. Зависимость между ВРП и уровнем занятости на Севере (в лог-приростах). Построено по данным Росстата

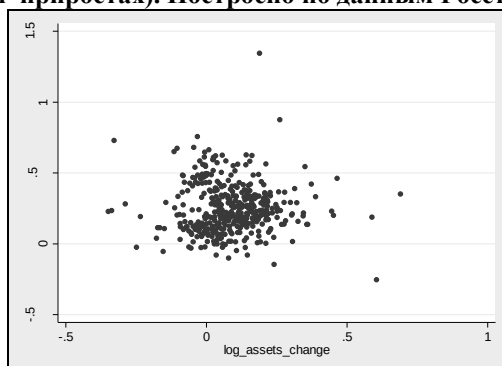

Рисунок 30. Зависимость между ВРП и затратами капитала (в лог-приростах) (в связи с переоценкой основных фондов исключены данные за 1995-1996 гг.). Построено по данным Росстата

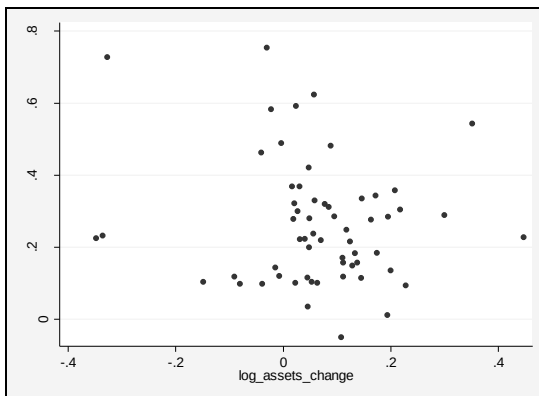

Рисунок 31. Зависимость между ВРП и затратами капитала на Севере (в лог-приростах) (в связи с переоценкой основных фондов исключены данные за 1995-1996 гг.). Построено по данным Росстата

Во всех моделях оказался статистически значим показатель использования человеческого капитала. Коэффициент эластичности ВРП по уровню занятости варьирует от 2,66 до 2,92 по выборке, то есть увеличение затрат труда на 1% ведет к увеличению ВРП почти на 3%. По северным регионам показатель имеет больший разброс в оценках: от 2,21 до 3,4. Причем нельзя сказать, что чувствительность ВРП к уровню занятости отличается в большую или меньшую сторону в сравнении с этим же показателем по выборке. Высокая отдача от человеческого капитала, по мнению автора, демонстрирует его высокое качество (образовательный уровень), что во многом - результат еще советской социальной политики, и государственная задача - сохранить этот уровень и заботиться о создании условий для его эффективного использования.

Особенности отдачи на человеческий капитал на Севере проявляются в том, что статистически значимые оценки параметра при переменной «прирост объемов выпуска специалистов и рабочих со средним специальным образованием» отрицательны по знаку и принимают значение от -0,12 до -0,10, тогда как по выборке в целом оценки параметра положительны и варьируют от 0,11 до 0,13. Можно заключить, что более высокие темпы подготовки специалистов со средним специальным образованием соответствуют северным регионам с низкими темпами развития экономики. Этот результат

подтверждает выводы других ученых о том, что среднее специальное образование выступает заместителем к высшему образованию при низких доходах населения.

Таблица 20. Оценки параметров модели влияния человеческого капитала на экономический рост для выборки и северных регионов в отдельности, с включением различных региональных характеристик¹⁰

Объем выборки, всего 65/9 регионов	518/71 наблюдение	389/53 наблюдения	129/17 наблюдений	454/62 наблюдения	389/53 наблюдения	389/71 наблюдения	372/42 наблюдения (62 региона)
Период	1994-2002	1997 ¹² -2002	2000-2002	1996-2002	1997-2002	1997-2002	1997-2002
$\log_Y_{t-1}$	0,014 (0,019) -0,008 (0,023)	0,011 (0,019) -0,053 (0,041)	-0,040 (0,031) -0,109** (0,053)	-0,032* ¹³ (0,015) -0,060* (0,034)	0,008 (0,020) -0,043 (0,043)	0,015 (0,019) -0,011 (0,024)	0,017 (0,020) -0,042 (0,030)
Контрольная переменная		R_{exp} -1,267 (0,837) -1,122 (1,866)	$\log_R_{GDP, t-1}$ 0,006 (0,016) 0,021 (0,025)	R_{ind} -0,001 (0,001) -0,0005 (0,0022)	$\Delta \log_R_K$ 0,117 (0,105) -0,130 (0,258)	$R_{road, t-1}$ -0,00005 (0,00018) -0,001 (0,002)	$R_{railroad, t-1}$ 0,00001 (0,00012) -0,0006 (0,0006)
$\Delta \log_L$	2,913**** (0,321) 2,156**** (0,604)	2,800**** (0,330) 3,252**** (0,744)	-0,847 (0,422) 1,069 (2,714)	2,657**** (0,299) 3,228**** (0,689)	2,887**** (0,323) 3,377**** (0,741)	2,924**** (0,325) 2,209**** (0,613)	2,920**** (0,328) 2,700**** (0,671)
ΔX_h	0,060* (0,031) 0,035 (0,065)	0,055* (0,031) 0,045 (0,066)	0,021 (0,017) 0,017 (0,043)	0,072** (0,029) 0,062 (0,061)	0,055* (0,031) 0,052 (0,066)	0,059 (0,031) 0,039 (0,065)	0,059* (0,032) 0,028 (0,088)
ΔX_{ps}	0,123*** (0,039) -0,104** (0,057)	0,124*** (0,038) -0,105** (0,058)	-0,017 (0,030) -0,070 (0,047)	0,105*** (0,035) -0,116** (0,056)	0,123*** (0,039) -0,109** (0,058)	0,122*** (0,039) -0,107** (0,058)	0,128*** (0,040) -0,084 (0,082)
$\Delta X_{..}$	0,015	0,015	-0,017	0,007	0,012	0,015	0,016

¹⁰ Верхняя строка для каждой переменной соответствует оценке по выборке из 65 регионов, нижняя - оценке по подвыборке по северным регионам.

¹¹ Первое значение соответствует объему выборки, второе - объему подвыборки по северным регионам.

¹² Здесь и в других моделях нижняя граница периода определяется наличием показателей, включенных в модель.

¹³ Звездочками отмечена значимость коэффициентов: * - не менее 0,1; ** - не менее 0,05; *** - не менее 0,005; **** - не менее 0,0005. Под оценками параметров в скобках приведены стандартные отклонения. В столбцах приведены значения по моделям, в последних трех строках выделены коэффициенты детерминации, применяемые к данной модели.

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Объем выборки, всего 65/9 регионов		518/71 ¹¹ наблюд ение	389/53 наблюд ения	129/17 наблюд ений	454/62 наблюд ения	389/53 наблюд ения	389/71 наблюд ение	372/42 наблюд ения (62 региона)
		(0,021)	(0,021)	(0,011)	(0,019)	(0,021)	(0,021)	(0,021)
		0,042 (0,043)	0,045 (0,052)	0,009 (0,047)	0,045 (0,045)	0,057 (0,052)	0,045 (0,044)	0,137** (0,064)
_cons		-0,196 (0,174)	-0,146 (0,177)	0,488 (0,364)	0,231* (0,126)	-0,142 (0,184)	0,049 (0,069)	-0,229 (0,180)
		0,142 (0,216)	0,600 (0,400)	1,311 (0,651)	0,672 (0,295)	0,501 (0,416)	0,184 (0,228)	0,519* (0,291)
I	withi n R^2	0,274	0,283	0,070	0,233	0,282	0,274	0,278
	betw een R^2	0,010	0,029	0,095	0,002	0,013	0,009	0,006
	over all R^2	0,241	0,246	0,085	0,207	0,245	0,241	0,247
II	logM L		19,013	19,110	23,584	18,959		18,173
	withi n R^2	0,191					0,192	
	betw een R^2	0,000					0,005	
	over all R^2	0,179					0,184	

I - Оценка качества модели для выборки в целом; II - Оценка качества модели для северных регионов.

По выборке в целом значима оценка при переменной «прирост численности выпускников вузов»: от 0,055 до 0,072, то есть качественный рост человеческого капитала положительно влияет на региональное экономическое развитие. Поскольку увеличение численности учащихся вузов более быстрыми темпами происходит в богатых регионах, межрегиональные диспропорции в экономическом развитии будут усиливаться и за счет этого фактора. И это общероссийская тенденция. Оценки параметров, отражающих роль занятых с начальным профессиональным образованием в региональном экономическом росте, незначимы во всех спецификациях модели. Следовательно, темпы подготовки рабочих в целом не связаны с темпами развития экономики.

Оценка влияния человеческого капитала на развитие малого бизнеса как показатель экономического роста. Для России, как постсоциалистической страны, развитие малого бизнеса существенный показатель экономических трансформаций. Представляет интерес то, как в условиях капиталоемкой северной экономики, ориентированной на добычу сырья, малый бизнес встраивается в экономику и развивается. Можно ли рассматривать его как сектор, способный к выходу на самостоятельную устойчивую траекторию экономического роста? Дает ли качество человеческого капитала какое-либо приращение его развитию?

Традиционно в малом бизнесе доля «плохих» рабочих мест, то есть низкооплачиваемых, не требующих высокой квалификации, не гарантирующих стабильную занятость, больше, чем с других секторов. Он способен вбирать в себя излишки рабочей силы. С этой точки зрения, спад в экономике может сопровождаться ростом производства в малом бизнесе при низкой отдаче на человеческий капитал. Если же малый бизнес реагирует на рост платежеспособного спроса, то будет наблюдаться рост объемов его производства, сопровождающий рост экономики региона. Отдача на человеческий капитал будет ближе к равновесному рыночному значению, поскольку малый бизнес будет конкурировать за рабочую силу с другими растущими секторами. Оба этих эффекта наблюдаются одновременно, поэтому из оценки регрессии можно лишь увидеть преобладание одного из эффектов над другим.

Малый бизнес гораздо сильнее способствует формированию социальных связей в местном сообществе, укоренению населения, что так важно для северных регионов с высокой мобильностью рабочей силы, нежели занятость по найму в государственном или корпоративном секторе, где трудовой контракт, как правило, обезличен, а трудовые отношения формализованы. Таким образом, роль малого бизнеса в плане накопления человеческого капитала на Севере не сводится к роли демпфера безработицы. Он важен как фактор формирования социального капитала, закрепления населения в мало комфортных условиях.

Поскольку рассматривается уровень официальной занятости в качестве показателя использования человеческого капитала, знак при этой переменной может быть как положительным, так и отрицательным. В случае преобладания эффекта поглощения излишков рабочей силы связь будет отрицательной, поскольку рост

занятости будет сопровождаться низкими и даже отрицательными темпами роста объемов производимой продукции. К этому же результату ведет увеличение доли неофициальной занятости, существенно искажающей ожидаемые взаимосвязи. Если же преобладает рост малого бизнеса, сопровождающий развитие экономики в целом, связь будет положительной.

Для выявления связи между лог-приростом объема произведенной продукции малыми предприятиями в регионе ($\Delta \log Y_{small}$) и экономическим развитием региона использована модель (11). Для оценки гипотезы о конвергенции в темпах развития малого бизнеса в состав регрессоров включена переменная $\log Y_{small, t-1}$. В качестве объясняющих переменных были выбраны те же показатели, что и в предыдущей модели, а также эти переменные с лагом в один период. Кроме того, была включена переменная логарифм ВРП в предыдущий период ($\log Y_{t-1}$), как одна из контрольных переменных, характеризующая начальный уровень развития экономики региона.

Оценки параметров для северных регионов менее значимы, что объясняется более высокой дисперсией эндогенной переменной для этой группы. В частности, в 2002 г. ее стандартное отклонение по выборке было равно $\sigma_{\Delta \log \bar{Y}_{small}} = 0,51$ при среднем значении $\Delta \log \bar{Y}_{small} = 0,32$; тогда как по северным регионам: $\sigma_{\Delta \log \bar{Y}_{small}} = 1,00$ при $\Delta \log \bar{Y}_{small} = 0,28$.

Гипотеза о межрегиональной конвергенции в развитии малого бизнеса подтверждается на уровне значимости 0,05% (табл. 21). Оценка β при включении различных контрольных переменных варьирует от 0,57 до 0,71 для выборки, и от 0,53 до 0,66 для Севера. По этим результатам нельзя сказать, что северные регионы как группа, характеризуются более низкими или более высокими темпами сближения в развитии малого бизнеса по сравнению с другими. Конвергенция может трактоваться в отношении малого бизнеса как процесс приобретения некоторого устойчивого и стабильного по своей роли в региональной экономике положения.

Рост объемов производства малого бизнеса тесно связан с изменением социально-экономических условий в регионе, особенно на Севере, где более высокие издержки приводят к существенному сдерживанию его развития. Из анализа данных за 1994-2003 гг. следует, что в среднем объемы производства малого бизнеса в ВРП на

Севере в два раза ниже, чем в других регионах (6% и 12%, соответственно). Это, в свою очередь приводит к низким темпам роста рабочих мест в малом бизнесе, большей зависимости северян от деятельности крупных предприятий и государственной социальной политики. Для выявления связи между этим показателем (изменение лог-объема произведенной продукции (работ, услуг) малыми предприятиями в регионе) $\Delta \log Y_{small}$ и производственными факторами, а также развитием транспортной инфраструктуры использована модель производственной функции. Рост ВРП, так же как и его составляющие – доходы населения и доходы бюджетов, – способствуют развитию малого бизнеса, увеличивая спрос на производство товаров и услуг. В модель также была включена зарплата, составляющая по некоторым оценкам до 70% доходов населения, как меру роста покупательной способности населения, стимулирующей развитие малого бизнеса.

В качестве объясняющих переменных были выбраны показатели $\Delta \log L$, $\Delta \log L \cdot N$, $\Delta \log Y$, $\Delta \log Y \cdot N$, $\Delta \log W$, $\Delta \log W \cdot N$, $\Delta \log G$, $\Delta \log G \cdot N$, а также эти переменные с лагом 1: $\Delta \log L_{t-1}$, $\Delta \log L_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log Y_{t-1}$, $\Delta \log Y_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log W_{t-1}$, $\Delta \log W_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log G_{t-1}$, $\Delta \log G_{t-1} \cdot N$. Развитие транспортной инфраструктуры отражают показатели плотности автодорожного покрытия $\Delta \log R_{road}$, $\Delta \log R_{road} \cdot N$. Здесь W – реальная зарплата, остальные значения такие же, как и в предыдущей модели.

Из корреляционного анализа следует, что на рост объемов малого бизнеса положительно как на Севере, так и в других регионах влияет увеличение используемого труда и капитала. Причем малый бизнес положительно связан с затратами труда прошлого периода и может указывать на связь с ростом доходов населения в связи с увеличением занятости. Из этого можно сделать вывод об ориентации малого бизнеса не на рынок промежуточных товаров, встраивание в вертикальную производственную цепочку с крупными предприятиями, а на конечное потребление. Это действительно так. Доля торговли, общепита в малом бизнесе продолжает преобладать, а науко- и капиталоемкие отрасли, больше ориентированные на промежуточные рынки, составляют весьма скромную долю от объемов производства. Установлена положительная связь с бюджетными расходами, влияющими на деловую активность в регионе.

Рост уровня образования в целом на развитии малого бизнеса не сказывается. Получена отрицательная связь с численностью

выпускников ссузов. В данном случае, по мнению автора, взаимосвязь отражает зависимость и малого бизнеса и численности учащихся ссузов от состояния региональной экономики. Спад в экономике приводит как к сокращению занятости и проблемам с трудоустройством молодежи, так и к снижению потребительского спроса, а, следовательно, сокращению производства в сфере малого бизнеса. Таким образом, у одного процесса две стороны - 1) рост учащихся ссузов, альтернативной трудоустройству и менее доступному в условиях спада в экономике получению высшего образования; 2) сокращение производства в малом бизнесе.

Северная специфика развития малого бизнеса проявляется во влиянии региональных характеристик: экономического развития региона, доле экспорта в ВРП, транспортной обеспеченности, обеспеченности региона производственными мощностями (капиталом). Более высокий уровень ВРП на душу населения в целом по выборке положительно влияет на развитие малого бизнеса (коэффициент эластичности 0,33), но не значим для развития малого бизнеса в северных регионах. То есть гипотеза о том, что платежеспособный спрос ведет к росту объемов производства в малом бизнесе на Севере, – не подтверждается, но верна для выборки в целом. Чем выше доля экспорта в ВРП, тем ниже будут темпы роста объемов производства малыми предприятиями по выборке в целом. На Севере связь, наоборот, положительна, то есть крупные добывающие экспортоориентированные предприятия - не конкурирующий за ресурсы сектор, а сектор, создающий платежеспособный спрос на услуги производственной и социальной инфраструктуры. Высокая доля промышленности в экономике и запасы капитала не значимы для Севера, но выступают фактором снижения темпов развития малого бизнеса по выборке в целом. Следовательно, роль малого бизнеса как буфера излишков рабочей силы при недостатке рабочих мест в промышленности характерна для выборки, но менее характерна северным регионам. Статистически не значимое влияние на развитие малого бизнеса оказывает государственная поддержка.

Транспортная инфраструктура влияет на развитие малого бизнеса двояко: чем выше плотность автодорог, тем выше темпы развития малого бизнеса, но на Севере эта связь не значима. Плотность железных дорог - отрицательный фактор, как на Севере (коэффициент -0,030), так и по выборке в целом (-0,014). Это вполне объяснимо. Издержки доставки малых грузов на малые расстояния на

железнодорожном транспорте весьма высоки. Они складываются из времени ожидания погрузки, стоимости «первой и последней мили», то есть доставки груза к месту отправления и от места прибытия, более высоких затрат на формализацию доставки и т.д., причем все эти издержки «набегают» на малые партии груза, а потому их доля высока в совокупных затратах. Выявленная взаимосвязь особенно важна в контексте взятого в государственной политике курса на дальнейшее развитие железнодорожного транспорта. Совершенно очевидно, что это ослабит и без того шаткие позиции малого бизнеса в конкуренции с корпоративным сектором. Формирование социального капитала, особенно на Севере, будет происходить значительно медленнее, чем при государственной политике развития автодорог.

Коэффициент при лог-приросте уровня официальной занятости отрицателен по выборке в целом. Это подтверждает вывод о том, что роль малого бизнеса как буфера, принимающего излишки рабочей силы, при реструктуризации экономики преобладает. Чем выше уровень официальной занятости, тем ниже объемы производства в малом бизнесе на душу населения (коэффициент эластичности варьирует от -1,55 до -2,20). Для северных регионов такой вывод сделать нельзя, то есть во взаимосвязи между использованием человеческого капитала и развитием малого бизнеса нельзя выделить преобладание одного из эффектов.

Изменение качества человеческого капитала не существенно для развития малого бизнеса, как на Севере, так и в других регионах. Однако, прирост численности выпускников с высшим образованием оказался значимым для выборки в целом при включении переменных, отвечающих за экспортную ориентацию региона и степень развития промышленности. Можно сделать вывод о преобладании эффекта развития малого бизнеса в ответ на увеличение платежеспособного спроса в тех секторах, которые требуют высокого качества человеческого капитала, то есть науко- и капиталоемких.

4.3. Оценка влияния экономического роста на накопление человеческого капитала

Оценка взаимосвязи между региональным экономическим ростом и уровнем доходов населения. В результате исследования взаимосвязи между доходами населения, экономическим ростом и государственным вмешательством в экономику установлено, что

доходы населения в условиях рыночной экономики служат важнейшим источником как инвестиций в образование членов домохозяйств, так и других расходов, связанных с накоплением человеческого капитала: лечением, рождением детей и заботой о них и т.д. Следовательно, возможность зарабатывать - существенное условие для накопления человеческого капитала.

В качестве эндогенной переменной рассматривалась лог-переменная от реальной зарплаты $\Delta \log W$, а также лог-переменная от совокупной заработной платы занятых $\Delta \log(LW)$. В качестве объясняющих переменных рассматривались $\Delta \log Y$, $\Delta \log Y \cdot N$, $\Delta \log Y_{revb}$, $\Delta \log Y_{revb} \cdot N$, $\Delta \log Y_{revb_nt}$, $\Delta \log Y_{revb_nt} \cdot N$, $\Delta \log Y_{revb_t}$, $\Delta \log Y_{revb_t} \cdot N$, $\Delta \log G$, $\Delta \log G \cdot N$, $\Delta \log L_g$. Здесь G_{revb} – реальные доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, G_{revb_nt} – реальные неналоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов, G_{revb_t} – налоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов. Стремление различить налоговые и неналоговые доходы как факторы роста доходов населения объясняется тем, что рост налоговых доходов свидетельствует о большем объеме ВРП, то есть о большей самостоятельности регионов. Напротив, рост неналоговых доходов

Таблица 21. Оценки параметров модели роста объемов производства малых предприятий

Объем выборки, всего 65/9 регионов	323/43 наблюдения	323/43 наблюдения	259/35 наблюдений	193/25 наблюдений	323/43 наблюдений	309/35 наблюдений	309/30 наблюдений	323/43 наблюдения
Период	1998-2002	1998-2002	1998-2002	2000-2002	1998-2002	1998-2002	1998-2002	1998-2002
$\log_Y_{small, t-1}$	-1,022**** (0,048)	-1,035**** (0,065)	-0,984**** (0,054)	0,033* (0,019)	-0,769**** (0,053)	-1,012**** (0,057)	-0,761**** (0,053)	-0,760**** (0,051)
	-0,930**** (0,139)	-0,847**** (0,177)	-0,889**** (0,134)	0,099 (0,093)	-0,849**** (0,139)	-0,911**** (0,168)	-0,692**** (0,136)	-0,926**** (0,139)
Контрольная переменная		$\log_Y_{t-1}$	R_{exp}	$\log_R_{Gntax, t-1}$	$R_{road, t-1}$	R_{ind}	$R_{railroad, t-1}$	$\Delta \log_R_K$
		0,327**** (0,048)	-15,541**** (3,498)	0,020 (0,027)	0,011* (0,006)	-0,012** (0,005)	-0,014** (0,006)	0,548**** (0,146)
		0,034 (0,142)	58,982** (20,154)	0,026 (0,063)	-0,009 (0,027)	-0,002 (0,014)	-0,030** (0,014)	0,477 (0,391)
$\Delta \log_L$	-1,724**** (0,428)	-0,401 (0,520)	-2,198**** (0,460)	-1,192 (0,841)	-1,939**** (0,496)	-2,038**** (0,479)	-1,867**** (0,481)	-1,550**** (0,502)
	-2,517 (2,109)	-3,084 (2,321)	-1,171 (2,158)	-4,889 (5,181)	-2,815 (2,354)	-0,899 (3,101)	1,269 (2,144)	-2,332 (2,155)
ΔX_h	-0,012 (0,033)	-0,003 (0,034)	0,078** (0,038)	0,018 (0,039)	0,019 (0,036)	0,073* (0,040)	0,033 (0,037)	0,015 (0,036)
	-0,060 (0,100)	-0,063 (0,104)	0,059 (0,103)	-0,075 (0,142)	-0,054 (0,106)	-0,014 (0,123)	-0,019 (0,098)	-0,059 (0,100)
ΔX_{ps}	-0,037 (0,040)	-0,042 (0,043)	0,017 (0,044)	0,053 (0,057)	0,011 (0,045)	0,013 (0,046)	0,014 (0,047)	-0,010 (0,045)
	-0,004 (0,109)	0,012 (0,100)	-0,021 (0,087)	0,183 (0,143)	0,006 (0,092)	-0,066 (0,122)	-0,024 (0,100)	-0,012 (0,085)
ΔX_p	-0,010 (0,023)	-0,004 (0,023)	0,011 (0,027)	-0,087**** (0,024)	-0,019 (0,024)	0,018 (0,028)	-0,023 (0,024)	-0,033 (0,024)

Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 364 с.

		0,007 (0,090)	0,024 (0,095)	0,105 (0,092)	0,126 (0,143)	0,021 (0,094)	0,021 (0,105)	0,064 (0,090)	0,003 (0,091)
_cons		5,360**** (0,093)	1,944**** (0,251)	4,956**** (0,164)	0,069 (0,206)	2,549**** (0,536)	5,356**** (0,234)	6,344**** (0,713)	3,793**** (0,173)
		4,803**** (0,418)	3,984**** (0,860)	3,906**** (0,486)	-0,349 (0,691)	4,479**** (0,536)	4,691**** (0,771)	3,505 (0,793)	4,690**** (0,442)
I	within R^2	0,657	0,534	0,665	logML = -10,528	0,467	0,633	0,480	0,483
	between R^2	0,081	0,079	0,030		0,011	0,027	0,077	0,082
	overall R^2	0,001	0,002	0,010		0,004	0,007	0,001	0,003
II	within R^2	0,678	0,642	0,790	0,078	0,654	0,707	0,680	0,683
	between R^2	0,036	0,037	0,012	0,578	0,057	0,070	0,259	0,035
	overall R^2	0,064	0,065	0,162	0,266	0,063	0,065	0,000	0,067

I - Оценка качества модели для выборки в целом

II - Оценка качества модели для северных регионов

связан, в первую очередь, с помощью федерального бюджета, то есть свидетельствует об экономической зависимости региона от центра. Анализ расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ по направлениям социальной, инвестиционной, дорожной политики оказался не возможен из-за недостаточного количества наблюдений.

Трудовые доходы населения следующего периода оказались коррелированы с ВРП (0,50). Эта взаимосвязь подтверждает важность экономического роста для роста благосостояния. Какой-либо северной специфики во взаимосвязи экономического роста и доходов населения установить не удалось, но для северных регионов установлено положительное взаимосвязь между зарплатой и увеличением выпуска продукции малыми предприятиями прошлого периода (коэффициент эластичности 0,10). Доходы северян оказались не связаны с финансовой состоятельностью региональных бюджетов, несут существенны и источники их наполнения (налоговые и неналоговые доходы не значимы в отдельности).

Таблица 22. Оценки параметров модели зависимости реальной зарплаты от доходов и расходов региональных бюджетов $\Delta \log W_{t+1}$

330 наблюдений	BE	FE	RE	OLS
$\Delta \log Y$	-0,045 (0,040)	0,514**** (0,075)	0,498**** (0,062)	0,498**** (0,062)
$\Delta \log Y \cdot N$	0,270** (0,099)	-0,099 (0,190)	-0,027 (0,082)	-0,027 (0,082)
$\Delta \log Y_{small}$	-0,057*** (0,019)	-0,049 (0,030)	-0,054 (0,027)	-0,054 (0,027)
$\Delta \log Y_{small} \cdot N$	0,044 (0,099)	0,100** (0,040)	0,097** (0,036)	0,097** (0,036)
$\Delta \log UR_{t+1}$	0,009 (0,024)	-0,175**** (0,047)	-0,158**** (0,042)	-0,158**** (0,042)
$\Delta \log UR_{t+1} \cdot N$	-0,107 (0,058)	0,199 (0,144)	0,183 (0,118)	0,183 (0,118)
$\Delta \log L$	-0,196 (0,117)	1,937**** (0,347)	1,667**** (0,281)	1,667**** (0,281)
_cons	0,074 (0,011)	-0,110 (0,022)	-0,101**** (0,020)	-0,101**** (0,020)
within R^2	0,001	0,527	0,525	0,525
between R^2	0,368	0,031	0,050	0,050
overall R^2	0,001	0,495	0,499	0,499

Отвергается гипотеза (тест Бройша-Пагана) о незначимости случайных эффектов и возможности применения OLS оценки. Гипотеза о несистематическом различии в оценках u_i не отвергается. $R^2 = 0,575$.

Очень важна положительная взаимосвязь между доходами и занятостью, которая на первый взгляд противоречит закону спроса, но

подтверждает выводы Капелюшникова (2007) об «атипичности» российского рынка труда, где рост предложения высококвалифицированного труда сопровождается ростом нормы отдачи. На 1,67% увеличивается заработная плата при росте занятости на 1% как на Севере, так и в других регионах. Безработица наоборот ведет к снижению доходов населения (коэффициент эластичности - 0,16). По мнению автора, такая взаимосвязь, во-первых, показывает, что условия на региональных рынках труда далеки от конкурентных, для которых наблюдается эта закономерность. Во-вторых и занятость, и безработица, и доходы эндогенны к ВРП. То есть на самом деле наблюдается взаимосвязь не между доходами и занятостью, а их рост при региональном экономическом росте. То же можно сказать и о «взаимосвязи» зарплат с транспортной инфраструктурой и развитием малого бизнеса. Все эти показатели эндогенны к экономическому росту. Таким образом, можно сделать вывод лишь о связи между зарплатой и ВРП. Прирост ВРП на 1% ведет к росту зарплат на 0,5%.

Оценка влияния экономического развития на рождаемость.

Для выделения зависимости между нормированным коэффициентом рождаемости $B1$ и экономическим развитием региона в качестве объясняющих переменных были выбраны не только экономические факторы, но и демографические: соотношение мужчин и женщин (на 1 января; на одного мужчину приходится женщин) и удельный вес сельского населения в общей численности населения (на 1 января; в долях единицы), которые оказались значимы. Чем больше доля женщин, тем больше рождаемость при прочих равных условиях. Чем выше доля сельского населения, тем выше рождаемость. Влияние экономических факторов на рождаемость было исследовано с помощью следующих переменных: $\Delta \log L$, $\Delta \log L \cdot N$, $\Delta \log Y$, $\Delta \log Y \cdot N$, $\Delta \log W$, $\Delta \log W \cdot N$, $\Delta \log G$, $\Delta \log G \cdot N$, а также этих переменных с лагом один: $\Delta \log L_{t-1}$, $\Delta \log L_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log Y_{t-1}$, $\Delta \log Y_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log W_{t-1}$, $\Delta \log W_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log G_{t-1}$, $\Delta \log G_{t-1} \cdot N$, кроме того, были введены фиктивные переменные $Year_{1999}$ и $Year_{2000}$ для отражения спада рождаемости, последовавшего после кризиса 1998 г.

Анализ модели для зависимости рождаемости от экономического роста позволил установить положительную связь между рождаемостью и уровнем занятости, и отрицательную с уровнем безработицы, как на Севере, так и в других регионах (рис. 32, 33, табл. 23). Для северных регионов: коэффициент эластичности по занятости 0,29, для других регионов эта связь не значима. Потеря работы для россиян означает потерю надежд на то, что удастся поднять на ноги еще одного ребенка (по сравнению с прежним

составом семьи). Обеспечивая рабочие места, государство может улучшить демографическую ситуацию, так как спад рождаемости связан не с долгосрочными тенденциями в изменении социальной роли семьи и ребенка, а с краткосрочным эффектом снижения доходов большей доли населения в 1990-е.

Согласно модели (лучшими являются OLS-оценки) экономический рост ведет к повышению рождаемости. Именно улучшение экономического положения, наблюдающийся в последние годы и связанный с ним рост занятости и преодоление безработицы, коренным образом изменили ситуацию с рождаемостью, что подтверждает выявленные в предыдущей главе тенденции. Хотя необходимо учесть и то, что относительно многочисленная когорта рожденных в середине 1980-х достигла репродуктивного возраста к этому периоду. Чтобы выделить «чистый эффект» экономического роста, отделив влияние половозрастной и этнической структуры населения необходимо провести исследование на микроуровне. Влияние зарплаты, как важной части доходов, связь значительно слабее. Как на Севере, так и в других регионах увеличение зарплаты на 1% приводит к росту рождаемости на 0,08%.

На наличие эффекта «отложенной беременности», то есть откладывания рождений из-за ухудшения экономического положения, указывает и значимость дамми-переменной, отвечающей за воздействие кризиса 1998 г., который привел к снижению рождаемости в 1999 г. (коэффициент эластичности -0,01). Для расчета эластичности по ней использована формула (12), которая получилась после подстановки функции для рождаемости в формулу для расчета эластичности (4) и ее преобразования:

$$E_d(B1) = (e^{a_d(1-\bar{d})} - e^{-a_d\bar{d}}) \bar{d}, \quad (12)$$

где $\bar{d}$ - среднее значение дамми-переменной для 1998 г. по выборке, a_d - полученная оценка параметра при ней (-0,06).

Расходы региональных бюджетов не оказывают значимого влияния на рождаемость. Это может быть связано с тем, что в рассматриваемый период 1994-2003 гг. не проводилась активная демографическая политика ни на федеральном уровне, ни в отношении Севера. Ее проводили отдельные регионы, но для выделения этих эффектов недостаточно наблюдений (по каждому региону не более 10). Экономический рост как индикатор общего улучшения региональной экономики также оказался незначимым как на Севере, так и в других регионах. Это отражает наблюдаемый разрыв в

улучшении экономической ситуации в целом и благосостояния населения.

Ниже приводится графическое представление некоторых значимых парных взаимосвязей в сравнении используемой выборки и подвыборки по северным регионам.

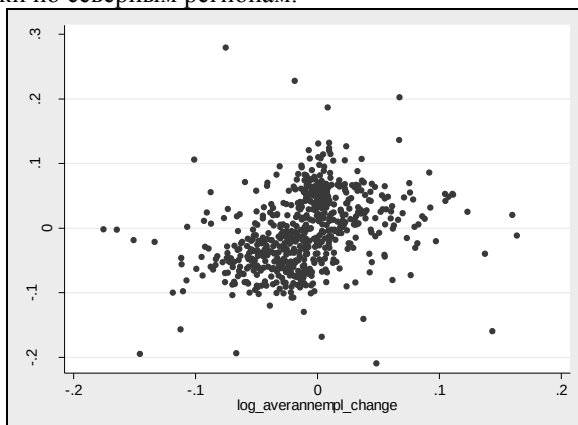

Рисунок 32. Корреляционное поле «рождаемость-занятость в предыдущий период» по всей выборке. Построено по данным Росстата

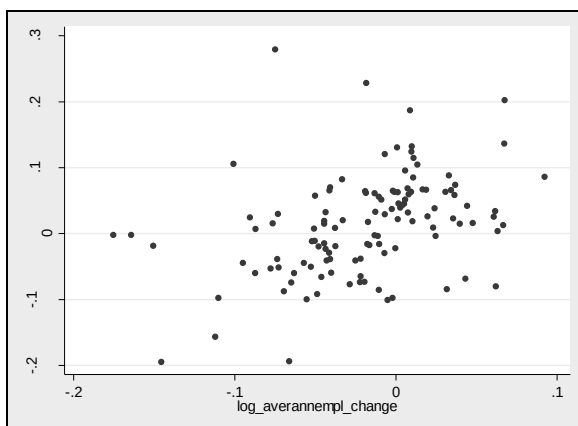

Рисунок 33. Корреляционное поле «рождаемость-занятость в предыдущий период» в северных регионах. Построено по данным Росстата

Таким образом, влияние экономических факторов на репродуктивное поведение существенно. Можно говорить о том, что на этапе 1994-2003 в большей мере подтверждалась мальтузианская теория народонаселения, то есть сокращение доходов вело к сокращению рождаемости. Для дальнейшего роста рождаемости важно заботиться о социальном климате, формировании общественного позитивного настроя на изменение жизни к лучшему, уверенности, что место работы и ожидаемые заработки позволят преодолеть финансовые трудности, связанные с рождением ребенка. Выявленные взаимосвязи позволяют сделать выводы об эффективности проводимой демографической политики. Эти меры действительно способны привести к повышению рождаемости в условиях экономического роста, выступающего катализатором. Но без улучшения экономической ситуации национальные программы повышения рождаемости вряд ли существенно ее изменят.

Таблица 23. Влияние экономических факторов на рождаемость $\Delta \log B1_{t+1}$ (OLS оценка наилучшая)

393 наблюдения	RE	OLS
$\Delta \log L$	0,042 (0,078)	0,042 (0,078)
$\Delta \log L \cdot N$	0,290** (0,106)	0,290** (0,106)
$\Delta \log W$	0,079**** (0,015)	0,079**** (0,015)
$\Delta \log W \cdot N$	0,029 (0,034)	0,029 (0,034)
UR	-0,014 (0,011)	-0,014 (0,011)
$UR \cdot N$	0,034 (0,021)	0,034 (0,021)
$Year_1999$	-0,051**** (0,009)	-0,051**** (0,009)
$_cons$	0,007 (0,003)	0,007 (0,003)
within R^2	0,429	
between R^2	0,123	
overall R^2	0,385	0,385

Не отвергается гипотеза (тест Бройша-Пагана) о незначимости случайных эффектов и возможности применения OLS оценки. $R^2 = 0,313$.

Почему именно на Севере эта связь между рождаемостью и занятостью оказалось более значимой? Можно предположить, что это косвенно указывает на относительно более высокие доходы на Севере, которые, несмотря на высокий уровень цен, позволяют эффективней распределять имеющиеся средства, дают большую свободу в выборе

как ими распорядиться. В то же время, из-за высокой доли теневых доходов роль зарплаты в регрессии не высока. Кроме того, северная социальная политика содержит дополнительные меры по поддержке рождаемости - более длинные оплачиваемые отпуска, связанные с рождением и уходом за ребенком, компенсировавшие снижение уровня жизни в принятии решения о рождении ребенка. Таким образом, *государство должно рассматривать обеспечение занятости как главный приоритет в политике накопления человеческого капитала.*

Оценка влияния экономических факторов на ожидаемую продолжительность жизни при рождении. Ожидаемая продолжительность жизни - один из компонентов индекса человеческого развития. Как известно (Becker, 1993; Meltzer, 1992), низкая продолжительность жизни снижает заинтересованность домохозяйств в инвестициях в человеческий капитал. Задача состоит в исследовании того, как экономические трансформации сказались на этом показателе в северных регионах России.

Для выявления связи между продолжительностью жизни LE и экономическим развитием региона в качестве объясняющих переменных были выбраны экономические показатели $\Delta \log L$, $\Delta \log L \cdot N$, $\Delta \log Y$, $\Delta \log Y \cdot N$, $\Delta \log W$, $\Delta \log W \cdot N$, $\Delta \log G$, $\Delta \log G \cdot N$, а также эти переменные в прошлом периоде: $\Delta \log L_{t-1}$, $\Delta \log L_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log Y_{t-1}$, $\Delta \log Y_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log W_{t-1}$, $\Delta \log W_{t-1} \cdot N$, $\Delta \log G_{t-1}$, $\Delta \log G_{t-1} \cdot N$. Помимо этого рассмотрены фиктивные переменные, отвечающие за кризисные и послекризисные годы: $Year_{1998}$, $Year_{1999}$, $Year_{1998} \cdot N$, $Year_{1999} \cdot N$. Ряд первоначально значимых переменных исключен из конечной спецификации вследствие проявившейся мультиколлинеарности объясняющих переменных.

Также как и в случае с рождаемостью ожидаемая продолжительность жизни положительно коррелирует с занятостью на Севере. Положительна связь между продолжительностью жизни в будущем периоде и ВРП (рис. 34, 35), и бюджетными расходами. Менее выражена взаимосвязь между продолжительностью жизни и зарплатой и безработицей (табл. 24).

Between-модель дала наилучшее приближение, что означает существенность установленной взаимосвязи по панели в среднем. Увеличение занятости ведет к росту продолжительности жизни, причем значима эта взаимосвязь только в северных регионах: коэффициент эластичности 0,18. Это подтверждает мнение многих ученых (Гвоздева, 2007; Зубаревич, 2005; Овчарова, 2001; Шевяков, 2001 и др.) о том, что именно отсутствие работы как социального

статуса ведет к деградации населения, его алкоголизации и криминализации, а, следовательно, снижению продолжительности жизни. Но в этом показателе так же скрывается и повышение доходов населения, увеличение возможностей населения расходовать средства на лечение и профилактику заболеваний. То есть рост занятости способствует усилению многих факторов, ведущих к росту продолжительности жизни.

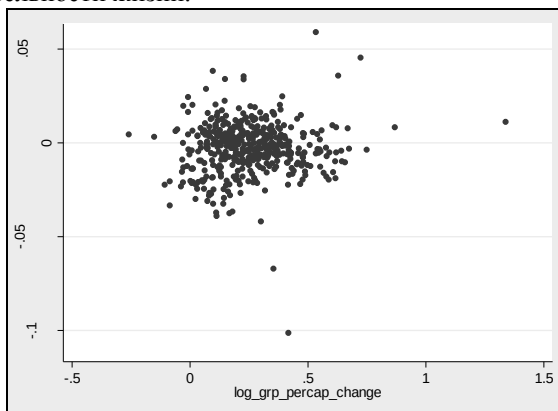

Рисунок 34. Взаимосвязь между ВРП в предыдущем периоде и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (по выборке). Наиболее сильное снижение показателей наблюдалось в Корякском АО и Магаданской обл. в 2002 г. в сравнении с 2001 г. (две точки с $\log_lifeexp_whole_ch_t < -0.04$). Построено по данным Росстата

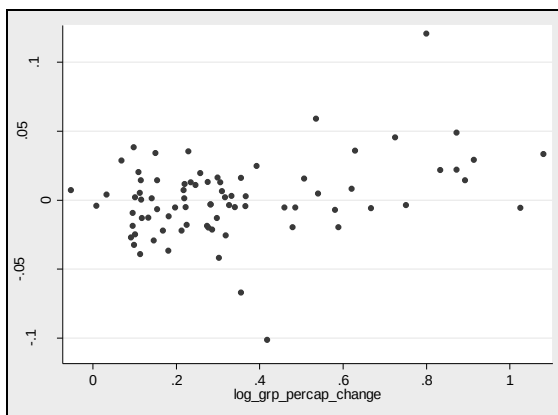

Рисунок 35. Взаимосвязь между ВРП в предыдущем периоде и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении по Северу. Построено по данным Росстата

Таблица 24. Оценки моделей влияния экономических факторов на продолжительность жизни $\Delta \log LE_{t+1}$

550 Наблюдений	BE	FE	RE
$\Delta \log L$	0,005 (0,045)	-0,017 (0,028)	-0,023 (0,024)
$\Delta \log L \cdot N$	0,177** (0,072)	-0,159**** (0,044)	-0,118**** (0,037)
$\Delta \log W$	-0,044 (0,034)	0,008** (0,004)	0,008** (0,003)
$\Delta \log W \cdot N$	0,244**** (0,055)	0,001 (0,008)	-0,000 (0,007)
$\Delta \log G$	0,024** (0,010)	0,019**** (0,002)	0,019 (0,002)
Year_1999	-0,017** (0,028)	-0,004 (0,003)	-0,004 (0,003)
_cons	0,001 (0,006)	-0,008**** (0,001)	-0,008**** (0,001)
within R ²	0,038	0,211	0,208
between R ²	0,561	0,092	0,150
overall R ²	0,041	0,195	0,200

Отвергается гипотеза (тест Бройша-Пагана) о незначимости случайных эффектов и возможности применения OLS оценки. Гипотеза о несистематическом различии в оценках u_i (тест Хаусмана) также отвергается в пользу значимых «между» различий, $R^2 = 0,56$.

К увеличению продолжительности жизни на 0,24% приводит рост заработных плат на 1% на Севере. Послечризисный период (1998 г.) отразился в снижении продолжительности жизни (-0,02).

Региональный экономический рост напрямую не связан с продолжительностью жизни, как в северных регионах, так и в других. Эти результаты подтверждают выводы, сделанные по модели для рождаемости. Расходы региональных бюджетов, наоборот, влияют (0,02). Это может быть как увеличение рабочих мест за счет государственных инвестиций или инвестиционной политики, косвенно влияющее на продолжительность жизни, так и прямые социальные расходы. Можно лишь сделать вывод о том, что финансовые ресурсы, которыми могут распоряжаться региональные власти, так или иначе (через общественные услуги, инвестиционную политику и др.) способствуют улучшению качества жизни населения.

Аналогичный анализ также проведен для выявления зависимости продолжительности жизни мужчин и женщин в отдельности от показателей экономического развития. Эти результаты важны для понимания гендерных различий в реакции на экономические факторы. Для женщин RE-модель дала наилучшее

приближение ($R^2=0,12$). Увеличение занятости ведет к снижению продолжительности жизни, причем значима эта взаимосвязь только в северных регионах: коэффициент эластичности $-0,12$. Можно интерпретировать этот результат следующим образом. Поскольку женщины, как правило, в большей степени вовлечены в домашнее хозяйство, недостаток времени для восстановления здоровья критически сказывается на их продолжительности жизни. Увеличение заработных плат, как и экономический рост, на Севере и в других регионах не оказывают значимого влияния на продолжительность жизни женщин. В Трудовом Кодексе РФ (2002) сохранено право женщин на Севере на укороченную на пять часов рабочую неделю. К сожалению, в частных организациях, особенно, малом бизнесе, эта норма, как правило, игнорируется. Послекризисный период (1998 г.) также значимо не отразился на этом показателе. Расходы региональных бюджетов положительно связаны с продолжительностью жизни ($0,01$).

Для мужчин Between-модель дала наилучшее приближение ($R^2=0,38$). Увеличение занятости ведет к росту продолжительности жизни, причем значима эта взаимосвязь только в северных регионах: коэффициент эластичности $0,20$. Увеличение заработных плат на Севере ведет к росту продолжительности жизни ($0,29$). Послекризисный период (1998 г.) и экономический рост значимо не отразились на изменении продолжительности жизни. Расходы региональных бюджетов связаны с продолжительностью жизни мужчин (коэффициент эластичности $0,04$), как и женщин.

Анализ влияния экономического роста на инвестиции в человеческий капитал. Продолжая эконометрическое исследование взаимосвязи между экономическим развитием региона и качеством человеческого капитала, были рассмотрены три уровня профессионального образования. Получены оценки влияния ВРП, доходов населения, уровня безработицы, занятости, использования физического капитала на структуру и численность учащихся по разным уровням профессионального образования, а также особенности их влияния на Севере.

Деятельности образовательных учреждений, помимо следования рыночному спросу на получение тех или иных профессий, характерны инерционность в планировании предложения образовательных услуг (довольно редко происходит полное перепрофилирование учреждений), а также следование выполнению социально-значимых функций: предоставление образовательных услуг бедным, и подготовка по непрестижным, но необходимым специальностям. Эти

функции препятствуют полной коммерциализации профессионального образования, действию рыночных сил на предложение образовательных услуг, а, следовательно, будут неоднозначно проявляться в модели зависимости между экономическим ростом и инвестициями в человеческий капитал. Планы на подготовку рабочих кадров и специалистов министерством образования РФ и их региональными органами формируются как минимум под действием двух критериев: экономического (удовлетворение спроса экономики) и социального (обучение выступает альтернативой занятости в депрессивных регионах с высокой безработицей, позволяет избежать усиления социальной напряженности и деградации молодежи). Если преобладает первый критерий, то можно ожидать положительной зависимости между экономическим ростом и численностью учащихся начальных профессиональных заведений, если второй - отрицательной. Одним из показателей экономического роста служит рост доходов населения. Ожидания хорошего заработка в будущем мотивируют домохозяйства инвестировать в образование детей. Таким образом, можно ожидать положительную корреляцию между численностью учащихся и ВРП, а также между численностью учащихся и среднемесячной начисленной зарплатой, как показателем доходов населения. Растущая численность занятых отражает потребность предприятий, то есть экономический рост, с одной стороны, с другой - ведет к росту доходов домохозяйств. Можно ожидать, что темп прироста численности занятых будет коррелировать с темпом прироста численности учащихся. Положительная корреляция будет говорить о важности данного уровня образования, как для экономики, так и для инвестирующих в образование домохозяйств. Отрицательная связь, наоборот, будет свидетельствовать о том, что получение образования на этом уровне не престижно и в экономике пока нет механизма, приводящего в соответствие спрос на человеческие ресурсы и их предложение, по крайней мере, в определенных сегментах по уровню образования: начального специального, среднего специального и высшего.

На рост численности учащихся могут влиять долгосрочные государственные программы, ориентированные на реструктуризацию региональной экономики. Однако оценки экспертов (Гранберг, 2006; Пилясов, 2005) свидетельствуют о том, что специализация регионов в наиболее рентабельных отраслях, связанных на Севере с добычей ресурсов, происходила под действием рыночных сил, а не государственного регулирования. Там, где рентабельность ведущей отрасли (отраслей) выше, наблюдается и более высокий рост занятых.

Это связано не только с количеством рабочих мест в главной отрасли, но и с тем, что растет спрос на рабочую силу в производственной и социальной инфраструктуре (Агранат, 2007). В свою очередь, это косвенно отражается и на росте совокупных доходов населения, которые затем направляются в образование.

Учитывая социальный критерий (альтернативу занятости), необходимо ввести в модель регрессии уровень безработицы, положительная связь с которым покажет главную роль профессиональной подготовки на начальном уровне - снижение предложения труда при сохранении или накоплении человеческого капитала.

Если труд рабочих является ресурсом-дополнителем к используемому капиталу, то в регрессии с капиталом в качестве экзогенной переменной должна быть получена положительная связь. Если увеличение используемого капитала связано с использованием новых технологий, то связь может получиться отрицательной, так как возможен эффект замещения труда либо техникой, либо трудом работников с более высокой квалификацией.

Ниже рассмотрены три модели, объясняющие, как менялась численность учащихся ПТУ, ссузов и вузов, где $\Delta \log X_{p,t+1}$, $\Delta \log X_{ps,t+1}$, $\Delta \log X_{h,t+1}$ лог-приросты этих показателей, соответственно, в периоде, последовавшем после изменения экономических условий. В качестве экзогенных переменных рассматривались переменные с запаздыванием на один и два периода $\Delta \log K$, $\Delta \log L$, $\Delta \log K \cdot N$, $\Delta \log L \cdot N$, $\Delta \log Y$, $\Delta \log Y \cdot N$, $\Delta \log G$, $\Delta \log G \cdot N$, $\Delta \log W$, $\Delta \log W \cdot N$. Полученные результаты позволяют сделать выводы об усиливающемся межрегиональном неравенстве в накоплении человеческого капитала, поскольку в богатых регионах инвестиции в человеческий капитал выше.

Оценка зависимости роста численности учащихся начальных профессиональных учреждений от экономических показателей. Из вышеперечисленных факторов на рост числа учащихся начального профессионального образования в регионе в будущем периоде существенно влияют изменение занятых, капитала, уровня безработицы, ВРП и расходов бюджета. Влияние изменения затрат труда и физического капитала отрицательно. В отрицательной связи между численностью учащихся и капиталом играет роль обновление технологий, во многих отраслях революционное, за которым система ПТУ не поспевает. Потребность в квалифицированных работниках во многом удовлетворяется теперь не за счет подготовки в регионах, а за счет обучения на рабочем месте,

либо за счет привлечения мигрантов. На развал системы начального профессионального образования повлияло сокращение государственного финансирования.

Для Севера значимой связи между капиталом и численностью учащихся ПТУ не установлено. Это связано с двумя взаимообратными процессами. С одной стороны - развитие ресурсных регионов (ХМАО, ЯНАО), где наблюдается рост не только учащихся ПТУ, но и самих учебных заведений. С другой стороны - сокращение ПТУ в других регионах (Магаданская обл., Коми Республика и др.). Корреляции с ВРП подтверждают эти рассуждения. Развивающиеся северные регионы сохранили спрос на выпускников ПТУ (связь положительна). По выборке в целом наблюдается отрицательная корреляция, то есть замещение труда выпускников либо трудом той же квалификации мигрантов, либо физическим капиталом, либо более квалифицированным трудом. Сокращение бюджетных расходов на образование сказалось в первую очередь на разрушении звена начальной профессиональной подготовки. Упразднение государственных программ и планов подготовки рабочих, передача учреждений начального профессионального образования на региональный уровень, привели к закрытию многих таких заведений. Построенная модель позволяет увидеть отрицательную зависимость между начальной профессиональной подготовкой и ВРП, то есть ее объемы выше в регионах, переживающих экономический спад. В то же время рост уровня безработицы ведет к снижению численности учащихся ПТУ. Следовательно, нельзя сделать выводы о том, что эти заведения в условиях спада экономической активности способствовали сохранению человеческого капитала.

Отрицательная связь между количеством труда и численностью учащихся ПТУ также может быть объяснена замещением их труда более квалифицированным в условиях экономического роста, но в большей степени возможностью получить более высокий уровень образования за счет инвестиций самих домохозяйств. Несмотря на отрицательную корреляцию с уровнем занятости, наблюдается и отрицательная связь с уровнем безработицы. Хотя некоторые исследователи все-таки утверждают, что в регионах с более высоким уровнем безработицы доля учащихся ПТУ выше (Гимпельсон, Лукьянова, 2006). Рост расходов региональных бюджетов и рост численности учащихся ПТУ в следующем периоде также связаны отрицательно. Это может объясняться не прямой связью между показателями, эндогенностью бюджетных расходов к ВРП.

Таблица 25. Динамическая модель зависимости между ростом учащихся начальных учебных заведений и показателями экономического развития региона ($\Delta X_{p, t+1}$)

519 наблюдений	BE	FE	RE	OLS
$\Delta \log UR$	-0,055 (0,058)	-0,004 (0,010)	-0,035** (0,014)	-0,035** (0,014)
$\Delta \log UR \cdot N$	-0,410*** (0,119)	-0,067*** (0,023)	-0,023 (0,030)	-0,023 (0,030)
$\Delta \log Y$	-0,090 (0,071)	-0,023*** (0,008)	-0,039*** (0,0112)	-0,039*** (0,0112)
$\Delta \log Y \cdot N$	-0,006 (0,042)	-0,001 (0,022)	0,030 (0,020)	0,030 (0,020)
$\Delta \log L$	0,236 (0,209)	-0,040 (0,063)	-0,118 (0,076)	-0,118 (0,076)
$\Delta \log L \cdot N$	-1,395** (0,587)	-0,331** (0,120)	-0,262* (0,138)	-0,262* (0,138)
$\Delta \log W$	-0,185 (0,144)	-0,023** (0,010)	-0,040*** (0,019)	-0,040** (0,019)
$\Delta \log W \cdot N$	-0,052 (0,425)	-0,033 (0,025)	0,024 (0,051)	0,024 (0,051)
_cons	0,040* (0,024)	0,014***** (0,003)	0,016***** (0,004)	0,016***** (0,004)
within R ²	0,061	0,076	0,067	
between R ²	0,537	0,484	0,208	
overall R ²	0,080	0,103	0,092	0,092

Отвергается гипотеза (тест Бройша-Пагана) о незначимости случайных эффектов и возможности применения OLS оценки. Гипотеза о несистематическом различии в оценках u_i (Хаусман тест) не отвергается. На основании проведенных гипотез наилучшей моделью можно считать модель с «между»-эффектом (BE), $R^2 = 0,537$.

Наилучшей моделью является регрессия без с «между»-эффектом, то есть характеризующая зависимость между средними по панели значениями (табл. 25). Чтобы устранить мультиколлинеарность, в модели был оставлен ВРП и не включен капитал. Поскольку бюджетные расходы также коррелируют с экономическим ростом в окончательную модель они не включены. Коэффициент эластичности по труду -1,40 на Севере, в других регионах он не значим. Можно трактовать этот результат так. Если есть рабочие места, то часть молодежи предпочтет работать, а не учиться, а другая - учиться в ссузе или вузе, благодаря росту совокупных доходов домохозяйства. На макроданных нельзя оценить этот выбор более точно. Эластичность по уровню безработицы на Севере (-0,41), для других регионов влияние этого фактора не значимо. Это подтверждает предыдущий вывод о том, что учеба в ПТУ не является альтернативой попадания в безработицу. Возможно, это

связано с ухудшением финансирования ПТУ именно в тех регионах, в которых наблюдался более высокий уровень безработицы, что подтверждает динамика этих показателей, исследованная в предыдущей главе.

Оценка зависимости роста численности учащихся средних профессиональных учреждений от экономических показателей. По статистическим данным, отражающим динамику изменения численности учащихся (табл. 26) показано, что нефтяные регионы, в отличие от других, значительно увеличили подготовку рабочих и специалистов на всех ступенях образования. И, видимо, это дает положительную корреляцию между экономическим ростом и изменением численности учащихся ссузов на Севере, несмотря на приток трудовых мигрантов. Связь с ВРП отрицательна по всей выборке и положительна для Севера. Увеличение занятости положительно связано с численностью учащихся ссузов, что также отражает роль экономического роста в изменении человеческого капитала.

Связь между изменением численности учащихся и изменением затрат капитала отрицательна. Также как и в случае с начальным профессиональным образованием причин несколько и их влияние по отдельности можно выделить только на обследованиях населения и работодателей по этим проблемам, то есть на микроданных. Отрицательная связь может объясняться как замещением физическим капиталом, то есть сокращением затрат труда при изменении технологического способа, так и более дешевым трудом мигрантов, которые к тому же имеют опыт и их не надо дополнительно обучать на рабочем месте.

Лучшей является модель с «между»-эффектами. Так же, как и для уровня начального профессионального образования наибольшая по абсолютному значению эластичность по всем регионам наблюдается для затрат труда. Рост занятости на 1% ведет к снижению учащихся в ссузах на 0,66%, тогда как в северных регионах, наоборот, происходит увеличение числа учащихся на 0,85%. Связь с безработицей отрицательна и также как для начального профессионального образования значима только на Севере (-0,30). Рост зарплаты на 1% ведет к росту численности учащихся на Севере на 1,07. Рост ВРП в модели множественной регрессии оказался не значим.

Таблица 26. Динамическая модель зависимости между ростом учащихся средних профессиональных учебных заведений и показателями экономического развития региона $\Delta X_{ps,t+1}$

521 наблюдение	BE	FE	RE	OLS
UR	0,072 (0,063)	-0,001 (0,012)	0,032** (0,015)	0,032** (0,015)
UR·N	- 0,296** (0,127)	-0,017 (0,027)	-0,014 (0,033)	-0,014 (0,033)
$\Delta \log Y$	-0,047 (0,076)	0,006 (0,009)	-0,033** (0,013)	-0,033** (0,013)
$\Delta \log Y \cdot N$	0,013 (0,045)	-0,011 (0,026)	0,076**** (0,023)	0,076**** (0,023)
$\Delta \log L$	- 0,657*** (0,227)	0,166 (0,075)	0,165* (0,085)	0,165* (0,085)
$\Delta \log L \cdot N$	1,501** (0,712)	0,314 (0,141)	-0,217 (0,154)	-0,217 (0,154)
$\Delta \log W$	-0,153 (0,156)	-0,032** (0,012)	- 0,084**** (0,021)	-0,084**** (0,021)
$\Delta \log W \cdot N$	1,065** (0,463)	-0,003 (0,029)	0,087 (0,057)	0,087 (0,057)
_cons	0,055** (0,026)	0,042**** (0,004)	0,041**** (0,005)	0,041**** (0,005)
within R ²	0,000	0,058	0,111	
between R ²	0,429	0,285	0,021	
overall R ²	0,003	0,010	0,099	0,099

Отвергается гипотеза (тест Бройша-Пагана) о незначимости случайных эффектов и возможности применения OLS оценки. Гипотеза о несистематическом различии в оценках u_i (Хаусман тест) не отвергается. На основании проведенных гипотез наилучшей моделью можно считать модель с «между»-эффектом (BE), $R^2 = 0,429$.

Оценка зависимости роста учащихся вузов от экономических показателей. Предварительное исследование зависимости между изменением численности учащихся вузов и показателями экономического развития региона показывает положительную связь с изменением затрат труда и отрицательную с изменением затрат капитала. Рост ВРП для выборки в целом не оказывает значимого влияния на число учащихся вузов, тогда как в северных регионах наблюдается отрицательная связь. Рост расходов бюджета значим и отрицательно связан с численностью учащихся вузов.

Анализ модели регрессии, где лучшей оказалась модель с «между»-эффектами, показывает, что численность учащихся вузов

снижается с увеличением затрат капитала (-0,70 в «несеверных» регионах и -0,60 в северных. Если рост занятых в «несеверных» регионах ведет к снижению численности учащихся (на 10 тыс. населения) (коэффициент эластичности -1,70), то на Севере происходит их рост (0,9). Это еще раз доказывает, что занятость на Севере служит лучшим сигналом о росте доходов, нежели сведения о начисленной заработной плате. Кроме того, исследователи (Капелюшников, 2007) обращают внимание на возросшую популярность заочного обучения и совмещения очного с работой, что, видимо, более ярко выражено на Севере.

Таблица 27. Динамическая модель зависимости между ростом учащихся вузов и показателями экономического развития региона

$\Delta X_{it, t+1}$				
644 Наблюдений	BE	FE	RE	OLS
$\Delta \log K$	-0,701**** (0,106)	-0,020** (0,009)	-0,025*** (0,008)	-0,025*** (0,008)
$\Delta \log K \cdot N$	0,103* (0,059)	0,004 (0,018)	0,020 (0,016)	0,020 (0,016)
$\Delta \log L$	-1,700** (0,709)	-0,007 (0,0198)	0,016 (0,192)	0,016 (0,192)
$\Delta \log L \cdot N$	2,610* (1,373)	0,546 (0,381)	0,287 (0,348)	0,287 (0,348)
_cons	0,522**** (0,062)	0,122**** (0,008)	0,123**** (0,008)	0,123**** (0,008)
within R ²	0,015	0,019	0,016	
between R ²	0,449	0,001	0,218	
overall R ²	0,016	0,015	0,019	0,019

Отвергается гипотеза (тест Бройша-Пагана) о незначимости случайных эффектов и возможности применения OLS оценки. Гипотеза о несистематическом различии в оценках u_i (Хаусман тест) не отвергается. На основании проведенных гипотез наилучшей моделью можно считать модель с «между»-эффектом (BE), $R^2 = 0,449$.

Резюме

Увеличение рабочих мест и трудовых доходов населения, сопровождающие экономический рост, стимулируют накопление человеческого капитала: рост рождаемости, продолжительности жизни, образовательного уровня населения. Анализ взаимосвязи между региональными показателями экономического роста и накопления человеческого капитала, позволяет сделать выводы об уровне инвестиций в него, оценить вклад домохозяйств, государства и предпринимателей, в зависимости от изменения экономической ситуации в регионе. По эластичности таких показателей как общие коэффициенты рождаемости и ожидаемая продолжительность жизни,

доля учащихся в начальных, средних профессиональных и высших учебных заведениях к экономическому росту можно сделать выводы о приоритетности мер государственной политики в накоплении человеческого капитала в регионах Севера. Сформулированы следующие гипотезы, которые были подтверждены с помощью эконометрического моделирования:

1. Экономический рост оказывает положительное воздействие не только на занятость, но и доходы населения, расширяющие возможности в получении образования и медицинских услуг, а также косвенно, на такие показатели накопления человеческого капитала, как рождаемость и смертность.
2. Роль малого бизнеса как буфера излишков рабочей силы при недостатке рабочих мест не характерна для северных регионов.
3. Повышение качества человеческого капитала ведет к увеличению темпов регионального экономического роста в будущем.
4. Чувствительность основных демографических показателей: продолжительности жизни, смертности, рождаемости к экономическому росту и государственному вмешательству выше в северных регионах, что доказывает приоритетность государственных мер, обеспечивающих экономическое развитие.
5. Рост доходов населения ведет к росту спроса на высшее образование и среднее специальное в северных регионах.

Эконометрическая модель включает восемь уравнений. В двух уравнениях оценивается влияние человеческого капитала на экономический рост, где эндогенными переменными выступают лог-приросты объемов ВРП и производства в малом бизнесе на душу населения в сопоставимых величинах. Шесть уравнений предназначены для оценки влияния экономического развития на человеческий капитал с эндогенными переменными: лог-прирост среднемесячной заработной платы в сопоставимых величинах, нормализованный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, прирост числа учащихся на 10 тыс. населения по трем уровням профессионального образования: начальному, среднему и высшему.

Для отражения северной специфики в исследуемых взаимосвязях сконструирована фиктивная переменная N , принимающая значение 1 для регионов, где все территории имеют статус Крайнего Севера или приравненной к ним территории (всего 11 регионов, для АО, за исключением Чукотского, нет полного набора необходимых данных); 0 – для регионов, где все территории, наоборот, не имеют такого статуса (56 регионов). Для северных регионов оценка

каждого параметра состоит из двух слагаемых. Первое слагаемое характеризует зависимость для всех регионов выборки, второе - различие оцениваемой взаимосвязи между всеми регионами, попавшими в выборку и северными. Таким образом, модель позволяет оценить роль человеческого капитала в экономическом росте северных регионов и, наоборот, экономического роста в накоплении человеческого капитала. Помимо этого есть возможность сопоставления «северных» взаимосвязей с «общероссийскими». Все уравнения оценивались отдельно.

В основе анализа лежит регрессионный анализ панельных данных, что позволило оценить модели по более чем 400 наблюдениям. Выбор лучшей модели из четырех видов оценки ошибки регрессии (с фиксированными эффектами, со случайными эффектами, с «между»-эффектами и МНК-оценки) осуществлен с помощью теста Хаусмана на статистическую независимость ошибок в уравнениях для разных панелей и теста Бройша-Пагана на возможность игнорирования случайных эффектов.

В результате оценивания доказано, что использование человеческого капитала в сравнении с затратами капитала дает более существенное приращение региональному экономическому росту. Коэффициент эластичности ВРП по уровню занятости варьирует для группы северных регионов от 2,21 до 3,40, то есть увеличение затрат труда на 1% ведет к увеличению ВРП примерно на 3%.

Особенности отдачи на человеческий капитал на Севере проявляются в том, что статистически значимые оценки параметра при переменной «прирост объемов выпуска специалистов и рабочих со средним специальным образованием» (ΔX_{ps}) отрицательны по знаку и принимают значение от -0,12 до -0,10, тогда как по выборке в целом оценки параметра положительны и варьируют от 0,11 до 0,13. Отрицательный коэффициент демонстрирует несоответствие темпов выпуска рабочих и специалистов со средним профессиональным образованием темпам экономического развития. Молодежь выбирает эту ступень в тех северных регионах, где доходы домохозяйств недостаточно высоки для инвестирования в высшее образование и где наблюдается недостаток рабочих мест. По выборке в целом значима оценка при переменной «прирост численности выпускников вузов»: от 0,06 до 0,07, то есть качественный рост человеческого капитала положительно влияет на региональное экономическое развитие. Для Севера значимой взаимосвязи не выявлено.

Малый бизнес гораздо сильнее способствует формированию социальных связей в местном сообществе, укоренению населения, что

так важно для северных регионов с высокой мобильностью рабочей силы, нежели занятость по найму в государственном или корпоративном секторе, где трудовой контракт, как правило, обезличен, а трудовые отношения формализованы. Таким образом, роль малого бизнеса в плане накопления человеческого капитала на Севере не сводится к роли демпфера безработицы. Он важен как фактор формирования социального капитала, закрепления населения в мало комфортных условиях.

Северная специфика развития малого бизнеса проявляется во влиянии региональных характеристик. Более высокий уровень ВРП на душу населения в целом по выборке положительно влияет на развитие малого бизнеса (коэффициент эластичности 0,33), но не значим для развития малого бизнеса в северных регионах. То есть гипотеза о том, что платежеспособный спрос ведет к росту объемов производства в малом бизнесе на Севере, не подтверждается, но верна для выборки в целом. Высокая доля промышленности в экономике и запасы капитала не значимы для Севера, но выступают фактором снижения темпов развития малого бизнеса по выборке в целом. Коэффициент при лог-приросте уровня официальной занятости отрицателен по выборке в целом и варьирует от -1,55 до -2,20, но не значим для северных регионов. Следовательно, роль малого бизнеса как буфера излишков рабочей силы при недостатке рабочих мест характерна для выборки, но не для северных регионов, что свидетельствует о необходимости государственной поддержки экономики для эффективного использования человеческого капитала и его сохранения.

Экономический рост оказывает положительное влияние на процессы накопления человеческого капитала благодаря его более эффективному использованию, связанному с ним росту доходов населения. При росте занятости на 1% среднемесячная реальная заработная плата увеличивается на 1,67% как на Севере, так и в других регионах.

Установлена положительная связь между рождаемостью и уровнем занятости в предыдущем периоде на Севере (коэффициент эластичности 0,29), для других регионов эта взаимосвязь не значима. Регулируя северные рынки труда, государство сможет обеспечить не только доходы населения, но и уверенность в будущем, что положительно сказывается на накоплении человеческого капитала.

Рост уровня занятости ведет к росту продолжительности жизни, причем значима эта взаимосвязь только в северных регионах: коэффициент эластичности 0,18. К увеличению продолжительности жизни на 0,24% приводит рост заработных плат на 1% на Севере.

Увеличение занятости ведет к снижению продолжительности жизни женщин, причем значима эта взаимосвязь только в северных регионах: коэффициент эластичности $-0,12$. Можно интерпретировать этот результат следующим образом. Поскольку женщины, как правило, в большей степени загружены в домашнем хозяйстве, недостаток времени для отдыха и восстановления здоровья критически сказывается на их продолжительности жизни. Увеличение заработных плат, как и экономический рост, на Севере и в других регионах не оказывают значимого влияния на продолжительность жизни женщин. Не только рост заработных плат, но и уровня занятости ведет к увеличению продолжительности жизни мужчин, причем значимы эти взаимосвязи только в северных регионах: коэффициенты эластичности $0,20$ и $0,29$. В этом проявляется роль занятости как возможности повысить социальный статус, что особенно важно для мужчин. Подтверждаются оценки социологов, свидетельствующие, что безработица ведет к снижению самооценки и деградации личности.

Отрицательная связь между численностью учащихся ПТУ и уровнем занятости ($-1,40$ на Севере) может быть объяснена следующими причинами: предпочтением работодателей к замещению труда рабочих более квалифицированным в условиях экономического роста; предпочтением индивидуумами работы при наличии рабочих мест или учебы в ссузе или вузе при наличии достаточных доходов домохозяйств.

Рост занятости на 1% ведет к увеличению числа учащихся ссузов на $0,85\%$ в северных регионах, тогда как в «несеверных» регионах, наоборот, происходит снижение учащихся на $0,66\%$. Чем больше уровень безработицы, тем ниже числа учащихся ссузов на Севере. Рост зарплаты на 1% ведет к росту числа учащихся ссузов на Севере на $1,07\%$. Влияние ВРП не выявлено. Если рост занятых в «несеверных» регионах ведет к снижению численности учащихся (на 10 тыс. населения) (коэффициент эластичности $-1,70$), то на Севере происходит их рост ($0,9$), то есть уровень занятости на Севере косвенно сигнализирует о росте доходов населения.

В исследуемом периоде не выявлено значимого влияния государственного вмешательства на экономическое развитие, доходы населения и человеческий капитал.

Глава 5. Северный социальный контракт - институциональная основа управления инвестициями в человеческий капитал

Управление инвестициями в человеческий капитал определяет, каким по качеству и количеству он, как движущая сила экономического роста, станет в будущем. В гл. 1-4 был выполнен анализ процессов накопления и использования человеческого капитала на Севере во взаимосвязи с экономическим развитием, когда государство косвенно, через поддержку региональных экономик, создание рабочих мест в регионе влияет на них. Меры, направленные на решение проблем накопления и использования человеческого капитала на Севере, таких как межрегиональное и внутрирегиональное неравенство по доходам, ограничения на горизонтальную и вертикальную мобильность человеческого капитала, могут быть системно исследованы в рамках *северного социального контракта*. Под северным социальным контрактом автор понимает совокупность явных и неявных соглашений, определяющих, кто из экономических субъектов и в какой мере должен инвестировать в человеческий капитал в северных регионах, как должно быть обеспечено участие домохозяйств в инвестиционном процессе. Содержание социального контракта позволяет судить о ценности человеческого капитала в сопоставлении с другими национальными ресурсами, определяемой ожидаемой нормой отдачи в краткосрочном и долгосрочном периоде. Четкая формулировка критериев отбора регионов для реализации северного социального контракта позволяет достичь информационной прозрачности государственной политики, дает возможность оценить членам общества ее эффективность.

Многое в российской специфике накопления человеческого капитала объясняется переходом от патернализма к социальному партнерству (Олейников, 2002), когда обязательства государства перед северянами уже существенно сокращены, социальная ответственность работодателей и страховые механизмы, обеспечивающие социальную защищенность, только формируются, а возможности населения платить за социальные услуги самостоятельно весьма ограничены, особенно в периферийных местностях с недостаточным спросом на рабочую силу.

В модели государственного патернализма, характерной для социальных отношений советского периода, основным инвестором в человеческий капитал выступало государство, гарантируя населению бесплатность практически всех видов услуг в социальной сфере.

Переход к рыночным отношениям сопровождается формированием модели социального партнерства. В ней инвесторами в человеческий капитал выступают домохозяйства, частные компании и государство на разных уровнях управления, а также некоммерческие организации (общественные объединения). В этой модели роль государства состоит, в первую очередь, не в непосредственно инвестициях в человеческий капитал, а в установлении институциональных рамок, определяющих степень участия граждан, фирм и государства.

Существенное изменение институциональной среды, обеспечивающей решение социальных проблем, появление большого числа участников социально-трудовых отношений изменило природу экономических и социальных процессов. «Централизованное управление сменилось распределением властных полномочий. Расширились полномочия и права регионов в области реализации политики государственной поддержки и социальной защиты населения» (Пилясов, 2005, с. 437). Значительной общественной силой, влияющей на характер социальных преобразований, стал частный бизнес. Это актуализирует проблемы достижения согласованности экономических и социальных задач в реформировании и развитии северной экономики, поскольку увеличивается число стратегий участников, возможность возникновения нежелательных экстерналий, роста транзакционных издержек, связанных с несовершенством институциональной среды.

Современный период (начиная с 1999 г.) характеризуется непрерывным экономическим ростом, накоплением не только большого ресурсного потенциала для инвестирования в человеческий капитал, но и усилившихся ожиданий в обществе. С 2005 г. именно социальные национальные проекты, направленные на сохранение и развитие человеческого капитала, стали ключевым элементом в построении отношений доверия между властью и обществом. Автор согласен с заключением членов Еврофорума (Краткий отчет ..., 2004), что задача постсоциалистических стран и России, в том числе, заключается в том, чтобы понять, что инвестиции в интересах детей и семей и защита прав отдельных лиц и супружеских пар равнозначны инвестициям в общество и, в более общем плане, что проведение экономических реформ за счет реформы социальных программ со временем окажется близоруким подходом. Решение проблемы государственного участия в улучшении качественных и количественных характеристик человеческого капитала связано не столько с определением групп реципиентов и объемов государственных инвестиций, сколько с реформированием

институциональных рамок инвестиционного процесса. Возникает необходимость анализа механизма обеспечения услуг социальной сферы (их доступности и качества), необходимых для сохранения и накопления человеческого капитала, а именно транзакционных издержек, сопровождающих их предоставление.

Проблемы управления инвестициями в человеческий капитал привлекают внимание зарубежных ученых. Существенный вклад в научное обоснование их решения сделан в середине XX века, когда в большинстве стран возросло государственное участие в экономике и появилась необходимость преодолевать растущие транзакционные издержки, оппортунистическое поведение агентов, проявляющееся в снижении качества и доступности услуг социальной сферы.

Вопросы управления инвестициями в человеческий капитал в России в региональном аспекте являются междисциплинарными, рассматриваются не только в рамках экономики труда, но и исследований социальной политики, институциональной экономики и других направлений. Необходимость принятия минимальных государственных стандартов в социальной сфере обосновывается в работах А.Г. Гранберга, И.А. Ильина, Д.С. Львова, А.В. Шаронова. Меры преодоления межрегионального социального неравенства, как главного препятствия к накоплению человеческого капитала, рассматриваются в работах А.А. Адамеску, С.С. Артоболевского, С.Д. Валентей, В.Г. Введенского, А.Я. Кируты, В.В. Кистанова, В.Н. Лексина, Р.М. Мельникова, О.С. Пчелинцева, Н.М. Римашевской, С.Н. Смирнова, А.Н. Шевцова, А.Ю. Шевякова, Б.М. Штульберга. Северная специфика управления инвестициями в человеческий капитал затрагивается в работах И. Горшунова, Т.Е. Дмитриевой, В.Н. Лаженцева, А.Н. Пилясова, В.С. Селина, А.И. Черкасова, В.В. Фаузера.

Существенный вклад в реформирование пенсионного законодательства, развитие системы социального страхования, политики в области здравоохранения, жилищной политики, анализ межрегионального неравенства доходов, развитие социальной ответственности бизнеса и др., обеспечивающие инвестиционный процесс сделан учеными Независимого института социальной политики (НИСП): Н.В. Зубаревич, Т.М. Малевой, Л.Н. Овчаровой, О.В. Синявской, С.В. Шишкиным. Следует также отметить вклад ученых Центра трудовых исследований (ЦТИ ГУ ВШЭ): В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой, А.Л. Лукьяновой, А.Ю. Ощепкова, чьи исследования позволили установить особые закономерности в развитии российского рынка труда, его «атипичность», проявляющуюся в высокой доле неформальных трудовых отношений,

ведущих к появлению множества латентных характеристик, затрудняющей анализ происходящих инвестиционных процессов. Кратко сформулируем причины поиска нового механизма управления инвестициями в человеческий капитал:

- перенос инвестиционных обязательств на уровень регионов;
- существенное перераспределение бремени между субъектами, его перенос на домохозяйства, в связи с коммерциализацией услуг социальной сферы при формальном сохранении механизма предоставления бесплатных услуг;
- появление большого числа агентов инвестиционного процесса;
- возросшая неопределенность объемов и структуры инвестиций, увеличившийся разрыв между формальными государственными гарантиями (Конституция РФ и др. законодательные акты) и реальным их содержанием для домохозяйств из-за невозможности осуществлять детализированный контроль при существенно разросшейся агентской сети.

5.1. Концепция северного социального контракта

Социальный контракт. Идея социального контракта, как неявного соглашения между всеми гражданами и государством, подразумевающего отказ от приоритета личных интересов, в пользу интересов общества в целом, впервые сформулирована Ж. Руссо. Теория социального контракта развита в работах Дж. Бьюкенена, Л. Гурвица, М. Дженсена, Р. Коуза, Дж. Коулмена, М. МакГвайра, Д. Норта, М. Олсона, Г. Таллока, Ю. Фамы, Ф. Фукуяма и др. В России следует отметить работы В.Е. Дементьева, Г.Б. Клейнера, Д.С. Львова, Ляско А., Б.З. Мильнера, Р.М. Нуреева, Радаева В., А. Радыгина, А.Н. Олейника, В.М. Полтеровича, С.В. Шишкина, Р. Энтова, Л.И. Якобсона.

Предложенная Дж. Бьюкененом концептуальная схема социального контракта предполагает наличие конституционного договора, где определяются права свободы и права собственности индивидов и права государства, функцией которого является защита этих прав, и постконституционного договора, где устанавливаются правила, по которым государство должно действовать, занимаясь производством общественных благ. Социальный контракт, согласно Дж. Бьюкенену, может быть пересмотрен, если государство пытается установить правила, противоречащие конституционным, или оно

поддерживает неэффективный, с точки зрения общественного благосостояния, способ производства общественных благ (Бьюкенен, 1997, с. 241). В модельном упрощении это понятие трактуется как ограничение свобод граждан в обмен на получение благ. В качестве ограничения свобод граждан выступает ставка налога, а производство общественных благ измеряется величиной расходов (например, модель поведения оседлого бандита McGuire, Olson, 1996). Таким образом, социальный контракт предполагает выполнение государством задач обороны, правосудия, социальной политики, хотя достаточно часто контекст этого понятия сводится к проблемам последней (например, Абалкин, 2006; Орлов, 1998, с.44-46; Основные направления социально-экономической политики..., 2000; Римашевская, 2004). В современных версиях «социального контракта» акцент делается не на подчинении индивидуальных интересов всеобщим, а на необходимости объединения усилий для контроля над государством (Олейник, 2007, с. 567-568), когда граждане следят за справедливостью действий государства как «третьей стороны» (Walzer, 1983, p. 65; Cornell, Kalt, 1995, p. 403).

Согласно Д. Лэйкоку и Дж. Кларку (Laycock, Clarke, 2002) «социальный контракт» является пакетом приемлемых политических идей относительно выбора решения по ключевым проблемам гражданства и отношений «гражданин-общество-государство». Он охватывает:

- права и обязанности гражданина;
- межгрупповые отношения и отношения внутри сообщества;
- роль частных предприятий и общественных организаций в создании этих прав, отношений и обязанностей;
- обязательства правительства перед гражданами и различными сообществами.

Важно то, что *социальный контракт* как совокупность формальных и неформальных норм обеспечивает процесс перераспределения государством благ между членами общества с целью достижения равенства возможностей в реализации их конституционных прав. В частности Дж. Бьюкенен указывает на то, что принципы контракционизма предполагают равный подход ко всем индивидам на конституционной стадии, при этом правило единогласия служит для защиты индивидуальных прав и тем самым гарантирует, что воплощаемые в конституции правила и институты также будут относиться к индивидам беспристрастно, как к равным (Бьюкенен, 1997). Заказчиком (принципалом) выступает государство, которое в интересах различных групп общества формирует

социальный контракт, не одинаковый для групп (North, 1998). Агентами выступают организации, реализующие контракт. Они могут быть государственными и частными, иметь монопольное положение на рынке предоставляемых услуг и находиться в конкурентных условиях с другими производителями и поставщиками.

Агентская структура в России имеет вертикальную иерархию, включающую федеральный, региональный и муниципальный уровни. Потенциал появления агентских издержек как следствие организационной структуры и формы собственности российских организаций-агентов в социальной сфере, унаследованной от советской системы государственного управления, рассмотрен в работах С.В. Шишкина, Р.М. Нуреева и др. (Шишкин, 2003; Нуреев, 2006). Ранее министерства выступали основными агентами, сочетающими функции, как распределения финансов, определения механизмов их расходования, так и непосредственно освоения этих средств. Поскольку такая схема содержит в себе большой потенциал для появления агентских издержек, которые приводят к снижению эффективности социального контракта, в настоящее время завершается процесс реформирования этого механизма. Создаются федеральные агентства, фонды, государственные корпорации, в ведении которых находится распределение заказов на выполнение социальных и общественных услуг на конкурсной основе. На министерства же возлагается разработка механизма реализации контрактов.

Структура социального контракта, как соглашения между принципалом и агентом, в идеале, должна включать:

- спецификацию, т.е. четкие и детальные требования принципала к деятельности агента, исчерпывающим образом выраженные в количественных показателях. Это предполагает определение минимальных стандартов в уровне доходов, качестве отдыха, образования и здравоохранения и т.д.;
- меры контроля над степенью соответствия между требованиями принципала к агенту и реальными действиями агента и их интенсивность;
- условия вознаграждения, которые принципал предлагает агенту для выполнения своих требований;
- наличие и характер санкций к агенту за неудовлетворительное выполнение требований принципала;
- обязательства принципала в отношении агента.

Четкость спецификации договора, меры контроля его исполнения, особенности вознаграждения агентов определяют *полноту социального контракта* (Капелюшников, 2003; Шишкин, 2003). Следует отметить, что требования спецификации контракта, выраженные в идее минимальных социальных стандартов, в российском обществе и научной среде воспринимаются гораздо лучше, чем сама категория социального контракта, хотя первое является лишь элементом второго. Существует немало работ, посвященных необходимости установления таких стандартов (например, Ильин, 2006; Львов, 2005). Такое внимание объясняется не только тем, что в 1990-е существенно снизилось качество жизни, конституционные гарантии граждан оказались не обеспечены, но и тем, что для советских граждан эта идея имеет хорошо известный прообраз - «социальные нормы и нормативы». По мнению И.А. Ильина (2006) для реализации социальных прав и гарантий граждан, определенных Конституцией РФ, государственный стандарты, определяющие нормативы бюджетного финансирования, необходимо применять в области доходов, занятости, социального обслуживания населения, в сферах социальной помощи гражданам, образования, здравоохранения, культуры, юридической помощи гражданам, а также в жилищно-коммунальной сфере.

По мнению автора, есть общие недостатки работ, где развивается идея минимального стандарта, связанные с недостаточным учетом новых условий формирования социального партнерства. Во-первых, односторонняя декларативность, нормативные призывы ученых и политиков к государственным деятелям с тем «как должно быть...». Без глубокого позитивного анализа «что будет, если...» нормативы не будут обеспечены ни в краткосрочном, ни тем более долгосрочном периоде. Это пока не процесс диалога (договаривания) участников контракта, а процесс формализации требований, который, возможно, в дальнейшем и приведет к переговорному процессу, в котором интересы граждан будут представлены не формально, а по существу. Во-вторых, сделан упор на разработку стандартов (нормативов) для определения бюджетных обязательств, а беспрецедентно раздутые транзакционные издержки, связанные с коррумпированностью агентской сети, не учитываются, хотя, очевидно, ведут к разрыву между объемом финансирования и фактическим исполнением обязательств. В-третьих, работы посвящены тому, что нужно сделать «для народа», для сохранения человеческого капитала, тогда как граждане не рассматриваются как активные участники формирования контракта, который, на самом

деле, должен быть многосторонним. Не уделяется внимания тому, что граждане имеют, не только права, но и обязанности. Они разделяют ответственность, как минимум, за сохранение малых социальных групп и сообществ, в которых находятся, их ценностей и культуры, за сохранение окружающей их среды, за безопасность жизни будущих поколений.

Для нас важно, что северные сообщества выступают как участники социального контракта. Его значимым элементом является чувство принадлежности гражданина не только к стране, но и к тому сообществу, в котором проживает. Это предполагает рассмотрение в рамках северного социального контракта возникающих взаимных прав и обязанностей на уровне сообщества. Помимо граждан и государства, участниками контракта являются общественные организации и предприятия. От содержания социального контракта зависит, какова степень участия этих субъектов в процессе инвестирования в человеческий капитал. При этом сам социальный контракт является результатом взаимодействия этих субъектов, эффективности согласования и координации взаимных действий, которые, в свою очередь, определяются степенью развития социального капитала. Таким образом, социальный контракт различен для разных сообществ, для разных территорий, предприятий. От содержания социального контракта зависят условия занятости, полноценность отдыха, уровень жизни населения. Он определяет направления инвестирования: в рождение детей, личное обучение или обучение других членов домохозяйств.

Эффективность контракта зависит от того, что является критерием его полноты. По мнению автора, критерием эффективности социального контракта является положительная динамика изменений качества и количества человеческого капитала, а именно его *половозрастная структура*, которая отражает рождаемости, смертности, продолжительности жизни; *структура по уровням образования*, позволяющая косвенно судить об отдаче от инвестиций, следовательно, об изменениях в уровне занятости и безработицы, преступности и заболеваемости. Подтверждением служит то, что в северных странах состояние человеческого капитала используются для отбора проблемных территорий в процедурах оценки и мониторинга. В списке индикаторов для ежегодного мониторинга в Норвегии присутствуют показатели безработицы, уровня жизни, возможностей создания новых рабочих мест, миграционных потоков. Раз в четыре года проводится рейтинговая оценка проблемных регионов с расчетом интегрального индекса из 11 переменных (периферийности, доли

населения в возрасте от 20 до 49 лет, безработицы, уровня образования, баланса миграции, чистого дохода на одного налогоплательщика, пропорции занятых в разных секторах экономики и др.).

От того, насколько полно составлен контракт, зависит, какими будут транзакционные или агентские издержки, возникающие из-за разрыва между целями агентов и целями принципала в силу наличия у агентов собственной мотивации. Следует отметить, что содержание социального контракта может меняться в зависимости от степени развития социально-экономических отношений. Так Д. Лэйкок и Дж. Кларк в исторической ретроспективе рассматривают три контракта для Канады по степени развития демократического общества (то есть накопления социального капитала) (Laycock, 2002).

В работе категория социального контракта рассматривается в нескольких уровнях: федеральном, региональном, территориальном (муниципальном), внутрифирменном, профессиональном и индивидуальном (рис. 36). На их содержание влияет как законодательство, в первую очередь, трудовое, но также административное, налоговое, гражданское и т.д., Генеральное и региональные трехсторонние соглашения, коллективные договоры, социальная политика корпораций.

Степень информированности о содержании *социального контракта* может быть различной. Чем она выше, тем легче индивиду, домохозяйству выбрать наиболее приемлемый с точки зрения соотношения цены труда и затрат на воспроизводство человеческого капитала с учетом дискомфорта территории согласно теории компенсирующих межрегиональных различий. Выбор, в свою очередь, означает смену работы, возможно, переезд, готовность к исполнению дополнительных обязательств контракта, касающихся условий занятости, а также налоговых, социальных, культурных, инвестиционных. Таким образом, информированность о социальном контракте влияет на интенсивность миграционных процессов, сбалансированность территориальных рынков труда. А интенсивность миграционных процессов способна оказать влияние на содержание контракта. Меры, увеличивающие степень информированности участников о содержании территориальных и внутрифирменных социальных контрактов: маркетинг труда и планирование дополнительной потребности в рабочей силе.

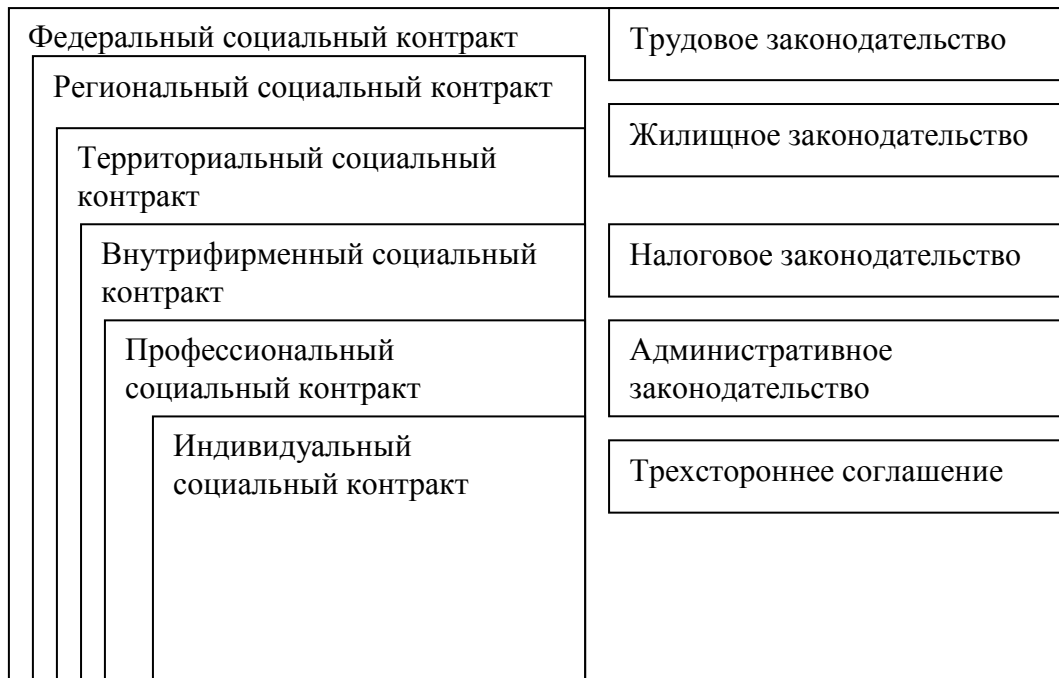

Рисунок 36. Уровни социального контракта

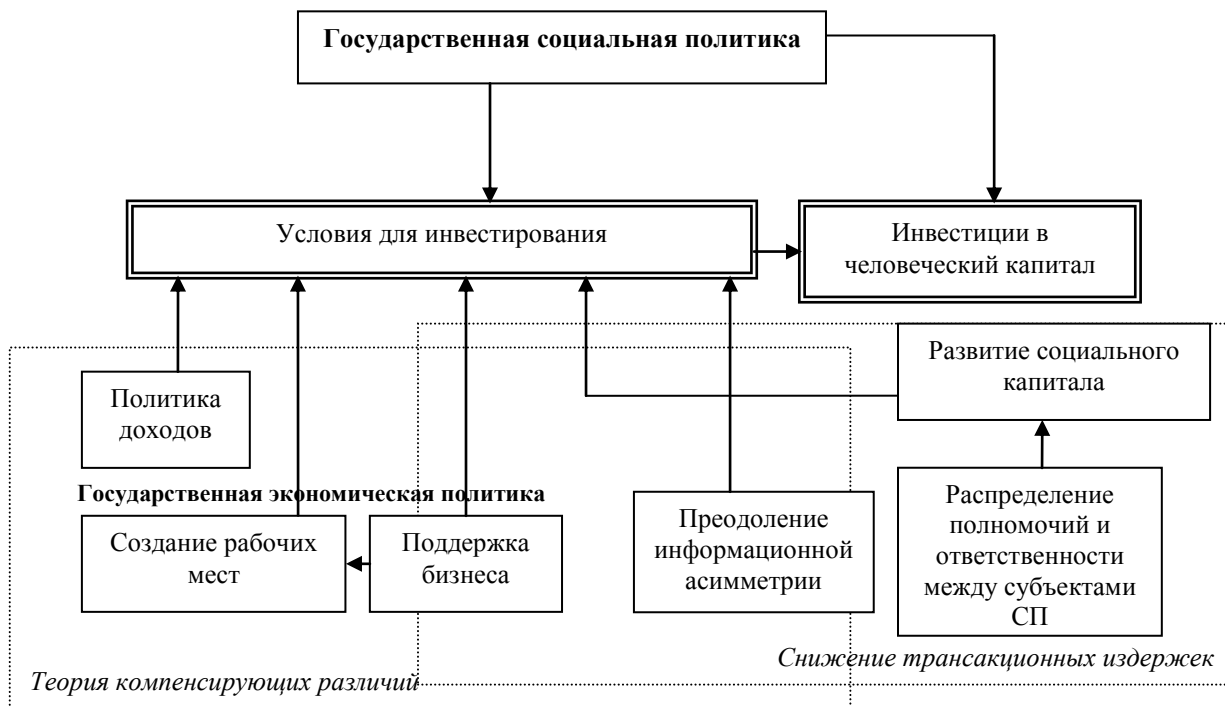

Рисунок 37. Государственная социальная политика с точки зрения управления инвестициями в человеческий капитал

Неполнота социального контракта приводит к снижению его социальной и экономической эффективности, то есть эффективности с точки зрения достижения поставленных целей и стоимости контракта для общества. Социальный контракт в России неполон и потому неэффективен, критерием его полноты пока является расходование бюджетных средств. Об этом ярко свидетельствует усиливающееся социальное неравенство, продолжающееся снижение качества жизни большей части россиян, в частности, нищенское положение пенсионеров и других трансфертных групп, снижение доступности и качества образования и многое другое (подробно для северных регионов рассмотрено в гл. 3). Происходит смена эгалитарного типа распределения общественных благ элитарным, что снижает доступность инвестиций в человеческий капитал. Объем услуг социальной сферы значительно больше в местностях, где есть крупный бизнес, где развиваются платные услуги. Таким образом, получение высокооплачиваемой работы одним из членов семьи обеспечивает доступ к хорошему образованию и медицинским услугам другим ее членам. Те семьи, где члены семьи не заняты в крупных компаниях, имеют более скромные возможности для инвестиций в человеческий капитал. На региональном уровне это выражается в позитивной динамике инвестиций в образование в богатейших северных регионах ХМАО, ЯНАО, где значительно улучшились и демографические показатели, и, наоборот, в снижении инвестиций в проблемных регионах, которое сопровождается и ухудшением демографических показателей.

Формирование рыночных отношений существенно усложнило институциональную структуру, обеспечивающую исполнение социального контракта. Недоучет исходных условий в реформировании российской социальной системы, регионального многообразия, объясняемым географическими, этническими, религиозными, экологическими и другими факторами (Гранберг, 1999) привел к наблюдаемой неэффективности институциональной среды, усилению социальной стратификации общества, искажению ценностных установок, в том числе и недооценке ожидаемой нормы отдачи от инвестиций в образование и деградации человеческого капитала, особенно в местностях, где нет, и не предвидится создание, рабочих мест. В формирующихся рыночных условиях без должной поддержки со стороны государства произошла гипертрофированная реструктуризация северной экономики, сопровождающаяся ростом занятости в рентабельных отраслях и ее сокращением в других, чаще всего имеющих социальное или национальное значение.

Негативные демографические процессы, утрата интеллектуального запаса общества объясняются не только снижением доходов большей части населения в 1990-х, но и неразвитостью правового пространства, низким уровнем социального капитала. Недостатки институционального оформления социальной политики способствуют воспроизводству модели государственного патернализма, зависимости населения от государственной помощи во всех социальных сферах. Субъекты социального партнерства: частные компании, домохозяйства, некоммерческие организации, - не достаточно активно участвуют в инвестициях в образование и здравоохранение либо из-за низких текущих доходов, не позволяющих делать вложения в будущее (домохозяйства, малый бизнес), либо из-за высоких рисков, связанных с ожидаемой отдачей от инвестиций (в большей мере относится к крупному бизнесу).

В современном социальном контракте фактически сохраняется и даже усиливается авторитаризм федерального центра, наоборот, полномочия регионов и муниципальных образований, формирование социальной ответственности бизнеса, участие некоммерческих организаций недостаточны для гибкого реагирования на возникающие проблемы со своевременным и полноценным обеспечением населения услугами в социальной сфере. Политическая апатия населения, слабость гражданского общества (Заславская, 1999), неумение отстаивать свои требования, в том числе, к качеству услуг, способствуют воспроизводству этих недостатков, развитию неформальных каналов распределения услуг, криминализации социально-экономических отношений (Шишкин, 2004).

Чем больше расслоение общества, тем больше сопротивление в выполнении установленных норм и правил, стремление к защите узкогрупповых интересов, рост транзакционных издержек (Knack, Keefer, 1997). Одной из составляющих этих издержек являются расходы на исполнения контрактных обязательств, то есть на принуждение к их исполнению (Дементьев, 2005, с.497), которые согласно теореме Коуза тем выше, чем ниже возможности рыночной саморегуляции. Транзакционные издержки усиливаются экономической отсталостью (Dabla-Norris, 1999). Поэтому многие меры зарубежной северной политики направлены на развитие местных сообществ, социального партнерства, навыков самоуправления, взаимодействия и координации власти, местного населения и работодателей. Гражданские права и свободы, исторически имеют в северных странах высокую ценность. Это определяет приоритетность интересов местных сообществ в решении таких проблем как

размещение производств, строительство объектов социальной инфраструктуры, согласование раздела доходов от природных ресурсов и земель между государствами и коренными этносами в XIX-XX вв.

Несмотря на то, что сама идея учета особенностей социального взаимодействия людей проживающих на одной территории не нова и есть работы, посвященные развитию социальных взаимодействий на Севере (см. например, Пилясов, 1990; Riabova, 2000; Riabova, 2003; Riabova, 2001; Tyldum..., 2003), этот подход пока не нашел достаточного распространения в российской экономической науке. Это связано с тем, что пока не выработаны методы количественной оценки воздействия социума на экономическое развитие и характеристики человеческого капитала. Довольно сложно формализовать социальные отношения и производить измерения их глубины и степени развития, а глубинные исследования неформальных практик в отдельных поселениях весьма дорогостоящи. Однако в зарубежной экономической литературе немало монографических исследований, посвященных анализу адаптации населения северных регионов к процессам индустриализации, сочетанию «западной» культуры с традиционным укладом, которые, так или иначе, связаны с вопросами как развития социального капитала, так и его влияния на условия и уровень занятости, на благосостояние населения, в конечном счете, на человеческое развитие (Aarsæther etc., 2004; Alcorn, 1996; Stern, 2001; Stordahl, 1994; Skaptadottir, 2001; Bærenholdt, 2002).

Еще одной причиной недоинвестирования в человеческий капитал является остаточный принцип финансирования социальной сферы, который не только выдавил из нее квалифицированные кадры, но и привел к почти полному износу физического капитала: зданий школ и больниц, медицинской техники и т.д. Если в советский период большая часть социальной инфраструктуры, как правило, находилась на балансе крупных предприятий. В условиях рынка она была по инициативе муниципалитетов или самих работодателей передана муниципалитетам, весьма ограниченным в средствах. Это привело как к существенному снижению качества услуг, как следствие, к усилению территориального неравенства в возможностях человеческого развития. По мнению автора, государство должно дать населению четкие гарантии помощи при попадании в бедность, в частности в связи с инвалидизацией, наступлением старости и т.д. В предоставлении же социальных услуг занятым и их семьям государство должно создать условия для участия работодателей, региональных и муниципальных властей, общественных организаций в

росте инвестиционных возможностей населения, независимо от места проживания, то есть институционально обеспечить занятость и достойную оплату труда - основные факторы сохранения и развития человеческого капитала.

Северный социальный контракт. Автором предложена категория «северный социальный контракт» (ССК) как совокупность явных и неявных соглашений, которая определяет, как будет происходить накопление человеческого капитала и его использование в долгосрочной перспективе, как и кем будут осуществляться инвестиции в человеческий капитал. Он определяет степень участия экономических субъектов в инвестициях в человеческий капитал на Севере. От полноты северного социального контракта зависит решение ключевых проблем: повышения комфортности жизни, роста доходов населения, обеспечения эффективной занятости, доступности услуг в социальной сфере, в том числе образовательных и медицинских, и др. *Критерием эффективности ССК служит создание равных условий человеческого развития в сравнении «несеверными» регионами.* Это подразумевает вложенность ССК в более широкий национальный социальный контракт. Субъектами ССК выступают государственные органы, некоммерческие организации, население Севера, руководители и владельцы предприятий.

Несмотря на то, что обычно под социальным контрактом понимается неявное соглашение, в качестве «северного социального контракта» советского периода может быть рассмотрено северное законодательство, поскольку в тоталитарном государстве другие соглашения формальные или неформальные, регулирующие условия накопления человеческого капитала на Севере, были недопустимы. Именно льготы занятым на Севере и членам их семей, на которых основывалась советская северная политика, во многом определили современное состояние человеческого капитала. В основе контракта прослеживается теория компенсирующих различий, позволившая сделать северные территории такими же и даже более комфортными для проживания в сравнении с «несеверными» регионами. Для нас важен экономический аспект северного социального контракта, то есть его влияние на инвестиции в человеческий капитал.

Важно то, что инвестиции в человеческий капитал прямо, через рост доступности образования, и косвенно, через политику доходов, влияют на качество человеческого капитала, на его конкурентоспособность на мировых рынках, нормы отдачи на региональный экономический рост регионов. Высокий уровень жизни, степень инновационности экономики, продолжительность жизни и

уровень образования в странах со «скандинавской» моделью экономики, отсутствие населения с доходами ниже прожиточного минимума служат лучшим доказательством того, что критерий социальной справедливости и экономической эффективности в долгосрочной перспективе не противоречат, а дополняют друг друга. Именно благодаря накоплению человеческого и социального капитала стал возможен переход на постиндустриальный уровень развития, достижение того уровня благосостояния общества, которым характеризуются северные регионы стран Европейского Севера, Аляска (США).

Рамки реализации северного контракта и его наполнение формируются под действием двух основных составляющих:

1) специфика социально-экономического развития северных регионов, одинаковая для российского Севера и северных территорий других стран, что позволяет анализировать накопленный за рубежом опыт и адаптировать его к российским условиям;

2) специфика социально-экономического развития российских регионов, состоящая:

а) в несовершенстве законодательной базы и институтов, обеспечивающих эффективный переход от социально-экономических отношений плановой экономики к отношениям в условиях рынка;

б) в низкой степени участия в процессах его формирования такими экономическими субъектами как работники и работодатели, что неразрывно связано с проблемой из предыдущего пункта;

в) в размещении производительных сил в советский период, в немалой степени определившем причины территориальных диспропорций. Несамостоятельность многих северных экономик, структура которых была сформирована в условиях централизованного планирования, во многом обуславливает комплекс социальных проблем в настоящее время.

Процесс коммерциализации является естественным фоном для перехода от механизмов полного государственного обеспечения систем здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения к формированию конкуренции между производителями услуг в социальной сфере, механизм софинансирования другими экономическими субъектами, как через механизмы добровольного страхования социальных рисков, так и налоговых механизмов. Несмотря на то, что новые механизмы, в частности, механизм социального страхования, не противоречат принципам социальной справедливости, в российских условиях они не могут быть применены без дополнительных оговорок и ограничений хотя бы потому, что для

большей части населения они являются «сменой правил во время игры».

Снижение доступности услуг образования и здравоохранения в России ведет к снижению качества человеческого капитала, потенциальной неготовности населения к участию в реструктуризации экономики. На Севере эти процессы еще более усиливаются из-за экономической зависимости многих территорий, а, следовательно, уровня доходов населения от государственной поддержки. Согласно советскому северному контракту¹⁶ северяне вправе были ожидать привилегий в получении жилья в обмен на работу в неблагоприятных условиях. С реформированием социально-экономической системы в 1990-х-2000-х эти гарантии были фактически отменены. Они сохранились для граждан, прибывших в районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей не позднее 1.01.1992, имеющих общую продолжительность стажа работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях не менее 15 календарных лет (О жилищных субсидиях..., 2002)¹⁷. Преимущественно, это жители ликвидируемых городов, поселков и полярных станций. Несмотря на декларируемое софинансирование социальных расходов, доходы большинства северян, особенно старшего поколения, настолько низки, что не позволяют им действовать по новым правилам, то есть самим оплачивать лечение, улучшать жилищные условия и др.

Если в регионах с относительно высокой плотностью населения и развитой транспортной системой конкуренция за потребителя способствует улучшению предоставляемых услуг и их доступности, то в северных регионах большинство населенных пунктов сталкивается с вынужденными монопольными условиями в социальной сфере, жесткой зависимостью от государственных или муниципальных учреждений. В удаленных малочисленных поселках в настоящее время не гарантированы не только получение образования, лечения хорошего уровня и качества, но и обучение на первой ступени общеобразовательной школы, получение первой медицинской помощи.

¹⁶ Основы заложены в законе «О льготах...» (1945), когда Север заселялся в принудительном порядке, стали базой миграционной политики, основанной на добровольном перемещении, после 1961 г. «Об упорядочении льгот...» (1960) и «О расширении льгот для лиц...» (1967).

¹⁷ В настоящее время почти 215 тыс. семей граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, ожидают жилищной субсидии (О Федеральной Целевой Программе "Жилище"..., ред. 2008).

Помимо общероссийских институциональных и экономических ограничений на развитие человеческого капитала на Севере существенное влияние оказывает высокий уровень миграции, и, как следствие, низкая социальная укорененность населения, слабый контроль со стороны общества над поведением индивидов, отсутствие разделяемых большинством населения моральных норм. Именно поэтому в северных регионах традиционно выше уровень преступности, суицидов (прил. 4).

Для Севера характерен конфликт индустриализации с традиционной деятельностью коренных народов, недостаточная оценка важности сохранения культур северных этносов, подчинение интересов малых народов интересам большинства, государственной политике индустриализации, что также ослабляет социальные связи в обществе и усиливает недоверие населения к власти и проводимой ею политике. Недостаток доверия приводит к низкой заинтересованности местного населения в инвестициях в образование и здоровье, поскольку население невысоко оценивает отдачу от них в силу сокращения территорий традиционной деятельности, вытесняемых промышленными объектами, и уменьшения рабочих мест в ней при низких перспективах занятости на строящихся промышленных объектах.

5.2. Эволюция северного социального контракта (1945-2004)

Северный социальный контракт может быть представлен в эволюции северного законодательства от контракта советского периода (1945-1990), переходного периода (1991-2000) и периода рыночной экономики (2001-2004).

Советский северный социальный контракт. Советский социальный контракт можно рассматривать как одно из главных достижений командно-административной экономики. Благодаря тому, что государство фактически было и принципалом, и агентом в контрактных отношениях, контракт был прозрачен, детализирован, исполняем (с оговоркой на очередь ожидания исполнения), охватывал все сферы социальной жизни. Он также эволюционировал в сторону увеличения гарантий: были достигнуты равные шансы в получении стандартизованного образования, от дошкольного до послевузовского, как для жителей центра, так и периферии, сел и городов, обеспечивались примерно равные условия медицинской помощи, повсеместно действовали одни и те же нормативы на предоставление жилья и других социальных услуг и благ, так называемые социальные

нормативы. В настоящее время многими учеными предлагается возврат к этой системе, но если раньше нормы и нормативы определяли не только нижнюю, но и для большинства граждан верхнюю границу в предоставлении услуг социальной сферы, то современные предложения относятся к определению гарантированной государством нижней границы - минимальных социальных стандартов. Ф.О. Александров использует понятие «советский северный социальный контракт» как гарантии за временную работу в некомфортных условиях получения повышенной трудовой пенсии, улучшения в дальнейшем жилищных условий и возвращения на «материк» (Социальная политика..., 2005). Одна из сторон этого контракта, советское государство, исчезла, а ожидания второй стороны (людей, которые приехали на Север) остаются в старой форме взаимных обязательств.

В 1945 г. был определен Перечень местностей, отнесенных к Крайнему Северу. Льготы работникам, занятым на Севере (льготы распространялись на вольнонаемных, составлявших меньше половины трудящихся), были предусмотрены законодательством СССР до начала ВОВ и действовали до 1.10.1942 и были восстановлены после ее окончания (О льготах..., 1945). Первоначальная структура льгот включала следующее (табл. 28):

- «стажевые» - 10% надбавки к ставкам (окладам) по истечении каждых 6 месяцев работы, но не более 100% тарифной ставки (оклада);
- дополнительные оплачиваемые отпуска;
- полное или частичное соединение отпусков;
- возмещение расходов на обратный проезд как самого работника, так и членов его семьи по истечении контракта;
- предоставление работникам и членам их семей жилой площади;
- 100% возмещение заработка в случае временной утраты трудоспособности;
- льготный стаж, дающий право на получение пенсии по старости, инвалидности и за выслугу лет (один год за два года работы);
- единовременное пособие и суточные, выплачиваемые в увеличенном размере лицам, направляемым на работу в местности Крайнего Севера;
- сохранение на весь период действия трудового договора жилой площади по месту прежнего жительства.

Кроме того, действовали две льготы: стажевые и льготные отпуска (О перечне отдаленных местностей..., 1945) в районах приравненных к Северу. Следует отметить, что дополнительные отпуска как северные льготы были указаны и в КЗОТ (Закон об утверждении основ..., 1970), но исполнительным документом

оставался «Закон о Северах» (Об упорядочении льгот..., 1960). В Законе 1967 г. добавлены гарантии сохранения надбавок для тех, кто получал их по старому законодательству. Участие в ССК работников строго регламентировалось заключением срочного трудового договора от 3 лет и выше (О расширении льгот для лиц..., 1967). Они предоставлялись рабочим и служащим (в том числе местным жителям и другим лицам, принятым на работу на месте) государственных, кооперативных и общественных предприятий, учреждений и организаций, находящихся в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера. Категория, на которую льготы не распространялись - сельскохозяйственная отрасль (колхозы и совхозы). Только с 1967 г. появились льготы для руководителей колхозов и совхозов.

По мнению автора, северное советское законодательство (1945-1991) соответствовало теории компенсации региональных различий в заработной плате. Оно стало сильнейшим стимулом для трудовой миграции населения в северные районы. В условиях жестко устанавливаемых цен, как на товарных, так и на ресурсных рынках, отсутствия частной собственности, это была практически единственная возможность существенно повысить благосостояние семей. Постепенное увеличение оплаты труда в зависимости от стажа, а также требование заключения длительных контрактов, льготы членам семей и относительно быстрое предоставление жилья, мотивировали семьи обосновываться на Севере на постоянное или длительное проживание. Недостатки социальной сферы, на которые обращают внимание ученые (Гранберг, 2006; Витязева, 1995) компенсировались высокими заработными платами и возможностью комфортного отдыха в более длительный отпускной период. Благодаря этой северному социальному контракту за период с 1959 по 1989 гг. население Севера увеличилось 2,36 раза (Bogoyavlenskiy, Siggner, 2004) и достигло максимального значения к началу переходного периода. Можно заключить, что этот контракт обеспечил достижение поставленной цели - обеспечение человеческими ресурсами промышленного освоения Севера. ССК - представлял собой не только стабильную, мало и редко меняющуюся систему, но и эффективный и сбалансированный инструмент государственной политики, вполне соответствовавший теории компенсирующих различий.

Северный социальный контракт переходного периода. Шоковый характер экономических трансформаций 1990-х во многом предопределил эволюцию социального контракта в направлении на краткосрочную эффективность, приоритетность мер, сглаживающих

растущую социальную напряженность, в ущерб долгосрочным интересам человеческого развития. Существенным следствием трансформационных процессов стало падение качественных характеристик человеческого капитала по трем основным группам индикаторов: 1) здоровье (физическое, психическое, социальное); 2) интеллектуальный потенциал и профессиональная готовность; 3) духовно-нравственные ценности и ориентации (Римашевская, 2004).

Ф.О. Александров обращает внимание на то, что вопрос о том, как в новых условиях должна делиться ответственность между субъектами северного освоения в лице корпораций, работников, муниципальных властей, властей субъектов Федерации и автономных округов, федеральных властей, каким должен быть новый северный контракт, как должно быть устроено это взаимодействие, становится ключевым вопросом (Социальная политика..., 2005).

Реформирование собственности в переходный период, разделение ответственности за развитие Севера между федеральными, региональными органами власти, и муниципальными властями, а также формирование частного капитала, неминуемо должны были привести к пересмотру северного социального контракта, чья «монолитность и замороженный характер пришли в противоречие с природой смешанной экономики на Севере» (Пилясов, 2005). Возникла задача разграничить сферу ответственности государства и работодателей всех форм собственности за предоставление гарантий и компенсаций населению Севера. Однако, версия переходного периода (О государственных гарантиях и компенсациях..., 1993) отвечала задаче не разделения полномочий, а задаче снижения социальной напряженности, эскалация которой наблюдалась в первые годы реформы.

Необходимость поиска вариантов оптимального сочетания государственного протекционизма с возросшей экономической и политической самостоятельностью субъектов северной экономики нашли отражение в эволюции северного регионального социального контракта. В 1990-е годы основным содержанием региональной политики, в том числе северной, было не экономическое развитие, а государственная поддержка падающего уровня жизни населения, которая происходила крайне неравномерно в территориальном разрезе. Федеральная северная политика России начала 1990-х гг. в основном продублировала бывшие советские льготы, становившиеся все менее действенным экономическим инструментом под влиянием сокращения бюджетных расходов на социально-экономическое развитие Севера.

Для разработки и реализации федеральной северной политики в 1991 г. был создан Госкомсевера РФ. Аналогичные правительственные структуры есть и других северных странах, например, канадский Федеральный департамент по делам индейцев и развития северных территорий (DIAND), Федеральное агентство по развитию бизнеса национальных меньшинств США. Их деятельность направлена на накопление и эффективное использование человеческого капитала коренного населения. Это стимулирование создания и развития предприятий, организованных представителями, регулирование отношений коренного населения с добывающими корпорациями, разработка механизма и предоставление дотаций и льготного налогообложения традиционных промыслов, рыболовства, оленеводства, а также меры направленные на развитие культуры.

Создание Госкомсевера РФ – важный этап реформирования институциональной сферы северной политики в направлении согласования региональных и федеральных интересов и распределения полномочий. Благодаря деятельности этого органа со второй половины 1990-х гг. законотворческий процесс обрел большую логику и последовательность, хотя и одновременно в самой своей идеологии входит во все большее противоречие с объективно развивающимися в стране процессами, перераспределением прав собственности, усилением региональных политических сил, образованием крупных ресурсных корпораций. С точки зрения стоимости северного социального контракта и его эффективности недостаточно оценивалась необходимость перераспределения социальной нагрузки между новыми субъектами и государством. Принятый Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» (Об основах..., 1996, утр. силу) по-прежнему отражал ответственность государства за предоставление государственных социальных гарантии и компенсаций, что закономерно привело к усилению инфорсmenta северного законодательства, то есть неисполнению обязательств государства перед северянами, дальнейшему сокращению финансирования решения северных проблем, усилению неравномерности в развитии северных регионов и ухудшению положения большей части населения. Благодаря деятельности Госкомсевера РФ в дальнейшем концептуально оформилась целостная система государственной поддержки Севера как главного объекта северных реформ, то есть определилось содержание северного социального контракта переходного периода.

Таблица 28. Северные льготы в редакциях Закона государственных гарантий... от 1945, 1967, 1993, 2004 гг.

	1945	1960	1967	1993	2004
категория населения, на которую распространяются северные гарантии и компенсации	рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий, учреждений и организаций	не изменилась	дополнена лицами, <i>прибывшими в эти районы и местности по собственной инициативе</i> , при условии заключения трудовых договоров на срок три года, а на о-вах Сев. Ледовитого океана - два года; специалистами, работниками, занимающими выборные должности, и другими руководящим работниками колхозов**	распространяется на всех лиц, <i>работающих по найму</i> постоянно или временно в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, независимо от форм собственности; учащуюся молодежь; безработных; пенсионеров	работающие в организациях, финансируемых из федерального бюджета, уволенные военнослужащие и, обучающиеся в профессиональных учебных заведениях, пенсионеры
Наименование льготы					
«стажевые»	10% надбавка к ставкам (окладам) по истечении каждых 6 месяцев работы, но не более 100% тарифной ставки (оклада), в районах	не более 300 руб. (в ценах 1981 г.); Общий размер надбавок ограничен в районах Крайнего	прежние условия, кроме того стаж засчитывался членам семьи, привлекаемым на сезонные работы, и женщинам, временно оставившим работу <i>для ухода за детьми</i> дошкольного возраста или по состоянию	единый для всех отраслей районный коэффициент к заработной плате без ограничения максимального размера	сохранено только для работников учреждений, финансируемых из федерального бюджета; надбавки для молодежи

	1945	1960	1967	1993	2004
	приравненных по истечении каждого года;	Севера 80 % заработка и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, - 50 % заработка, но не более 240 рублей и 150 рублей, соответственно.	здоровья; Стаж работы, дающий право на получение льгот, не прерывается в случаях поступления в профессиональное учебное заведение; призыва; в связи с рождением ребенка на срок до одного года	зарплаты; максимальная прибавка устанавливается молодежи из коренного населения	рассчитываются последовательно из расчета 10% каждые полгода.
дополнительные отпуска	с нормированным рабочим днем продолжительностью в 18 рабочих дней, а работникам с ненормированным рабочим днем продолжительностью в 30 рабочих дней; 12 и 24 - в приравненных районах	в районах Крайнего Севера - 18 рабочих дней; в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, - 12 рабочих дней.	прежние условия	в районах Крайнего Севера - 21 рабочий день; в приравненных к ним местностях - 14 рабочих дней; в остальных районах Севера - 7 рабочих дней	в районах Крайнего Севера - 24 календарных дня; в приравненных к ним местностях - 16 календарных дней; в остальных районах Севера - 8 календарных дней.
полное или частичное соединение отпусков	не более чем за 3 года; время, необходимое для проезда к месту использования	действует и в местностях, приравненных к районам Крайнего	прежние условия	один раз в два года	условия прежние

	1945	1960	1967	1993	2004
	отпуска и обратно один раз в три года, не засчитывается в срок отпуска; общая продолжительность отпуска, включая время проезда, не должна превышать 6 мес.*	Севера			
возмещение расходов на проезд к месту отпуска	стоимость проезда оплачивается организацией один раз в три года		по железной дороге - по тарифу жесткого вагона с плацкартой и доплатой за скорость; водным путем - по тарифу второго класса; автомобильным транспортом - по существующей в данной местности стоимости. При отсутствии возможности проезда указанными видами транспорта <i>допускается</i> проезд воздушным транспортом до ближайшей железнодорожной станции или ближайшего морского либо речного порта, открытого в данное время для навигации, с оплатой по фактической стоимости.	оплачиваемый один раз в два года за счет организаций проезд к месту использования отпуска на территории РФ и обратно любым видом транспорта, в том числе личным (кроме такси), а также на оплату стоимости провоза багажа до 30 килограммов	прежние, а также пенсионеры также сохраняют это право

	1945	1960	1967	1993	2004
возмещение расходов на обратный проезд как самого работника, так и членов его семьи по истечении контракта	В случае выезда работника по истечении срока трудового договора или в связи с расторжением договора, по не зависящим от него причинам*	действует и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера	прежние условия	нет	нет
предоставление работникам и членам их семей жилой площади	организации обязаны предоставлять работникам и членам их семей жилую площадь по нормам, установленным для данной местности*	действует и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера	прежние условия	В случаях, когда работодатель не может обеспечить работника жилой площадью, он возмещает ему расходы по ее найму (приобретению) в пределах норм, определенных Правительством РФ.	
возмещение заработка в случае временной утраты трудоспособности	100% фактического заработка, включая процентные надбавки*	действует и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера	При временной нетрудоспособности, наступившей вследствие опьянения или действий, связанных с опьянением (драки, ранения и пр.), доплата за счет предприятия,	Женщинам по беременности и родам выплата пособия по больничному листу в размере полного	есть ограничение сверху максимальным размером пособия по федеральному законодательству

	1945	1960	1967	1993	2004
			организации или учреждения уменьшается на 50% и производится только семейным рабочим и служащим, начиная с одиннадцатого дня нетрудоспособности; При отпуске по беременности и родам доплачивается разница между размером назначенного пособия и фактическим заработком (включая надбавки)	заработка независимо от трудового стажа	
льготный стаж, дающий право на получение пенсии по старости, инвалидности и за выслугу лет;	один год за два года работы*	один год за 1,5 года работы в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера	Рабочим и служащим, проработавшим в районах Крайнего Севера не менее 15 календарных лет, а в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, - не менее 20 календарных лет, пенсии по старости назначать мужчинам - по достижении 55 лет и женщинам - по достижении 50 лет	те же, а также требуется общий трудовой стаж не менее 25 мужчины и 20 лет женщины. Женщинам, имеющим двух и более детей, пенсия устанавливается по достижении 50 лет при общем трудовом стаже 20 лет, если они проработали не менее 12 календарных лет в районах Крайнего Севера либо не менее 17 календарных лет в приравненных к ним местностях. Гражданам, работавшим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, пенсия устанавливается за 15 календарных лет работы на Крайнем Севере. При этом каждый календарный год работы в	

	1945	1960	1967	1993	2004
				местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, считается за девять месяцев работы в районах Крайнего Севера. Гражданам, проработавшим в районах Крайнего Севера не менее 7 лет 6 месяцев, пенсия назначается с уменьшением общеустановленного возраста (для мужчин - 60 лет, для женщин - 55 лет) на четыре месяца за каждый полный календарный год работы в этих районах	
единовременное пособие и суточные лицам, направляемым на работу в местности Крайнего Севера	выплачиваются в двойном размере*	3 руб. 50 коп.	Повышенные компенсации выплачиваются лицам, постоянное место жительства которых отстоит от места работы на расстоянии не менее 1000 км по железной дороге или 500 км иными путями сообщения; при условии перезаключения ими первого трудового договора о работе выплачивать работникам единовременное пособие в размере 50% среднемесячного заработка без учета северных надбавок; молодым специалистам, направляемым на работу из других районов страны	пособие в размере двух должностных окладов (ставок) и половины должностного оклада (ставки) на каждого члена семьи; оплата стоимости проезда работника и членов его семьи и провоза багажа; суточные работника (без северных); оплачиваемый отпуск на сборы и обустройство - 7 календарных дней; высвобождаемым в связи с реорганизацией предприятий либо с их ликвидацией, сохраняется на период не свыше шести месяцев, средняя заработная плата с учетом месячного выходного пособия	

	1945	1960	1967	1993	2004
			(независимо от расстояния) по окончании высших и средних специальных учебных заведений, единовременное пособие в связи с переездом выплачивается в размере двух месячных должностных окладов по новому месту работы, а на каждого переезжающего члена семьи - в размере половины оклада самого работника		
жилищные льготы	сохранение жилой площади по месту прежнего жительства*	действует и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера	дополнительно для рабочих и служащих, проработавших в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, не менее 15 лет, организуются жилищно-строительные кооперативы для строительства жилых домов	дополнительно лицам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, выплачивается стоимость освобождаемого жилья по месту сдачи жилища.	нет
сокращение продолжительности рабочей недели	нет	нет	нет	36-часовая рабочая неделя для женщин	прежние
роль профсоюзов	нет	КЗОТ: участие	прежние	Порядок и	Защита

	1945	1960	1967	1993	2004
		в принятии решения об увольнении работника по истечении трудового договора		размеры выплаты компенсаций по жилью устанавливаются Правительством РФ, а также коллективными договорами (соглашениями) (ст. 19 Трудового Кодекса, 2002)	установленных коллективными договорами прав граждан, организаций осуществляется в судебном порядке

*только в районах Крайнего Севера

Северный социальный контракт в условиях рынка.

Рыночные условия хозяйствования на Севере требуют пересмотра полномочий и ответственности субъектов экономики в управлении инвестициями в человеческий капитал. Объективен процесс снижения финансовой ответственности государства перед северянами и наоборот, роста ответственности частного бизнеса, что не означает снижение ответственности государства в обеспечении институциональной среды развития человеческого капитала в регионах Севера. Для эффективного управления должны быть пересмотрены и усилены механизмы согласования, координации, во-первых, деятельности государственных и региональных органов власти, а также органов муниципального управления; во-вторых, горизонтального взаимодействия этих органов; в-третьих, их взаимодействия с общественными организациями и частным бизнесом; в-четвертых, должны быть пересмотрены механизмы мониторинга над развитием человеческого капитала. Таким образом, главной функцией государства становится обеспечение полноты северного социального контракта.

В настоящее время социальными проблемами развития Севера занимаются научный совет РАН по вопросам регионального развития, а также рабочая группа Госсовета РФ по вопросам политики в отношении северных территорий. Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера (Концепция, 2000), далее Концепция, «...заложила основы не развития системы господдержки, а эволюции федеральной политики по Северу в принципиально иную форму - на поощрение саморазвития агентов северной экономики с учетом деления регионов на три группы по своему социально-экономическому развитию (рентные, депрессивные и традиционно-отсталые) и различными по степени вмешательства государства меры развития» (Пилясов, 2005, с.446). С точки зрения развития человеческого капитала ее основные семь направлений можно сгруппировать в меры прямого и косвенного воздействия. К прямым можно отнести:

- реформирование северных рынков труда посредством переселения избыточного населения, использования вахтового метода организации работ и др.;
- трансформацию существующей системы гарантий и компенсаций для северян по мере формирования системы государственных социальных стандартов, дифференцированных по регионам;
- создание эффективной системы социальной поддержки коренных малочисленных народов Севера.

К косвенным мерам развития человеческого капитала следует отнести меры, направленные на создание и сохранение рабочих мест, как за счет поддержки частного бизнеса, так и за счет развития государственного сектора:

- обеспечение реструктуризации экономики районов Севера и повышение жизнеспособности базовых (градообразующих) предприятий с помощью мер налоговой, финансовой и инвестиционной политики на федеральном и региональном уровнях;
- совершенствование механизма сезонного завоза продукции для гарантированного обеспечения продовольственной и энергетической безопасности северных населенных пунктов.
- усиление влияния федерального центра на социально-экономические процессы в арктической зоне, поддержание устойчивого и безопасного функционирования Северного морского пути.

Помимо этого, была сформулирована до сих пор нерешенная задача, влияющая на стоимость северного социального контракта, - это определение регионов-получателей государственной поддержки (включая уточнение понятия границы Севера и дифференциацию регионов по уровню экономического развития).

Задачи, выделенные в Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера (Концепция..., 2000), по сути, являются основными позициями *северного социального контракта*, поскольку они объединяют задачи, сформулированные и более подробно изложенные в других документах. К сожалению, Концепция не стала рабочим документом, на котором бы строилась дальнейшая политика центра в отношении северных регионов. Дальнейшее развитие законодательства РФ пошло по пути снижения роли северного фактора как в управлении человеческим капиталом, так и в экономическом развитии, универсализации инструментов регионального развития, что вело к дальнейшему усилению нарастающего межрегионального социально-экономического неравенства. В отличие от Концепции Закон о государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (О государственных гарантиях..., 1993) продолжал определять механизм северного социального контракта. Степень распределения инвестиций в человеческий капитал между населением, работодателями и государством определялась этим документом.

Изддержки современного северного социального контракта.
При условии эффективности социального контракта население должно

выигрывать от экономического роста. Однако, эмпирическое исследование взаимосвязи между доходами населения и региональным экономическим ростом, представленное в гл. 4, показало отсутствие статистически значимой зависимости. По данным о расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ на душу населения (в отношении к региональному прожиточному минимуму) видно, что северные развивающиеся регионы имели больше возможностей для реализации социальной политики. Начиная с 1998 г. дотационные северные регионы также осуществляли больше расходов на душу населения, чем несевверные. Исследование показало, что увеличение расходов региональных бюджетов ведет к росту доходов населения на Севере (коэффициент эластичности 0.16%), но источники формирования бюджета (налоговые и неналоговые доходы) не значимы. Следовательно, рост доходов населения связан, в первую очередь, с перераспределением доходов между бюджетами субъектов федерации, а не с возможностями региональных экономик. Это свидетельствует о неэффективности перераспределения ренты от природных ресурсов, добываемых в северных регионах, в пользу проживающего в нем населения.

В настоящее время не только Закон (О государственных гарантиях..., ред. 2004) определяет северные льготы и их получателей, но и Трудовой Кодекс РФ, а также Законы (О занятости населения, 1991; О государственном пенсионном обеспечении, 2001). Современное северное законодательство адаптировано к тому, что государство является не единственным работодателем, а, следовательно, руководители частных предприятий выступают полноценными участниками северного социального контракта, не только подчиняясь устоявшейся норме, но и гибко изменяя ее в соответствии с социальными и экономическими критериями деятельности. На содержание северного социального контракта влияют общественные объединения, благодаря которым на зарубежном Севере значительно усилены обязанности государства и частного бизнеса, а также расширены права коренных народов в сравнении с другим населением.

Любое предприятие на Севере обязано предоставить работнику более продолжительный оплачиваемый отпуск, укороченную рабочую неделю для женщин и т.д. Это нормы, закрепленные в федеральном законодательстве (Трудовой Кодекс РФ, 2001). Кроме того, коллективными и индивидуальными трудовыми договорами может быть оговорен дополнительный перечень льгот и гарантий занятым, дифференцированный по степени значимости работника для

производства, зависящей, в том числе, от квалификационного уровня. Содержание социального контракта на крупных северных предприятиях рассмотрено ниже. Генеральное трехстороннее соглашение и его региональные аналоги задают рамки для формирования коллективных и индивидуальных трудовых договоров.

Следует отметить, что пока в российском северном социальном контракте руководители (владельцы) частных предприятий рассматриваются как субъект, у которого возникает ответственность в связи с наймом рабочих на Севере, реже - в связи с ведением производственной деятельности в условиях Севера, и никогда - как субъект, у которого возникают *права* в связи с наймом рабочих на Севере. С точки зрения теории компенсирующих различий, это, кстати, закреплено и в определении Российского Севера (Концепция..., 2000), у работодателей такие права должны быть, поскольку они несут повышенные производственные издержки, в том числе, связанные с оплатой труда. То есть частью северного социального контракта, условием ведения бизнеса на Севере должны быть обязательства государства по снижению этих издержек и распределена ответственность между уровнями государственной и муниципальной власти в этом вопросе.

Следующий важный элемент современного северного социального контракта - это отношения между северными коренными народами, составляющих более 200 тыс. чел., и государством, пришлым населением Севера и бизнесом. Эти вопросы требуют отдельного детального рассмотрения. В советский период была выстроена жесткая патерналистская модель. Оленеводы, будучи членами совхозов и получали заработок, и считались весьма высокооплачиваемыми работниками (Ulvevadet etc., 2004). Дети оленеводов обучались в интернатах и получали обязательное восьми-, а затем и десятилетнее образование. Для формирования национальных кадров определялись квоты по набору представителей коренного населения в ссузах и вузах, аналогичные действующим в настоящее время в Канаде.

Десятилетиями представители коренных народов были лишены возможности самостоятельно решать как вести хозяйство, согласовывать с государством условия и территории для промышленного освоения, решать какие навыки передавать детям, то есть участвовать в защите собственных экономических и культурных интересов. Поэтому появившиеся возможности самостоятельного хозяйствования не были использованы должным образом. Вместо экономического роста в национальных селах начался экономический

спад, алкоголизация населения, рост смертности и т.д.

За рубежом строительство отношений между государством и коренными народами Севера насчитывает столетия, но основы социального контракта, регулирующего эти отношения, сформированы за период с конца XIX в. по вторую половину XX в. Были определены земли, находящиеся в собственности коренных народов, выплаты государства за их использование, сформированы рамки для заключения соглашений по ведению новых разработок, защищающих интересы коренного населения. Следует отметить, что и в других странах формирование социального контракта не завершилось, не найдены оптимальные соглашения, гарантирующие равные по сравнению с другими территориями, сообществами возможности человеческого развития. В частности, относительно высокие компенсационные выплаты за использование земель, принадлежащих коренным народам, в Канаде привели к усилению иждивенческих настроений населения, снижению трудовой мотивации, высокой безработице и алкоголизации. В качестве ключевого способа предотвращения деградации человеческого капитала рассматривается развитие социального капитала в северных сообществах, то есть привлечение представителей к управлению, развитие навыков согласования и сотрудничества, воспитанию ответственности за социум (Task Force..., 2001).

В 1990-е были предприняты попытки институционализации новых отношений (учреждение Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и региональных организаций коренных народов), формализации этой части социального контракта. В большей мере, по мнению автора, формализация происходила под действием нарабатанных за рубежом соглашений, то есть учитывала не специфику переходного периода от патернализма к партнерству, а копировала нормы зарубежного социального контракта. Строящиеся в ХМАО и ЯНАО отношения между коренными народами и компаниями-разработчиками во многом также отражают дань сложившимся нормам урегулирования этих вопросов на западе. Этот путь не так уж и плох, выстраивание институтов по аналогии считается одним из наиболее приемлемых вариантов для современной России. Автор лишь хочет подчеркнуть слабость местного сообщества, неготовность отстаивать свои интересы, что в свою очередь влияет на слабость формализации тех требований, которые отвечали бы постсоветской специфике отношений между государством и коренными народами Севера.

Целевая федеральная программа развития экономики и

культуры этих народов, которая действует в различных редакциях с 1991 г. сохраняет принципы патернализма. Программа на период до 2008 г. предусматривает финансирование за счет федерального бюджета и бюджета субъектов РФ, тогда как внебюджетные источники планировалось привлечь только для одного объекта - жилищного строительства в Чукотском АО (О Федеральной Целевой..., ред. 2007). В основном, предусматривается строительство объектов социальной инфраструктуры и производственных предприятий, тогда как создание инфраструктурных объектов, способствующих развитию бизнеса, программой не предусмотрено. Сайты и консалтинговые службы, предоставляющие необходимую информацию и услуги по юридическим вопросам, вопросам кредитования, лицензирования, сертификации, открытия и ликвидации бизнеса и т.д., - вот тот необходимый минимум бизнес-инфраструктуры, без которого планы обретения экономической самостоятельности сообществами коренных народов так и останутся планами.

Границы Севера. Отличием принятых методов районирования от зарубежных аналогов является *непрозрачность процедуры* относящего территории к северным. Помимо методик районирования на окончательное решение влияет политическая ситуация в стране, личность руководителя региона и др. Два основания для территориальных льгот - северная дискомфортность и географическая удаленность, - смешаны в определении границ Севера. Поэтому некоторые территории, приравненные к Крайнему Северу «лежат на широте Туапсе» (Жуков, 2006). С 1990 г. было внесено более десяти поправок к Перечню районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Это, во-первых, увеличивает бремя расходов на предоставление гарантий и компенсаций, то есть на реализацию северного социального контракта, во-вторых, не создает институциональных условий для снижения финансовых обязательств государства там, где условия проживания вполне комфортные, где экономическая несамостоятельность территорий воспроизводится через механизм компенсаций населению и дотаций регионам.

На исправление бюрократических ошибок в ССК с нечетким определением северной территории требуются годы. Например, статус территории Крайнего Севера городу Печора, находящемуся в окружении таких территорий, присвоен только в марте 2007 г. У общества нет возможности установить справедливость принципов районирования, определения категорий населения, на которые распространяются условия северного социального контракта. В 1990-е

список территорий был существенно дополнен, то есть Закон о государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (О государственных гарантиях..., 1993) использовался в популистских целях, как и многие другие меры социальной политики того периода. Ч. Вулф (Wolf, 1989) классифицирует такие издержки как *завышенную ставку дисконтирования у политиков*, когда в силу временного пребывания у власти будущие блага и издержки значительно недооцениваются политиками и, наоборот, переоцениваются краткосрочные блага и издержки.

Государственные гарантии и компенсации. Важной частью северного социального законодательства являются гарантии и компенсации населению, проживающему и работающему в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. В 1990-х гг. количество северных льгот и перечень их получателей редактировались десятки раз. При этом принцип предоставления гарантий и компенсаций остался во многом таким же, как и в северной политике советского периода, то есть появление частного сектора в экономике учитывается не в полной мере.

Новым элементом контракта является его распространение не только на всех занятых, но и трансфертные группы населения. В законе «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (1993) льготы распространялись на «лиц, работающих по найму постоянно или временно в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, независимо от форм собственности, и лиц, проживающих в указанных районах и местностях». Если раньше северный социальный контракт был контрактом между занятыми на Севере, членами их семей и государством, то контракт 1993 г. стал договором между всем населением Севера и государством, а с 2004 г. в контракт включены работодатели, как агенты северного контракта. Это, безусловно, можно рассматривать как большое демократическое завоевание. Вместе с тем появилась неопределенность в механизме исполнения контракта и контроля над его исполнением в частных предприятиях.

Реформирование законодательства привело к тому, что вместо единого в советском варианте документа, фиксирующего северную часть социального контракта, появились статьи в нескольких документах. Часть северных льгот зафиксирована в Трудовом Кодексе РФ (Трудовой Кодекс, 2001) и пенсионном законодательстве (О

трудовых пенсиях..., 2001), другие льготы (например, в области жилищной политики) вовсе отменены. Существенно на содержание северного социального контракта повлиял Закон №122 (О внесении изменений..., 2004) уменьшив перечень субъектов получения северных компенсаций, а также перечень льгот. Некогда единый закон (О государственных гарантиях..., 1993) заменили отдельные статьи общих федеральных законов, что дает основания говорить об том, что северные регионы перестали быть объектом федеральной политики. Это вполне объясняется недостатком социального капитала, другими словами, слабостью северного гражданского общества, не имеющего пока необходимой политической силы для защиты интересов северян.

Многие государственные гарантии (пенсионные, жилищные, медицинские) не должны быть предметом государственного регулирования, становясь объектом экономической координации - договорных, согласительных процедур работников и работодателей на основе механизмов социального партнерства. Северные гарантии и компенсации в настоящее время становятся предметом внутрифирменной социальной политики (Пилясов, 2005). По мнению автора, государство должно определить рамки контракта, не противоречащие конституционным нормам, гарантирующие уровень жизни населению и обеспечивающие экономическое развитие. При существующем контракте малые и средние предприятия оказываются в неравных конкурентных условиях за рабочую силу, так как не могут без государственной поддержки обеспечивать северные льготы работникам. Недифференцированный по размеру бизнеса подход к распределению полномочий и обязанностей в северном социальном контракте ведет к еще большей зависимости экономического развития региона и доходов населения от крупного бизнеса. А поскольку крупный капитал более мобилен в перемещении инвестиций между территориями, маневрировании среди различных региональных налоговых и социальных ограничений, то снижается и устойчивость региональных экономик.

Из популистских соображений сбалансированный вариант советского северного социального контракта был заменен контрактом с возросшим числом не только категорий получателей, но и льгот, в то время как в целом российская социальная политика характеризовалась сужением активности до помощи различным категориям населения, попавшим в бедность. Увеличилась продолжительность оплачиваемых отпусков, частота компенсации стоимости проезда к месту отдыха, компенсация временной нетрудоспособности, а также право досрочного выхода на пенсию.

Льготы северянам, предусмотренные законодательством и возложенные на работодателей, создали мощнейший стимул для вытеснения северян с местного рынка труда. Фирма, ведущая производственную деятельность на Севере, но не зарегистрированная там, может привлечь работников к выполнению работ на Севере вахтовым методом. При этом никаких обязательств по северному законодательству перед этими работниками у фирмы не возникает. Таким образом, институционально были заложены две формы развития бизнеса на Севере. Одна - в соответствии с ограничениями северного социального контракта, другая - без них. Нетрудно понять, что требования экономической эффективности бизнеса противоречат требованиям сохранения человеческого капитала в северных регионах, необходимым условием которого является компенсация более высокой стоимости жизнедеятельности. Следовательно, снижение конкурентоспособности северян на рынках труда связано именно с жесткостью северного социального контракта и с тем, что есть законодательно разрешенные схемы от уклонения его выполнения.

Дополнительные льготы усиливают гендерную и возрастную дискриминацию. Право выхода на пенсию на пять лет и более раньше снижает отдачу от инвестиций в образование работников старше 45 лет, что также заставляет предпринимателей явно или скрыто отдавать предпочтение при найме более молодым работникам. Снижение продолжительности трудовой недели женщин до 36 часов делает предпочтительным прием на работу мужчин при прочих равных условиях. Как показано в гл.4 увеличение занятости ведет к снижению продолжительности жизни женщин в северных регионах. Это доказывает актуальность сокращения продолжительности рабочего времени женщин на Севере, но для соблюдения этой нормы, должны быть обеспечены контроль и санкции за неисполнение этой нормы, а также проработаны меры предотвращения дискриминации по половому признаку.

Северные льготы, например, более длинный отпуск и более короткая продолжительность рабочей недели для женщин, противоречат экономической эффективности. Если отпуск (в разбивку) в частных фирмах еще предоставляется, то о соблюдении второго требования говорить не приходится. Требование начисления северных и районных коэффициентов к зарплатам особенно тяжело исполнить и проконтролировать в малом бизнесе. Таким образом, предоставление гарантий и компенсаций в силу несовершенства механизма, определенного законом, повторяет судьбу многих других актов, наполняющих социальный контракт. Нечеткость обязательств

государства и работодателей приводит к их неисполнению, неэффективности контракта с точки зрения социальной справедливости. Фактически, только бюджетные организации и органы управления являются субъектами, в полном объеме выполняющими условия северного социального контракта. Поэтому уровень компенсации северных затрат населению существенно различается в зависимости от места занятости.

Существующая система компенсации потерь от проживания в неблагоприятных климатических условиях наименее эффективна в отношении той части населения Севера, чьи доходы формируются, в первую очередь, за счет государственного обеспечения. Пенсии индексируются с учетом северных коэффициентов, но в отличие от уровня северных заработных плат, особенно в «рентных» регионах, покупательная способность северных пенсий существенно ниже, то же можно сказать и о других трансфертах: пособиях, стипендиях и т.д. С 1.01.2008 действует новый порядок расчета размера северных пенсий, согласно которому федеральное правительство устанавливает и регулярно индексирует в соответствии с изменением прожиточного минимума базовый уровень северных пенсий (О трудовых..., 2007). По мнению автора, алгоритм индексации не прозрачен, что ставит под сомнение действенность закона в обеспечении экономической безопасности северян-пенсионеров. Большим достижением станет возможность получения северных пенсий при выезде из северных регионов, которая до сих пор является предметом обсуждений в Государственной Думе. Эта мера перестанет сдерживать процесс переселения северян в климатически более благоприятные районы, снизит социальную нагрузку на занятых в северных городах и поселках.

Еще одним недостатком существующей схемы северных надбавок является увеличение разрыва в доходах между группами занятых разной квалификации в бюджетной сфере, поскольку коэффициенты тарифной сетки умножаются на северный коэффициент. Самостоятельность муниципалитетов в определении дополнительных льгот приводит к еще большей диспропорции между чиновниками и другими бюджетниками (например, зарплата главы Корткеросского района (Республика Коми) в 2006 г., в 8 раз превышала размер среднемесячной зарплаты по этому району). Решение проблемы видится в ограничении максимального уровня зарплаты, рассчитываемой с учетом северных надбавок, как это было в редакциях закона в советский период. Необходимо следить и за

адекватностью нижней границы трудовых доходов северян уровню прожиточного минимума.

Таким образом, современный северный социальный контракт не эффективен и не способствует накоплению человеческого капитала, поскольку не гарантирует получения минимального необходимого для жизни дохода, не способствует ни росту рабочих мест для северян, ни развитию социальной сферы и увеличению комфортности северных территорий.

Условием справедливости ССК должно стать наличие *возможности гибкого его пересмотра*, если исполнение контракта не отвечает основной цели - накоплению человеческого капитала, то есть ухудшение условий проживания северян. Например, к стипендиям учащихся, пенсия и заработной плате государственных служащих в Канаде также начисляются доплаты за экстремальные условия проживания, которые дифференцируются согласно схеме районирования Амлена. Причем достаточно привести аргументированное обоснование того, что доплаты к пенсиям или стипендиям недостаточны как компенсация повышенных северных цен и повышенного потребления пищи, одежды, отопления, чтобы их размер был пересмотрен.

В организациях федеральной и региональной бюджетной сфер должен быть сохранен действующий в настоящее время порядок установления районных коэффициентов и процентных надбавок с периодическим пересмотром их размеров исходя из величины прожиточного минимума регионов. Покрытие затрат бюджетных организаций должно производиться за счет средств соответствующих бюджетов. Для предприятий негосударственной или смешанной формы собственности, к которым относится более 70% всех организаций, расположенных на Севере, покрытие затрат по компенсациям северных удорожаний производится за счет отнесения их на себестоимость продукции этих организаций (Пилясов, 2005, с. 461-462). По мнению автора, такая схема ставит в неравное положение предприятия с невысоким уровнем рентабельности и предприятия, ориентированные на высокорентабельную добычу природных ресурсов. Первые представлены, как правило, малым и средним бизнесом, вторые - крупным. Отнесение расходов на себестоимость продукции позволяет уменьшить налогооблагаемую прибыль. Это может рассматриваться как стимул для увеличения оплаты труда с целью компенсации северных издержек по жизнеобеспечению населения. Но при этом уменьшаются и собственные средства предприятия, которые могли бы быть направлены на инвестиции в

дальнейшее развитие. Кроме того, увеличиваются выплаты единого социального налога, ставка которого выше, чем, ставка налога на прибыль. Таким образом, предприятие вряд ли выигрывает от такого решения. Это подтверждается относительно низкой долей малого бизнеса в ВРП северных регионов, по сравнению с другими регионами она вдвое ниже (6% против 12% в 2003 г.).

Таким образом, современный северный социальный контракт снижает конкурентоспособность малого и среднего бизнеса. В условиях складывающейся рыночной структуры в российских северных регионах вариант компенсации северных доплат к заработной плате работников из государственного бюджета, как в северных территориях Канады, был бы более приемлем.

Агентские издержки. Степень распределения нагрузки на воспроизводство рабочей силы или на компенсацию отрицательной ренты между населением, работодателями и государством зависит от содержания северного социального контракта. Агентами в данной части северного социального контракта выступают как государственные и муниципальные учреждения, так и частные фирмы.

Предоставление северных гарантий в соответствии с действующим социальным контрактом приводит к *аллокационной неэффективности* (Wolf, 1989), когда выгоды распространяются на определенную, сравнительно узкую группу населения, в то время как издержки осуществления ложатся на всех налогоплательщиков. Самой выигрывающей стороной Закона являются чиновники. Из анализа нормативных актов за период 2004 - 2006 гг. двадцати муниципальных объединений Республики Коми - типичного субъекта северного социального контракта, - видно, что из 520 документов 229 направлено на увеличение гарантий, предоставляемых чиновникам и вспомогательному составу муниципальных объединений. Гораздо реже осуществляется помощь другим категориям муниципальных работников. Причем, для чиновников размер доплат варьирует от 60% до 380% в зависимости от должности, а другим категориям работников - библиотекарям, тренерам спортивных секций, работникам музеев, учителям, фельдшерам, - если и устанавливаются надбавки, то не более 25% к должностному окладу. Это доказывает, что армия чиновников на Севере - главный сторонник существующей формы северного социального контракта.

Следовало бы ввести ограничение на размер компенсаций для северян отрицательной климатической ренты как сверху, так и снизу, или установить фиксированную компенсацию, независимо от статуса занятости или беззанятости, но в привязке к прожиточному минимуму.

Это позволило бы снизить бремя государственных расходов, повысить эффективность трансфертов для категорий, защищаемых государством, уменьшить существующее неравенство в доходах населения.

Развитие транспортной системы - важнейшее условие снижения стоимости северного социального контракта. В развитии зарубежного Севера состояние транспортной инфраструктуры признается важнейшим условием *снижения стоимости северного социального контракта* (См. например, Task Force..., 2001). С 2007 г. развитие российской транспортной системы стало рассматриваться как первостепенная задача, но ориентация на развитие железнодорожного транспорта и трубопроводов северных социальных проблем практически не решает.

В Канаде, где железнодорожного транспорта на Севере нет вообще, а строительство автодорог ведется сотнями километров в год (показатели, в десятки раз превышающие аналогичные для российских северных регионов), энергетическое и продовольственное обеспечение северных поселков берут на себя ассоциации разработчиков природных ресурсов, а основная функция государства - профинансировать целиком или частично развитие транспортной инфраструктуры (Леонов, 2002).

В «северном завозе» в силу значительных, особенно в первый период реформы, объемов бюджетной поддержки наиболее ярко проявилось искажающее воздействие активных мер федерального регулирования на процессы рыночной координации. За первые годы реформы отчетливо обозначились тенденции постепенного ухода федерального центра от активного регулирования поставок энергоносителей и продовольствия на Север (Пилясов, 2005). Сузился перечень продукции, поставки которой на Север поддерживало государство в лице федеральной и региональной власти, сокращен перечень районов до тех, где сроки навигации ограничены 180 днями, а также методов финансовой господдержки завозной компании - от льготного кредитования закупок и транспортировки до компенсации лишь части транспортных расходов. Процессы реформирования направлены на стимулирование региональных властей в поиске пути замещения внешних поставок продукцией местных производителей (Арбатов и др., 2002).

Логично ожидать, что увеличившаяся ответственность региональных властей приведет к необходимости гибкого выстраивания отношений с бизнесом, берущим на себя ответственность за поставки продукции и энергоносителей в

труднодоступные районы, поиска оптимальных налоговых условий, преференций в кредитовании. Однако, анализ того, как эти отношения на самом деле строятся, свидетельствует о том, что увеличивается число неформальных соглашений между бизнесом и властью, предполагающих особые условия ведения бизнеса только для тех предпринимателей, которые близки властным структурам. Формальные же правила такие как изменение налоговой ставки оцениваются представителями власти как слишком дорогие решения для региональных бюджетов (Чирикова, 2006). Таким образом, сокращение функций федерального центра в реализации «северного завоза», ведет к снижению контроля над его качеством из-за преобладания неформальных правил в развитии региональных рынков поставок. Это усиливает зависимость населения от текущих отношений между бизнесом и региональной властью, делает менее обеспеченным качество жизни населения в труднодоступных районах. Ежегодно в том или ином районе возникает дефицит топлива, настолько острый, что привлекает внимание общественности. Здесь очевидна недостаточность спецификации северного социального контракта. Действительно, сложно гарантировать минимальную температуру жилья в помещении или минимальный набор продуктов питания. Поскольку исполнение таких гарантий зависит не от одного агента между принципалом и потребителем, а от нескольких. Рыночные механизмы пока не достаточно эффективны, поскольку слабо регулируются агентские издержки при заключении соглашений между региональными властями и предпринимателями, а также вследствие низкой транспортной доступности, делающей рынок поставок продовольствия и энергоносителей не конкурентным. Это делает «северный завоз» существенным ограничением в развитии человеческого капитала в удаленных труднодоступных районах, поскольку ставит под угрозу удовлетворение жизненно важных человеческих потребностей.

Резюме

Управление инвестициями в человеческий капитал определяет, каким по качеству и количеству он, как движущая сила экономического роста, станет в будущем. Меры, направленные на решение проблем накопления и использования человеческого капитала на Севере, такие как межрегиональное и внутрирегиональное неравенство по доходам, ограничения на горизонтальную и вертикальную мобильность человеческого капитала, могут быть системно исследованы в рамках северного социального контракта (ССК). Под *северным социальным контрактом* понимается совокупность явных и неявных соглашений, определяющих, кто из экономических субъектов и в какой мере должен участвовать в инвестициях в человеческий капитал в северных регионах, как должно быть обеспечено участие домохозяйств в инвестиционном процессе, то есть, как обеспечивается необходимый для инвестирования уровень доходов населения. Содержание социального контракта позволяет судить о ценности человеческого капитала в сопоставлении с другими национальными ресурсами, определяемой ожидаемой нормой отдачи. Контракт охватывает права и обязанности гражданина; межгрупповые отношения и отношения внутри сообщества; роль частных предприятий и общественных организаций в создании этих прав, отношений и обязанностей; обязательства правительства перед гражданами и различными сообществами. Субъектами ССК выступают государственные органы, некоммерческие организации, население Севера, руководители и владельцы предприятий. При этом сам социальный контракт является результатом взаимодействия этих субъектов, эффективности согласования и координации взаимных действий. Таким образом, социальный контракт различен для разных сообществ, для разных территорий, предприятий.

Критерием *эффективности социального контракта* является *положительная динамика изменений качества и количества человеческого капитала*, а именно его *половозрастная структура*, которая отражает рождаемости, смертности, продолжительности жизни; *структура по уровням образования*, позволяющая косвенно судить об отдаче от инвестиций, следовательно, об изменениях в уровне занятости и безработицы, преступности и заболеваемости. *Критерием эффективности ССК служит создание равных условий человеческого развития* в сравнении с «несеверными» территориями. Это подразумевает встроенность ССК в более широкий национальный социальный контракт.

Северный социальный контракт может быть представлен в эволюции северного законодательства от контракта советского периода (1945-1990), переходного периода (1991-2000) и периода рыночной экономики (2001-настоящее время). Многое в эволюции социального контракта объясняется переходом от патернализма к социальному партнерству, когда обязательства государства перед северянами уже существенно сокращены, социальная ответственность работодателей и страховые механизмы, обеспечивающие социальную защищенность, только формируются, а возможности населения платить за эти услуги самостоятельно весьма ограничены, особенно в периферийных местностях с недостаточным спросом на рабочую силу. Это объясняет недоинвестирование в человеческий капитал, которое привело к ухудшению в исследуемый период его количественных и качественных характеристик.

Несмотря на то, что обычно под социальным контрактом понимается неявное соглашение, в качестве советского ССК может быть рассмотрено северное законодательство, поскольку в тоталитарном государстве другие соглашения формальные или неформальные, регулирующие условия накопления человеческого капитала на Севере, были недопустимы. Именно льготы занятым на Севере и членам их семей, на которых основывалась советская северная политика, во многом определили современное состояние человеческого капитала. Разработанная система льгот и компенсаций компенсировала межтерриториальные различия, сделала северные территории привлекательными для проживания (О льготах..., 1945). Советский социальный контракт можно рассматривать как одно из главных достижений командно-административной экономики. Он был прозрачен, детализирован, исполняем, охватывал все сферы социальной жизни, эволюционировал в сторону увеличения гарантий. Северное законодательство было сосредоточено в нескольких законодательных актах: (О перечне отдаленных местностей..., 1945) и (О льготах..., 1945), затем (Об упорядочении льгот..., 1960), и, наконец, (О расширении льгот для лиц..., 1967). Структура льгот включала следующее (О льготах..., 1945): «стажевые» - 10% надбавки к ставкам (окладам) по истечении каждых 6 месяцев работы, но не более 100% тарифной ставки (оклада); дополнительные оплачиваемые отпуска; полное или частичное соединение отпусков; возмещение расходов на обратный проезд как самого работника, так и членов его семьи по истечении контракта; предоставление работникам и членам их семей жилой площади; 100% возмещение заработка в случае временной утраты трудоспособности; льготный стаж, дающий право на

получение пенсии по старости, инвалидности и за выслугу лет (один год за два года работы); единовременное пособие и суточные, выплачиваемые в увеличенном размере лицам, направляемым на работу в местности Крайнего Севера; сохранение на весь период действия трудового договора жилой площади по месту прежнего жительства.

Недостатком советского ССК была дискриминация довольно обширной группы северян. Только по Закону от 1967 г. северные льготы стали распространяться на тех, кто переселялся на Север по собственной инициативе при условии заключения договора от 3 лет и выше. С 1967 г. появились льготы для руководителей колхозов и совхозов. Северные компенсации не предусматривались учащейся молодежи и др. Тем не менее, советский ССК стал сильным стимулом для трудовой миграции населения в северные районы. За период его действия человеческий капитал на Севере увеличился количественно более, чем в два раза, улучшилась и его качественная структура. Можно заключить, что этот контракт обеспечил достижение поставленной цели - обеспечение человеческими ресурсами промышленного освоения Севера.

Шоковый характер экономических трансформаций 1990-х во многом предопределил изменение ССК, его ориентацию на краткосрочную эффективность, приоритетность мер, сглаживающих растущую социальную напряженность, в ущерб долгосрочным интересам человеческого развития, необходимостью поиска вариантов оптимального сочетания государственного протекционизма с возросшей экономической и политической самостоятельностью субъектов. ССК периода реформирования российской экономики (О государственных гарантиях..., 1993) в основном продублировал бывшие советские льготы, становившиеся все менее действенным экономическим инструментом под влиянием сокращения бюджетных расходов на социально-экономическое развитие Севера. Дальнейшее развитие законодательства РФ пошло по пути снижения роли северного фактора как в управлении человеческим капиталом, так и в экономическом развитии, универсализации инструментов регионального развития, что вело к дальнейшему усилению нарастающего межрегионального социально-экономического неравенства.

Рыночные условия хозяйствования на Севере требуют пересмотра полномочий и ответственности субъектов экономики в управлении инвестициями в человеческий капитал. Объективен процесс снижения финансовой ответственности государства перед

северянами и наоборот, роста ответственности частного бизнеса, что не означает снижение ответственности государства в обеспечении институциональной среды развития человеческого капитала в регионах Севера. Современное северное законодательство (О государственных гарантиях..., ред. 2004) адаптировано к тому, что государство является не единственным работодателем, а, следовательно, руководители частных предприятий выступают полноценными участниками северного социального контракта. Пока в российском северном социальном контракте руководители (владельцы) частных предприятий рассматриваются как субъект у которого возникает ответственность в связи с наймом работников на Севере, реже - в связи с ведением производственной деятельности в условиях Севера, и совсем редко - как субъект, у которого возникают права в связи с наймом работников на Севере.

С точки зрения теории компенсирующих различий, что, кстати, закреплено и в определении Российского Севера (Концепция..., 2000), у работодателей такие права должны быть, поскольку они несут повышенные производственные издержки, в том числе, связанные с оплатой труда. Частью северного социального контракта должны быть обязательства государства по снижению этих издержек, также должна быть распределена ответственность между уровнями государственной и муниципальной власти в этом вопросе, предусмотрена возможность не только подчиняться устоявшейся норме, но и гибко изменять ее в соответствии с социальными и экономическими критериями деятельности.

Отличием ССК от зарубежных аналогов является *непрозрачность процедуры*, относящего территории к северным. Два основания для получения территориальных льгот - северная дискомфортность и географическая удаленность, - смешаны в определении границ Севера. Это, во-первых, увеличивает бремя расходов на предоставление гарантий и компенсаций, то есть на реализацию северного социального контракта, во-вторых, не создает институциональных условий для снижения финансовых обязательств государства там, где условия проживания вполне комфортные, где экономическая несамостоятельность территорий воспроизводится через механизм компенсаций населению и дотаций регионам.

Важный элемент современного северного социального контракта - это отношения между северными коренными народами, составляющих более 200 тыс. чел., с одной стороны, и государством, пришлым населением Севера и бизнесом, с другой. В советский период была выстроена жесткая патерналистская модель.

Десятилетиями представители коренных народов были лишены возможности самостоятельно решать как вести хозяйство, согласовывать с государством условия и территории для промышленного освоения, решать какое образование традиционное или «западное» передавать детям, то есть участвовать в защите собственных экономических и культурных интересов. Из-за неразвитости общественных организаций, местных сообществ, появившиеся возможности участия в формировании социального контракта не были использованы должным образом, за исключением сообществ, получивших финансовую и методологическую поддержку зарубежных сообществ, например, ловозерских саами, поддержанных в рамках Баренцева региона. По сравнению с саами коми-ижемцы, укоренившиеся на Кольском полуострове несколько веков назад и не имеющие тесных связей с коми, проживающими на других территориях, по сути, дискриминируются разработанными законодательными нормами (Фрайер, 2007), так как не признаны коренным малочисленным народом (Об общих принципах..., 2000; О территориях традиционного..., 2001). На сложность развивающихся отношений, проблемы определения прав на ресурсы, включения народов и национальных групп в число коренного населения указывает А.С. Зуев (2002). Оставшиеся без государственной поддержки национальные села в большинстве переживают затяжной экономический спад, сопровождающийся алкоголизацией населения, ростом заболеваемости и смертности.

Новым элементом контракта является его распространение не только на всех занятых, но и трансфертные группы населения. При этом принцип предоставления гарантий и компенсаций остался во многом таким же, как и в северной политике советского периода, то есть появление частного сектора в экономике учитывается не в полной мере. Появилась неопределенность в механизме исполнения контракта и контроля над его исполнением в частных предприятиях.

Недифференцированный по размеру бизнеса подход к распределению полномочий и обязанностей в северном социальном контракте ведет к еще большей зависимости экономического развития региона и доходов населения от крупного бизнеса. Неконкурентоспособность малого бизнеса, отягощенного северным социальным контрактом, подтверждается относительно низкой долей малого бизнеса в ВРП северных регионов, по сравнению с другими регионами она вдвое ниже (6% против 12% в 2003 г.). Поскольку крупный капитал более мобилен в перемещении инвестиций между территориями, маневрировании среди различных региональных

налоговых и социальных ограничений, то снижается и устойчивость региональных экономик.

Требования экономической эффективности бизнеса противоречат требованиям сохранения человеческого капитала в северных регионах, необходимым условием которого является компенсация более высокой стоимости жизнедеятельности, что создает мощнейший стимул для вытеснения северян с местного рынка труда. Дополнительные льготы усиливают гендерную и возрастную дискриминацию. Таким образом, современный северный социальный контракт не эффективен и не способствует накоплению человеческого капитала, поскольку не гарантирует получения минимального необходимого для жизни дохода, не способствует ни росту рабочих мест для северян, ни развитию социальной сферы и увеличению комфортности северных территорий.

Глава 6. Совершенствование механизма управления инвестициями в человеческий капитал в регионах Российского Севера в условиях смены модели патернализма моделью социального партнерства

6.1. Роль федеральной власти в формировании условий накопления и эффективного использования человеческого капитала

Должно ли быть специальное северное федеральное законодательство или существующая законодательная база может быть адаптирована к Северу включением отдельных «северных» статей в российские законы? Второй подход в современном российском законодательстве преобладает, тогда как в других северных странах государственные инвестиции в образование и здравоохранение рассматриваются как условие накопления человеческого капитала в регионах с низкой плотностью населения и ограниченной налоговой базой, которые так характерны для Севера (The Ecomomy..., 2006).

Формирование модели социального партнерства является базовым принципом совершенствования политики накопления и использования человеческого капитала в регионах Севера. Многосубъектность - новый фактор в формировании условий человеческого развития на Севере. Важным условием эффективности управления человеческим капиталом становится степень вовлечения в этот процесс новых субъектов, определение их роли, полномочий и обязательств, и северный социальный контракт обеспечивает полноту этой оценки. Детального рассмотрения требуют не только функции федеральной и региональной власти, но также роли новых субъектов социального контракта, существенно влияющие на процессы накопления человеческого капитала в регионах Севера, а именно, общественных объединений и крупных корпораций.

Северный социальный контракт на федеральном уровне должен содержать не только методы финансирования социальных расходов, способствующие выравниванию возможностей человеческого развития, но и методы активизации местных сообществ, формирования местного самоуправления, вовлечения частного бизнеса в решение проблем накопления и использования человеческого капитала. Для совершенствования ССК необходимо пересмотреть его в следующих направлениях:

- выбор показателей эффективности ССК;

- выбор механизмов контроля исполнения и эффективности ССК со стороны государства и общества;
- разделение прав и ответственности субъектов, возникающих согласно северному социальному контракту, и возникающих в связи с такими основаниями как депрессивность территории, попадание населения в бедность и др.;
- распределение ответственности федеральной и региональной власти, общественных объединений и бизнеса, домохозяйств и местных сообществ в накоплении и использовании человеческого капитала на Севере.

Пересмотр ССК и выявление оснований контракта должно происходить в сферах здравоохранения, образования, миграционной и жилищной политике, регулировании рынков труда. Основными показателями эффективности процесса накопления и использования человеческого капитала выступают:

- показатели движения населения: миграции, рождаемости и смертности;
- показатели динамики уровня и структурных сдвигов в профессиональном образовании;
- показатели степени выравнивания доходов населения.

Показатели человеческого развития должны рассматриваться в связи с экономическим ростом, отдачей от инвестиций в человеческий капитал. Региональная политика в России, в отличие от зарубежной, понимается в неразделимости социальных и экономических задач. В этом проявляется ее командно-административная трактовка, когда единственным источником финансирования экономических и социальных задач было государство. Под *региональной политикой* в Российской Федерации понимается «система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации» (Основные положения..., 1996). Исследователи чаще используют категорию «социально-экономическое развитие», нежели социального и экономического развития в отдельности (см. например, Гранберг, 2006).

По мнению автора, отсутствие четкой границы между экономическими и социальными задачами региональной политики затрудняет ее оценку с точки зрения накопления и эффективного использования человеческого капитала. С одной стороны, большая

часть ее направлений оценивается по стоимости социального контракта, то есть затратам на различные направления, а не конечным результатам, таким как снижение уровней заболеваемости и смертности, увеличение рождаемости и т.д. (Шишкин, 2003). С другой стороны, управление инвестициями в человеческий капитал в рамках существующей региональной политики рассматривается в отрыве от задач экономического роста, изменения ВРП, создания рабочих мест, то есть государственное участие продолжает трактоваться как социальные расходы, критерием эффективности распределения которых выступает даже не столько накопление человеческого капитала, сколько «залатывание дыр» в региональных бюджетах для выполнения имеющихся обязательств (Римашевская, 2004).

Основой повышения эффективности механизма контроля над ССК является контроль не только со стороны государства, но и со стороны общества, включающий:

- контроль не над промежуточными, а конечными показателями, то есть не над финансированием, а над ростом продолжительности жизни, уровнем образования, снижением преступности и т.д.;
- увеличение информационной прозрачности, то есть обеспечение публикации в средствах массовой информации отчетов о деятельности агентов социального контракта для общественного контроля над его исполнением;
- более четкую спецификацию обязательств государства в предоставлении услуг социальной сферы, подразумевающую определение минимальных стандартов социальных услуг в национальном контракте и определение перечня дополнительно гарантируемых на Севере услуг;
- формализацию в контракте процедур определения размеров и сроков межбюджетного финансирования, необходимой для исполнения государственных обязательств в социальной сфере, а также определение ответственности за нарушение этих процедур;
- всесторонний анализ и общественное обсуждение исполнимости ССК в случае его пересмотра с целью переноса ответственности с на региональный, муниципальный (территориальный) и внутрифирменный уровень;
- правовое образование граждан.

Непрозрачность алгоритма финансовой помощи региональным бюджетам, отсутствие контроля по показателям накопления

человеческого капитала, в настоящее время ведет к огромным различия в возможностях регионов самостоятельно обеспечивать инвестиции в человеческий капитал ведет углублению социального неравенства по территориям. Исследователи НИСП обращают внимание на то, что "бедные" регионы вынуждены реализовать политику выравнивания или преобладания социальных расходов в бюджете, не имея возможности заниматься экономическим развитием, не столько из-за «трансфертных излишков», сколько из-за их недостатка, поскольку в консолидированных (региональных и местных) бюджетах субъектов РФ доли расходов на образование, здравоохранение, социальную политику находятся в обратной зависимости от бюджетной обеспеченности регионов (Индекс качества..., 2004). Высказываются мнения о существенном завышении показателя бюджетной обеспеченности (Зубаревич, 2007), то есть его необъективности. Так в слаборазвитой республике Тыва социальные расходы по данным 2003 г. превышают 2/3 бюджета (табл. 29). В наиболее «богатых» регионах доля социальных расходов значительно ниже, но их объем позволяет поддерживать более высокое качество жизни, особенно в ХМАО и ЯНАО. Таким образом, для сохранения человеческого капитала критическим ограничением выступают возможности регионов реализовать социальную политику, определяемые их бюджетной обеспеченностью. Несовершенство методики расчета бюджетной обеспеченности подчеркивает необходимость контроля не промежуточных параметров человеческого развития, то есть финансовых расходов, а конечных - демографических и миграционных показателей, изменения профессионально-квалификационного уровня населения.

Таблица 29. Структура расходов бюджетов регионов-лидеров и аутсайдеров в 2003 г., %

Расходы консолидированных бюджетов региона:	В среднем по РФ	Ханты-Мансийский АО	Республика Тыва
Образование	18,9	15,0	30,8
Здравоохранение и физическая культура	13,0	11,5	18,8
Культура и искусство	2,3	2,0	3,2
Социальная политика	9,1	5,9	8,1
Жилищно-коммунальное хозяйство	12,7	6,8	5,4
Всего социально ориентированные расходы	56,0	41,2	66,3
ИТОГО расходов	100	100	100

/Источник: Индекс качества..., 2004/

Межбюджетные отношения. Усиление самостоятельности регионов. Роль государства, степень вмешательства в социально-экономическое развитие регионов трактуется по-разному. Федеративное устройство зарубежных государств предполагает значительную экономическую самостоятельность регионов, их права на управление ресурсами, перераспределение природной ренты, в том числе и в формировании северной политики. Федеральный центр при этом задает параметры экономического и социального развития, контролируя успешность региональной политики индикаторами роста доходов населения, а также демографическими показателями.

Процесс формирования рыночных отношений 1990-х требовал принятия мер социальной защиты населения. Он был чрезмерно политизирован, ради краткосрочных выгод в виде голосов избирателей, снижения социальной напряженности (Калашников, 2003), принимались законы и программы, которые затем не финансировались или финансировались в недостаточном объеме. Реформа 2003-2004 гг. стала ответом на большое количество нефинансируемых федеральных мандатов, в том числе Целевых федеральных программа для северных регионов, попыткой упорядочить и разграничить расходные полномочия и ответственность между федеральным центром, субъектами федерации и муниципальными образованиями. Тенденцией реформирования региональной политики является передача многих функций, бывших ранее федеральными, на региональный и муниципальный уровень. При этом оно не сопровождается адекватным реформированием межбюджетных финансовых потоков (Лексин, 2004). Таким образом, исполнение социального контракта сопровождается высоким риском финансового недообеспечения агентов, которое в условиях его недостаточной спецификации, отсутствия минимальных социальных стандартов, носит скрытый характер. Процесс реформирования сохраняет чрезмерную детализацию обязательств без адекватного контроля над их исполнением не по расходованию финансовых средств, а по объему услуг социальной сферы и социальной помощи населению (Шишкин, 2003).

Доминирующая идея современной региональной политики - *выравнивание регионального развития по социальным показателям*, - альтернативна идее самостоятельного внутрирегионального перераспределения ренты, конкуренции между регионами за ресурсы. Вместе с тем, заложенная в выравнивании регионального развития идея обеспечения конституционных равных возможностей граждан в

реализации своих прав независимо от места проживания (Гранберг, 2006) остается декларацией из-за отсутствия адекватной реакции федерального центра на изменение человеческого капитала в регионах. Само понятие политики выравнивания в большей мере относится к обеспеченности региональных бюджетов, нежели к выравниванию уровня жизни в регионах. Контрольными переменными реализации социальной политики являются показатели финансирования по ее направлениям, а не продолжительность жизни, заболеваемость и другие объективные характеристики эффективности этой политики, которые по Северу имеют значительно более высокую вариацию и худшие средние показатели, чем по группе «несеверных» регионов (прил. 4). На внутрирегиональном уровне проблема социальных контрастов еще более усиливается. Внимание к ней проявляется только в работах последних лет (Дмитриева, 2007), что связано со значительно меньшей доступностью статистических данных, необходимых для анализа.

Не смотря на формальные признаки полного социального контракта: четко очерчена агентская структура, есть условия и размеры вознаграждения, меры контроля, спецификация, - он не является эффективным. Сметное финансирование, управление инвестициями человеческий капитал на федеральном уровне по нормативам, разработанным в командно-административной системе, оказались абсолютно непригодными для условий переходной экономики. С одной стороны, финансирование осуществлялось в жесткой привязке к видам затрат, что должно было снизить злоупотребление средствами, с другой - их явная недостаточность привела к повсеместному распространению неформальных практик, нелегальных платежей за услуги в социальной сфере, износу физического капитала (Шишкин, 2007), возникновению жесточайших условий для сохранения населения страны его культуры, здоровья, генофонда (Зубаревич, 2005).

Неэффективность действующих механизмов выравнивания региональных условий для накопления человеческого капитала привлекает внимание многих исследователей. Государство должно перейти от малоэффективного выравнивания экономического развития регионов к созданию условий для самостоятельного экономического развития регионов, то есть заниматься инфраструктурой, формированием институциональной среды, в частности регулированием недропользования (Аганбегян, 2007; Арбатов и др., 2002; Львов, 2004). Синтез концепций выравнивания регионального

развития и приоритетности экономического роста рассматривается в модели достижения Парето-эффективности, основанной именно на *принципе минимальных социальных стандартов* при построении и выборе наилучших путей развития региона (Гранберг, 2006). Он позволяет гарантировать необходимый уровень социальных услуг населению, при приоритетности экономического роста. В ситуации, когда конституционные права граждан на образование, лечение, полноценный отдых во многом стали лишь записью на бумаге, задача разработки и соблюдения таких стандартов становится первостепенной. Она ставится в работах многих ученых (Ильин, 2006; Львов, 2005).

На накопление человеческого капитала может серьезно влиять социальная политика крупных северных компаний, поэтому важно не только разрабатывать государственные социальные программы, но и координировать их содержание и реализацию с другими экономическими агентами, в том числе, с корпорациями. Пока включение в социальную сферу частного бизнеса, как в качестве поставщиков услуг социальной сферы, так и инвесторов, остается без должного нормативного обеспечения. Институционально социальная система состоит из жестко регламентированной бюджетной сферы и параллельно развивающейся сферы платных услуг и услуг, предоставляемых в рамках социальной политики предприятий. Это, во-первых, ограничивает участие частного бизнеса в инвестициях в человеческий капитал, поскольку не проработана схема софинансирования социальных расходов между государством и частным бизнесом. Статистически отслеживается объем платных услуг в сферах образования и здравоохранения, но за этими показателями скрываются две тенденции. С одной стороны, ухудшение государственных услуг в социальной сфере, вынуждающий даже граждан с низким и средним уровнем дохода прибегать к платным услугам, с другой, рост благосостояния населения, который позволяет получать эти услуги в большем объеме, чем это предусмотрено по нормативам, и лучшего качества. Эти два эффекта неотделимы в рамках существующей статистической отчетности, что усложняет анализ реального состояния в обеспеченности услугами социальной сферы.

Объективным условием повышения качества человеческого капитала на Севере является развитие конкурентной среды между агентами - исполнителями ССК не только на стадии отбора исполнителей, но и на стадии предоставления услуг социальной сферы. Механизм государственного финансирования только

бюджетных учреждений усиливает дискриминацию по отношению к частным производителям услуг, сохраняет монопольные, а не конкурентные условия их предоставления. Тем самым сохраняются и издержки монополии: затратный механизм ценообразования, негибкость в реакции на спрос, дефицитность услуг, низкое их качество. Эти издержки усиливаются без мониторинга качества человеческого капитала.

Существенным изменением институциональных рамок накопления человеческого капитала в северных регионах должно стать изменение подхода к распределению природно-ресурсной ренты. Часть северных территорий при соответствующих межбюджетных и трехсторонних соглашениях уже сейчас могли бы самостоятельно обеспечить необходимый уровень инвестиций в человеческий капитал за счет более эффективного распределения ренты от добываемых ресурсов (Львов, 2004). При этом необходимо учитывать то, что без государственного регулирования будет происходить усиление межрегионального неравенства, которое в северных регионах весьма высоко. Контраст между среднемесячными начисленными заработными платами в РПМ достигал в 2005 г. 2,5 раз (табл. 17). Неравенство ведет не только к усилению оттока населения из «бедных» регионов, но и к деградации человеческого капитала в связи с информационными, финансовыми и другими ограничениями на миграцию.

Автор считает полезным в формировании новых механизмов управления инвестициями в человеческий капитал ориентироваться на опыт северных стран. Политику этих стран отличает оценка результатов по показателям накопления человеческого капитала, а также большая самостоятельность регионов и муниципалитетов в определении ее конкретных направлений. В Норвегии и Финляндии меры выравнивания доходов оказываются достаточными для создания на севере комфортных условий жизни. Региональные власти в Финляндии по Закону о региональном развитии (1994 г.) обладают большими полномочиями в сравнении с центром. Контроль эффективности такого контракта осуществляется через измерение уровня безработицы и доходов на душу населения, которые позволяют гибко изменять размер финансирования бюджетов периферийных регионов, в том числе северных. Причем дифференциация доходов по территориям и группам населения на зарубежном Севере в настоящее время выступает скорее индикатором эффективности государственной политики, а не критерием, поскольку как таковая, эта проблема решена, разброс в уровне доходов по регионам Канады, Финляндии,

Норвегии не превышает трех раз (Кузнецов, 2005). Успех политики доказывается значительными изменениями количественных характеристик человеческого капитала в северных землях в сравнении 1950-1960-ми гг. (прил. 1). «Северность» не помешала этим странам занять лидирующее положение в мировом рейтинге.

В федеративной Канаде северные территории являются объектом отдельной политики развития человеческого капитала. В отличие от российского детализированного по статьям расходов социального контракта, помощь северным территориям в Канаде оказывается в виде трансфертов двух видов: выравнивающих платежей (Territorial Formula Financing - TFF), определяемых из планируемого размера бюджетного дефицита территорий, скорректированного на изменение численности населения, и социального трансферта (Canada Health and Social Transfer - CHST), контроль за целевым использованием которого основан на мониторинге федеральным центром показателей развития человеческого капитала (прил. 19). Эти трансферты не являются специфически северными инструментами, а предоставляются большинству провинций. Если население растет, то увеличиваются и размеры трансфертов, что создает мотивацию для региональных властей в улучшении условий проживания и привлечения населения. Трансферты, не обладая жесткой привязкой к виду расходов, позволяют региональным властям, куда входят и представители коренного населения, проводить относительно самостоятельную социально-экономическую политику, планировать в согласовании с DIAND строительство объектов производственной и социальной инфраструктуры, меры поощрения бизнеса, то есть создания рабочих мест, ведущего к повышению доходов населения, включая изменение налоговых ставок. Таким образом, резервы местных бюджетов для обеспечения нужд своих жителей и решения приоритетных задач территорий используются более гибко.

Задача CHST – обеспечить минимальный уровень услуг в сфере здравоохранения, образование и социального обеспечения с учетом определенных общенациональных стандартов. Эффективность распределения средств определяется не по размеру финансирования - основному показателю результативности российской политики, а по их отдаче. Специальные федеральные службы осуществляют мониторинг состояния здоровья населения, а также доступность и качество обучения. Если расходование трансферта признается неудовлетворительным, то может быть пересмотрена степень финансовой самостоятельности провинций с последующим прямым решением проблем федеральным правительством. Таким образом,

администрации территорий заинтересованы в проведении политики, поощряющей иммиграцию, рождаемость, увеличение продолжительности жизни, а также в улучшении условий развития бизнеса и создания рабочих мест. Помимо трансфертов, как для жителей северных территорий, так и для предпринимателей предусмотрены территориальные налоговые льготы, в частности, не взимается налог на имущество.

Функция координации и согласования действий множества субъектов, не ограничивающихся только региональными властями, но и включающие работодателей и представителей общественных объединений, требует усиления полномочий по контролю за процессами накопления человеческого капитала в регулирующем федеральном органе (DIAND). В зависимости от дополнительных полномочий он сможет обеспечить процесс межрегионального перераспределения финансовых потоков на социальные нужды с учетом частных инвестиций, блокировать деятельность корпораций, саботирующих инвестиции в человеческий капитал. Также в ведение Центра может быть включено право пересмотра социальных программ регионов, если показатели человеческого развития имеют негативную динамику. Помимо этого, Центр должен обеспечить изменение федеральных рамок реализации северного социального контракта, если анализ показателей человеческого развития свидетельствует о негативных процессах в целом по северным регионам, в сравнении с «несеверными».

Большую прозрачность перераспределения финансовых средств, участия предприятий в инвестициях в человеческий капитал, итогов социальной политики регионов, а также сопоставления условий жизни в различных северных регионах сможет обеспечить создание и поддержка Интернет-ресурса «Человеческий капитал регионов Севера», доступного общественности, поддерживающего обратную связь. Слабостью организации такого рода мероприятий обычно является непонимание того, что оно требует не разового, а регулярного финансирования, а также нормативного обеспечения взаимодействий с Росстатом, его территориальными органами, с органами региональной власти и администрациями предприятий. Согласно концепции социального контракта это нормативное обеспечение должно включать и меры наказания за уклонение от исполнения обязанностей и условия поощрения активных участников.

6.1.1. Задачи северной федеральной политики в накоплении человеческого капитала

При условии полноты национального социального контракта проблема бедности, препятствующая накоплению человеческого капитала, принципиально должна быть решена. Рассмотрим направления совершенствования собственно северного социального контракта, направленного на снижение влияния таких северных факторов как неблагоприятные климатические условия, высокие издержки на социальную инфраструктуру, а также на учет необходимости сохранения культуры северных этносов.

Северные задачи в области здравоохранения. Охрана здоровья северян в рамках северного социального контракта предполагает ответственность всех сторон этого контракта: федерального центра, региональных властей, работодателей, домохозяйств и их представителей. В предположении, что инвесторами выступают все субъекты в разной мере, основанием для пересмотра контракта должно быть ухудшение качества человеческого капитала. Основания для разработки специальных мер и комплексных программ профилактики и лечения – это дополнительное напряжение на иммунную систему организма, связанную с:

- холодным фактором;
- длинным летним и коротким зимним днем;
- повышенной геомагнитной активностью;
- пониженным содержанием кислорода в воздухе.

Исследователями доказано, что экстремальные условия ведут к появлению специфических заболеваний на Севере и более раннему возникновению распространенных болезней, ведущих к сокращению продолжительности жизни. Жизнь на Севере усиливает работу иммунных механизмов человека, ведет к сокращению репродуктивного возраста северянок, снижению продолжительности жизни (Ткачев, 1992). Заболеваемость на 1000 населения (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни) на Российском Севере выше, чем в среднем по России на 21%: 796 и 655 случаев, соответственно. По данным Комиинформ (Данные агентства..., 2007) только в Республике Коми за последние 10 лет возросла заболеваемость женщин социально значимыми болезнями (в расчете на 100 тысяч): злокачественными новообразованиями – с 201 до 270, активным туберкулезом – с 30 до 46, алкоголизмом – с 61 до 120. На Крайнем Севере обнаружено более высокое, чем в среднем по стране, заболевание ишемической болезнью сердца. Поэтому для сохранения здоровья нужны *постоянно действующие*

государственные программы, нацеленные на разработку и реализацию северных стандартов охраны здоровья населения.

Для решения проблем в сфере здравоохранения в северных территориях Канады действуют программы ранней диагностики некоторых заболеваний (Alcorn, 1996). Эффективность этих меры подтверждается существенным снижением смертности и увеличением продолжительности жизни аборигенного населения. Реализуются они на основе передвижных диагностических кабинетов, что экономически более оправдано, чем размещение стационарных учреждений (Kinloch, 1996). Такие передвижные диагностические лаборатории в настоящее время действуют и в регионах Российского Севера, но сами нормы осмотра, перечень методов диагностики являются общефедеральными, не учитывают северность.

Несмотря на то, что перераспределение обязательств финансирования сферы здравоохранения, усиление обязанностей региональных властей, является доминирующей тенденцией, контракт не освобождает федеральные власти от обеспечения конституционных гарантий. Вмешательство государства в эту сферу необходимо из-за неравных региональных условий в развитии, различной бюджетной обеспеченности и возможности включения крупных корпораций в предоставление медицинских услуг. Необходимо на федеральном уровне определять планы развития сферы здравоохранения, учитывая участие северных корпораций, как важного инвестора в человеческий капитал. Даже если все обязательства по предоставлению медицинских услуг будут перенесены на региональный уровень, за федеральной властью остаются функция мониторинга качества медицинских услуг по динамике характеристик человеческого капитала, а также обязательства по дополнительной помощи (вмешательству) региональным бюджетам в случае недостаточности уровня здравоохранения для накопления человеческого капитала, так как это происходит, например, в Канаде.

Развитие сферы здравоохранения на Севере зависит от обеспечения транспортной доступности. На снижение качества медицинских услуг в 1990-х немалое оказало влияние разрушение транспортной системы, износ автодорог, развал малой авиации, речного флота сделали медицинскую помощь недоступной для жителей многих сел. Решение этой задачи требует проработки механизмов софинансирования между федеральными и региональными властями, муниципальными органами и предприятиями строительства новых дорог, поддержки в удовлетворительном состоянии имеющихся, софинансировании малой

авиации и т.д. Тем не менее, найдено институциональное решение - создание региональных Центров медицины катастроф. Такой центр в Республике Коми действует с 1995 г. В его распоряжении два вертолета, время до оказания помощи в удаленных поселках составляет не более двух часов. Таким образом, в определенной мере, проблема низкой транспортной доступности в оказании срочной медицинской помощи решена.

Северная специфика в формировании систем образования.

На управление инвестициями в образование северный социальный контракт налагает дополнительные требования: сохранение культуры и традиционных видов экономической деятельности коренного населения, защита локальных рынков труда от конкуренции с мигрантами. Курс государственных реформ в России, взятый на укрупнение вузов, может привести к процессу их концентрации за границами Севера. Тем самым, удаленные северные регионы могут оказаться в неравном положении с центральными. Решение проблемы обеспечения доступа к высшему и среднему специальному образованию может быть достигнуто с помощью *квотирования мест в вузах и ссузах*, практиковавшемся в советский период. Без внимания к этой проблеме северная молодежь может оказаться без хороших рабочих мест, которые займут квалифицированные мигранты из регионов, где ведется необходимая профессиональная подготовка. Достижения в накоплении человеческого капитала советского времени будут окончательно утрачены. Это в дальнейшем усилит не только межрегиональные диспропорции в экономическом развитии, но и внутрирегиональные - как в доходах населения, так и в перспективах на самореализацию. В свою очередь, это неминуемо ведет к углублению проблем, связанных с недооценкой и недоиспользованием человеческого капитала.

Решением проблемы обеспечения доступа к высшему и среднему специальному образованию может быть также *развитие дистанционного образования*. Интернет, спутниковая связь значительно увеличили возможности в получении вузовского и среднего специального образования на Севере. В качестве удачного примера приведем созданный под эгидой Арктического Совета в 2001 г. Арктический университет, действующий как виртуальная образовательная площадка. Он объединяет в настоящее время более 130 околополюсных вузов, бесплатно предоставляя учащимся возможности дистанционного обучения с углубленным изучением северной специфики в различных областях знаний, по программам всех ступеней вузовского и послевузовского образования.

В настоящее время остро стоит проблема сохранения северного знания, получения знаний для ведения бизнеса в северных условиях. В решении проблемы преодоления конфликта между северным и «западным» знанием большую роль играет переговорная сила заинтересованных сторон. К сожалению, жесткие финансовые ограничения в реализации образовательных программ еще долго будут влиять на определение стратегии в их предоставлении. Маловыгодные в краткосрочном порядке курсы о влиянии промышленности на северную окружающую среду, на сохранение северных этносов, вопросы правового регулирования землепользования и недропользования на Севере, так и будут оставаться на вторых ролях по сравнению со сверхпопулярными программами по юриспруденции, информатике, экономике без вмешательства представителей северных сообществ. Образовательные учреждения открывают и закрывают специальности из соображений краткосрочного спроса, не заботясь о перепроизводстве или недопроизводстве специалистов. У образовательных учреждений нет финансовых стимулов, чтобы ориентироваться на среднесрочный и долгосрочный спрос на локальных рынках труда. А для установления каких-либо санкций со стороны государства в отношении учреждений, штампующих рабочих и специалистов, не востребованных на рынке, необходима четкая фиксация их обязательств по подготовке кадров в соответствии с прогнозируемой потребностью в рабочей силе, то есть спецификация.

Существуют и другие немаловажные институциональные ограничения на повышение отдачи от инвестиций в образование на Севере, а именно ограниченность учебных заведений в средствах. Происходящий процесс передачи начального и среднего специального образования на региональное финансирование ведет к усилению межрегионального неравенства в предоставлении образовательных услуг. Открытие технических специальностей, оснащение лабораторий дорогостоящим оборудованием, обходится образовательному учреждению в десятки, сотни раз дороже открытия гуманитарной специальности, где для ведения образовательного процесса достаточно аудитории и преподавателя. Таким образом, финансовые ограничения ведут к перепроизводству специалистов гуманитарного направления и недостаточным объемам подготовки технических специалистов. Система ПТУ продолжает разваливаться во многом из-за того, что моральное устаревание материально-технической базы, на которой готовили рабочих, привело к существенному снижению спроса на выпускников. И даже внутри специальности региональные и вузовские компоненты образовательных стандартов формируются не под

потребности будущих специалистов в навыках и умениях, а под возможности вычитать учебные дисциплины с минимальными издержками, под постоянный штат преподавателей, не обязательно дающих востребованные знания, но согласных на весьма скромное вознаграждение своего труда. Это еще больше снижает спрос на выпускников без стажа работы, усиливая несоответствие между потребностью в рабочей силе и ее предложением. И здесь необходим поиск новых решений, разработка региональных компонент, отвечающих потребностям северной экономики.

Проблемы сохранения этносов влияют на формирование системы образования в северных странах. С одной стороны необходимость индустриального развития Севера диктует требования универсализации образовательных программ. С другой стороны эта универсализация ведет к утрате не только навыков традиционной жизнедеятельности, которые могли бы передаваться в процессе обучения, но и утрате языков, на которых говорит коренное население, поскольку большинство предметов преподается на государственном языке. В зависимости от того, насколько ранее были развиты национальные школы, как системы передачи знаний коренных народов, определились пути реформирования системы образования в 1990-е. Так в Норвегии, где национальные мобильные школы, перемещающиеся вместе с оленеводческими кочевьями, существуют с 1930-х гг., было признано, что отсутствие государственных стандартов в школьном образовании ведет к сдерживанию экономического роста, и в 1997 г. была проведена его реформа. Однако первые оценки реформы, как со стороны учеников, так и учителей носили больше негативную окраску (Johansson etc., 2004). Они констатировали большой отрыв теоретических знаний от возможности их практической реализации в селах, где проживало коренное население - саами.

В отличие от зарубежных стран в России ведется работа в направлении большей национализации знаний, передачи культур северных коренных народов от поколения к поколению в рамках школьного образования. Связано это с тем, что до 1992 г. у коренного населения из-за общероссийских образовательных стандартов такой возможности не было. В советский период образование на Севере было максимально стандартизировано и задача инвестиций в образование для обеспечения экономического развития на основе индустриализации институционально решена. Практически во всех крупных северных городах есть не только средние, но и высшие образовательные учреждения (прил. 18), число которых продолжает

увеличиваться. В то же время общегосударственные стандарты образования поставили под угрозу сохранение многих этносов. Преподавание велось только на 44 языках из 126, на которых говорили северные народы (Johansson etc., 2004).

В настоящее время постепенно происходит процесс национализации образования: 25% учебной нагрузки в школе может формироваться в соответствии с региональными потребностями, в том числе, потребностью сохранения языков и культур коренных народов. В большинстве автономных округов и национальных республик появились обязательные для изучения национальные предметы, а также национальные школы (Mikhailova, 2003). К сожалению, не всегда эти преобразования обеспечены ресурсами в достаточной мере. Низкая оплата труда учителей, как российское явление, сказалась, в первую очередь, на качестве преподавания экспериментальных предметов, в том числе, национальных, по которым к началу трансформационного периода не было накоплено методических материалов, опыта преподавания. Политическая воля региональных властей, не обеспеченная ресурсами, во многих школах превратила в профанацию введение национальных образовательных программ.

Удачное, по мнению автора, сочетание национальной и «западной» компонент найдено в системе образования индейцев-атабаска Аляски, где предметы в начальной школе, в основном, преподаются на родных языках, что позволяет обеспечить минимальный уровень грамотности. Тем же из учащихся, кто собирается продолжить образование на послешкольных ступенях, приходится изучать необходимые предметы на ступени среднего образования на английском языке. Тем самым достигается возможность выбора индивидуальной траектории не только в получении образования, но и в будущей занятости, образе жизни. Таким образом, поиск оптимального сочетания передачи этнического знания и современного знания, необходимого для обеспечения экономического роста, еще не завершен и имеет разную направленность: «от универсализации к национальной идентичности» и наоборот.

В управлении инвестициями в образование на Севере необходимо учитывать два негативных отклика на происходящие процессы. Процессы концентрации образования, направленные на защиту качества, могут существенно уменьшить доступность образования в северных регионах, что приведет к снижению качества человеческого капитала. Процессы универсализации и стандартизации образования, необходимые для индустриального и

постиндустриального освоения Севера ставят под угрозу сохранение культур северных этносов. В качестве основы для пересмотра северного социального контракта в сфере образования автор предлагает отслеживать и анализировать происходящие изменения в таких показателях как (число национальных школ, из них передвижных мобильных и стационарных; предметов на национальном языке; ступеней образования, где образование ведется на национальном языке; численности учащихся, видов и объемов профессионального образования на рабочем месте (без отрыва от производства), объемов финансирования предприятиями образования по видам.

6.1.2. Задачи эффективного использования человеческого капитала в регионах Севера

Программы поддержки бизнеса - условие эффективного использования человеческого капитала в регионах Севера. Управление инвестициями в человеческий капитал на Севере должно сопровождаться специальными мерами стимулирования бизнеса и протекционистскими мерами в отношении коренного населения. В зарубежной региональной политике в отношении Севера можно выделить следующие меры, снижающие стоимость северного социального контракта для бизнеса и населения:

- субсидирование социальных программ, например, строительство жилья, осуществление профессиональной переподготовки при реструктуризации экономики;
- налоговое стимулирование и дотирование социально-значимой деятельности.

Экономическое развитие, создание рабочих мест, диверсификация экономики Севера является одним из главных направлений современной региональной политики. Программы поддержки развития местных северных сообществ включают финансирование объектов инфраструктуры, помощь малым предприятиям.

Для развития малого и среднего бизнеса на Севере Канады, в отличие от России, предусмотрены специальные "северные" надбавки, выплачиваемые за работу в регионах Севера. Эти надбавки из федерального бюджета позволяют снизить издержки работодателей на труд, обеспечивая при этом должный уровень доходов населения. Они в первую очередь относятся к занятым в службах и на производствах, связанных с обслуживанием населения. В отличие от России, эти расходы возмещаются работодателям в виде прямых выплат из

бюджета или налоговых льгот на те же суммы. Сумма надбавок зависит от отрасли, в которой занят работник, и, в среднем, составляет от 20% до 40% оплаты труда. Помимо прямых компенсаций на затраты труда бизнес на Севере пользуется льготными условиями налогообложения и получения кредитов, что также ведет к росту рабочих мест.

Северные территории за рубежом дифференцируются не только по широтному признаку, но и по стадиям освоения природных ресурсов, определяющем уровень риска инвестиций. Предприятия, ведущие разработку месторождений, терпят наибольшие риски на стадии геологоразведочных работ и подготовки к добыче. В это время федеральная помощь на разворачивание социальной инфраструктуры в месте добычи особенно важна, способна определить принятие решения и сроки по освоению месторождения. По мере увеличения объемов добычи и их переработки такая необходимость отпадает и функцией государства остается мониторинг состояния человеческого капитала. В зависимости от стадии освоения определяется размер жилищных субсидий и компенсаций, а также степень участия государства в строительстве других инфраструктурных объектов (Витязева, 2007). Для строительства жилья на Канадском Севере предоставлялись ссуды в размере от 75% до 95% стоимости строительства сроком до 25 лет под 7,5-7,7% годовых, что существенно изменило представление о дискомфортности этих территорий. Применение этого опыта в России позволило бы оптимизировать сочетание частных и государственных инвестиций в создание рабочих мест на Севере, обеспечив повышение эффективности использования человеческого капитала.

Управление использованием человеческого капитала коренного населения осуществляется через дотации и льготное налогообложение традиционных промыслов, рыболовства, оленеводства, а также меры направленные на развитие культуры саами. Регулирование отношений коренного населения с добывающими корпорациями - одна из ключевых функций федеральных департаментов. Соглашения федеральной/региональной власти с корпорациями в интересах аборигенных этносов по поводу земель традиционного проживания, компенсационных выплат за использование этих территорий и приоритетных прав на традиционное жизнеобеспечение являются важным элементом северного социального контракта (Котырло, 2007 (1)).

Важным разделом таких соглашений служат обязательства компаний по инвестициям в профессиональное образование местного

населения, необходимое для работы на промышленных объектах, а также создание для них рабочих мест (Securing Northern..., 1999; Task Force..., 2001; Diavik's Environmental..., 1999). Кроме того, правительство Канады осуществляет компенсационные выплаты населению за прошлое использование этих территорий (Gwich'in Comprehensive..., 2000; Hicks, 1999). Как правило, политика защиты интересов коренных народов реализуется не на всей территории. Для Севера Канады и для штата Аляска определен официальный перечень всех национальных сел (Пилясов, 2005). Это немаловажный аспект для снижения стоимости социального контракта, то есть его экономической эффективности, но и весьма узкое место, которое может привести к усилению социальной несправедливости. В частности, в Ловозерском районе Мурманской обл. местные саами в соответствии с Законами (О территориях традиционного..., 2001; Об общих принципах, 2000) и при поддержке Баренц-региона приобрели особые права на использование природных ресурсов, тогда как коми-ижемцы (изъятас), занимавшиеся выпасом оленей на территории района с XIX века, оказались лишенными этих прав (Фрайер, 2007), что усилило деградацию человеческого капитала. Чтобы повысить эффективность использования человеческого капитала, необходимо *развивать социальное партнерство в регионе*, конкретизировать обязательства по трудоустройству местного населения в региональных трехсторонних соглашениях об обеспечении занятости местного населения, как в сфере традиционной деятельности, так и в корпорациях, и их инфраструктуре.

Управление миграционными процессами. Миграция населения тесно связана с вопросом эффективности использования человеческого капитала. Она призвана компенсировать дискомфортность территории и уравновесить региональные уровни оплаты труда. В условиях России это положение является не единственным объяснением происходящих или не происходящих миграционных процессов, поскольку региональные рынки труда далеки от совершенных, для которых теория компенсирующих различий верна. Из-за неразвитости инфраструктуры северные региональные рынки труда информационно непрозрачны, что мешает выравниванию уровня оплаты труда в регионе, существуют институциональные препятствия к мобильности (требование обязательной регистрации по месту жительства), сформированная в течение советского периода модель пожизненного найма демотивирует граждан искать новую работу и т.д. В итоге рынки труда не равновесны и северяне проигрывают от этого больше, чем жители

других регионов, поскольку их возможности к трудовой мобильности дополнительно ограничены большими расстояниями, монополистическими локальными трудовыми рынками, ограниченными возможностями занятости, не связанной с наймом - samozанятости, предпринимательстве, занятости в личном подсобном хозяйстве. Ограниченные возможности найти подходящее рабочее место ведут к деградации человеческого капитала.

В управлении миграцией на Севере важны три аспекта: 1) переселение работников и их семей по достижении ими пенсионного возраста; 2) переселение работников и их семей в связи с консервацией месторождения; 3) протекционистские меры в отношении занятости местного населения. Эти задачи требуют участия федерального центра в разной мере. Если переселение северян требует, в первую очередь, огромных финансовых затрат на исполнение контракта советского и переходного периода, не может и не должно решаться без участия федеральных органов, то протекционистские меры в отношении защиты местного населения от конкуренции с мигрантами являются условиями будущего социального контракта. От того, как они будут заключены, зависит размер финансовых обязательств федеральных и региональных властей в сохранении и накоплении человеческого капитала. Опыт Канады и США свидетельствует о том, что эта функция передана федеральным органам, формирующим политику в отношении коренных народов. Накопленный российский опыт существенно разнится по регионам, пока не сформированы федеральные институциональные рамки, препятствующие использованию труда мигрантов в ущерб занятости местного населения. Даже при условии, что такие ограничения будут выработаны, региональные власти не смогут самостоятельно устанавливать правила допуска предприятий к разработке месторождений в зависимости от условий занятости местного населения, так как эта функция находится в ведении федерального органа (Росприроднадзор), не связанного с вопросами обеспечения занятости населения.

В Генеральном соглашении внимание уделено решению первой проблемы. Деятельность трехсторонних комиссий сосредоточена вокруг двух вопросов - компенсации отмененных в Законе о Северах жилищных гарантий северянам, и потерь северных надбавок к пенсии при переезде в благоприятные климатические районы (О трудовых пенсиях..., 2001). Корпорации включают переселение работников и их семей в свои социальные программы, сглаживая эти пробелы в законодательстве. С 1999 г. ОАО «ГМК «Норильский никель» по

программе «Шесть пенсий» выплачивает увольняющимся работникам ежемесячную материальную помощь, равную шести государственным пенсиям (Социальный отчет ... «Норильский никель», 2005). Эти выплаты производятся в течение двух лет после выхода на пенсию и переезда на «материк». В период 1999-2004 гг. более 9 тыс. человек участвовали в программе и выехали в климатически благоприятные регионы России.

Предоставление социальных гарантий, *возможностей трудоустройства при консервации месторождений и ликвидации населенных пунктов*, - проблема, с которой рано или поздно столкнутся все добывающие предприятия. Пока она не рассматривается комплексно ни в российском, ни в региональном законодательстве, ни как предмет обсуждения трехсторонними комиссиями.

Вахтовые поселки, временно создаваемые для разработки месторождения, решают эту проблему. Жилье и сами работники после консервации месторождения достаточно легко перемещаются на новое место деятельности. На вахтовые метод добычи природных ресурсов ориентируются Роснефть, Лукойл. Создание комфортных условий для отдыха в поселках, организация доступа к книгам, телевидению, Интернет-связи, возможностей для спортивных занятий - важный раздел их социальных программ. Конечно, вахтовый метод работы - серьезный стресс для организма работника, ведущий к напряжению его иммунной системы. Только на процесс адаптации «из тепла в холод» уходят недели, к этому времени вахта заканчивается, поэтому начинается адаптация «из холода в тепло». Организм находится в почти непрерывном процессе перестройки, но потери здоровья компенсируются заработной платой, соцпакетом, включающим удобства проживания в поселке. В известной мере выигрывают семьи работников, поскольку они живут в более благоприятном климате, а это особенно важно для детей и женщин в детородном возрасте. Таким образом, мобильность вахтовых поселков снимает проблему занятости в данной местности после закрытия месторождения.

С использованием и накоплением человеческого капитала тесно связана политика расселения, приоритетности развития стационарных или вахтовых поселений. Узкая специализация северных городов и поселков при их стационарности и недостатке информации о возможности занятости в других местах стала в 1990-е серьезным ограничением на трудовую мобильность северян, привела к снижению качества человеческого капитала, как из-за потери трудовых навыков в связи с потерей работы, так и из-за алкоголизации, высокой

заболеваемости другими социальными болезнями людей, потерявших веру в возможность достойной жизни, получения хорошо оплачиваемой работы.

Анализ политики расселения зарубежных стран также не позволяет однозначно решить проблему выбора стационарных или вахтовых поселений. В системе расселения Севера Правительство Канады делает ставку на развитие стационарных поселений. Даже вахтовые бригады вербуются преимущественно на Севере. Создание постоянного поселения законодательство предусмотрено, если эксплуатация месторождения рассчитана более чем на 10 лет. Любая программа строительства или реконструкции поселений проводится по результатам социологических исследований, учитывающих особенности культуры того или иного этноса (Коренные народы Канады, 2002; Alcorn, 1996).

Специфическая проблема Российского Севера - ликвидация производств, действовавших в советский период и ставших нерентабельными в рыночных условиях. Работники угольных предприятий Воркуты и Инты, находящихся в стадии ликвидации, обзавелись семьями за долгий период обживания Севера, здесь родились три поколения людей, считающих северные города и поселки своей малой родиной. Другой модели, кроме жизни на Севере, у них нет, им не к кому ехать. Программа, включающая обеспечение занятости для угольной промышленности и переселение работников, реализуется сложно, государственного финансирования не достаточно. Очередь на переселение в десятки раз превышает возможности программы. В Республике Коми по данным Минархстрой РК на начало 2007 г. в списках на переселение значилось 42 тысячи семей (О порядке предоставления..., 2005; Об утверждении положения..., 1996). При этом выделенных федеральным центром средств за последние пять лет хватило на предоставление субсидий 1252 семьям. На федеральном уровне необходима разработка механизмов, обеспечивающих эффективное взаимодействие и заинтересованность в этой программе региональных властей, корпораций, в частности, привязка прав на разработку недр к обязательствам по трудоустройству и обеспечению жильем занятых и их семей их районов с истощенными месторождениями.

Проблема защиты местного населения от конкуренции с мигрантами на рынке труда связана с тем, что корпорациям дешевле привлечь готового специалиста из-за пределов региона, чем подготовить или переподготовить его на месте. Таковы правила рынка. Например, в г. Сосногорске (Республика Коми) будет построен

глиноземный завод на 150 рабочих мест, представители корпорации собираются нанимать квалифицированную рабочую силу за пределами республики. Но сиюминутное решение о закрытии вакансий с помощью мигрантов может стать серьезной проблемой в будущем. Это не только потеря заработка для местного населения, но и связанные с ним снижение расходов на образование, сокращение рождаемости, рост смертности, преступности, алкоголизация населения. Успешность защиты местного населения от конкуренции с мигрантами зависит от ограничений, устанавливаемых федеральным и региональным законодательством, заинтересованности профсоюзов и представителей органов власти в неформальности региональных трехсторонних соглашений.

Если для приграничных районов и крупных городов остро стоит проблема нелегальной миграции преимущественно неквалифицированной рабочей силы, то в «рентных» регионах обозначилась проблема вытеснения квалифицированной рабочей силы мигрантами, приглашаемыми крупными ресурсными корпорациями. Без сомнения, иностранные специалисты пока лучше владеют современными технологиями производства, более адаптированы к условиям рынка. Но следовало бы сделать упор на импортирование именно технологий производства, на обучение им коренного населения, а не завоз иностранных специалистов, который ведет к потере рабочих мест для жителей северных регионов и снижению доходов их семей.

Защита населения, проживающего на Севере, от конкуренции на рынке труда, - задача, важность которой будет только усиливаться со временем, особенно в рентных регионах. В отличие от жителей других регионов, у них не так много возможностей выбора места работы, что связано как со сложностями организации малого бизнеса из-за дополнительных транспортных издержек и затрат на воспроизводство рабочей силы, так и большими расстояниями между поселениями, затрудняющими маятниковую миграцию между местами работы и проживания. При существующем пассивном участии работников в переговорном процессе, формальности представления их интересов профсоюзами, положение коренного населения будет только ухудшаться. Уже сейчас продолжительность жизни в сельских северных районах заметно ниже, чем в городских, что связано со снижением инвестиций в человеческий капитал, в первую очередь, в сохранение здоровья, из-за бесперспективности жизни.

Немаловажной задачей в эффективном использовании человеческого потенциала северных регионов является использование

накопленного научного потенциал. Наиболее распространенным является мнение об излишнем по количеству и качеству накопленном на Севере человеческом капитале. Этот качественный избыток в условиях реструктуризации российской экономики, перехода от сырьевой модели к модели глубокой переработки природных ресурсов, может стать весомым преимуществом. В северных регионах России созданы и эффективно функционируют восемь центров Российской академии наук, в состав которых входят 46 научно-исследовательских институтов; 74 научно-исследовательские организации являются отраслевыми (Север..., 2005). Популярные ныне темы кластерного развития, создания техноцентров и т.д. обретают для северных городов, имеющих солидную научную базу, логичное звучание, поскольку накопленный человеческий капитал может быть использован значительно эффективней при переориентации с сырьевой специализации на наукоемкие отрасли экономики. Возникает необходимость поиска механизмов, которые бы обеспечили этот процесс. На федеральном уровне должны быть принципиально продуманы ключевые наукоемкие решения, инфраструктурное обеспечение северных науко- и техноцентров, инвестиционная политика, учитывающая северность.

6.2. Задачи региональной власти в формировании условий накопления человеческого капитала

Важным инструментом управления инвестициями в человеческий капитал является внутрирегиональная политика. Это тот уровень управления, на котором оценка инвестиций в человеческий капитал может быть легко выполнена не только с помощью сухого языка статистических показателей. Население вполне способно сопоставить условия жизни и занятости в соседних селах, городах, районах, тем самым вынести оценку эффективности процесса. Социальный капитал, не только как общественное доверие, но и вера в собственные силы в изменении социальных условий начинает формироваться именно на этом уровне. Соглашения между бизнесом и государством на этом уровне обретают максимальную конкретность.

Интерес к развитию малых городов и сообществ на Севере (Пилясов, 2007; Рябова, 2007; Alcorn, 1996; Aarsæther etc., 2004; Riabova, 2000; Riabova, 2003; Stern, 2000; Tyldum etc., 2003) основан на понимании невозможности сформировать эффективный социальный контракт без участия общества, непосредственно малых сообществ (community), в договорном процессе, а также понимании того, что России, в том числе и населению Севера, за небольшой срок

необходимо пройти путь построения гражданского общества, который в развитых странах потребовал несколько столетий.

Процесс формирования справедливого внутрирегионального контракта затруднен отсутствием критериев оценки контракта на федеральном уровне, существенно различающимися финансовыми возможностями регионов в исполнении контракта. На условия накопления человеческого капитала в регионе оказывают влияние личности, составляющие политическую элиту региона, умение согласовывать социальные приоритеты с экономическими, взаимодействовать с руководителями частных предприятий.

Автором выполнен анализ законодательной базы одного из северных регионов, Республики Коми, с целью выявления признаков социального контракта, как справедливого по отношению к жителям разных территорий договора. Ключевыми инструментами справедливого контракта, обеспечивающего сохранение человеческого капитала, являются меры, направленные на создание рабочих мест и меры прямой поддержки доходов населения на необходимом уровне. Согласно рассмотренным выше концепциям взаимосвязи между экономическим ростом и человеческим развитием ключевыми направлением политики должно стать снижение влияния географических детерминант, в частности, строительство дорог и компенсация дополнительных издержек на воспроизводство физического и человеческого капитала бизнесу. Анализ показывает, что в реализуемой политике эти задачи не являются приоритетными (Котырло, 2007 (1)).

Реформирование законодательной базы в начале 2000-х было направлено на сворачивание большого числа целевых программ и стандартизации региональной политики. Так в 2004 г. в Республике Коми были отменены целевые программы развития села, новые меры сохранения человеческого капитала в проблемных территориях предложены не были.

С января 2007 г. регулирование рынка труда в большей степени контролируется региональной властью. Однако, пока в Республике Коми не разработаны мероприятия, позволяющие кардинально изменить условия занятости в сельских районах. Эти изменения если и происходят, то в связи с появлением или, наоборот, уходом инвестора из района, без какого-либо участия региональных властей в этом процессе в интересах населения. Недостаток внимания к проблеме регулирования локальных рынков труда выступает важным препятствием к использованию человеческого капитала, следовательно, его сохранению и развитию. Трудовые мигранты из

других регионов России, а также иностранные граждане создают реальную конкуренцию на сегментах рынка с высоким потенциалом развития: нефтедобыча, строительство трубопроводов, жилищное и дорожное строительство. «Региональное соглашение по социально-экономическим вопросам между Правительством Республики Коми, Федерацией профсоюзов Республики Коми и Союзом промышленников, предпринимателей и работодателей Республики Коми на 2007-2009 годы», как и предыдущие, в плане конкретных мероприятий по развитию человеческого капитала, протекционистских мер в отношении коренного населения, повторяет федеральное законодательство. Таким образом, республиканская политика практически устраняется от задач сохранения человеческого капитала.

Из анализа реализации этих подходов в региональной политике северных субъектов РФ на примере Республики Коми можно сделать вывод, что задача выравнивания уровня жизни в городах и районах республики на уровне управления республикой не ставится. Одни районы привлекательны для жизни наличием рабочих мест, высокой зарплатой (Усинск, Ухта, Сыктывкар). Другие испытывают экономические трудности, которые нельзя отнести к краткосрочным. Процессы межтерриториального социального расслоения происходят без каких-либо попыток региональных властей смягчить и сдержать усиление неравенства в возможностях накопления человеческого капитала. Нет программ межтерриториального трудового перемещения, профессиональной переподготовки кадров в проблемных районах. Такие государственные меры позволили бы повысить эффективность межтерриториального и межотраслевого перелива человеческих ресурсов внутри региона, выравниванию доходов населения республики. Пока на региональном уровне условия развития человеческого капитала, а именно, гарантии населению необходимого уровня доходов и социальных услуг, не обеспечиваются.

Зарубежный опыт развития самоуправления. За рубежом решение проблемы сохранения и эффективного использования человеческого капитала базируется на праве коренного населения на землю и ресурсы. Передача функций по управлению ресурсами коренному населению на федеральном уровне способствует не только их бережному использованию, но и формированию социального капитала за счет развития управленческих навыков, планирования будущего, воспитания чувства ответственности за свою судьбу способствует. В Аляске в соответствии с Актом о землепользовании коренного народа 1971 года было создано 12 региональных

национальных и более 200 местных корпораций, разделивших между собой 178 тыс. км² земли и 1 млрд. долл. Основной принцип деятельности этих объединений заключается в комплексной переработке всех ресурсов, которыми географически обладает территория корпорации, что обеспечивает бережное к ним отношение.

Общинам делегируют все больше полномочий и одновременно формируют доходную базу, позволяющую им самостоятельно решать все основные проблемы своего существования. Так, вопросы инвестиций в образование, здравоохранение, социальное обеспечение, жилищную политику решаются в общинах за счет средств, которые общины получают в виде отчислений от налогов, собственной коммерческой деятельности, а в случае необходимости – трансфертов (играющих большую роль в Канаде), отчислений от ресурсодобывающих компаний на основе договоров. Такая система делегирования максимального объема полномочий позволяет общинам проводить гибкую политику и эффективно решать возникающие проблемы, например, обучение детей в малокомплектных школах, проведение сплошной ежегодной диспансеризации или содержание одиноких пожилых людей. Община, располагающая необходимыми средствами, сама находит наиболее рациональные пути решения проблем. Г.А. Агранат писал, что, благодаря этой политике, еще недавно обреченные на физическое вымирание и ассимиляцию аборигенные народы Канады за 50 лет (1950-2000 гг.) численно выросли с 200 тыс. до 1 млн. чел., то есть в 5 раз. Аналогичные показатели естественного роста характерны и для эскимосов Аляски (Агранат, 2003). По мнению автора для российских северных сел программы воспитания чувства ответственности за землю, за свою жизнь не менее актуальны. За период командно-административного управления в сельских жителях практически полностью было вытравлено чувство собственности, заинтересованности в результатах труда. Поэтому сохранение человеческого капитала невозможно без привития ответственности за принимаемые решения, веры в собственные силы, которые неотделимы от чувства собственности.

Управление эффективностью использования человеческого капитала. На региональном уровне может успешно решаться задача регулирования локальных рынков труда. Недоиспользование человеческого капитала тесно связано с недостаточным информационным обеспечением субъектов рынка в принятии решений. Ищущие работу или работники, не удовлетворенные имеющимся рабочим местом, плохо осведомлены о рыночной стоимости труда, им бывает трудно определить, какого рода

инвестиции в образование дадут наибольшую отдачу: дополнительные профессиональные знания или коммуникативные навыки, умение организовывать свою деятельность и др. Работодатели, даже имея службу подбора персонала, не всегда оптимально выбирают канал найма, четко формулируют требования к претенденту, имеют ясные представления о рыночной цене на конкретные виды труда. Высокий уровень неопределенности, при котором субъекты принимают решения о найме, снижает ожидаемую отдачу от инвестиций в человеческий капитал, тем самым падает заинтересованность в них.

Проблема информационного обеспечения рынка обостряется для локальных северных рынков, пространственно разобщенных, и, нередко, узкоспециализированных. Если раньше, благодаря системе государственного планирования, заказ на рабочих и специалистов формировался заранее и человеческие ресурсы целенаправленно привлекались на северные объекты в нужном качестве и количестве, то в настоящее время процессы в основном происходят стихийно. Ожидаемые трансакционные издержки: поиск жилья, обустройство на новом месте, риск не найти подходящую работу, которые в советский период были частью государственных гарантий северянам (О расширении льгот..., 1967), - увеличивают долю «отчаявшихся» безработных (Гимпельсон, 2003; Капелюшников, 2006), ведут к росту скрытой безработицы.

Основной координационной структурой, аккумулирующей информацию о конкретных формах компенсации издержек северной жизни для работников в реальных обстоятельствах места и времени, является региональный северный рынок труда. Он обладает специфическими чертами по сравнению с другими - повышенная мобильность самого работника, значительная роль вахтовых контрактов, влияние норм и правил крупных ресурсных корпораций и федерального бюджета на экономическое поведение (контрактные условия) других работодателей (Пилясов, 2005). Как показано в гл. 3 межтерриториальное социальное расслоение в северных регионах весьма велико. Это значит, что есть потенциал для внутрирегионального перелива рабочей силы в соответствии с теорией компенсирующих различий и выравнивания уровня доходов населения, но он не реализуется из-за высокого риска не улучшить, а ухудшить свое положение, а также из-за низких доходов, не позволяющих совершить минимальные расходы в связи с переездом. Низкая плотность населения - естественный ограничитель для развития рыночных отношений, - сказывается на неразвитости инфраструктуры рынка труда.

В крупных городах существуют десятки и даже сотни кадровых агентств. Для удаленных друг от друга городов и поселков Севера такой вид посреднической деятельности заведомо нерентабелен. Анализ, выполненный в предыдущем исследовании автора¹³, говорит о том, что пороговым значением для появления первого частного агентства в городе, районе является численность населения не менее 200 тыс. чел. Именно поэтому новые механизмы в деятельности государственных посредников рынка труда, преследующие информационное обеспечение его субъектов на всех стадиях принятия решения о занятости (выборе профессии, места занятости, дополнительных инвестициях в образование и т.д.) наиболее актуальны для северных рынков.

Качество человеческого капитала: образование, опыт работы, навыки делового общения, мотивация или представление о полезности труда и т.д., - могут быть изменены под воздействием инфраструктуры рынка труда. Развитая инфраструктура способствует повышению конкурентоспособности индивида, снижает затраты на поиск подходящего рабочего места. Важно выбрать механизм, который позволяет оценить ожидаемую отдачу от инвестиций в человеческий капитал с учетом перспектив развития локального и регионального рынков труда, способностей индивида и других факторов. Автором разработана концептуальная модель маркетинга труда (Котырло, 2000), следование которой позволяет повысить нормы отдачи от человеческого капитала Севера, уменьшить степень неопределенности в принятии решений о найме и инвестициях в образование субъектами рынка труда. Модель маркетинга труда может быть рассмотрена как основа реформирования инфраструктуры северных рынков труда. Активные меры регулирования, с точки зрения маркетинга, сводятся к предоставлению посреднических услуг на рынке. Спектр услуг можно разделить на следующие группы: психологические; информационные; услуги, повышающие конкурентоспособность; финансовая помощь; вывод с рынка труда (более подробно в Котырло, 2000). Направленность этих услуг на определенные сегменты рынка труда, цена услуг, спрос на них, доступность и качество определяют эффективность использования человеческого капитала. Примером такого сегментного регулирования являются организованные вахты селян в промзону «Алросы», к местам вакансий рабочих мест в

¹³ Диссертация «Регулирование рынка труда с позиции маркетинга» на соискание степени кандидата экономических наук защищена в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН. Научный руководитель – д.э.н., проф. Фаузер В.В.

трудоизбыточных периферийных селах Республики Саха-Якутия, (Пилясов, 2007, с.42).

Централизация политики управления занятостью в начале 2000-х, ее институциональное ослабление (департамент занятости населения стал одним из подразделений Министерства здравоохранения и социального развития, Фонд занятости был ликвидирован) привели к снижению качества региональной политики. Начавшаяся в предыдущий период наработка специфических инструментов, актуальных в северных регионах, отвечавших экономическому состоянию, практически прекратилась. В частности, новые правила (О создании государственных учреждений..., 2006), действующие на Коми республиканском рынке, фактически продублировали положения федерального законодательства в вопросах регулирования занятости.

Региональная политика развития инфраструктуры рынка труда не содержит региональной составляющей, в ней отсутствуют какие-либо специфические черты северных рынков, рынков ориентированных на взаимодействие с крупными ресурсными корпорациями, повышения эффективности использования человеческого капитала в проблемных городах Воркута, Инта с угледобывающей отраслью, удаленных лесопромышленных поселках. В Норильске при поддержке ГМК «Норильский никель» реализуется программа переселения северян, а не их профессиональной переподготовки, связанной с потенциалом создания новых рабочих мест, несмотря на то, что Таймыро-Норильский регион богат многими дефицитными видами ископаемого сырья и там обязательно возникнут новые горнодобывающие предприятия (Агранат, 2007, с.11). Очевидно, что когда новые рабочие места появятся, будут привлечены мигранты, как из-за недостатка профессиональной подготовки местного населения, так и из-за их, возможно, недостаточной численности. Таким образом, невнимание к проблеме долгосрочного развития рынка труда, недостаточное взаимодействие с крупными предприятиями, определяющими масштабы экономической деятельности на Севере, противоречит тезису «обживания Севера» и «народосбережения», декларируемым многими исследователями севера (Лаженцев, 1998; Агранат, 2007), социальной укорененности населения, то есть накоплению как социального, так и человеческого капитала.

Еще одна проблема, подчеркивающая актуальность поиска новых методов исследования рынка труда, связана с тем, что традиционные статистические показатели и методы учета состояния занятости для северных сел дают существенно смещенную оценку

(Пилясов, 1996). Связано это с тем, что наличие личного подсобного хозяйства лишает человека возможности встать на учет по безработице. При этом не берется в расчет то, что товарные возможности такого хозяйства на Севере в несколько раз ниже аналогичного в южных регионах. Фактически безработный в сельской местности лишен возможности получить не только пособие по безработице, но и психологическую помощь, направление на профессиональное обучение. Таким образом, реальные масштабы сельской безработицы на Севере недооцениваются, что искажает реальную потребность в поиске эффективных программ трудоустройства. То, что в течение многих лет, люди из сельской местности фактически предоставлены сами себе в решении проблемы трудоустройства, по мнению автора, сыграло значительную негативную роль в деградации человеческого капитала именно в северных селах.

Несмотря на декларирование решения проблемы сбалансированности рынка труда, необходимой для эффективного использования человеческого капитала, политика достижения этой цели не разработана и на федеральном уровне. Не выработаны показатели, отражающие изменение профессиональной структуры, не заложены механизмы, направляющие исследовательскую и практическую деятельность в этом направлении. Генеральное соглашение (Генеральное соглашение..., 2004) практически перекладывает ответственность Правительства РФ за состояние рынка труда на профсоюзы и союзы работодателей.

Из анализа Коми республиканского законодательства можно сделать следующие выводы. На уровне республики Постановлением Правительства РК (О состоянии и мерах..., 2000) ответственность за сбалансированность рынка труда возлагается на Минобрнауки РК и Минэкономразвития РК. Планирование дополнительной потребности в специалистах и рабочих кадрах в территориальном и отраслевом, профессионально-квалификационном, половозрастном разрезе с учетом сложившейся структуры занятости населения в настоящее время строится на заявках отраслевых министерств на подготовку и переподготовку рабочих кадров. Следовательно, проблема выработки методики прогнозирования переносится на уровень отраслей. Очевидна недостаточность этих отношений с точки зрения долгосрочной защиты интересов северян на рынке труда. Положения, которые бы экономически обеспечивали желание руководителей предприятий сохранить рабочие места и создать новые для коренного населения, взаимодействовать с отраслевыми и региональными

органами для достижения сбалансированности локальных рынков по профессионально-квалификационной структуре спроса и предложения, не разработаны.

Низкий уровень социального капитала (доверия) к официальным институтам, действующим на рынке труда, таким как Региональное трехстороннее соглашение, Служба занятости - яркий пример неэффективности институциональной среды, направленной на использование человеческого капитала.

Современные подходы к планированию потребности в рабочей силе утратили жесткость взаимодействия государственных органов, в чьей компетенции находятся развитие экономики и система подготовки кадров, и предприятий, но не приобрели инструментария, необходимого для гибкого реагирования на меняющуюся внешнюю среду рынка, а, главное, для координированного взаимодействия всех участников процесса.

Составляемый региональной исполнительной властью прогноз потребности в рабочей силе не достоверен и практически не способствует выбору предприятиями, домохозяйствами и образовательными профессиональными учреждениями стратегий, ведущих к согласованию предложения и спроса на труд. Объяснение этому можно дать в рамках социального контракта. Прогнозирование потребности в рабочей силе выступает *нерыночной услугой*, оказываемой участникам рынка труда: образовательным учреждениям, домохозяйствам, предприятиям, - по сбору и обработке информации, снижающей затраты на трудоустройство - наем рабочей силы, позволяющей выбрать лучшую стратегию в инвестициях в образование.

Существует государственный заказ на подготовку кадров в той профессиональной структуре и в том объеме, который необходим для обеспечения экономики трудовыми ресурсами, для чего необходимо достоверное определение потребности в рабочей силе. В выполнении этого заказа на уровне региона задействованы:

- региональная власть, в частности, Минэкономразвития, определяющее прогнозные показатели дополнительной потребности в рабочих кадрах и специалистах¹⁴;

¹⁴ На уровне Республики Коми Постановлением Правительства республики (О состоянии и мерах..., 2000) ответственность за сбалансированность рынка труда возлагается на Минобрнауки РК и Минэкономразвития РК.

- работодатели, чью потребность в заполнении рабочих мест удовлетворяет система образования, а потому заинтересованные в эффективном выполнении этого заказа;
- учреждения профессионального образования, выполняющие подготовку кадров по заказу Минобрнауки;
- потенциальные работники - те, кто только выбирают место учебы или программу повышения квалификации. В своем выборе они ориентируются на сигналы рынка, в первую очередь, на уровень заработных плат в разных профессиях, на их престижность.

Такая идеальная схема взаимодействия зафиксирована в федеральных и региональных нормативных документах. Рассмотрим с точки зрения оптимизации транзакционных издержек, почему она не работает: 1) система образования готовит не тех, кто нужен экономике; 2) работодатели не стремятся сотрудничать с государственными органами и учреждениями образования; 3) прогнозы потребности в рабочей силе, разрабатываемые государственными органами, недостоверны; 4) молодежь своим выбором усиливает несбалансированность спроса и предложения рабочей силы, предпочитая специальность менеджера, а не инженера, хотя первых в полтора раза больше, чем нужно народному хозяйству, а вторых - дефицит.

Рассмотрим с точки зрения полноты контракта, почему работодатели не стремятся сотрудничать с государственными органами и учреждениями образования; а прогнозы потребности в рабочей силе, разрабатываемые государственными органами, недостоверны.

Работодатели стараются уклониться от участия в составлении прогноза, от заполнения предлагаемых форм и анкет в связи с *низкими ожиданиями* того, что потраченное время даст какой-либо ощутимый результат. Здесь возникает *проблема спецификации* нерыночной услуги, ее измерения как количественно, так и качественно. Кроме того, агентское вознаграждение за услугу и выбор агента для заключения контракта на следующий период не зависят от результатов деятельности. Отсутствие спецификации, контроля над исполнением услуги позволяет объяснить, почему руководители предприятий ориентируются в заполнении вакансий на собственную кадровую службу или частные кадровые агентства. Долгосрочному сотрудничеству с государственными органами и образовательными учреждениями, они нередко предпочитают оперативное заполнение рабочих мест. А это значит, что потребность в рабочей силе

формируется не в долгосрочном, а в краткосрочном периоде. У системы образования не остается времени на адаптацию и перестройку программ подготовки и объемов выпуска. Следовательно, на появляющихся рабочих местах будут задействованы трудовые мигранты требуемой квалификации, а местное население, молодежь, вовремя не получившая нужного образования, останется без работы.

Не имея в лице региональной власти надежного партнера на рынке труда, руководители крупных предприятий напрямую начинают сотрудничать с профессиональными образовательными учреждениями, что, в целом, способствует сбалансированности рынка труда, но не обязательно регионального. Работодателю надежней поощрять углубленное изучение востребованных на практике дисциплин и исследовательскую работу среди тех учащихся, которые уже хорошо себя зарекомендовали, с перспективой дальнейшего трудоустройства, чем формировать обезличенный заказ на подготовку в рамках составления прогнозной потребности в рабочей силе. В первом случае готовятся «штучные» специалисты, во втором - специалисты массовых профессий, которых на рабочем месте придется еще доучивать. Региональный проигрыш от такого прямого взаимодействия - подготовка специалистов не из числа жителей региона, то есть трудовых мигрантов, вытесняющих коренное население с рынка «хороших» рабочих мест с высокими зарплатами и долгосрочными контрактами.

Существуют и надрегиональные институциональные ограничения для развития взаимодействий между региональной властью и работодателями. Предприятие платит налоги не в бюджет региона, где оно действует, а в тот, где оно зарегистрировано. Следовательно, налоговая политика, как мощный инструмент активизации руководителей предприятий в сотрудничестве с региональными властями не работает. Если в интересах производства руководителям выгоднее привлечь мигрантов, то рост безработицы на локальном рынке вряд ли будет выступать ограничением. Отрадно констатировать, что надрегиональные институты играют и положительную роль в достижении баланса на рынке труда. Особенно это заметно там, где регионообразующими являются крупные добывающие экспортоориентированные предприятия: в ЯНАО и ХМАО. Работодатели начинают беспокоиться о состоянии локальных рынков труда и брать на себя обязательства по трудоустройству коренного населения, но не благодаря развитию партнерских отношений с властью, а под давлением международных стандартов, в которых социальная ответственность бизнеса - обязательное условие

сертификации и выхода на мировые рынки (более подробно в Котырло, 2007). Менее выражен этот эффект в регионах с дисперсной отраслевой структурой.

Несмотря на то, что в рыночных условиях отношения чиновников с руководителями предприятий должны строиться на партнерстве, а не отношениях «вышестоящего» с «нижестоящим», чиновники по-прежнему, как и в централизованной экономике советского времени, склонны к одностороннему принятию решений, обязательных к выполнению работодателями. Здесь возникают так называемые издержки "политизации" (Капелюшников, 2006(1). По мнению автора, именно нежелание региональной власти искать подходы к взаимодействию с работодателями привело к ликвидации многих начальных профессиональных заведений (прил. 15), которая спустя несколько лет вызвала острую нехватку рабочих рук. Обобщим существующие подходы к прогнозированию потребности в рабочей силе с точки зрения возникновения трансакционных издержек во взаимодействии региональных властей с работодателями на стадии сбора информации, более подробно представленные в работе автора (Котырло, 2006).

С 1930-х годов реализуется плановый механизм согласования возможностей системы образования с потребностями производства. Алгоритм составления прогноза основывался на балансовом расчете дополнительной потребности в рабочих и служащих и источников ее обеспечения с изложением методологии соответствующих расчетов на уровне государственных предприятий, организаций и учреждений, министерств, ведомств и союзных республик. В системе жестких хозяйственных связей и фактически единственного собственника на средства производства (государства) получение такого детального плана на подготовку было возможным, поскольку на уровне государства формировались как планы развития отраслей и территорий, так и планы на формирования трудовых ресурсов.

Несмотря на появление значительной свободы предприятий в принятии хозяйственных решений, в том числе и в кадровой политике, многие предлагаемые методики по-прежнему ориентируются на генерацию прогноза потребности в рабочей силе «сверху», в министерстве. Все разнообразие поведенческих стратегий работодателей, перспективных планов развития предприятий, агрегируется в показатели развития отраслей, от которых методом экстраполяции рассчитываются прогнозные значения потребности в рабочей силе. Методом сбора информации о прогнозной потребности в рабочей силе предприятий, преодолевающим эту проблему,

выступают *социологические опросы*. Причем важно продумать не только структуру опроса, но и через какой канал он будет реализовываться, насколько престижно участие в нем, служит ли это сигналом для повышения статуса руководителя или рейтинга предприятия. Можно так составить анкету, что она будет мотивировать на достоверные ответы, а можно перегрузить ее излишней детализацией и тогда, каким бы обязательным ни было ее заполнение, достоверности ждать не приходится. Скорее всего, руководители предприятий или кадровых служб постараются поскорее отписаться, не заботясь о качестве. Чем больше действия региональных властей, инициирующих подобные обследования, ориентированы на интересы работодателя, тем полнее будет получаемая информация. По мнению автора, метод экспертных оценок на Севере имеет преимущество перед методами, основанными на больших объемах информации - эконометрическим и методом аналогового моделирования. Это связано с определяющей для Севера ролью крупных ресурсных корпораций, которые существенно определяют характер, объемы, структуру изменения спроса на труд в производственной и социальной инфраструктуре.

Необходимо отметить, что применение этого метода связано с *издержками коллективного принятия решений*. Не обязательно большинство голосов будет соответствовать наиболее объективной оценке. Сам процесс согласования может поглощать много времени, усилий и средств. Эти издержки тем больше, чем многочисленнее и неоднороднее состав участников, то есть чем сильнее расхождение их интересов. Кроме того, ресурсы растрачиваются при попытках образования коалиций и в ходе их борьбы между собой. Этими издержками можно объяснить слабость переговорных процессов и развития социального партнерства, причем не только в оценке потребности в рабочей силе. По мнению автора, от полноты северного социального контракта зависит, осознают ли чиновники - исполнители услуг по информационному обеспечению локальных рынков труда необходимость повышения квалификации, управленческих навыков, умения согласовывать и координировать интересы участников рынка: профессиональных образовательных заведений, работодателей, лиц, ищущих работу.

6.3. Роль общественных объединений и корпоративной социальной политики в накоплении человеческого капитала в северных регионах

Роль общественных объединений. Формирование полного северного социального контракта, обеспечивающего сохранение и развитие человеческого капитала, невозможно без вовлечения в этот процесс общественных объединений. Взаимодействие трех секторов «государство - бизнес - общество» фиксируется Генеральным и региональным трехсторонними соглашениями, отраслевыми тарифными соглашениями. С этой точки зрения смысл социального партнерства состоит в налаживании конструктивного взаимодействия между государственными структурами, частными компаниями и общественными объединениями, реализующими социальные запросы общества. Обратим внимание на то, что общественные объединения не обязательно выступают формами объединения работников или работодателей, а лишь, в частном случае (Об общественных объединениях, 1995). *Генеральное соглашение* устанавливает общие принципы регулирования социально-трудовых отношений и связанных с ними экономических отношений на федеральном уровне (Трудовой Кодекс, 2001), а *региональное соглашение* - на уровне субъекта Российской Федерации. Рассмотрим возможности повышения цены труда и достижения эффективной занятости как условий накопления и эффективного использования человеческого капитала.

Растущее значение коллективного договора между работниками и работодателем, региональных трехсторонних соглашений на Севере, связано с тем, что гарантии северянам формально продолжают распространяться на всех занятых и получающих трансферты. Это значит, что исполнителями социальной политики выступают как государственные и муниципальные учреждения, так и частные фирмы. Но в частных фирмах льготы еще больше увеличивают себестоимость продукции. Поэтому, неудивительно, что северные льготы на многих частных предприятиях, особенно малых, превратились в формальность. Крупные корпорации и другие частные предприятия в разных объемах компенсируют северянам потери здоровья в экстремальном климате и создают более комфортные условия проживания и работы (Котырло, 2007 (1), следовательно, в настоящее время потери населения от проживания в неблагоприятном климате не компенсируются полностью.

Возрастающая роль согласования и взаимодействия с общественными организациями в определении социальной политики

на Севере наглядно демонстрируется ролью, возложенной на участников трехсторонних переговоров Генеральным соглашением (2007). Начиная с 1998 г. Генеральные соглашения содержат раздел «Социально-экономические проблемы развития северных регионов России», охватывающий наиболее актуальные проблемы в развитии человеческого капитала на Севере в текущем периоде. Эти же соглашения указывают и на неэффективность социального партнерства. В частности, задачи соглашения 2005-2007 в отношении Севера практически без изменений перешли в соглашение 2008-2010, хотя это не долгосрочные, а именно тактические задачи, то есть внесение необходимых изменений в устаревшую федеральную законодательную базу относительно районирования, установления адекватных северных надбавок, сохранения пенсий при переезде, поиска механизмов повышения занятости, регулирования миграции и диверсификации экономики. Следует отметить, что северные рынки в целом характеризуются низкой эластичностью спроса на труд, что предотвращает снижение уровня занятости. Во-первых, этому способствует пространственные ограничения, невозможность достаточно быстро набрать новых работников, если члены профсоюза усиливают свои требования, во-вторых, размеры и длительность выплаты выходного пособия на Севере делает невыгодным сокращение занятых. При сокращении выплачиваются северные надбавки (Трудовой кодекс, 2001, ст. 318), а длительность достигает в общей сложности семи месяцев (там же). Недостатком данной модели является то, что она загоняет безработицу в скрытую форму. Но опыт реформирования внутренних рынков труда крупных корпораций показывает, что выход, все же, был найден. Основное и неосновное производства были юридически разделены, что, с одной стороны, позволило провести повышение оплаты труда занятым в основном производстве, с другой обеспечить трудоустройство остальных работников, а не их сокращение.

Основная задача общественных объединений на Севере - формирование полноправного участника трехсторонних отношений, воспитание в северянах чувства ответственности за свою судьбу, за будущее развитие Севера. Процесс появления общественных объединений и формализации их роли в ССК происходит крайне неравномерно. По важности роли в формировании ССК необходимо выделить два основных направления: объединения по профессиональному признаку и объединения по признаку национальной принадлежности.

По мнению автора, построение эффективного социального контракта упирается в отсутствие реального социального партнера (стороны), представляющего интересы граждан, в частности, северян, как группы имеющей общие интересы, в формировании северного социального контракта. Несмотря на низкую эластичность спроса на труд на северных рынках, объективно усиливающую позиции профсоюзов, их роль в увеличении отдачи на человеческий капитал остается невысокой. Активное участие работников в процессах согласования сдерживается «исходными условиями». В плановой экономике профсоюзы не являлись свободными ассоциациями трудящихся, а были встроены в общую систему государственного управления. Членство в них было почти всеобщим, охват коллективными договорами приближался к стопроцентному, причем процесс заключения коллективных договоров носил формальный характер. Профсоюзы нередко воспринимаются как квазиподразделение администрации предприятия, ответственное за решение узкого круга социальных вопросов, таких как организация летнего отдыха работников, проведение спортивных мероприятий, распределение материальной помощи и т.д. (Распопов, 2003). Степень доверия к профсоюзам в России в сравнении с прочими институтами - 9-12%, тогда как, например, в США - 62% (Белокрылова, 2003).

Новый Трудовой Кодекс РФ усилил возможности профсоюзов в формировании социальной корпоративной политики, но их формальное участие в защите интересов работников по-прежнему не редкость. Например, по колдоговору ОАО «Монди Бизнес Пейпа Сыктывкарский ЛПК» «установление тарифных ставок и должностных окладов, заключение контрактов на оплату труда является исключительным правом работодателя», то есть профсоюз отказывается от борьбы за улучшение положения работников, а его деятельность сводится к учету предоставленных по колдоговору социальных услуг. Но есть примеры и активной позиции профсоюзов, протеста против политики работодателей в области установления заработной платы и массовых увольнений (Письмо..., 2006; Пикет..., 2003).

Общественные объединения во многом способны сгладить наблюдаемое несоответствие между запасом человеческого капитала и его использованием. Им под силу выступить посредниками на сегментах рынка труда с низкой или нулевой ценой труда, но приемлемыми для социального статуса женщин условиями. Для этого необходима минимальная институциональная поддержка на уровне региона и муниципалитетов, предложение такого рода занятости,

информирование о возможностях занятости не ради дохода, а ради социального статуса, то есть маркетинг труда. Это решение - один из необходимых винтиков в механизме социального партнерства, которые позволят вырастить в северянах их гражданскую позицию, почувствовать силу сотрудничества и соучастия, не только сохранить человеческий капитал, но и развивать социальный, усилить доверительные отношения между населением и властью.

Общественные объединения по национальной принадлежности развиваются крайне неравномерно. Там, где зарубежные этнические группы оказывают финансовую и методологическую поддержку постепенно устанавливаются договорные отношения с муниципалитетами и региональной властью, обеспечивающие коренным этносам привилегии в использовании природных ресурсов, что принципиально важно для сохранения традиционной культуры, сохранения человеческого капитала. Эта поддержка ведет не только к положительным изменениям, но и дискриминации в отношении тех этносов, а также старожильческих групп населения, где институты, регламентирующие распределение ресурсов, находятся пока в процессе формирования.

6.4. Роль корпоративной социальной политики в накоплении человеческого капитала в северных регионах

Сырьевая направленность экономики Севера ведет к тому, что определяющую роль в формировании социально-экономических систем регионов, городов, поселков, региональных и локальных рынков труда играют крупные предприятия. Уровень доходов населения, занятость, качество пенсионного обеспечения, масштабы помощи, оказываемой пенсионерам, желающим переселиться в климатически более благоприятные районы, - все это во многом определяется социальной политикой крупных предприятий (далее будем называть их корпорациями). Автором проведен анализ социальной политики более 20 корпораций (Котырло, 2007 (2)), существенно влияющей на региональные характеристики человеческого капитала и эффективность его использования¹⁵.

¹⁵ Это нефтяные гиганты - ОАО «Роснефть», ОАО «ЛУКОЙЛ», ТНК-ВР, а также их северные подразделения ООО «Лукойл-Коми», ОАО «Лукойл-Западная Сибирь», ОАО «Самотлорнефтегаз»; газовый - ОАО «Газпром»; металлургические компании - ОАО «Северсталь», ОАО «ГМК «Норильский никель», Объединенная компания «Российский алюминий» (РУСАЛ), его подразделение ОАО «Новатэк»; алмазодобывающая компания АК «АЛРОСА»; лесопромышленные компании ОАО «Монди Бизнес Пейпа

Как свидетельствуют многие авторы, монополии, эксплуатирующие северные сырьевые районы, далеко не всегда соблюдают должную «культуру освоения». Это касается не только использования природных ресурсов - отставания геологоразведочных работ, отработки в первую очередь богатых месторождений, низкой степени использования сырья, на нефтепромыслах - отсутствие надежных методов улавливания попутного газа, но и использования человеческого капитала. Многие авторы справедливо считают, что только жесткий контроль государства может заставить монополии избавиться от психологии временщиков (Агранат, 2007, с.10). Обеспечение сотрудничества работодателей и местного населения в целях сохранения и развития человеческого капитала происходит гораздо эффективнее при коротких распределительных отношениях: корпорация - региональный бюджет - сообщество, корпорация-сообщество, - чем при длинных: корпорация - федеральный бюджет - региональный бюджет - сообщество. Чем прямее, непосредственная связь между источником ресурсных доходов и бюджетом экономически слабого местного сообщества, тем легче, психологически проще выйти ей на уровень партнерских отношений.

Социальная корпоративная политика на Севере является важным элементом социального контракта. Она формируется в соответствии с федеральным и региональным законодательством, Генеральным и региональным трехсторонними соглашениями, отраслевыми тарифными соглашениями, коллективными договорами, а также международными стандартами. Забота об устойчивом развитии общества (Социальный отчет... Норникель, 2005), ответственность работодателей перед работниками и обществом, стремление к достижению равновесия между экономическими и социальными интересами, - отражают влияние международных стандартов (OHSAS 18001, SA 8000, AA 1000 и др.) на корпоративную социальную политику, связана с необходимостью сертификации бизнеса, желанием корпораций иметь конкурентоспособную на мировом рынке продукцию.

Благодаря международным нормам, в корпоративной социальной политике есть разделы о сохранении окружающей среды, экологизации деятельности; благотворительные культурные, спортивные и другие программы не только для работников, но и для местного населения; помощь северным коренным и малочисленным

народам; программы заботы о подрастающем поколении и др. Отметим, что для Севера эти программы еще более важны. Здесь у населения ограничены возможности полноценного отдыха из-за экстремального климата и огромных расстояний между поселениями. Доступность библиотек, музеев, театров, спортивных центров и т.д. гораздо ниже. Стоит ли удивляться привычной модели отдыха с выпивкой? Корпорации своими социальными программами, по сути, компенсируют происходящий процесс денордификации федерального законодательства. От федеральных компенсаций потерь здоровья и комфортности жизни северян остались только удлиненные отпуска, которые далеко не всем удастся провести в климатически благоприятной местности или культурных центрах. Поэтому организация корпоративных спортивных и культурных мероприятий, финансовая поддержка учреждений социальной сферы, - необходимое условие достойного уровня жизни северян.

Крупные корпорации включают в колдоговор предусмотренные ранее федеральные льготы, например, по оплате проезда к месту отдыха работнику и членам семьи, то есть исполняют их за счет собственной прибыли. К сожалению, перенос северных обязательств с государства на предпринимателей привел к тому, что занятые в малом бизнесе, где финансовые возможности для социальных программ несоизмеримо меньше, потеряли фактически все льготы, кроме увеличенной на северный и районный коэффициент минимальной оплаты труда, дополнительного отпуска и ранней пенсии. Не случайно численность занятых в малом бизнесе на Севере всего 6%, тогда как в среднем по России - 12% (Рассчитано по данным Росстата за 2003 г.).

Эффективность использования человеческого капитала зависит от того, какое влияние корпорации оказывают на рынок труда. Положение работника на внутреннем корпоративном рынке определяется возможностями трудоустройства за пределами предприятия, его информированностью об условиях альтернативной занятости, наличием сильных профсоюзов, трудовым законодательством. В долгосрочном периоде это определяет уровень инвестиций в человеческий капитал: систему подготовки рабочих и специалистов, их ротацию внутри корпорации, структуру и размер инвестиций в образование. От конкурентоспособности работников за пределами предприятия зависит пенсионная политика. Эта политика определяет формирование трудовых стратегий не только занятых на предприятии, но и жителей поселка, города, где расположена корпорация, кто планирует получить профессию, найти работу.

Текущий рынок труда местности, где расположена корпорация в сфере, формально внешний для корпорации, по сути, тесно с нею связан социальной и смежно-производственной инфраструктурой. Именно корпоративная социальная политика во многом определяет объем и качество услуг в социальной сфере, особенно монопромышленных городах и поселках Севера, уровень и условия занятости на локальных рынках труда. Так АК «Алроса» содержит на балансе десятки котельных и тепловых пунктов, сотни километров тепловых магистральных сетей, десятки общежитий, детских дошкольных учреждений, гостиницы, дома культуры, клубы и спортивные сооружения (АК «АЛРОСА», 2005). ОАО «Северсталь» ведет строительство трёх общежитий и 20 жилых домов, на балансе предприятия находятся 45 общежитий и 10 жилых домов (Жилье - Северсталь, 2005). Помимо содержания имеющейся инфраструктуры, ОАО «Роснефть» строит больничный комплекс в г. Пыть-Ях (ХМАО), плавательный бассейн в г. Нефтеюганске (ХМАО), библиотеку и аптеку в п. Салым, дворец культуры «Нефтяник» в г. Губкинском (ЯНАО) (Роснефть. Социальные программы, 2004).

Корпоративный социальный контракт способен улучшить демографическую ситуацию, обеспечить приток рабочей силы в будущем. Поощрение рождаемости проявляется в таких мерах, как предоставление многодетным матерям путевок со скидкой в детские оздоровительные лагеря, первоочередного права на лечение в санаториях и профилакториях на льготных условиях. В большинстве корпораций работники получают дополнительную материальную помощь к свадьбе, в связи с рождением ребенка; доплаты до 100% компенсации в связи материнством. ОАО «ГМК «Норильский никель» выплачивает неработающим матерям детей дошкольного возраста пособие, сопоставимое с заработной платой, при условии домашнего воспитания ребенка (Социальный отчет... «Норильский никель», 2005.).

Качество и количество человеческого капитала в долгосрочном периоде также зависит от социального корпоративного контракта: от размера заработной платы, наличия жилищных условий, детских садов, возможностей полноценного лечения членов семьи и т.д., зависит, какими будут рождаемость, смертность, заболеваемость населения, уровень образования в населенном пункте. Иными словами корпоративная социальная политика (северный социальный контракт на уровне предприятия) может весьма эффективно работать на накопление человеческого капитала. Особенно это важно на Севере, где населенные пункты нередко создавались под конкретный

экономический проект - разработку месторождения, лесозаготовку, переработку сырья, транспортный узел и т.д.

Инвестиции в образование. Эксперты отмечают, что бизнес не слишком стремится к сотрудничеству с высшей школой и с системой профессионального образования во многом потому, что организационные принципы образовательных учреждений пока еще мало отличаются от тех, что были во времена плановой экономики (Трудовые ресурсы и социальная политика, 2003). Неготовность образовательных учреждений ориентироваться на рыночный спрос, подчинение Министерству образования, которое напрямую никак не связано с решением экономических задач государства как на микро-, так и на макроуровне, ведут к серьезному отрыву образовательных стандартов, материальной базы, компетенций преподавателей от потребностей, предъявляемых практикой.

Производственная необходимость привела к тому, что не только специальные навыки, но и общепрофессиональное образование работники получают на фирме, либо за счет фирмы, которая оплачивает обучение. Корпоративные университеты - это своеобразный ответ работодателей на несовершенство институциональной среды рынка труда, отсутствие действенных сигналов между спросом и предложением труда. Поскольку северная экономика представлена, в основном, крупномасштабным бизнесом, можно говорить о весомом вкладе этого института в инвестиционный процесс. Это система обучения и развития персонала предприятия, объединяющая тренинг-центры, программы ротации, стажировок и замещения должностей, профессиональных конкурсов. Цель программ - адаптация молодых рабочих и специалистов, подготовка резерва руководителей, соответствующего требованиям бизнеса и корпоративной культуры, то есть специфическое обучение.

Для многих корпораций инвестиции в образование - условие формирования корпоративной системы ценностей. Дети лучших работников корпорации получают приоритетное право при найме на работу, их обучение в вузах по востребованным специальностям финансируется корпорацией. Благодаря этому растет мотивация работников добросовестно трудиться, образуются трудовые династии. Очевидны достоинства этой формы образования с точки зрения качества человеческого капитала. Это обучение работников тем навыкам, которые необходимы в производственной деятельности, следовательно, отдача от этих инвестиций будет выше, чем от некоторого стандартного образования в профессиональном учреждении, не адаптированного к потребностям производства.

Производительность труда или отдача от инвестиций будет выше и потому, что образование в корпоративных университетах нацелено и на формирование трудовой мотивации.

Недостатки такого образования связаны с принципом отбора при найме персонала. Это не всегда стратегии, отвечающие интересам населения местности, где расположено производство. На работу могут быть приняты мигранты в ущерб занятости среди местного населения. Без протекционных мер со стороны муниципалитетов, региональных и федеральных органов отбор может оказаться дискриминирующим в отношении местного населения. Возникают сложности и с анализом инвестиций в образование. Показателей, которые отслеживает Госкомстат недостаточно для отражения реальной картины. Расходы на образование работников со стороны работодателей в официальных аналитических материалах занижены, поскольку не учитываются или не полностью учитываются расходы на обучение внутри предприятия. Сложность еще и в том, что понимать под обучением, поскольку многие его виды носят неформальный характер. По мнению автора, это немаловажная причина того, что частные инвестиции в профессиональное образование по объемам далеки от значений, характеризующих развитые зарубежные страны. Уровень расходов организаций на внутрипроизводственное обучение персонала в среднем по Республике Коми составляет 0,7% от фонда оплаты труда, или 512 рублей на одного человека в год. Тогда как в соответствии с рекомендациями Международной организации труда для поддержания простого воспроизводства профессионального потенциала организаций необходимо обучать в год не менее 25% работающих, а финансовые затраты на эти цели должны предусматриваться не менее 1,5% от фонда оплаты труда (Соболева, 2003).

Несмотря на институциональные препятствия во взаимодействии государственной системы образования и частного бизнеса определенные сдвиги все-таки наблюдаются. ОАО «Роснефть», ОАО «Лукойл», согласно социальным отчетам, оказывают финансовую поддержку профильным региональным образовательным и научно-исследовательским программам и проектам; проводят конкурсы научно-технических разработок среди молодых ученых и специалистов; оказывают материальную поддержку аспирантам и докторантам, работающим в компании; выплачивают именные стипендии наиболее одаренным студентам нефтяных и технических вузов. Но инвестирование в лучших студентов усиливает конкуренцию местного населения с мигрантами и ее вряд ли можно считать добросовестной, поскольку северяне из поселков, небольших

населенных пунктов изначально проигрывают в этой борьбе жителям крупных городов.

Участие работодателей в инвестициях в образование во многом определяется активностью региональных и муниципальных властей. Если власти не формально стремятся регулировать занятость, то разрабатываются совместные программы, выгодные как для города, так и для корпорации. Например, в Норильске была разработана программа "Рабочая смена" - для выпускников ПТУ (Социальный отчет... «Норильский никель», 2005). В рамках программы молодые люди проходят обучение на производстве в течение 4-8 месяцев. Полученный опыт позволяет затем конкурировать за вакантные рабочие места на предприятии. Благодаря этому корпорация отбирает лучших работников, а проблема молодежной безработицы перестает быть такой острой. Для выпускников вузов действует аналогичная программа - "Профессиональный старт".

Что касается добровольных обязательств по ответственному участию в жизни местного населения в регионах деятельности, то в корпоративных социальных программах преобладают компенсационные меры в отношении коренного населения, представителей малочисленных народов. То есть потери промысловых угодий компенсируются благотворительностью, гораздо реже предоставлением рабочих мест в корпорации или ее инфраструктуре. Только в программах ОАО «Лукойл» и АК «Алроса» присутствуют обязательства корпорации в профессиональном обучении и трудоустройстве представителей коренного населения.

Раздел региональных трехсторонних соглашений об обеспечении занятости местного населения, как в сфере традиционной деятельности, так и в корпорациях, их инфраструктуре (как элемент северного социального контракта), - позволил бы существенно изменить институциональные рамки, определяющие эффективность использования человеческого капитала. Под местным населением подразумеваются не только представители малочисленных народов, но и те, кто оказался на Севере десятки лет назад, и в настоящее время испытывает проблемы трудоустройства в связи с реструктуризацией экономики. Пока в российской практике соглашения между корпорациями, профсоюзами и представителями региональной и муниципальной власти не содержат конкретных обязательств по трудоустройству местного населения. Позитивные сдвиги в этом направлении наблюдаются в ЯНАО, где губернатор обращает внимание на занятость коренного населения в ежегодном послании. В

региональном законодательстве ХМАО также есть требование трудоустройства коренного населения.

Совершенствование управления инвестициями в человеческий капитал должно быть основано на учете возможностей бизнеса, его заинтересованности, разработке взаимовыгодных долгосрочных соглашений по профессиональной подготовке с использованием накопленного позитивного опыта. Приведем опыт взаимодействия правительства Канады с корпорациями-разработчиками ресурсов в северных территориях. Государство несет ответственность за общее и профессиональное образование местного населения (коренных народов), за обеспечение привилегий при найме на работу, за соответствие видов занятости их нуждам и предпочтениям, а также за развитие предпринимательства и трудовых отношений.

Правительство Канады заключает с корпорацией, желающей разрабатывать минеральные ресурсы, соглашение о разделе доходов при добыче природных ресурсов (Коренные народы..., 2002). По этим соглашениям корпорации обязуются обеспечивать представителям коренных народов работу и обучение. Подготовка соглашений ведется несколько лет еще до вовлечения месторождений в эксплуатацию. В течение этого периода исследуются половозрастные и образовательные характеристики местного населения, изучаются особенности их культуры, необходимые для планирования корпорацией эффективных программ обучения и занятости (там же). Благодаря взаимодействию государства с добывающими корпорациями доля представителей коренного населения, занятых на добывающем производстве, постоянно увеличивается, растет и их квалификационный уровень.

Потенциал социального корпоративного контракта при заключении региональных соглашений важно и нужно использовать. Внимание региональных властей к этой проблеме могло бы способствовать открытию специализированных классов, комбинатов и училищ по начальной профессиональной подготовке в непосредственной территориальной близости от мест разработки природных ресурсов. Инвестиции же в образование без учета интересов северян в дальнейшем могут усилить конкуренцию с мигрантами за рабочие места. Это как раз та сфера, которая без внимания региональных властей способна привести к существенному ухудшению качества человеческого капитала, особенно на Севере. Необходимо выработать показатели оценки уровня инвестиций бизнеса в человеческий капитал, адекватно отражающие происходящие процессы, поскольку существующие статистические

формы, разработанные в условиях командно-административного управления, для этого явно недостаточны.

Резюме

Формирование модели социального партнерства является базовым принципом совершенствования политики накопления и использования человеческого капитала в регионах Севера. Северный социальный контракт обеспечивает степень вовлечения в этот процесс новых субъектов, определение их роли, полномочий и обязательств.

На федеральном уровне ССК должен содержать не только методы финансирования социальных расходов, способствующие выравниванию возможностей человеческого развития, но и методы активизации местных сообществ, формирования местного самоуправления, вовлечения частного бизнеса в решение проблем накопления и использования человеческого капитала. Для совершенствования ССК необходимо пересмотреть его в следующих направлениях: выбор показателей эффективности ССК; выбор механизмов контроля исполнения и эффективности ССК со стороны государства и общества; разделение прав и ответственности субъектов, возникающих согласно северному социальному контракту, и возникающих в связи с такими основаниями как депрессивность территории, попадание населения в бедность и др.; распределение ответственности федеральной и региональной власти, общественных объединений и бизнеса, домохозяйств и местных сообществ в накоплении и использовании человеческого капитала на Севере.

Контроль исполнения ССК должен осуществляться не по промежуточным, а по конечным показателям, то есть не по показателям расходования средств, а показателям роста продолжительности жизни, уровня образования, снижения преступности и т.д. Основой повышения эффективности ССК северных стран является контроль над его исполнением не только со стороны государства, но и со стороны общества. Для этого необходимо обеспечить четкую спецификацию обязательств государства в предоставлении услуг социальной сферы, подразумевающую определение минимальных стандартов социальных услуг в национальном контракте и определение перечня дополнительно гарантируемых на Севере услуг; формализацию в контракте процедур определения размеров и сроков межбюджетного финансирования, необходимой для исполнения государственных обязательств в социальной сфере, а также определение ответственности за нарушение этих процедур; всесторонний анализ и

общественное обсуждение исполнимости ССК в случае его пересмотра с целью переноса ответственности на региональный, муниципальный (территориальный) и внутрифирменный уровень; правовое образование граждан.

Пересмотр ССК и выявление оснований контракта должно происходить в сферах здравоохранения, образования, миграционной и жилищной политике, регулировании северных рынков труда. Объективным условием повышения качества человеческого капитала на Севере является развитие конкурентной среды между агентами - исполнителями ССК не только на стадии отбора исполнителей, но и на стадии предоставления услуг социальной сферы. Элементом ССК в области здравоохранения должны стать постоянно действующие государственные программы, нацеленные на разработку и реализацию северных стандартов охраны здоровья населения.

На управление инвестициями в образование северный социальный контракт налагает дополнительные требования: сохранение культуры и традиционных видов экономической деятельности коренного населения, защита локальных рынков труда от конкуренции с мигрантами. Поиск оптимального сочетания передачи этнических знаний и знаний, необходимых для обеспечения экономического роста, еще не завершен и имеет разную направленность: «от универсализации к национальной идентичности» и наоборот. Остро стоит не только проблема сохранения северного знания, но и передачи знаний необходимых для ведения бизнеса в северных условиях. Необходим поиск новых решений, разработка региональных компонент, отвечающих потребностям северной экономики. В условиях укрупнения вузов решение проблемы обеспечения доступа к образованию может быть достигнуто с помощью *квотирования мест в вузах и ссузах, а также развитие дистанционного образования.*

Управление инвестициями в человеческий капитал на Севере должно сопровождаться дополнительными мерами стимулирования социальной ответственности бизнеса и протекционистскими мерами в отношении занятости коренного населения, по аналогии с другими северными странами. Это "северные" надбавки к зарплате, выплачиваемые из федерального бюджета, жилищные субсидии и компенсации, дифференцированное в зависимости от стадии освоения территории участие государства в строительстве инфраструктурных объектов. Применение этого опыта в России позволило бы оптимизировать сочетание частных и государственных инвестиций в

создание рабочих мест на Севере, обеспечив повышение эффективности использования человеческого капитала.

В управлении миграцией на Севере важны три аспекта: 1) переселение работников и их семей по достижении ими пенсионного возраста; 2) переселение работников и их семей в связи с консервацией месторождения; 3) протекционистские меры в отношении занятости местного населения. Необходимы механизмы, обеспечивающие эффективное взаимодействие и заинтересованность в этой программе региональных властей, корпораций, в частности, привязка прав на разработку недр к обязательствам по трудоустройству и обеспечению жильем занятых и их семей их районов с истощенными месторождениями.

Немаловажной задачей является использование накопленного научного потенциала северных регионов. В северных регионах России созданы и эффективно функционируют восемь центров Российской академии наук, в состав которых входят 46 научно-исследовательских институтов; 74 научно-исследовательские организации являются отраслевыми. Накопленный человеческий капитал может быть использован значительно эффективней при переориентации с сырьевой специализации на наукоемкие отрасли экономики. Для этого на федеральном уровне должны быть принципиально продуманы ключевые наукоемкие решения, инфраструктурное обеспечение северных науко- и техноцентров, инвестиционная политика, учитывающая северность.

Невозможно сформировать эффективный социальный контракт без участия малых сообществ в договорном процессе, управления инвестициями в человеческий капитал на региональном уровне. Процесс формирования справедливого внутрирегионального контракта затруднен отсутствием критериев оценки контракта на федеральном уровне, существенно различающимися финансовыми возможностями регионов в исполнении контракта, умением чиновников согласовывать социальные приоритеты с экономическими, взаимодействовать с руководителями частных предприятий.

На региональном уровне может успешно решаться задача регулирования локальных рынков труда. Несмотря на то, что в рыночных условиях отношения чиновников с руководителями предприятий должны строиться на партнерстве, а не отношениях «вышестоящего» с «нижестоящим», чиновники по-прежнему, как и в централизованной экономике советского времени, склонны к одностороннему принятию решений, обязательных к выполнению работодателями. Вот почему руководители предприятий

ориентируются в заполнении вакансий на собственную кадровую службу или частные кадровые агентства, а долгосрочному сотрудничеству с государственными органами и образовательными учреждениями предпочитают оперативное заполнение рабочих мест, в том числе и за счет привлечения мигрантов. А это значит, что у системы образования не остается времени на адаптацию и перестройку программ подготовки и объемов выпуска, что ослабляет конкурентные преимущества местных работников.

Анализ роли общественных объединений, как представителей работодателей и работников, в северных регионах позволяет сделать следующие выводы. На Севере монополия профсоюзов является естественным ответом на монопсонический характер спроса на труд. Крупные сырьевые компании выступают нередко единственным или доминирующим «покупателем» на локальном рынке труда. Неэластичность цены труда могла бы использоваться профсоюзами для ее повышения. Однако профсоюзы пока не используют это объективно существующее преимущество в ведении переговоров. Коллективные договоры и соглашения нередко лишь имитируют социальное партнерство, сводя деятельность профсоюзов к распределению дополнительных социальных благ. Это, в свою очередь, ведет к инертности и незаинтересованности в развитии социального партнерства рядовых членов профсоюзов. По мнению автора, построение эффективного социального контракта упирается в отсутствие реального социального партнера, представляющего интересы граждан, в частности, северян, как группы имеющей общие интересы.

Существенна роль корпораций в управлении человеческим капиталом на Севере. Корпоративная социальная политика не только компенсирует отмененные гарантии, но и существенно расширяет их перечень, создавая реальные возможности для достойной жизни, самореализации, как работников, так и населения городов и поселков, где ведется производственная деятельность. Это происходит благодаря действию рыночных сил, конкуренции, которые заставляют вести бизнес по мировым стандартам, соответствовать принципу социальной ответственности, а также развитию трудового законодательства. Таким образом, корпорации способствуют сохранению человеческого капитала, обеспечивая достойный уровень доходов северян.

Социальные обязательства, возлагаемые на корпорации, это не просто требования государства, а элемент взаимных уступок власти и бизнеса. Взамен на инвестиции в человеческий капитал бизнес получает налоговые льготы, субсидии, льготное кредитование, права

на разработку месторождений. Принципы социального партнерства и учет интересов бизнеса, позволяют достичь поставленных социальных целей, не вступая в противоречие с экономическими, при максимальном вовлечении частного капитала и создании условий для развития предпринимательства в экстремальных северных условиях. Степень участия корпораций в решении вопросов занятости во многом зависит от личностей первых лиц региональной власти, наличия подвижников в регионе, развивающих социальное партнерство, от степени сращивания власти и капитала. Активное взаимодействие между корпорациями, профсоюзами и государственными органами именно на региональном уровне способно качественно изменить социальную политику корпораций в вопросах инвестирования в профессиональное образование местного населения, обеспечения его занятости и защиты от конкуренции с мигрантами.

Несмотря на то, что развивающиеся нормы в трудовой сфере способствуют активизации социального партнерства, защита интересов северян на региональном уровне пока недостаточна. Региональные трехсторонние соглашения, в основном, дублируют положения Генерального соглашения (2004), Трудового кодекса РФ (2001) и Закона «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (1993), хотя в каждом регионе есть свои болевые точки, где острота проблем с обеспечением занятости могла бы быть снята грамотной постановкой проблемы и детальным распределением обязательств между органами власти, корпорациями и профсоюзами.

Потенциал социального корпоративного контракта при заключении региональных соглашений важно и нужно использовать. Внимание региональных властей к этой проблеме позволило бы увеличить отдачу от инвестиций в образование, способствовало бы открытию специализированных классов, комбинатов и училищ по начальной профессиональной подготовке в непосредственной территориальной близости от мест разработки природных ресурсов. Необходимо выработать показатели оценки уровня инвестиций бизнеса в человеческий капитал, адекватно отражающие происходящие процессы, поскольку существующие статистические формы, разработанные для командно-административной системы управления, для этого недостаточны.

Заключение

Накопление человеческого капитала является главной ценностью регионального развития. Чем выше темпы экономического роста, тем больше и более высокого качества потребность в человеческих ресурсах. В масштабах Севера, где территориальное развитие крайне неравномерно, это ведет к усилению диспропорций в использовании человеческого капитала. Потеря градообразующими предприятиями своей роли в период рыночных трансформаций вылилась в сокращение рабочих мест, потерю населением источника доходов и последующую утрату человеческого капитала. Социальная инфраструктура предприятий, обеспечивавшая население жильем, медицинскими и другими услугами, частично развалилась, частично была передана на баланс муниципалитетов. Таким образом, жители многих северных городов и поселков, созданных в советское время, и ставших нерентабельными в рыночных условиях, испытывают тройной гнет: природной дискомфортности, подрывающей здоровье и не компенсируемой северной социальной политикой; экономических потрясений и потери рабочих мест; социальной незащищенности, фактического развала в труднодоступных населенных пунктах систем здравоохранения, образования, культуры. Процессы накопления человеческого капитала в северных регионах в период 1990-2005 гг. характеризуются снижением рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, миграционной убылью населения.

Начиная с 2002 г., темпы потерь населения на Севере стали несколько ниже, чем в среднем по России, что можно объяснить небывалым подъемом отраслей топливно-энергетического комплекса, составляющих основу экономик многих северных регионов. При этом усилилась проблема межрегионального экономического неравенства, которые привели к углублению разрыва в возможностях человеческого развития. На фоне лидирующих по экономическому росту и уровню жизни населения ХМАО и ЯНАО резко контрастируют депрессивные регионы (Корякский АО, Чукотский АО, Магаданская обл.), где высоки потери человеческого капитала как в результате сверхсмертности населения, так и в результате утраты профессионально-квалификационных навыков из-за закрытия предприятий. Таким образом, углубление межрегиональных контрастов в накоплении человеческого капитала связано с неравномерностью его использования. Нормы отдачи на труд определяют цену труда, следовательно, инвестиционный потенциал

домохозяйств в получении образования, охране здоровья, рождении и воспитании детей и т.д. Взаимосвязь этих процессов с недоиспользованием человеческого капитала, снижением уровня доходов населения доказана в данном исследовании. Ряд результатов получен с использованием эконометрического анализа панельных данных. Доказано, что главным фактором в накоплении человеческого капитала в северных регионах является рост занятости. Связанные с ним рост объемов производства и доходов населения, в свою очередь, ведут к увеличению инвестиций в образование и здравоохранение, как со стороны домохозяйств, так и работодателей.

Северная специфика взаимосвязи человеческого капитала с экономическим развитием выявлена в сравнении показателей для групп северных и «несеверных» регионов. Основной характеристикой человеческого капитала является квалификационный уровень занятых. Наиболее заметны различия между северными и «несеверными» регионами в подготовке специалистов с высшим образованием. Существенно возросло число учащихся и количество вузов на Севере. Особенно ярко проявляется позитивная динамика в регионах с высокими доходами на душу населения. С подготовкой рабочих на Севере ситуация стала в среднем лучше, в отличие от общероссийских тенденций. Система подготовки рабочих выступает индикатором институциональных изменений в региональном управлении. Там, где власти региона и крупные инвесторы действуют согласованно, в растущую экономику вовремя и в нужном количестве и качестве вливаются подготовленные человеческие ресурсы.

Обоснована роль государства в сохранении человеческого капитала на Севере, которая состоит в институциональном обеспечении снижения рисков для субъектов северной экономики, связанных с отдачей от инвестиций в человеческий капитал, особенно на этапах начала освоения территории или реструктуризации экономики. Необходимость пересмотра институциональных рамок накопления человеческого капитала на Севере, подтверждается тем, что в исследуемом периоде не выявлено значимого влияния прямого государственного вмешательства в социально-экономическое развитие регионов.

Несмотря на установленную связь регионального экономического развития с ростом трудовых доходов населения, государственной поддержки, ориентированной только на экономическое развитие, для сохранения человеческого капитала недостаточно. Положение трансфертных категорий, в том числе, пенсионеров значительно хуже, чем в «несеверных» регионах.

Необходимы специальные меры социальной защиты неработающих северян, направленные на поддержание доходов, компенсирующих дополнительные издержки, связанные с природной дискомфортом, на обеспечение доступности услуг социальной сферы, особенно в удаленных от центров населенных пунктах. Даже если ориентироваться на развитие социального партнерства, на то, что корпорации возьмут на себя часть пенсионных выплат и предоставление социальных услуг, необходимо разработать законодательные нормы, которые будут стимулировать этот процесс. В настоящее время этих мер явно недостаточно. Кроме того, остается многочисленная группа северян, благосостояние которых зависит от размера трансфертов из государственного бюджета. Таким образом, институциональные изменения необходимы для обеспечения внутрирегионального выравнивания, развития социального партнерства, роста ответственности корпораций-разработчиков северных природных ресурсов перед населением.

Существующее межрегиональное и внутрирегиональное неравенство по доходам, ограничения на горизонтальную и вертикальную мобильность человеческого капитала позволяет объяснить содержание *северного социального контракта* (ССК) и анализ его неполноты, рассмотренный в данном исследовании. Под ССК понимается совокупность явных и неявных соглашений, определяющих, кто из экономических субъектов и в какой мере должен участвовать в инвестициях в человеческий капитал в северных регионах, как должно быть обеспечено участие домохозяйств в инвестиционном процессе, то есть, как обеспечивается необходимый для инвестирования уровень доходов населения. Контракт охватывает права и обязанности гражданина; межгрупповые отношения и отношения внутри сообщества; роль частных предприятий и общественных организаций в создании этих прав, отношений и обязанностей; обязательства правительства перед гражданами и различными сообществами. Субъектами ССК выступают государственные органы, некоммерческие организации, население Севера, руководители и владельцы предприятий. При этом сам социальный контракт является результатом взаимодействия этих субъектов, эффективности согласования и координации взаимных действий. Таким образом, социальный контракт различен для разных сообществ, предприятий, территорий.

Критерием эффективности социального контракта с точки зрения человеческого развития выступает положительная динамика изменений качества и количества человеческого капитала, а именно

его половозрастной структуры, которая отражает рост рождаемости, продолжительности жизни, снижение смертности; структуры по уровням образования. Эти показатели позволяют косвенно оценить отдачу от инвестиций, характер изменений в уровне занятости и безработицы, преступности и заболеваемости. Критерием эффективности ССК служит создание равных условий человеческого развития в сравнении с «несеверными» территориями, что подразумевает встроенность ССК в более широкий национальный социальный контракт.

В эволюции северного социального контракта после 1993 г., прослеживается переход от патернализма к социальному партнерству, когда обязательства государства перед северянами уже существенно сокращены, а социальная ответственность работодателей и страховые механизмы, обеспечивающие социальную защищенность, только формируются. При этом возможности населения платить за услуги социальной сферы самостоятельно весьма ограничены, особенно в периферийных местностях с недостаточным спросом на рабочую силу. Это объясняет недоинвестирование в человеческий капитал, которое привело к ухудшению в исследуемый период его количественных и качественных характеристик. Новым элементом ССК после 1993 г. является его распространение не только на всех занятых, но и трансфертные группы населения. При этом принцип предоставления гарантий и компенсаций остался во многом таким же, как и в ССК советского периода, то есть появление частного сектора в экономике учитывается не в полной мере. Появилась неопределенность в механизме исполнения контракта и контроля над его исполнением в частных предприятиях.

Частью ССК, условием ведения бизнеса на Севере должны быть и обязательства государства по снижению северных издержек, пока в российском ССК руководители частных предприятий рассматриваются как субъекты, у которых возникает только ответственность перед государством в связи с наймом работников на Севере. Поскольку требования экономической эффективности бизнеса противоречат требованиям сохранения человеческого капитала в северных регионах, компенсации повышенной стоимости жизнедеятельности, возникает мощнейший стимул для вытеснения северян с местного рынка труда. Помимо этого северные льготы усиливают гендерную и возрастную дискриминацию. В пересмотре ССК необходимо учитывать, что социальные обязательства, возлагаемые на работодателей, это не просто требования государства, а элемент взаимных уступок власти и бизнеса.

Корпоративная социальная политика развивается не только под действием государственных норм и правил, но во многом под действием рыночных сил, конкуренции, которая требует ведения бизнеса по мировым стандартам, соответствия принципам социальной ответственности. В данном исследовании обоснована значительная роль корпораций в управлении человеческим капиталом на Севере. Корпоративная социальная политика способна не только компенсировать те северные гарантии, которые перестали с 2004 г. распространяться на работников негосударственных предприятий и учреждений, но и существенно увеличить их объем. Благодаря этой политике возрастают возможности достойной жизни, самореализации, как работников северных производств, так и населения городов и поселков, где ведется производственная деятельность.

Установлено, что влияние малого бизнеса на накопление человеческого капитала в северной экономике значительно слабее, чем крупных предприятий. Пониженная конкурентоспособность малого бизнеса на Севере подтверждается относительно низкой долей его продукции в ВРП северных регионов. По сравнению с другими регионами она вдвое ниже. Роль малого бизнеса в накоплении человеческого капитала на Севере не сводится к роли демпфера безработицы. Он важен как фактор формирования социального капитала, закрепления, укоренения населения в суровых климатических условиях, так как способствует формированию социальных связей, снижению издержек общества, обусловленных высокой мобильностью рабочей силы. Современный ССК при существующей государственной поддержке малого бизнеса вынуждает руководителей уклоняться от выполнения условий контракта для сохранения конкурентоспособности. Работникам, занятым в малом бизнесе, по сравнению работниками крупных предприятий, северные издержки компенсируются в значительно меньшем объеме. Для поддержки малого бизнеса необходимо применять дифференцированный подход к определению полномочий его представителей и их обязанностей в северном социальном контракте по масштабам экономической деятельности. Государство должно взять на себя дополнительную северную часть инвестиций в человеческий капитал работников малого бизнеса и их семей в виде доплат к зарплате, обеспечения социальных услуг и т.д.

Отношения между северными коренными народами и государством - важный элемент современного ССК, но появившиеся возможности участия в формировании социального контракта пока не используются должным образом из-за неразвитости общественных

объединений, местных сообществ. На управление инвестициями в человеческий капитал ССК должен налагать дополнительные требования: сохранение культуры и традиционных видов экономической деятельности коренного населения, защита локальных рынков труда от конкуренции с мигрантами.

На федеральном уровне ССК должен содержать не только методы финансирования социальных расходов, способствующие выравниванию возможностей человеческого развития, но и методы активизации местных сообществ, формирования местного самоуправления, вовлечения частного бизнеса в решение проблем накопления и использования человеческого капитала. Для совершенствования ССК необходимо пересмотреть его в следующих направлениях:

- выбор показателей эффективности ССК;
- выбор механизмов контроля исполнения и эффективности ССК со стороны государства и общества;
- разделение прав и ответственности субъектов, возникающих согласно северному социальному контракту, и возникающих в связи с такими основаниями как депрессивность территории, попадание населения в бедность и др.;
- распределение ответственности федеральной и региональной власти, общественных объединений и бизнеса, домохозяйств и местных сообществ в накоплении и использовании человеческого капитала на Севере.

Контроль исполнения ССК должен осуществляться не по промежуточным показателям бюджетного финансирования, а по конечным: ожидаемой продолжительности жизни, квалификационному уровню занятых, снижению преступности и т.д. Необходимо проработать спецификацию обязательств государства в предоставлении услуг социальной сферы в национальном контракте и определение перечня дополнительно гарантируемых на Севере услуг. В контракте должны быть формализованы процедуры определения размеров и сроков межбюджетного финансирования, необходимых для исполнения государственных обязательств в социальной сфере, а также определена ответственность за нарушение этих процедур.

Пересмотр ССК и выявление оснований контракта должны происходить в сферах здравоохранения, образования, миграционной и жилищной политике, регулировании северных рынков труда. Объективным условием повышения качества человеческого капитала на Севере является развитие конкурентной среды между агентами - исполнителями ССК. Элементом ССК в области здравоохранения

должны стать постоянно действующие государственные программы, нацеленные на разработку и реализацию северных стандартов охраны здоровья населения.

В политике накопления человеческого капитала в регионах Севера проведенное диссертационное исследование позволяет выделить следующие приоритеты:

- обеспечение занятости выступает ключевым фактором накопления человеческого капитала в северных регионах, способствует решению демографических проблем: увеличению рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, росту инвестиций в образование;
- в северных регионах, где значительно меньше возможностей адаптации населения к меняющейся социально-экономической ситуации, компенсации потери трудовых доходов за счет других источников, не связанных с наймом, государство должно не только гарантировать минимальный уровень доходов для предотвращения деградации человеческого капитала. В связи с низкой плотностью населения и, соответственно, повышенными издержками на обеспечение социальной инфраструктуры, государство должно дополнительными мерами стимулировать ее развитие. В сфере здравоохранения необходимо реализовывать программы профилактики и лечения заболеваний, связанных с проживанием населения в экстремальных климатических условиях. В этом состоят специфические для северного социального контракта функции государства;
- чтобы обеспечить в регионах сбалансированную по структуре подготовку рабочей силы и специалистов необходимо создавать благоприятные условия для экономического роста, развития крупного бизнеса, выступающего потенциальным инвестором в масштабных и долгосрочных программах профессионального образования. Для успешного привлечения бизнеса к инвестированию необходимо формировать механизмы взаимодействия региональных властей с работодателями и образовательными учреждениями, согласовывая и координируя процесс инвестирования в человеческий капитал.

Библиография

Абалкин Л.И. Бедность - не стихийное бедствие / Интервью - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2003/08/07/Bednostnest.html>, своб. - Дата просмотра: 12.03.2006.

Аганбегян А.Г. Экономика России на перепутье // ЭКО №9/2007, с.3-28

Агранат Г.А. Аляска - новая модель развития // ЭКО. №6/2003, с. 37-60.

Агранат Г.А. Новая техника и освоение зарубежного Севера. - М.: Изд. АН СССР, 1960. 126 с.

Агранат Г.А. Освоение Севера: мировой опыт // Итоги науки и техники. Сер. Геогр. заруб. стран. М., 1988. 148 с.

Агранат Г.А. Экономико-географический анализ проблем развития северной периферии - // Север: проблемы периферийных территорий/ Отв. ред. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2007.

Агранат Г.А., Котляков В.М. Российский Север - край больших возможностей - Вестник Российской Академии Наук - № 1/1999.

Айвазян С.А. Сравнительный анализ интегральных характеристик качества жизни населения субъектов Российской Федерации. - М.: МЭСИ, 2002. 64 с.

АК «АЛРОСА» - Региональная политика. 2005. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.alrosa.ru, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра - 15.04.2007.

Анчишкин А.И., Яременко Ю.В. Темпы и пропорции экономического развития. - М.: Экономика, 1967.

Арбатов А.А., Мухин А.В., Пилясов А.Н., Смирнов В.С. Становление северных рынков нефтепродуктов России. - М.: СОПС, 2002. - 136 с.

Артоболевский С.С. Региональная политика, направленная на снижение территориальных экономических и социальных диспропорций в Российской Федерации: проект концепции // Регион: экономика и социология. №1/2001, с.4-34.

Белокрылова О.С., Вольчик В. В. Трудовое законодательство и перспективы развития рынка труда в России. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/libertarium>, своб. - Дата просмотра 10.09.2003

Бреслав Л. Кадровый потенциал и пути его повышения // Б. Лисовик, И. Ломова // Человек и Труд, №4/ 2003.

Бьюкенен Дж. М. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурус-Альфа, 1997. С. 241.

Валитова Л. Факторы регионального роста - Москва РЕЦЭП. 2005

Вебер А. Теория размещения промышленности.: Пер. с нем. - М. 1926.

Витязева В.А. Шесть «вечных» проблем в освоении Севера / Север в экономике России. Материалы научно-практической конференции. - Сыктывкар. - 1998. - с.37-41

Витязева В.А., Котырло Е.С. Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера (учебное пособие). - Сыктывкар: изд. СыктГУ, 2007, 300 с.

Витязева В.А., Лаженцев В.Н. Зона Российского Севера – Изд-во: СыктГУ. Сыктывкар, 1995. 81 с.

Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2008 - 2010 годы - "Российская газета", N 293, 28.12.2007

Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2005 - 2007 годы от 29.12.2004

Гимпельсон В.Е. Экономическая активность населения России в 1990-е годы - Препринт WP3/2002/01. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - 58 с.

Гимпельсон В.Е., Лукьянова А.Л. «О бедном бюджетнике замолвите слово...»: межсекторные различия в заработной плате. Препринт WP3/2006/05. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. 52 с.

Гойло В.С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы: Критический очерк. - М.: Наука, 1975.

Горшунов И. Место северных регионов в бюджетной системе Российской Федерации и оценка последствий массовой миграции // П.Кадочников, К.Ньюбоулд, И.Трунин, А. Юдин - М.: ИЭПП, 2002.

Государственное регулирование территориального развития России / гл. 19 книги «Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики)», под ред. Д.С. Львова / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов, С. Д. Валентей, Е. М. Бухвальд, А. В. Одинцова, М. М. Циканов. - М.: Экономика, 1999.

Грамберг И.С., Додин Д.А., Иванов В.Л. Минерально-сырьевая база и окружающая среда Российского Заполярья - будущее его городов // Труды международной конференции "Город в Заполярье и окружающая среда". 1998.

Грамберг А. Макроэкономика Европейского Севера //Вестник Коми научн. центра УрО РАН, вып. 19.Сыктывкар: 2002.

Грамберг А.Г. Моделирование социалистической экономики. – М.: Экономика, 1988.

Грамберг А.Г. Основы региональной экономики - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 495 с.

Гранберг А.Г. Трансформация экономического пространства России»; Гранберг А.Г., Штульберг Б. //М.: // Путь России в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. Под ред. ак. Львова Д.С. //М.: Экономика, 1999.

Данные агентства Комиинформ - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.komiinform.ru/news/40996/>, свободный — Загл. с экрана - 15.03.2007

Дементьев В.Е. Доверие в обществе - условие современного экономического развития // Введение в институциональную экономику / Под ред. Д.С. Львова. - М.: «Издательство «Экономика», 2005.

Демографическое будущее России. Под ред. Л.Л. Рыбаковского и Г.Н. Кареловой. - М. 2001

Дмитриева Т.Е. Северное измерение ресурсопользования // Север как объект комплексных региональных исследований / отв. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2005. с. 381-418.

Дмитриева Т.Е., Бурьян М.С. Оценка территориально-иерархичной системы сферы услуг (пример Республики Коми) // Север: проблемы периферийных территорий/ Отв. ред. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2007 С.163-178.

Дмитриева Т.Е., Лаженцев В.Н. Актуальные проблемы развития северных регионов // Север России: актуальные проблемы развития и подходы к их решению. - Сыктывкар, 2004. с.7-14.

Дробышевский С. Факторы экономического роста в регионах РФ / О. Луговой, Е. Астафьева, Д. Полевой, А. Козловская, П. Трунин, Л. Ледерман – М.: ИЭПП, 2005.

Жилье - Северсталь. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.severstal.ru, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра - 15.04.07.

Жуков М.А. Районирование: Борьба за «Севера» или долгая дорога к здоровому смыслу - ВНКЦ «Север» Минэкономразвития России - [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.arctictoday.ru, свободный — Загл. с экрана - Дата просмотра 12.12.2006.

Закон об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде СССР - 15.07.1970

Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества / Т.И. Заславская, Р.Г. Громова // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д.С. Львова. - М.: Экономика, 1999.

Золотова И., Зуев А. Изучение ситуации на рынке труда – основа разработки программы занятости региона // Человек и труд. №4/1994. С.6-11.

Зубаревич Н.В. Современное пространство России: человеческое измерение // газета "География". №2/2005.

Зубаревич Н.В. Социальное развитие и социальная политика российских регионов // Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / Под ред. Т.М. Малевой - М.: НИСП, 2007. - с.388-425

Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода // М.:УРСС, 2003.

Зубаревич Н.В., Трейвиш А.Н. «Социально-экономическое положение регионов». Регионы России в 1999 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» // Московский Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001.

Зуев А.С. Русская политика в отношении аборигенов Крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1., Вып. 3: История/ Новосибир. гос. ун-т. - Новосибирск, 2002. С. 14-24

Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966.

Ильин И.А. Социальное строительство на территории России - М.: Наука, 2006. - 234 с.

Индекс качества жизни / Интегральные индексы / Социальный атлас российских регионов - [Электронный ресурс] - Режим доступа: atlas.socpol.ru, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра: 23.05.2005.

Как лечить демографию? // Интервью с ак. Черешневым В.А. // Газета "Наука Урала" N11(947) - [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.uran.ru/gazetanu/2007/04/nu11/wvnnu_p7_11_042007.htm, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра: 10.10.2007

Калашников С.В. Становление социального государства в России, ЗАО «Издательство «Экономика» 2003. – 159 с.

Капелюк З.А., Капелюк С.Д. Индекс развития человеческого потенциала как обобщающий индикатор уровня жизни // Современные проблемы экономического роста национальных экономик. Государственный, региональный и отраслевой аспекты в условиях глобализации и модернизации: материалы международной научно-практической конференции. - Караганда: Карагандинский экономический университет, 2004.

Капелюшников Р.И. Записка об отечественном человеческом капитале // Отечественные записки. №3. 2007.

Капелюшников Р.И. Категория транзакционных издержек // Библиотека Либертариума - Московский Либертариум - [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.libertarium.ru/libertarium/l_libsb3_1-2, свободный — Загл. с экрана - Дата просмотра 12.05.2006 (1)

Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость: российские особенности // Человек и Труд, 7/2006 (2).

Капелюшников Р.И. Образовательный потенциал и его связь с характеристиками рынка труда: российский опыт. Препринт WP3/2006/03. — М.: ГУ ВШЭ, 2006 (3). — 64 с.

Капелюшников Р.И. Современные буржуазные концепции формирования рабочей силы: критический анализ. — М.: Наука, 1981

Клейнер Г.Б. Производственная функция: теория, методы, применение. - М.: Финансы и статистика, 1986.

Клейнер Г.Б. Экономика России и кризис взаимных ожиданий // Общественные науки и современность. 1997. №3.

Клейнер Г.Б., Пионтковский Д.И. Многофакторные производственные функции с постоянными эластичностями предельной замены факторов. Экономика и математические методы, №1 (136) / 2000, с. 90-114.

Клейнер Г.Б. Факторы производства и производственные функции: моделирование в условиях качественных измерений. Моделирование механизмов функционирования экономики России на современном этапе. - М.: ЦЭМИ, 1997.

Колеников С. Прикладной эконометрический анализ в статистическом пакете Stata - М.: Изд. Российской экономической школы, 2003. 120 с.

Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М: Мысль. 1969.

Компоненты стратегии преодоления укоренившейся нищеты - Резюме доклада ООН о развитии человека за 2003 год

Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера - Утв. Постановлением Правительства РФ от 7.03.2000 № 198.

Коренные народы Канады. Нефть и закон. (Сборник законодательных актов Территории Юкон). — М.: «Слово и дело». 2002. 266 с.

Котырло Е.С. Анализ влияния экономического развития регионов Российского Севера на качество человеческого капитала // Сб. материалов Конференции лауреатов и стипендиатов Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П. Федоренко - М.: ЦЭМИ РАН, 2006 (1). С.95-101

Котырло Е.С. Институциональные подходы к формированию политики человеческого развития на российском Севере — Журнал «Экономические науки» — Июль 2008 (1). С. 160-164.

Котырло Е.С. Методы прогнозирования дополнительной потребности региона в рабочих кадрах и специалистах - Вестник Сыктывкарского университета. Сер.1. Вып. 6. 2006 (2). С.183-192

Котырло Е.С. Обзор российского рынка труда ИТ-специалистов / Сб. материалов научно-практической конференции «Информационные системы и

технологии: проблемы, перспективы, достижения». – Сыктывкар, 2004, с.35-43.

Котырло Е.С. Прогнозирование спроса на рабочую силу на уровне региона - Журнал «Человек и труд», №4 – 2008 (2). - с.26-29

Котырло Е.С. Региональные особенности регулирования рынка труда с позиции маркетинга - Управление персоналом, М.: №12.-2000. с.26-32

Котырло Е.С. Роль корпораций на северных рынках труда // Отечественные записки – № 3/2007 (1)

Котырло Е.С. Российский Север: в каком образовании нуждаются представители коренных этносов - Журнал «Человек и труд», № 11/2008.

Котырло Е.С. Социальное взаимодействие на рынке труда Республики Коми / Сб.: Опыт социального партнерства в Республике Коми, г. Сыктывкар, с.191-198. 2002 (2)

Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономический рост: анализ взаимосвязи для регионов российского севера - Журнал «Экономическая наука современной России». 2008. №3 (39). С.38-52.

Котырло Е.С. Человеческий капитал северных регионов - Журнал «ЭКО», №11/2008 (3). с. 68-79.

Котырло Е.С. Экономический рост и социальное неравенство территорий (на примере Республики Коми) - Журнал «ЭКО» № 2, 2007 (3). с.84-93.

Котырло Е.С. Экономический рост и социальное неравенство территорий (на примере Республики Коми) // ЭКО, №2/2007 (2). С.84-93.

Котырло Е.С. Эффективность использования человеческого капитала в Республике Коми // Север и рынок. Апатиты. №4/2005 (1). С.50-57

Котырло Е.С. Эффективность северного социального контракта. - Журнал «Труд и социальные отношения» - №6 2007 г. с. 22-32.

Котырло Е.С., Екимова Е.Н. Формирование прогнозной численности организации - Методические рекомендации для Минтруда и занятости населения РК, Сыктывкар, 2002 (1). 35 с.

Котырло Е.С., Полуботко В.А. Проблемы создания регионального ресурсного центра // Непрерывное образование в свете модернизации высшей школы: актуальные проблемы и перспективы. - СПб.: Изд-во «Осипов». Материалы Международной научно-практической конференции, СПб., 2005 (2). с.130-132.

Краткий отчет о работе Европейского форума по народонаселению (Женева, январь 2004) - [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.unesco.org/ead/pau/epf/epf_summary_of_deliberations.htm, свободный -Загл. с экрана - Дата просмотра 5.10.2002.

Кузнецов А.В. Финляндия: слабые высокой конкурентоспособности // Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое

устройство развитых стран (Под ред. В.А. Мау, А.А. Мордашова, Е.В. Турунцева). Серия «Межстрановые социально-экономические исследования». – М.: Издательство Института экономики переходного периода, 2005.

Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. — М.: КомКнига, 2005. - 304 с.

Куратова Э.С. Центр и периферия (транспортный фактор развития) // Межнациональные отношения как фактор стабильности в многонациональном регионе. – Сыктывкар, 2003. с.96-99.

Лаженцев В.Н. Актуальные проблемы Севера России (теория и рекомендации) // Социальные перспективы и экологическая безопасность. Третий Северный социально-экологический конгресс. Сыктывкар, 18-20 апреля 2007 г. С.55-63.

Лаженцев В.Н. Государственное регулирование территориального развития (северная специфика) // Механизмы рыночной адаптации северной экономики. - Сыктывкар, 1998. - с. 5-19.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. - М.: Эдиториал УРСС, 1997.- 372 с.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Общероссийские реформы и территориальное развитие // РЭЖ. - 2004. - № 4. - С.3-22.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Социальная разгрузка депрессивных территорий: северный вариант // Вопросы экономики. - 2001, №11

Лексин В.Н., Шевцов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. - М.: УРСС, 1999. - 368 с.

Леонов О. Лекарство от холода - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.foris.ru/anons52-4.htm>, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра 5.10.2002.

Лёш А. Географическое размещение хозяйства.: Пер. с англ. - М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Лузин Г.П., Васильев В.В. Организационный и экономический механизмы «северного завоза». - Апатиты: Кольский НЦ РАН. Институт экономических проблем, 1998. -100 с.

Львов Д.С. Вернуть ренту народу. Резерв для бедных. - М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2004.

Львов Д.С. Институциональная теория как методология возрождения экономики России // Введение в институциональную экономику / Под ред. Д.С. Львова. - М.: «Издательство «Экономика», 2005 (1).

Львов Д.С. Социальная доктрина России с.9-16 // Экономическая наука современной России 3(30) 2005 (2).

Макконнелл К.Р., Брю Л.С. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Пер. с англ., М: Республика. - Т. I. 1992.

Максимов А.А. Коренные народы Севера: политика, право, экономика // Север как объект комплексных региональных исследований / отв. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2005. с. 126-150.

Марцинкевич В.И. Образование в США: Экономическое значение и эффективность. - М.: Наука, 1967.

Маршалл А. Принципы экономической науки. - М.: Прогресс, 1993.

Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. - М.: Прогресс, 1966.

Меламед И.И. Стратегия развития Дальнего Востока – М.: Современная экономика и право, 2008. – 464 с.

Мельников Р.М. Проблемы теории и практики государственного регулирования экономического развития регионов: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2006.

Михеева Н.Н. Региональная экономика и управление. - Хабаровск: РИОТИП. 2000.

Г. Мюрдаль, А. Мюрдаль Кризис проблемы народонаселения - 1934

Некипелов А.Д. Влияние глобализации на реоллокацию ресурсов в переходных экономиках // Проблемы теории практики управления. №2/2003.

Некрасов Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. - М.: Экономика, 1978.

Немова Л.А. Канада: фискальный федерализм и социальная политика // США и Канада, №1/2000, с.38-53.

Носко В.П. Эконометрика для начинающих (Дополнительные главы). – М.: ИЭПП, 2005.

Нуреев Р.М. Власть–Собственность в современной России (как проблема зависимости от траектории предшествующего развития // Интернет-конференция Россия: варианты институционального развития, 25.10.06 - 15.12.06 - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/293149.html>, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра 14.04.2007.

Нуреев Р.М. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / А.В. Алексеев, Е.С. Балабанова и др.; Под ред. Р.М. Нуреева - Сер. "Научные доклады. Вып. 124. М.: МОНФ, 2001, 804 с.

О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029" - Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 N 12.

О государственном пенсионном обеспечении в РФ - Закон РФ от 30.11.2001 N 239-ФЗ (ред. 21.12.2006).

О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях - Закон РФ от 19.02.1993 N 4520-1 (Ред. от 29.12.2004).

О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей - Федеральный Закон от 25.10.2002 N 125-ФЗ (принят ГД ФС РФ 27.09.2002)

О занятости населения - Закон РФ от 19.04.1991 N1032-1 (ред. 29.12.2006).

О коллективных договорах и соглашениях - Закон РФ от 11.03.1992 № 2490-1 (ред. от 29.06.2004) (утр. силу).

О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера - Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1.08.1945.

О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей - Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 22.01, 1981.

О перечне мероприятий по реструктуризации угольной промышленности и порядке их финансирования - Постановление Правительства РФ от 24.12.2004 N 840. Собрание законодательства РФ, 27.12.2004, N 52 (часть 2), ст. 5504.

О перечне отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. "О льготах для лиц, работающих в районах крайнего севера" - Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 18 ноября 1945 г. N 2927

О порядке предоставления работодателями информации о наличии вакантных рабочих мест и должностей в службу занятости Республики Коми: Указ Главы Республики Коми 13.07.98 N 251 (утр. силу)

О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера - Указ от 26 сентября 1967 г. N 1908-VII - Посл. ред. от 26.01.1983 N 8723-X опубл. в газете «Ведомости ВС СССР», 1983, N 5, ст. 74

О создании государственных учреждений республики Коми государственной службы занятости населения - Постановление Правительства РК от 25.12.2006 № 325.

О состоянии и мерах по организации подготовки рабочих кадров в условиях рыночной экономики - Указ Главы РК от 31.08.2000 N 361.

О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации - Федеральный Закон от 07.05.2001 N 49-ФЗ (ред. от 26.06.2007)

О трудовых пенсиях в Российской Федерации - Федеральный закон от 17.12.2001 N 173-ФЗ (ред. от 01.12.2007 N 312-ФЗ)

О Федеральной Целевой Программе "Жилище" на 2002 - 2010 годы" - Постановление Правительства РФ от 17.09.2001 N 675 (ред. от 10.04.2008)

О Федеральной Целевой Программе "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2008 года - Постановление Правительства РФ от 27.07.2001 N 564 (ред. от 25.07.2007)

О Федеральном Бюджете на 2005 год - ФЗ от 23.12.2004 № 173-ФЗ (ред. от 04.11.2005).

О целевой республиканской программе "Развитие единой образовательной информационной среды (2003 - 2006 годы)" - Закон Республики Коми от 23.06.2003 N 45-РЗ (ред. от 05.03.2005)

Об общественных объединениях - Федеральный Закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 02.02.2006).

Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации - Федеральный Закон от 20.07.2000 N 104-ФЗ (ред. от 02.02.2006)

Об упорядочении компенсации гражданам, проживающим в районах Крайнего Севера - Постановление Совмина РСФСР от 22.10.1990 N 458 (ред. от 31.05.1995)

Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера - Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 года

Об утверждении инструкции о порядке предоставления льгот лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера - Постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 16.12.1967 №530/п-28

Об утверждении положения о всероссийском мониторинге социально - трудовой сферы - Постановление Правительства РФ от 22.03.1995 N 291

Олейников 2002

Орлов А.И., Орлов А.А. Нобелевские лауреаты - за государственное регулирование экономики // Observer, No. 1 (96)/1998, с.44-46.

Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу, 2000 (проект) - [Электронный ресурс] - Режим доступа:

<http://www.budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000000.htm>, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра 12.01.2005.

Основные положения региональной политики в Российской Федерации. - Утв. Указом Президента Российской Федерации. 3.06.1996. № 803.

От патернализма к партнерству (строительство новых отношений народов Севера и государства) / Отв. ред. А. Н. Пилясов. - Магадан: СКВНИИ ДВО РАН, 1998. 198 с.

Ощепков А.Ю. Межрегиональные различия в заработной плате в России - Доклад на VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие» 2007.

Петти В. Экономические и статистические работы. Т. I и II. - М.: Соцэкгиз. 1940.

Пивоваров Ю. Сжатие «экономической ойкумены» России // Мировая экономика и международные отношения. 2002, № 4. с.63-69.

Пикет против давления на профсоюзы со стороны Норильского Никеля - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/20feb2003/nornikel.htm>. - Загл. с экрана - Дата просмотра - 30.10.2006.

Пилясов А.Н. Население Колымо-Магаданского промышленного района: эколого-географический подход к исследованию - Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. 160 с.

Пилясов А.Н. Новая роль государства в развитии хозяйства регионов Севера // Север как объект комплексных региональных исследований / отв. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2005. с. 419-477.

Пилясов А.Н. Сообщества северной периферии на этапе индустриальной трансформации // Север: проблемы периферийных территорий/ Отв. ред. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2007. с. 35-56.

Письмо Генеральному директору компании "РУСАЛ" Булыгину А.С. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.gmpr.ru/news_item.php?id=314, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра - 30.10.2006.

Попов А. Потребность экономики в специалистах и квалифицированных рабочих: методические основы прогнозирования // Человек и труд. №6/2004, с.30-35.

Пчелинцев О.С. Региональная политика Швеции // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Регион: экономика и социология. - 1991, вып. 1.

Пчелинцев О.С. Региональные условия экономического роста // Проблемы прогнозирования, №3/2004, с.53-69

Пчелинцев О.С. Регионы России: современное состояние и проблема перехода к устойчивому развитию // Проблемы прогнозирования. №1/2001, с.102-115.

Развитие человеческих ресурсов и занятость. – Материалы Третьей Конференции ООН по наименее развитым странам. Брюссель, Бельгия, 14-20 мая 2001 года

Распопов Э.В. Влияние выбора модели развития профсоюзов на его организационную структуру - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.labunion.aqava.ru>, своб. - Дата просмотра 10.09.2003

Регионы России 2005. Росстат.

Регионы России 2007. Росстат.

Римашевская Н.М. Социальный вектор реформ // Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. академик Д.С. Львов. - М.: Наука, 2004.

Розмаинский И.В. Предпосылки человеческого поведения в моделях роста: посткейнсианский подход. Санкт-Петербург, 2003

Роснефть. Социальные программы - [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.rosneft.ru, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра - 15.04.07.

Российский Север и федерализм: поиск новой модели / А.Н. Пилясов, Г. Харрисон, Д. Макбет и др. - Магадан: СВО НИИ ДВО Российской АН, 1997. - 179 с.

Российский Север: проблемы социального развития: Уч. пос./ Под общ. ред. Н.А. Волгина, Ю.П. Алексеева. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004. 896 с.

Россия и индекс человеческого развития - Бюллетень Центра демографии и экологии человека ИМП РАН «Население и общество» №43. Февраль 2003.

Рябова Л.А. Проблемы сохранения жизнеобеспеченности малых поселений Севера: международный и российский опыт // Север: проблемы периферийных территорий/ Отв. ред. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2007. с. 130-152.

Самуэльсон П. Экономика. В 2 т.: Пер. с англ. - Т. II, - М: НПО "Алгон", ВНИИСИ, 1992.

Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2005.

Северная экономика и радикальная реформа (американский опыт и российские реалии) / А.Н. Пилясов, С. Голдсмит, Г. Кнапп и др. - Магадан: СВК НИИ ДВО Российской АН, 1996 - 180 с.

Сен А. Свобода как прогресс / интервью // Финансы & развитие. Сентябрь, 2004 - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2004/09/pdf/people.pdf>, свободный. - Загл. с экрана - Дата просмотра - 15.04.07.

Славин С.В. К вопросу о методах и формах управления процессом социалистического освоения Севера СССР // Проблемы Севера. - М.: 1958. Вып.1.

Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. - М.: Наука, 1982.

Соболева И. Недоиспользование трудового потенциала страны: путь в направлении, обратном общемировому // Человек и Труд, 6/2003.

Соболева И., Маслова И., Белозерова С. Реализация трудового потенциала // Человек и Труд, № 9/2006.

Соболева И.В. Человеческий потенциал и условия на рынках труда / Мы и они. Россия в сравнительной перспективе. (Под ред. В.А. Мау, А.А. Мордашова, Е.В. Турунцева). – М.: Издательство Института экономики переходного периода, 2005.

Социальная политика и проблема воспроизводства деятельности на Севере: к типологии северных городов и поселений» - Стенограмма выступления на семинаре «Сценарии развития северных городов Российской Федерации» - 14 марта 2005 г., С-Петербург, Центр стратегических разработок «Северо-Запад» - [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.csr-nw.ru/content/data/article/file/st45_748.pdf, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра 24.01.2006.

Социально-экономические факторы, оказывающие влияние на рождаемость. Аналитическая записка. Территориальный орган Росстата в Республике Коми. 2002. www.komistat.ru

Социальный отчет ОАО «ГМК «Норильский никель». 2005. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.normikel.ru, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра - 15.04.07.

Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к поствашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. №8/1998.

Сухинин И.В. Человеческий капитал и общество // Введение в институциональную экономику / Под ред. Д.С. Львова. - М.: «Издательство «Экономика», 2005.

Терлецкий П.Е. Проблема заселения Крайнего Севера СССР. - Л., 1945.

Ткачев А.В., Бойко Е.Р., Губкина З.Д. и др. Эндокринная система и обмен веществ у человека на Севере. - Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1992. - 156 с.

Трудовой Кодекс Российской Федерации. - 30.12.2001, № 197-ФЗ (ред. 18.10.2007)

Трудовые ресурсы и социальная политика. Круглый стол - Отечественные записки - 3(12) 2003 - [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.strana-oz.ru/?numid=12&article=529, свободный - Загл. с экрана - Дата просмотра - 15.04.07.

Тюнен Й.Г. Изолированное государство.: Пер. с нем. - М.: Экономическая жизнь, 1926.

Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. - Сыктывкар, 2007. - 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; вып. 492)

Фаузер В.В. Население и демографическое развитие Севера России / Север как объект комплексных региональных исследований / отв. Лаженцев В.Н. - Сыктывкар, 2005. с. 96-126.

Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. – Сыктывкар: Коми кн. изд., 1998. – 176 с.

Фаузер В.В., Рогожин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. 124 с.

Фрайер П. Новые стратегии и формы для нового времени: развитие родовых общин на Кольском полуострове. // Социальные перспективы и экологическая безопасность. Третий Северный социально-экологический конгресс. Сыктывкар, 18-20 апреля 2007 г. С. 149-158.

Чижова Л.С. Развитие трудового потенциала: обоснование стратегии // Человек и Труд, №1/2006.

Чирикова А.Е., Шишкин С.В. Участие бизнеса в социальной политике: формы, интересы, институты // СПЭРО - №4. 2006 - с. 91-118.

Шевяков А.Ю. "Болевые точки" России: избыточное неравенство и депопуляция // Общество и экономика, №12/2005, с. 86-102.

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России и ее регионов в процессе реформ: методы измерения и анализа причинных зависимостей - М.: ЭПИКОН, 1999.

Шишкин С.В. Анализ форм участия населения в оплате социальных услуг, гарантируемых государством / С.В. Шишкин, А.С. Заборовская - М.: Изд. ИЭПП. 2004. – 45 с.

Шишкин С.В. Экономика социальной сферы - М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 367 с.

Эренберг Р.Дж., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М.: Изд-во МГУ, 1996. - 800 с.

Яновский В.В. Развитие Севера СССР и научное обоснование политики народонаселения // Труды Северо-Восточного комплексного института Дальневосточного научного центра АН СССР. - Магадан, 1976. Вып. 67. с.72-85.

Aarsæther N., Riabova L., Bærenholdt J.O. Community Viability - Arctic Human Development Report, 2004, pp.139-154

Acemoglu D. Reward Structures and the Allocation of Talent // European Economic Review, 39, 1995, 17-34.

Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, P. Aghion, S.N. Durlauf (eds), Handbook of Economic Growth, Vol. 1A - New-York, Elsevier, 2005. pp. 385-472.

Alcorn W. Northern Perspectives and Northern Options: A Community-Based Post-Secondary Transition Year Program - Issues in the North. Volume III. Ed. by J. Oakes and R. Riewe. - University of Manitoba. - 1996. - pp. 93-104

Bærenholdt J.O. Coping strategies and regional policies, social capital in Nordic peripheries – Greenland, Nordregio Working Paper 2002:4. 2002.

Barro R.J. Inequality, Growth, and Investment. - NBER Working Paper № 7038 Mar 1999

Barro R.J. The Impact of Social Security on Private Saving: Evidence from the U.S. Time Series. - Washington, D.C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1978.

Barro R.J., Becker G.S. Fertility Choice in a Model of Economic Growth // *Econometrica*. 1989. Vol. 57. N 2. P. 481—501.

Barro R.J., Determinants of Economic Growth - NBER Working Paper № 5698. 1996

Barro R.J., Lee J.W. International Data on Education Attainment: Updates and Implications // *Oxford Economic Papers*. 2001, Vol. 53. No 3.

Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth and Convergence across the United States. - Working Paper 3419. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research (August). 1990.

Barro R.J., Sala-i-Martin X. Convergence. // *Journal of political economy*. – 1992, Vol.100, №2.

Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth. McGraw-Hill, New York: 1995. Chs 10-12.

Becker G.S. Economic Theory. - New York: A. Knopf, 1971.

Becker G.S. Family Economics and Macro Behavior // *The American Economic Review*. 1988. Vol. 78. N 1. p. 3—13

Becker G.S. Human Capital. - New York.: Columbia University Press, 1964

Becker G.S. Murphy K.M., Tamura R. Human Capital, Fertility, and Economic Growth // *Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98. N 5. Pt. 2. P. S12—S37.

Becker G.S. The Economic Way of Looking at Life // *Journal of Political Economy*. 1993. Vol. 101. N 3. P. 385—409

Becker G.S., Barro R.J. A Reformulation of the Economic Theory of Fertility // *Quarterly Journal of Economics*. 1988. Vol.103. N 1. P. 1—25.

Becker G.S., Murphy K.M. The Family and the State // *Journal of Law and Economics*. 1988. Vol. 31. N 1. P. 1-18

- Benabou R., Inequality and Growth - NBER Working Paper № 5658, July 1996 (1)
- Benabou R., Unequal Societies - NBER Working Paper № 5583, May 1996 (2)
- Berndt E. R. The Practice of Econometrics: Classic and Contemporary / Russian translation - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. - 863 p.
- Blomquist, G. C., M. C. Berger, and J. P. Hoehn, New Estimates of Quality of Life in Urban Areas // *American Economic Review* 78 (March 1988): 89-107.
- Bogoyavlenskiy D., Siggner A., Arctic Demography - Arctic Human Development Report, 2004, pp.27-41.
- Cole, W., Sanders, R. Internal Migration and Urban Employment in the Third World // *The American Economic Review* (1985): 481-494.
- Corman H., Joyce T. Grossman M. Birth production functions in the U.S // *Journal of Human Resources*, 22 (3) / 1987.
- Cornell S., Kalt J. Where Does Economic Development Really Come from? Constitutional Rule Among the Contemporary Sioux and Apache // *Economic Inquiry*, vol. XXXIII. 1995.
- Dabla-Norris E., Freeman S. The enforcement of property rights and underdevelopment. - IMF Working Paper, WP/99/127.
- Davidson E.A. You Can't Eat GNP: Economics as If Ecology Mattered - Cambridge, Mass.: Perseus, 2000
- Deaton A., Paxson C. Mortality, income, and income inequality over time in Britain and the United States // D. Wise (ed), *Perspectives on the economics of aging*, Chicago: University of Chicago Press. 2004.
- Diamond P. National debt in a neoclassical growth model // *American Economic Review*, 55, P. 1126 – 1150. 1965.
- Diavik's Environmental Assessment // Executive Summary - Yellow Knife, 1999, 20 p.
- Edwards L.N. The Economics of Schooling Decisions: Teenage Enrollment Rates // *Journal of Human Resources*. 1975. Vol. 10. N 2. P. 155—173.
- Friedmann J. Regional development policy. – Cambridge: MIT Press, 1966.
- Fuest C., Huber B. Can regional policy in a federation improve economic efficiency? // *Journal of Public Economics* 90 (2006) 499–511
- Giersch H. Aspects of Growth, Structural Change, and Employment - A Schumpeterian Perspective // *Weltwirtschaftliches Archiv*. - 1979, Band 115, Heft 4
- Goklany I.M., *Economic Growth and the State of Humanity* - Bozeman, Mont.: Political Economy Research Center, 2001, pp. 6-19
- Greene W.H. *Econometric Analysis* / 3rd edition. - Prentice Hall, 1997

Gwich'in Comprehensive land claim agreement - Annual Report of the Implementation Committee April 1, 1999 - March 31, 2000.

Hegerstrand T. Aspects of the Spatial Structure of Social Communication and the Diffusion of Information // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1966, Vol. 16.

Heleniak T. Migration from the Russian North During the Transition Period - SP Discussion Paper No 9925, World Bank, Sept. 1999.

Hicks J. The Nunavut land claim and the Nunavut Government: political structures of selfgovernment in Canada's eastern Arctic // Dependency, Autonomy and Sustainability in the Arctic, H. Petersen, B. Poppel, Eds. (Ashgate, Aldershot, 1999), pp. 21-53.

Hirschman A.O. The strategy of economic development. – New Haven: Yale univ. press, 1960.

Human Health and Well-being / ed. C.M. Hild, V. Stordahl - Arctic Human Development Report, 2004, pp.155-168.

Johansson G., Paci C., Hovdenak S., Education - Arctic Human Development Report, 2004, pp.69-85

Kaldor N. The case for regional policies. // Scottish Journal of Political Economy. – 1970, №2.

Kinloch D. Health and health services in the NWT: A review of policies and programs - unpublished report dated March 21, 1996, p. 72.

Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff?? A cross-country investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112 P. 1251-88.

Kolenikov S. Review of Stata 7 // J. of Applied Econometrics , 16 (5), 637-646. 2001,

Krugman P. Increasing returns and economic geography. // Journal of political economy. – 1991, Vol.99, №3.

Launhardt W. Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre. - Leipzig, 1885.

Laycock D. and G. Clarke, Framing the Canadian Social Contract: Integrating Social, Economic and Political Values Since 1940 - Simon Fraser University CPRN Discussion Paper No. P|02 November 2002

Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics, 22, 1988.

McGuire M.C., Olson M.Jr. The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // Journal of Economic Literature. 1996. № 34.

Meltzer D. Mortality Decline, the Demographic Transition and Economic Growth. Ph. D. dissertation. University of Chicago, 1992.

Mikhailova E.I. Implementation of the concept for modernization of Russian education in the Sakha Republic (Yakutia) Public Education Quarterly 1:3-11. - 2003.

Mincer J. Schooling, Experience and Earnings - New York: Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research. 1974.

Muravyev A. Human capital externalities: evidence from a transition country - М.: РИЭИ. 2004

Myrdal G. Economic theory and under-developed regions. – N.Y.: Harper & Row, 1971. – 168 p.

Nesterova D., Sabirianova K. Investment in Human Capital During the Economic Transformation in Russia - М.: РИЭИ. 1997

North, 1998

Palander T. Beitrage zur Standortstheorie. - Uppsala, 1935.

Permanent Fund Dividend Division Annual Report 2004 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.pfd.state.ak.us, своб. – Дата просмотра 12.12.2005.

Ranis, G., F. Stewart and A. Ramires Economic Growth and Human Development, World Development Vol. 28, No. 2. 2000.

Riabova L. Individual and Community well-being, by - <http://www.theartic.is>. Stefansson Arctic Institute and individual authors. 2000

Riabova L. Local Community Socio-Economic Dynamics. Local Social and Cultural Dynamics, // Social & environmental impacts in the North - NATO Science series IV : Earth & environmental sciences, Vol. 31. 2003.

Riabova L., Coping with extinction: the last fishing village on the Murman coast // The Reflexive North, N. Aarsæther, J. O. Bærenholdt, Eds. (MOST and Nordic Council of Ministers, Nord 2001:10, Copenhagen, 2001), pp. 115-138.

Romer, D. Advanced Macroeconomics. - New-York: McGraw-Hill. 1996

Roshchina Y., Boykov A. Economic foundations of fertility in contemporary Russia - М.: РИЭИ. 2002

Sabirianova K. The great human capital relocation: a study of occupational mobility in transitional Russia EERC, Working paper No 2K/11, 2001. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.eerc.ru/publications/workpapers/WP_2K-11E.pdf, своб. – Дата просмотра 14.07.2005.

Schultz T.W. Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51. N 1. P. 1—17.

Securing Northern Futures: Developing Research Partnerships - Canadian Circumpolar Institute Press. University of Alberta. 1999.

Sen, A. A Decade of Human Development // Journal of Human Development Vol. 1, No. 1, 2000

Siebert H. Regional Economic Growth: Theory and Policy. - Scranton, International textbook co., 1969.

Skaptadottir U.D., Morkore J., Riabova L. Overcoming crisis: coping strategies in fishery based localities in Iceland, North-Western Russia and the Faroe Islands // Transforming the Local, N. Aarsæther, J.O. Bærenholdt, Eds. (MOST and Nordic Council of Ministers, Nord 2001:25, Copenhagen, 2001), pp. 43-67.

Stern P., Modernity at work: wage labor, unemployment, and the moral economy of work in a Canadian Inuit community,” in Northern Communities and the Global Economy, R. A. Caulfield, M. Kojima, Eds. - Alaska 2000, pp. 167-173.

Stordahl V. Identity and Saminess expressing world view and nation // Majority-Minority Relations: the Case of the Sami in Scandinavia (The World Commission on culture and development, Guovdageaidnu, Norway, 1994.

Task Force on Indian Economic Development. - Indian and Northern Affairs Canada Report, 2001.

The Economy of the North / eds. S. Glomsrød, I. Aslaksen - Statistics Norway, 2006

Tyldum G., L. Riabova, V. Nygård Trying to be strong. A study of the impact of economy and culture on lifestyle choices and use of health care institutions in the Murmansk region of Russia - Fafo-report 407, 2003. 72 p.

Ulvevadet, B. and K. Klovov Family-Based Reindeer Herding and Hunting Economies, and the Status and Management of Wild Reindeer // Caribou Populations. - Centre for Saami Studies, University of Tromsø. 2004.

Uzawa H. Optimal Technical Change in an Aggregative Model of Economic Growth // International Economic Review. 1965. Vol. 6. N 1, pp. 18—31.

Wolf Ch. Markets or Governments. - Cambridge, 1989

Young O.R., Einarsson N. A Human Development Agenda for the Arctic: Major Findings and Emerging Issues - Arctic Human Development Report, 2004, pp. 229-242.

Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 364 с.

Приложение

Приложение 1. Демографические показатели северных государств и их арктических регионов (1950-2000)

Страна	Регионы	Показатель	1950	1960	1970	1980	1990	2001
США	В целом	Коэффициент рождаемости (‰)	24,1	23,7	18,4	15,9	16,7	14,1
		Коэффициент смертности (‰)	9,6	9,5	9,5	8,8	8,6	8,5
		Число рождений на одну женщину			2,48	1,84	2,08	2,12
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин	65,6	66,6	67,1	70,0	71,8	74,4
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин	71,1	73,1	74,8	77,4	78,8	79,8
	Аляска	Коэффициент рождаемости (‰)	30,0	32,8	24,1	23,6	21,3	16,0
		Коэффициент смертности (‰)	9,6	5,6	4,7	4,1	4,0	4,7
		Число рождений на одну женщину					2,61	2,32 2000
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин	57,8		66,1 1969- 71	68,7 1979- 81		72,3 1994- 98
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин	62,8		74,0 1969- 71	76,9 1979- 81		77,5 1994- 98
Канада	В целом	Коэффициент рождаемости (‰)	27,2	26,1	15,8	15,0	14,4	10,5
		Коэффициент смертности (‰)	9,0	7,7	7,2	6,9	6,9	7,1
		Число рождений на одну женщину*						
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин	66,3	68,4	69,3	72,0	75,0	77,0
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин	70,8	74,2	76,4 1970- 72	79,0 1980- 82	81,0 1990- 92	82,0 2000
	Арктические регионы	Коэффициент рождаемости (‰)	N/A	45,2 1961	30,5 1972	24,7 1981	24,3 1991	17,3 2001

Страна	Регионы	Показатель	1950	1960	1970	1980	1990	2001
		Коэффициент смертности (‰)	14,7 1951	9,4 1961	6,2 1972	4,7 1981	3,6 1991	4,4 2001
		Число рождений на одну женщину*						
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин			54,9	69,7	71,9	70,7
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин			59,8 1971	74,9 1981	75,1 1991	75,5 1999
Гренландия	В целом	Коэффициент рождаемости (‰)	45,5 1953	48,8	24,6	20,5	22,6	16,6
		Коэффициент смертности (‰)	17,4 1953	7,8	6,1	7,6	8,4	7,8
		Число рождений на одну женщину	5,76 1952	6,98	3,07 1971	2,40	2,44	2,45
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин	32,2 1946-51		58,9 1966-70	59,7 1976-80	60,7 1986-90	62,8 1996-2000
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин	37,5 1946-51		65,7 1966-70	67,3 1976-80	68,4 1986-90	68,0 1996-2000
Исландия	В целом	Коэффициент рождаемости (‰)	27,9 1951-55	28,1 1956-60	21,5 1966-70	19,8	18,8	14,3
		Коэффициент смертности (‰)	7,9	6,6	7,1	6,7	6,7	6,0
		Число рождений на одну женщину		4,17 1956-60	3,14 1966-70	2,48	2,31	1,95
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин				73,5 1976-80	75,0 1986-90	78,1 2000-01
		Ожидаемая продолжительность жизни				79,5	80,1	82,2

Страна	Регионы	Показатель	1950	1960	1970	1980	1990	2001
		женщин				1976-80	1986-90	2000-01
Фарерски е острова	В целом	Коэффициент рождаемости (‰)		22,0	21,1	17,1	20,1	13,5
		Коэффициент смертности (‰)		7,9	7,4	7,1	7,5	7,7
		Число рождений на одну женщину			3,85 1966-70	2,64 1976-80	2,71	2,31
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин					72,8 1986-90	75,2 1996-2000
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин					79,6 1986-90	81,4 1996-2000
Норвегия	В целом	Коэффициент рождаемости (‰)			16,6	12,5	14,4	12,6
		Коэффициент смертности (‰)			10,0	10,1	10,9	9,8
		Число рождений на одну женщину			2,72 1968-69	1,72 1976-80	1,93 1986-90	1,78
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин					73,1 1986-90	76,2
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин					79,7 1986-90	81,5
	Арктические регионы	Коэффициент рождаемости (‰)			18,9	13,5	14,7	12,1
		Коэффициент смертности (‰)			9,2	9,3	10,6	10,1
		Число рождений на одну женщину			3,22 1968-69	1,86 1976-80	1,98 1986-90	1,82
		Ожидаемая продолжительность					72,0	74,6

Страна	Регионы	Показатель	1950	1960	1970	1980	1990	2001
		жизни мужчин					1986-90	1996-2000
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин					79,5 1986-90	80,8 1996-2000
Швеция	В целом	Коэффициент рождаемости (‰)	16,5	13,7	13,7	11,7	14,5	10,3
		Коэффициент смертности (‰)	10,0	10,0	10,0	11,1	11,1	10,5
		Число рождений на одну женщину				1,67	2,13	1,56
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин			71,9	72,4	74,8	77,6
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин			76,8	78,5	80,4	82,1
	Норрботтен	Коэффициент рождаемости (‰)				12,2	14,2	9,4
		Коэффициент смертности (‰)				9,9	10,4	10,8
		Число рождений на одну женщину				1,75	2,18	1,62
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин			71,5 1966-70	71,5 1976-80	73,4 1986-90	76,0 1997-2001
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин			76,5 1966-70	77,8 1976-80	79,8 1986-90	81,5 1997-2001
Финляндия	В целом	Коэффициент рождаемости (‰)	24,5	18,5	14,0	13,2	13,1	10,8
		Коэффициент смертности (‰)	10,2	9,0	9,6	9,7	10,0	9,4
		Число рождений на одну женщину	3,16	2,71	1,83	1,63	1,78	1,73
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин			65,9 1966-70	68,5 1976-80	70,7 1986-90	74,6
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин			73,6 1966-70	77,2 1976-80	78,8 1986-90	81,5

Страна	Регионы	Показатель	1950	1960	1970	1980	1990	2001
	Лапландия	Коэффициент рождаемости (‰)	34,8	27,2 1959	15,3	14,1	13,6	9,5
		Коэффициент смертности (‰)	9,2	7,0 1959	7,6	7,7	9,0	9,4
		Число рождений на одну женщину*						
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин*						
Россия	В целом	Ожидаемая продолжительность жизни женщин*						
		Коэффициент рождаемости (‰)		23,2	14,6	15,9	13,4	8,7
		Коэффициент смертности (‰)		7,4	8,7	11,0	11,2	15,4
		Число рождений на одну женщину		2,42 1961- 1962	2,01 1970- 1971	1,90 1980- 1981	1,89	1,21
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин		63,8 1961- 1962	63,2 1970- 1971	61,5 1980- 1981	63,8	59,0
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин		72,4 1961- 1962	73,6 1970- 1971	73,1 1980- 1981	74,3	72,3
	Арктические регионы	Коэффициент рождаемости (‰)			18,2	18,1 1979	16,5 1989	10,3 2002
		Коэффициент смертности (‰)			6,8	6,9 1979	5,3 1989	9,5 2002
		Число рождений на одну женщину*						
		Ожидаемая продолжительность жизни мужчин*						
		Ожидаемая продолжительность жизни женщин*						

* нет данных

/Источник: Bogoyavlenskiy, Siggner, 2004/

Приложение 2. Динамика населения северных стран

Population Dynamic of Arctic Region 1940-2000

Population (in 1,000)

Arctic Regions	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000
USA: Alaska (Censuses)	72.5	128.6	226.2	300.4	401.9	550	626.9
Canada*	N/A	33	51.2	81.4	100.2	115.8	120.6
Denmark: Greenland	21.4 1945	23.6 1951	33.1	46.3	49.8	55.6	56.1
Iceland	121.5	144	175.7	204.6	229.2	255.7	282.8
Denmark: Faroe Islands	29.2 1945		34.6	38.6		47.4	46.2
Norway		221.8	237.2	243.2	243.8	239.5	239.1
Sweden	216	241.5	261.8	255.9	267	263.3	257.2
Finland	137	167.1	205.1	197.1	194.9	200.7	191.8
Russia (Censuses)	523.8 1939		1128 1959	1508.7 1970	1948.1 1979	2598.5 1989	1981.1 2002

/Источник: Bogoyavlenskiy, Siggner, 2004/

Приложение 3. Перечень используемых переменных

X - вектор показателей качества человеческого капитала

S_L	доля лиц трудоспособного возраста на 1000 человек	1991,1995-2004
R_{wm}	соотношение мужчин и женщин (на 1 января; на 1 мужчин приходится женщин)	1991-2004
$Population$	численность населения (в тыс. чел.)	1990-2003
B	общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 населения)	1990-2003
M	общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 населения)	1990-2003
LE	все население ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	1985,1990-2003
LE_w	женщины - ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	1985,1990-2003
LE_m	мужчины - ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	1985,1990-2003
X_p	выпуск квалифицированных рабочих учреждениями начального профессионального образования (на конец года; тысяч человек)	1990-2003
X_{ps}	выпуск специалистов государственными средними специальными учебными заведениями (на 1000 чел.)	1990-2003
X_h	выпуск специалистов высшими учебными заведениями (на начало учебного года; на тысячу человек)	1993-2003
	начальное профессиональное состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	2000-2003
	среднее профессиональное состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	2000-2003
	высшее профессиональное состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	2000-2003
X_p	численность учащихся учреждений начального профессионального образования (на конец года; тысяч человек)	1990-2003
X_{ps}	численность студентов государственных средних специальных учебных заведений на 10000 населения (на начало учебного года; человек)	1990-2003

X_h	всего численность студентов высших учебных заведений по регионам Российской Федерации (на начало учебного года; тысяч человек)	1993-2003
-------	--	-----------

R - вектор региональных характеристик экономики

R_{road_r}	плотность железнодорожных путей общего пользования (на конец года; километров путей на 10000 квадратных километров территории)	1985,1990-2003
R_{road}	плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (на конец года; километров дорог на 1000 квадратных километров территории)	1970,1975, 1980,1985, 1990-2003
UR	численность безработных (тысяч человек)	1992-2003

Капитал

K	стоимость основных фондов отраслей экономики (на конец года; по полной балансовой (учетной) стоимости; миллионов рублей; до 1998 г. - млрд. руб.)	1980,1985,1990-2003
-----	---	---------------------

G - вектор, характеризующий воздействие государства на социально-экономическую систему

G	всего расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	1992-2003
G_{ind}	на промышленность, энергетику и строительство расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003
G_{agr}	на сельское хозяйство и рыболовство расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003
G_{tr}	на транспорт, дорожное хозяйство, связь и информатику расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003
G_{jh}	на жилищно-коммунальное хозяйство расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003
G_s	на социально-культурные мероприятия расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003

L - число занятых в экономике

L	среднегодовая численность занятых в экономике (тыс.чел.)	1990-2003
L_g	На 1000 населения Численность работников органов государственной власти и местного самоуправления по регионам Российской Федерации на конец г. (человек)	1998-2001

w - уровень трудовых доходов населения

w	реальная начисленная заработная плата основные показатели денежных доходов населения в реальном выражении (в % к предыдущему году)	1994-2003
-----	--	-----------

Y – вектор, характеризующий региональный выпуск

Y_{small}	объем произведенной продукции (работ, услуг) малыми предприятиями по регионам российской федерации (миллионов рублей)	1997-2003
Y	валовой региональный продукт на душу населения, руб. (до 1998 г. – тыс. руб.)	1994-2002
Y_{revb}	доходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 1992-1999 гг. (миллионов рублей; до 1998 г. - млрд. руб.)	1992-2003
Y_{revb_t}	налоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003
Y_{revb_nt}	неналоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003

Приложение 4. Показатели накопления человеческого капитала в северных и «несеверных» регионах (1994-2003 гг.)

Показатели	Несеверные регионы					Северные регионы				
	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
Нормированный коэффициент рождаемости	794	10,22	3,25	6,04	29,11	234	10,28	2,31	6,61	17,40
Ежегодный прирост выпуска специалистов высшими учебными заведениями (на 1000 чел.)	608	0,30	0,45	-1,52	2,46	125	0,36	0,47	-0,60	2,11
Общий коэффициент рождаемости	794	12,99	1,85	7,25	19,00	234	19,09	4,90	11,32	34,03
Ежегодный прирост выпуска рабочих начальными профессиональными учебными заведениями (на 1000 чел.)	783	-0,32	1,60	-40,5	6,17	184	0,10	1,75	-8,48	11,11
Ежегодный прирост выпуска специалистов средними специальными учебными заведениями (на 1000 чел.)	795	0,03	0,38	-1,32	1,94	234	0,13	0,57	-2,08	4,31
Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 населения)	856	10,19	3,16	6,2	26,2	252	11,38	2,50	7,2	20,7
Изменение численности населения (в % к предыдущему году)	868	-0,23	1,75	-17,5	29,6	252	-1,41	2,11	-14,1	2,3
Число зарегистрированных преступлений на 100000 населения	848	1679,13	550,24	23	3870	221	2060,1	544,80	1040	3630
Всего выпуск специалистов высшими учебными заведениями (на начало учебного года; тысяч человек)	674	6,52	7,15	0	65	139	2,70	3,32	0	19,8
Мужчины ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	1019	60,64	2,80	53,78	71,67	211	58,96	3,38	46,46	69,95
Женщины ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	1019	73,07	1,81	67,5	79,23	211	70,94	2,43	60,89	75,26
Все население ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	1019	66,69	2,50	60,15	75,13	210	64,51	2,98	53,32	70,65

Коэффициенты миграционного прироста (на 10000 населения)	868	19,83	193,81	- 1996	2762	252	-150,02	219,16	- 1570	157
Заболееваемость на 1000 населения (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни)	723	655,35	125,42	142	999	132	795,51	95,43	636	1174
Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 населения)	856	14,46	3,27	3,8	24,9	252	10,62	3,42	3,3	22,6
Численность населения (на 1 января; тысяч человек)	1240	1847,33	1321,5 4	66	6671	360	738,88	753,03	13	3290
Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения региона (в %)	596	34,55	14,25	14,1	97,2	136	29,23	15,63	7,6	89
Выпуск квалифицированных рабочих учреждениями начального профессионального образования (на конец года; тысяч человек)	846	11,62	8,44	0	51	202	5,54	5,28	0,1	20,9
Выпуск специалистов государственными средними специальными учебными заведениями (тысяч человек)	860	7,45	5,45	0	25,8	252	2,33	2,51	0	14,2
Население старше трудоспособного возраста возрастной состав населения (на 1 января; в % от общей численности населения)	868	20,67	3,74	7,6	27,4	252	11,26	4,43	2,7	20,7
Удельный вес городского населения в общей численности населения (на 1 января; в %)	868	66,32	12,70	25,8	100	252	69,50	20,20	23,6	93,2
Население в трудоспособном возрасте возрастной состав населения (на 1 января; в % от общей численности населения)	868	57,28	2,63	50,6	64,6	252	64,00	4,11	50,9	71,5
Соотношение мужчин и женщин (на 1 января; на 1000 мужчин приходится женщин)	868	1140,92	44,60	1004	1236	252	1010,6	62,01	901	1167

Жирным выделены значения показателей для северных регионов, превышающие соответствующие для «несеверных», курсивом - данные ниже, чем в «несеверных» регионах.

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 5. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	63,99	55,93	60,64	58	55,61	56,14
Камчатская обл.	60,43	55,66	59,47	59,66	57,42	57,91
Корякский АО			55,69	54,75	46,46	45,34
Магаданская обл.	62,23	54,57	60,93	60,69	57,38	57
Республика Карелия	63,75	54,95	59,74	57,62	53,92	55,26
Республика Тыва	57,33	49,01	50,24	50,72	48,85	50,73
Чукотский АО		57,54	59,75	62,37	54,95	54,06
Эвенкийский АО			55,4	55,79	55,53	52,7
Развивающиеся						
Мурманская обл.	65,34	57	63,04	62,45	56,89	57,72
Ненецкий АО			59,03	60,71	51,77	55,54
Республика Коми	63,35	55,24	60,41	60,63	55,48	56
Республика Саха (Якутия)	62,49	56,54	59,21	58,5	58,1	58,62
Сахалинская обл.	62,19	54,57	57,82	58,93	55,17	54,5
Таймырский АО			59,4	59,85	55,17	55,47
Ханты-Мансийский АО			63,05	63,28	62,19	62,25
Ямало-Ненецкий АО			63,74	65,29	61,87	62,63
Среднее по дотационным северным регионам	61,5	54,6	57,7	57,5	53,8	53,6
Среднее по развивающимся северным регионам	63,3	55,8	60,7	61,2	57,1	57,8
Среднее по северным регионам	62,3	55,1	59,2	59,3	55,4	55,7
Среднее по выборке	63,8	57,7	60,5	59,7	57,9	58,87

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 6. Ожидаемая продолжительность жизни женщин

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	74,68	69,95	72	71,12	69,98	71,05
Камчатская обл.	70,98	67,3	70,31	69,77	69,82	70,25
Корякский АО			65,59	63,37	63,15	60,92
Магаданская обл.	71,52	67,44	71,25	70,85	69,83	69,04
Республика Карелия	74,23	68,97	71,87	70,88	69,26	70
Республика Тыва	67,75	63,15	63,16	62,11	60,44	61,75
Чукотский АО		69,17	70,36	72,74	64,46	63,06
Эвенкийский АО			67,51	71,77	67,37	64,43
Развивающиеся						
Мурманская обл.	74,41	69,68	72,89	72,77	70,28	70,32
Ненецкий АО			73,61	72,97	67,91	72,53
Республика Коми	73,62	68,41	71,39	71,77	69,11	69,54
Республика Саха (Якутия)	71,54	69,06	70,79	70,6	70,63	71,59
Сахалинская обл.	72,41	68,11	69,88	70,18	69,24	68,06
Таймырский АО			71,9	71,14	68,6	69,33
Ханты-Мансийский АО			72,93	74,55	73,02	74,07
Ямало-Ненецкий АО			73,46	74,61	72,3	74,27
Среднее по дотационным северным регионам	71,8	67,7	69,0	69,1	66,8	66,3
Среднее по развивающимся северным регионам	73,0	68,8	72,1	72,3	70,1	71,2
Среднее по северным регионам	72,3	68,1	70,6	70,7	68,5	68,8
Среднее по выборке	74,4	71,0	72,4	72,1	71,1	72,39

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 7. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Архангельская обл.	10,69	14,02	11,36	13,12	14,37	14,91
Камчатская обл.	10,55	11,64	10,84	10,11	12,4	12,34
Корякский АО			9,9	8,62	16,69	15,58
Магаданская обл.	9,29	12,87	10,32	10,16	12,45	12,04
Республика Карелия	10,48	14,02	12,13	13,26	15,34	14,74
Республика Тыва	10,42	14,14	12,92	11,39	11,59	11,02
Чукотский АО		11,63	10,61	10,37	9,51	9,00
Эвенкийский АО			12,11	15,98	11,84	11,73
Развивающиеся						
Мурманская обл.	9,07	12,68	9,85	10,32	13,39	12,60
Ненецкий АО			14,58	12,26	16,14	16,99
Республика Коми	10,27	13,17	10,98	11,14	13,63	13,54
Республика Саха (Якутия)	9,05	12,52	11,58	12,1	12,53	12,97
Сахалинская обл.	10,22	13,54	12,06	11,25	14,07	13,56
Таймырский АО			12,5	11,29	13,43	13,86
Ханты-Мансийский АО			9,88	11,27	10,83	11,82
Ямало-Ненецкий АО			9,72	9,32	10,43	11,64
Среднее по дотационным северным регионам	10,29	13,05	11,27	11,63	13,02	12,67
Среднее по развивающимся северным регионам	9,65	12,98	11,39	11,12	13,06	13,37
Среднее по северным регионам	10,00	13,02	11,33	11,37	13,04	13,02
Среднее по выборке	10,53	13,35	11,94	12,36	13,22	13,52

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 8. Доля населения моложе трудоспособного возраста (%)

Регион	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные					
Архангельская обл.	24,7	22,8	21,1	18,6	16,7
Камчатская обл.	25,2	22,7	21	18,7	17
Корякский АО	29,2	9,9	25,6	24,4	22,5
Магаданская обл.	25,8	22,9	20,9	18,9	17,4
Республика Карелия	23,9	22,2	20,7	17,9	15,9
Республика Тыва	36,1	35,1	33,8	31,7	29,5
Чукотский АО	27,3	24,9	23,2	23	21,9
Эвенкийский АО	31	29,7	28,6	26,8	24,6
Развивающиеся					
Мурманская обл.	24,2	21,7	19,8	17,9	16,1
Ненецкий АО	28,7	26,7	25,3	25,3	22,8
Республика Коми	25,9	23,8	22,1	19,6	17,8
Республика Саха (Якутия)	30,8	29,5	28,2	26,4	24,2
Сахалинская обл.	24,7	22,5	21	18,5	16,8
Таймырский АО	28,3	26,4	24,9	25,6	23,5
Ханты-Мансийский АО	30,3	27,4	25,2	22,6	20,3
Ямало-Ненецкий АО	29,4	27,1	25,6	24,7	22
Среднее по дотационным северным регионам	27,9	23,8	24,4	22,5	20,7
Среднее по развивающимся северным регионам	27,8	25,6	24,0	22,6	20,4
Среднее по северным регионам	27,8	24,7	24,2	22,5	20,6
Среднее по выборке	25,0	23,5	22,2	19,7	16,3

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 9. Доля населения старше трудоспособного возраста (%)

Регион	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные					
Архангельская обл.	17	17,8	17,9	18,5	18,6
Камчатская обл.	7,7	9,5	10,4	12,3	13,6
Корякский АО	7,9		10,8	10,2	11,6
Магаданская обл.	7,1	8,8	9,9	11,2	12,7
Республика Карелия	18	18,7	18,7	19	19,3
Республика Тыва	9,2	9,7	10	9,2	9,2
Чукотский АО	4,7	6,5	7,8	6,6	7,3
Эвенкийский АО	7,6	9,3	10,3	9,3	10
Развивающиеся					
Мурманская обл.	11,5	13,1	13,9	13,5	14,4
Ненецкий АО	10,5	12,1	12,6	11,5	11,9
Республика Коми	12,1	13,3	13,8	14	14,4
Республика Саха (Якутия)	8,5	9,6	10,1	9,9	10,6
Сахалинская обл.	12,2	13,5	13,9	14,9	15,8
Таймырский АО	7,1	8,2	8,8	6,8	7,7
Ханты-Мансийский АО	5,3	6,5	7	6,8	7,9
Ямало-Ненецкий АО	3,8	4,8	5,4	4,6	5,9
Среднее по дотационным северным регионам	9,9	11,5	12,0	12,0	12,8
Среднее по развивающимся северным регионам	8,9	10,1	10,7	10,3	11,1
Среднее по северным регионам	9,4	10,8	11,3	11,1	11,9
Среднее по выборке	18,1	18,8	18,9	18,6	20,4

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 10. Доля населения в трудоспособном возрасте (%)

Регион	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные					
Архангельская обл.	58,3	59,4	61	62,9	64,7
Камчатская обл.	67,1	67,8	68,6	69	69,4
Корякский АО	62,9	90,1	63,6	65,4	65,9
Магаданская обл.	67,1	68,3	69,2	69,9	69,9
Республика Карелия	58,1	59,1	60,6	63,1	64,8
Республика Тыва	54,7	55,2	56,2	59,1	61,3
Чукотский АО	68	68,6	69	70,4	70,8
Эвенкийский АО	61,4	61	61,1	63,9	65,4
Развивающиеся					
Мурманская обл.	64,3	65,2	66,3	68,6	69,5
Ненецкий АО	60,8	61,2	62,1	63,2	65,3
Республика Коми	62	62,9	64,1	66,4	67,8
Республика Саха (Якутия)	60,7	60,9	61,7	63,7	65,2
Сахалинская обл.	63,1	64	65,1	66,6	67,4
Таймырский АО	64,6	65,4	66,3	67,6	68,8
Ханты-Мансийский АО	64,4	66,1	67,8	70,6	71,8
Ямало-Ненецкий АО	66,8	68,1	69	70,7	72,1
Среднее по дотационным северным регионам	62,2	64,8	63,7	65,5	66,5
Среднее по развивающимся северным регионам	63,3	64,2	65,3	67,2	68,5
Среднее по северным регионам	62,8	64,5	64,5	66,3	67,5
Среднее по выборке	56,9	57,8	59,0	61,7	63,3

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 11. Показатели использования человеческого капитала в северных и «несеверных» регионах

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Набл юден ий	Средн ее	Станд. откл.	Мин имум	Макси мум	Набл юден ий	Средне е	Станд. откл.	Ми ним ум	Макси мум
Доля трудоспособного населения в численности населения*		845	0,43	0,06	0,13	0,55	201	0,49	0,07	0,30	0,80
Лог-изменение в численности трудоспособного населения*		782	4,59	0,03	4,44	4,76	183	4,59	0,06	4,23	4,71
Лог-доля трудоспособного населения в численности населения*		845	-0,85	0,16	-2,02	-0,60	201	-0,72	0,14	-1,19	-0,22
Среднегодовая численность занятых в экономике (тыс.чел.)	1990-2003	845	842,16	599,86	19,6	2926,5	201	442,26	430,25	9,8	1865,2
Изменение среднегодовой численности занятых в экономике (в % к предыдущему году)	1991-2003	782	98,56	3,25	85	117,3	183	98,18	5,36	68,6	110,6
Женщины распределение среднесписочной численности работников малых предприятий по полу (в %)	2000	61	35,24	5,30	11,9	43,1	18	28,58	5,27	18,5	36,2
Мужчины распределение среднесписочной численности работников малых предприятий по полу (в %)	2000	61	64,76	5,30	56,9	88,1	18	71,42	5,27	63,8	81,5
20-29 состав занятых по возрастным группам (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)		244	22,00	1,50	16,9	26,5	72	22,26	1,70	18,7	25,6
30-39 состав занятых по возрастным группам (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)		244	26,29	2,28	22,2	45,6	72	25,82	2,36	19,4	32,7

40-49 состав занятых по возрастным группам (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	244	30,38	1,78	22,2	39,5	72	31,94	1,61	28,8	36,2
50-59 состав занятых по возрастным группам (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	244	14,36	1,83	5	18,6	72	14,28	2,47	8,2	20,7
60-72 состав занятых по возрастным группам (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	362	4,22	1,48	0,6	11,1	92	3,36	1,29	0,9	6,6
Средний возраст, лет состав занятых по возрастным группам (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	362	39,05	0,88	30,7	41,3	92	38,70	0,92	37	41,3
Основное общее состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	244	8,58	2,63	1,7	19,2	72	7,71	3,80	2,4	22,7
Высшее профессиональное состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	244	20,33	4,24	11,9	38,2	72	18,98	4,53	10	32
Неполное высшее профессиональное состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	244	2,34	1,10	0,3	9,9	72	3,06	1,18	0,5	7,4
Начальное общее, не имеют начального общего состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	243	1,71	1,53	0,1	15,4	72	1,08	1,04	0	6,5
Начальное профессиональное состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	244	12,43	4,78	2,2	29,8	72	12,61	4,65	1,7	24,8
Среднее (полное) общее состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	244	25,22	5,14	13,5	42,8	72	22,53	6,11	11,1	45

Среднее профессиональное состав занятых по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	244	29,41	4,41	18,4	47,1	72	34,04	3,95	25,9	42,4
Состав занятых в возрастной группе до 20 лет (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	360	2,45	0,77	0,7	5,5	92	2,38	0,95	0,4	5,6
Численность безработных (тысяч человек)	724	86,67	64,60	0	367	177	47,44	44,21	0,3	223,8
Состав занятых в возрастной группе 20-29 лет (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	305	30,98	4,57	16,9	46,2	90	30,36	4,87	19,1	46,4
Состав занятых в возрастной группе 30-39 лет (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	305	25,11	4,61	14,2	46,3	90	23,56	5,05	7,6	36,4
Состав занятых в возрастной группе 40-49 лет (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	305	24,18	4,16	10,5	37,4	90	24,94	5,18	11,9	41,7
Состав занятых в возрастной группе 50-59 лет (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	304	9,89	3,02	0,3	22,2	90	8,82	3,80	0,2	19
Состав занятых в возрастной группе 60-72 лет (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	570	2,15	1,68	0	8,6	137	2,32	2,16	0	15,7
Средний возраст, лет состав безработных по возрастным группам (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	605	34,25	3,08	0	40,4	150	35,72	26,49	0	354
Основное общее состав безработных по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	424	14,30	5,47	2,4	37,9	119	17,01	7,58	0	38,4
Высшее профессиональное состав безработных по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	425	9,88	4,33	1,6	31	115	6,86	3,56	0	18,9

Неполное высшее профессиональное состав безработных по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	407	2,69	1,78	0	11	109	2,87	1,99	0	10,1
Уровень безработицы уровень безработицы (в % от экономически активного населения)	665	11,48	6,97	3,3	70,9	166	10,52	3,75	2,5	21,1
Состав безработных по полу (по данным выборочного обследования населения; тысяч человек)	366	51,17	36,09	2,2	200	108	24,50	25,06	0	114,1
Начальное общее, не имеют начального общего состав безработных по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	387	2,33	1,97	0	14,1	107	2,98	2,88	0	16,7
Начальное профессиональное состав безработных по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	425	12,81	6,26	0	36	116	11,86	5,95	0	23,9
Численность зарегистрированных безработных (на конец года; тысяч человек)	735	19,01	20,47	0,1	321	216	12,06	13,50	0	63,7
Уровень безработицы (по методологии МОТ, в % от экономически активного населения)	666	2,88	4,47	0,2	70,9	174	3,79	1,94	0,2	11,3
Среднее (полное) общее состав безработных по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	425	32,75	7,86	13,6	64,3	119	33,43	9,06	17	61,6
Среднее профессиональное состав безработных по уровню образования (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	425	25,59	5,89	9,8	43,4	119	26,06	8,07	6,7	52,2
До 20 состав безработных по возрастным группам (по данным выборочного обследования населения; в % к итогу)	604	8,73	3,64	0	22,3	149	10,60	4,83	0	29,8

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 12. Показатели среднедушевых доходов в северных и «несеверных» регионах

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
Лог-средняя зарплата*		859	5,17	3,08	- 1,66	8,77	249	6,28	3,05	-1,47	9,90
Лог-прирост реальной заработной платы*		795	0,74	0,71	0,02	2,65	230	0,75	1,54	-4,29	7,67
Лог-средняя пенсия*		856	4,63	2,91	- 2,41	7,59	222	5,45	2,53	-2,21	7,86
Лог-реальная заработная плата*		543	0,02	0,22	- 0,70	0,82	139	0,02	0,19	-0,40	0,73
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике (рублей; до 1998 г. - тыс. Руб.)	1990-2003	859	1098,96	1327,14	0,19	6467,5	249	3059,86	3913,21	0,23	20027,2
Средний размер назначенных месячных пенсий пенсионеров, состоящих на учете в органах социальной защиты населения (на конец года; рублей; до 1998 г. - тыс. Руб.)	1990-2003	856	499,73	530,88	0,09	1969	222	727,11	674,81	0,11	2600,8
Соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума,	1994-1999, 2001-2003	528	169,97	43,68	40	303,4	118	208,39	94,62	73	497,3

процентов величина прожиточного минимума											
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц; рублей; до 1998 г. - тыс. Руб.)	1990-2003	844	956,31	1127,79	0,13	6851	200	2755,48	3180,05	0,22	15962
Соотношение среднего размера назначенных месячных пенсий (с учетом компенсации) с величиной прожиточного минимума пенсионера, процентов величина прожиточного минимума пенсионера (на конец года)	1994-1999, 2001-2003	531	113,89	24,06	59	202,9	124	86,67	22,78	30	159
Реальные денежные доходы населения основные показатели денежных доходов населения в реальном выражении (в % к предыдущему году)	1994-2003	603	101,42	13,70	62,4	139	152	100,78	16,44	62	167,6
Реальный размер назначенных пенсий основные показатели денежных доходов населения в реальном выражении (в % к предыдущему году)	1994-2003	604	100,90	18,30	55	142,5	159	100,76	17,84	56	142,2
Реальная начисленная заработная плата основные показатели денежных доходов населения в реальном выражении (в % к предыдущему году)	1994-2003	604	100,87	17,20	52	152,1	157	101,69	16,29	66	160

Доходы от предпринимательской деятельности структура денежных доходов населения (в % от общего объема денежных доходов)	1995,1998-2003	426	14,93	4,90	4,3	33,8	119	8,24	4,48	1,1	17,5
Другие доходы структура денежных доходов населения (в % от общего объема денежных доходов) 1990, 1995, 1999, 2000	1990,1995, 1998-2003	540	20,23	8,35	2,5	46,2	139	17,92	9,00	0,9	40,2
Доходы от собственности структура денежных доходов населения (в % от общего объема денежных доходов) 1990, 1995, 1999, 2000	1990,1995,1 998-2003	540	3,33	1,98	0,1	13,6	139	2,65	2,54	0	14

/Рассчитано по данным Росстата/

Показатели среднедушевых доходов в северных и «несеверных» регионах (продолжение)

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
Социальные трансферты структура денежных доходов населения (в % от общего объема денежных доходов) 1990, 1995, 1999, 2000	1990,1995, 1998-2003	540	17,95	3,73	8,7	34,8	139	11,60	5,07	4,3	35,4
Оплата труда структура денежных доходов населения (в % от общего объема денежных доходов) 1990, 1995, 1999, 2000	1990,1995,1 998-2003	540	46,71	14,43	19,1	81,4	139	60,78	13,86	35,1	89,7
Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы (с учетом выплат социального характера) с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения, процентов величина прожиточного минимума трудоспособного населения	1994-1999,2001-2003	530	181,96	44,35	68	375	122	263,73	98,99	106	606,7

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 13. Характеристики экономического развития в северных и «несеверных» регионах

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (на конец года; километров дорог на 1000 квадратных километров территории) 1970, 1975, 1980, 1985, 1990-2000	1990 - 2003	1098	118,83	67,80	4,7	352	324	7,88	11,17	0	46
Плотность железнодорожных путей общего пользования (на конец года; километров путей на 10000 квадратных километров территории)	1990 - 2003	1024	184,46	106,54	12	586	138	47,37	41,20	0,5	129
Число жителей на 1 км2 территория и административно-территориальное деление регионов российской федерации на 1 января	1998 - 2002	343	39,29	39,92	1,2	320,3	90	2,10	2,22	0,02	7,1
Налоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000 - 2003	248	688,63	1129,55	0,3	9106,8	72	1231,85	2445,90	3,7	11903,8
Доходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 1992-1999 гг. (миллионов рублей; до 1998 г. - млрд. Руб.)	1992 - 2003	742	6192,39	9780,13	0	77237,2	216	10360,03	24633,81	1	173298,6
Сельское хозяйство (в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики)	1995, 1998-2003	459	15,57	6,70	0,5	39,5	119	6,64	5,48	1	33,8
Связь (в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности)	1995, 1998-	459	1,37	0,24	0,8	2,2	119	1,85	0,56	0,5	3,6

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
занятых по отраслям экономики)	2003										
Строительство (в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики)	1995, 1998-2003	459	7,13	1,91	2,8	17,2	119	7,40	5,00	0,7	23,3
Культура и искусство (в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики)	1995, 1998-2003	459	1,86	0,35	1,3	3,6	119	2,36	0,62	1,3	4,1
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики	1995, 1998-2003	459	7,24	0,78	5,6	10	119	7,56	1,12	5,1	10,5
Лесное хозяйство (в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики)	1995, 1998-2003	458	0,50	0,32	0	1,8	117	0,55	0,54	0	2,8
Образование (в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики)	1995, 1998-2003	459	9,81	1,75	7,1	20,4	119	11,02	2,52	7,6	17,2
Жилищно-коммунальное хозяйство, непроектные виды бытового обслуживания населения (в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по	1995, 1998-2003	459	4,77	1,06	1,8	9	119	7,21	2,11	1,9	13,6

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
отраслям экономики)											
Промышленность (в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики)	1995, 1998-2003	459	23,06	5,85	6,5	39,9	119	21,27	5,32	3,3	30,1
Наука и научное обслуживание в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики	1995, 1998-2003	459	1,08	1,22	0	8,5	118	0,50	0,34	0	1,4
Оптовая и розничная торговля, общественное питание в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики	1995, 1998-2003	459	13,68	3,07	4,7	25,3	119	12,76	4,11	4,2	22,5
Транспорт в % от общей численности занятых распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики	1995, 1998-2003	459	5,84	1,60	0,9	13,8	119	8,61	2,44	2,5	16,5
Тысяч человек муниципальная распределение среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности	2000-2003	244	16,58	3,92	0,1	23,8	72	20,13	6,21	0,4	38,5
% частная распределение среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности	1995, 2000-2003	304	46,43	8,73	19,8	62,9	83	37,56	11,31	13,1	60,3
Тысяч человек государственная распределение среднегодовой численности занятых в экономике по формам	2000 - 2003	244	21,40	5,40	12,9	46,1	72	27,36	11,75	7,5	61,2

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
собственности											
Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования (на конец года; в %)	1990 - 2003	854	92,77	9,04	53,3	100	241	83,89	16,62	1,3	100
Удельный вес автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием в протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием общего пользования (на конец года; в %)	1990, 1995-2003	608	73,41	21,02	26,5	100	152	45,65	29,23	0,3	99,8
Из них сельское хозяйство отрасли, производящие товары отраслевая структура валового регионального продукта (в % к валовому региональному продукту)	1996 - 2002	423	13,25	6,18	0	33,4	98	3,81	6,22	0	40,3
Из них строительство отрасли, производящие товары отраслевая структура валового регионального продукта (в % к валовому региональному продукту)	1996 - 2002	423	7,30	3,44	3,3	43,2	98	10,59	8,88	0,7	57,7
Из них промышленность отрасли, производящие товары отраслевая структура валового регионального продукта (в % к валовому региональному продукту)	1996 - 2002	423	29,47	9,83	4,9	58,9	98	39,58	13,73	3,9	71,8
Из них связь отрасли, производящие услуги отраслевая структура валового регионального	1998 -	303	1,45	0,53	0	3,6	76	1,35	0,66	0,3	2,9

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум	Наблюдений	Среднее	Станд. откл.	Минимум	Максимум
продукта (в % к валовому региональному продукту)	2002										
Из них торговля и общественное питание отрасли, производящие услуги отраслевая структура валового регионального продукта (в % к валовому региональному продукту)	1996 - 1999	240	11,30	3,13	5,4	21,3	44	9,07	2,57	3,5	13,9
Из них транспорт отрасли, производящие услуги отраслевая структура валового регионального продукта (в % к валовому региональному продукту)	1996 - 2002	423	7,77	4,52	0,1	30,4	98	9,05	5,15	1,3	28,2
Из них торговля и коммерческая деятельность по реализации товаров и услуг; отрасли, производящие услуги отраслевая структура валового регионального продукта (в % к валовому региональному продукту)	1999 - 2002	243	12,81	3,50	3,1	24,4	65	8,28	3,89	1,4	17,4
Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения в месяц), тыс. Руб.(с 1998 г. – руб.) Величина прожиточного минимума	1994 - 1999 ,2001 - 2003	532	811,28	698,14	53,7	2636	124	1535	1295	109,7	5744
Налоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000 - 2003	248	8709,53	9940	4,6	59860	72	17205	32392	76	151576

/Рассчитано по данным Росстата/

Приложение 14. Показатели государственного регулирования в северных и «несеверных» регионах

Показатели	Годы	Несеверные регионы					Северные регионы				
		Наб люд ени й	Среднее	Станд. откл.	Min	Max	Наб люд ени й	Среднее	Std, Dev,	Min	Max
На сельское хозяйство и рыболовство расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003	248	434,31	741,34	0	8434,3	72	469,06	790,25	2,4	3158
Расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации (миллионов рублей; до 1998 г. - млрд. Руб.)	1992-2003	741	6318,81	9855,39	1,3	82804,3	216	10583,30	24672,11	1	171687,4
На жилищно-коммунальное хозяйство расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000-2003	248	1846,49	1903,41	0,2	14628	72	3027,96	4570,44	22,8	25075,4
На промышленность, энергетику и строительство расходы консолидированных	2000-2003	248	1073,27	2101,49	0	17480,2	72	4446,96	10771,13	0,4	49893,4

Показатели	Годы	Несевьерные регионы					Северные регионы				
		Наб люд ени й	Среднее	Станд. откл.	Min	Max	Наб люд ени й	Среднее	Std, Dev,	Min	Max
бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)											
Объем промышленной продукции (в фактически действовавших ценах; миллионов рублей; до 1998 г. - млрд. Руб.)	1990- 2003	1160	97,35	15,58	0	150,3	306	99,99	13,50	55,1	149,4
На социально- культурные мероприятия расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000- 2003	248	6371,85	6095,34	0,5	41604,4	72	8479,32	12655,64	211	60770,9
На транспорт, дорожное хозяйство, связь и информатику расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации в 2000 г. (миллионов рублей)	2000- 2003	248	464,07	755,18	0	5476,2	72	740,03	1510,11	0	7145,9

/Рассчитано по данным Росстата/

**Котырло Е.С. Человеческий капитал и экономическое развитие
Российского Севера: Моногр. – М.: Современная экономика и
право, 2009. – 364 с.**

Приложение 15. Число начальных профессиональных заведений

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Республика Карелия	21	21	21	21	20	18
Республика Тыва	10	11	12	13	13	13
Архангельская обл.	60	61	59	60	58	55
Камчатская обл.	12	16	15	15	15	15
Магаданская обл.	8	9	10	10	10	10
Эвенкийский АО			1	1	1	1
Корякский АО		1	1	1	1	1
Чукотский АО	8	4	4	4	4	3
Развивающиеся						
Республика Коми	53	51	50	44	43	35
Республика Саха (Якутия)	33	33	33	35	32	36
Мурманская обл.	27	26	27	27	25	21
Сахалинская обл.	20	22	22	21	21	15
Ненецкий АО			1	1	1	1
Ханты-Мансийский АО				22	23	24
Ямало-Ненецкий АО				6	7	7

/Данные Росстата/

Приложение 16. Число средних профессиональных заведений

Регион	1990	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные						
Республика Карелия	16	16	16	15	15	14
Таймырский АО	1	1	1	1	1	1
Республика Тыва	6	6	7	7	7	6
Архангельская обл.	27	27	27	27	25	37
Камчатская обл.	6	6	6	6	7	8
Магаданская обл.	5	4	4	4	4	4
Эвенкийский АО	1	1	1	1	1	1
Корякский АО		1	1	1	1	1
Чукотский АО	1	2	3	3	1	1
Развивающиеся						
Республика Коми	19	20	20	20	20	22
Сахалинская обл.	11	10	10	11	12	10
Ненецкий АО	2	2	2	2	2	2
Ханты-Мансийский АО	9	11	10	13	21	23
Мурманская обл.	10	11	12	11	11	12
Республика Саха (Якутия)	18	19	23	22	24	28
Ямало-Ненецкий АО	7	8	8	9	9	9

/Данные Росстата/

Приложение 17. Число высших профессиональных заведений

Регион	1994	1997	1999	2003	2005
Дотационные					
Республика Карелия	3	4	4	3	3
Республика Тыва	1	1	2	1	1
Архангельская обл.	4	5	5	5	5
Камчатская обл.	3	3	4	4	3
Магаданская обл.	1	2	1	1	1
Развивающиеся					
Республика Коми	3	4	6	7	6
Сахалинская обл.	3	3	5	4	2
Мурманская обл.	3	3	4	4	4
Республика Саха (Якутия)	4	5	3	8	8
Ханты-Мансийский АО	2	3		9	8
Ямало-Ненецкий АО				1	1

/Данные Росстата/

Приложение 18. Число государственных высших профессиональных заведений

Регион	1990	1994	1997	1999	2003
Дотационные					
Республика Карелия	2	3	4	4	3
Республика Тыва	1	1	1	1	1
Архангельская обл.	3	3	3	3	3
Камчатская обл.	2	2	2	2	2
Магаданская обл.	1	1	1	1	1
Развивающиеся					
Республика Коми	3	3	3	3	4
Сахалинская обл.	1	1	2	2	2
Республика Саха (Якутия)	2	3	3	3	8
Мурманская обл.	2	2	2	2	2
Ханты-Мансийский АО		2	3	4	5

/Данные Росстата/

Приложение 19. Основные федеральные трансферты территориям: CHST и TFF в период с 1999/2000 по 2003/2004 бюджетный годы (млн долл.)

		1999/00	2000/01	2001/02	2002/03	2003/04
Юкон	CHST (1) *	12	13	13	14	14
	CHST (2) **	19	19	19	20	20
	TFF	301	305	317	329	341
	Всего	332	337	349	363	375
Северо-Западные территории	CHST (1)	20	20	21	21	21
	CHST (2)	20	20	20	21	21
	TFF	493	495	506	523	541
	Всего	532	535	547	565	585
Нунавут	CHST (1)	7	7	7	8	8
	CHST (2)	21	21	19	20	20
	TFF	505	523	543	561	582
	Всего	533	551	569	589	610
Всего по Канаде	CHST (1)	13 891	14 379	14 988	15 639	16 367
	CHST (2)	14 500	14 500	15 000	15 000	15 000
	Выравнивание доходов провинций	9 288	9 696	10 094	10 492	10 892
	TFF	1 299	1 324	1 365	1 413	1 464
	Всего	37 977	38 802	40 312	41 367	42 499

*CHST (1) – финансирование в виде налогового вычета, то есть федеральных налогов, остающихся в бюджете территории.

**CHST (2) – прямые поступления из федерального бюджета.

/Источник: Rayner J., Rayner J. S. and McLarnon S. Fiscal relations between the federal and territorial governments in Canada: a comprehensive overview /

Научное издание

Котырло Елена Станиславовна

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОГО СЕВЕРА**

На обложке использованы фото автора и фрагмент фото, размещенного по адресу
http://www.vzbt.ru/images/fixed_derrick/big/bu2000-125.jpg